НЕ КОНТРОЛ...
59 вкл. в кн. 1-3.
илл + тлесб (в 1 кн)
Ф 1-78
9265
9 59/55

СЕМЕЙНАЯ ХРОНИКА

КРЕСТОВНИКОВЫХЪ.

Книжка I-я.

(Напечатана не для продажи).

ПУБЛИЧ. и РУМЯНЦЕВ. МУЗЕИ
БИБЛІОТЕКА

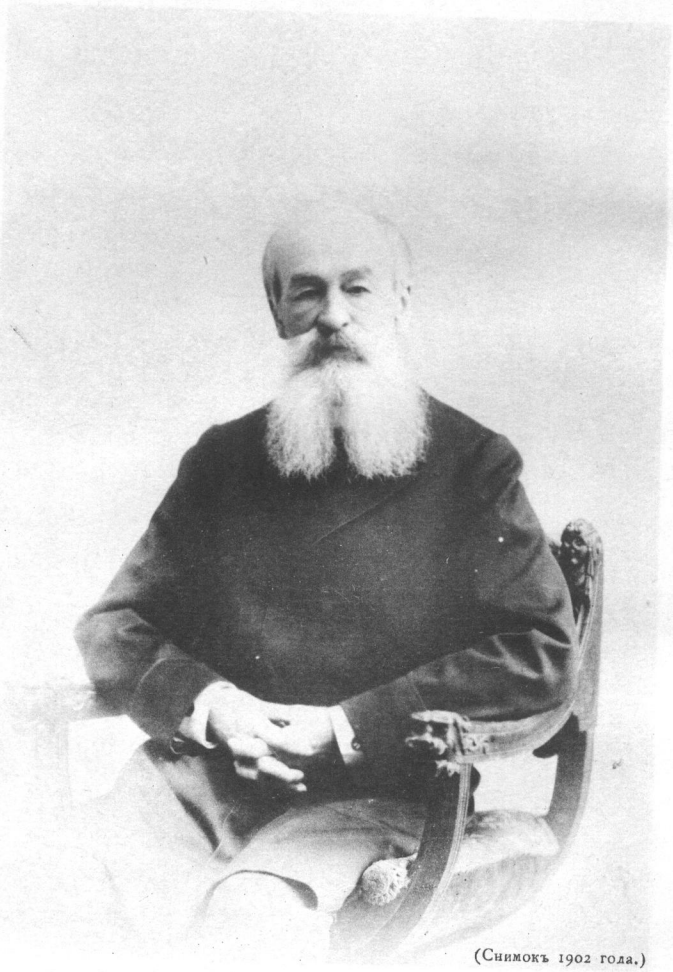
ПОСТАВЩ. ДВОРА ЕГО ВЕЛИЧЕСТВА Т-во СКОРОПЕЧ. А. А. ДЕВЕНСОНЪ
МОСКВА, ТВЕРСКАЯ, МАМОНОВСКІЙ ПЕР., СОБ. Д.
1903.

Дозволено. цензурою. Москва, 15 Марта 1903 г.

Фототипіи исполнены Т-вомъ Скоропечатни **А. А. Левенсонъ.**

КНИГА ИМЕЕТ

печатных	Выпуск	В перепл. един. соедин. №№ вып.	Таблиц	Карт	Иллюстр.	Служебн. №№	№№ описка и порядковый	197 93
1	3	1-3			59	4	232	



(Снимокъ 1902 года.)

Николай Константиновичъ Крестовниковъ.

ПРЕДИСЛОВІЕ.

Предпринимая трудъ изданія «Семейной Хроники Крестовниковыхъ», я имѣлъ скромную цѣль—сохранить для потомства той фамиліи, которую я ношу, собранныя мною свѣдѣнія о родословной, о жизни, объ общественномъ положеніи лицъ, къ ней относящихся, а вмѣстѣ и лицъ родственныхъ съ нею фамилій.

Было бы жаль, думалъ я, если бы все прошлое, пережитое нашими предками, постепенно утрачиваясь въ нашей памяти, предано было, наконецъ, окончательному забвенію. Вотъ эти-то мысли и побудили меня взяться за изложеніе всего сохранившагося въ моей памяти о фамиліи Крестовниковыхъ, и что любезно сообщено было мнѣ современниками той эпохи, которая проходитъ въ моемъ трудѣ. Посвящая настоящій трудъ моимъ роднымъ, считаю долгомъ искренно благодарить всѣхъ, вообще, лицъ, способствовавшихъ успѣшному выполненію его. Особенно я обязанъ Николаю Александровичу Найденову, доставившему мнѣ обширный матеріалъ какъ по хронологіи, такъ и по отношенію характеристики и общественнаго положенія описываемыхъ мною купеческихъ родовъ. Многія воспоминанія его, какъ человѣка близко стоявшаго къ нашей семьѣ, вошли въ мой трудъ дополненіемъ къ моимъ собственнымъ воспоминаніямъ.

Николай Крестовниковъ.

Москва,
30 іюля 1902 г.

Родословная Крестовниковыхъ

и

родственныхъ имъ

фамилій.

Родъ Крестовниковыхъ.

Нашъ родъ ведетъ свое начало отъ «монастырскихъ служебниковъ» Даниловa монастыря, что въ Переяславлѣ-Залѣсскомъ. Городъ основанъ въ 1152 г. кн. Ростово-Суздальскимъ Юріемъ Долгорукимъ и названъ въ память Переяславля Днѣпровской Руси, а въ отличіе отъ него прозванъ Залѣсскимъ, потому что обширная приозерная поляна, на которой онъ возникъ, окружена была дремучими лѣсами. Городъ расположенъ на прибрежьѣ Плещеева озера, по обѣимъ сторонамъ р. Трубежа. Въ 1½ вер. отъ города находится Даниловъ-Троицкій монастырь, основанный въ 1508 году преподобнымъ Даніиломъ, на мѣстѣ, гдѣ было кладбище для странниковъ, убогихъ и погибшихъ насильственною смертью, извѣстное подъ именемъ «Божьяго Дома». Въ смутное время монастырь былъ разграбленъ поляками и находился долго послѣ того въ крайней бѣдности, пока въ концѣ XVII в., въ царствованіе Алексѣя Михайловича, не былъ возстановленъ кн. Иваномъ Петровичемъ Барятинскимъ, принявшимъ иночество въ немъ подъ именемъ Ефрема. Впослѣдствіи онъ былъ игуменомъ этого монастыря и отличался любовью къ строительству.

По завѣщанію Василія Темнаго, умершаго въ 1458 г., была сооружена въ 1530 г. при монастырѣ соборная церковь Св. Троицы, гдѣ и покоятся мощи преподобнаго Даніила, переяслав

скаго Чудотворца. Родился преподобный Даніилъ въ 1460 г., скончался въ 1540 году.—Родители его, Константинъ и Ѳекла, переселились изъ Мценска, Орловской губерніи, гдѣ родился преподобный, въ Переяславль-Залѣсскій. Мощи Преподобнаго Даніила открыты въ 1652 году.—Переложеніе Св. мощей преподобнаго Даніила въ серебряную раку, сооруженную Козьмою Васильевичемъ Крестовниковымъ, совершено было въ 1816 году іюля 28-го Владимірскимъ Архіепископомъ Ксенофонтомъ.

Преподобный Даніилъ былъ вначалѣ инокомъ Горицкаго, въ Переяславлѣ, монастыря, а впослѣдствіи, до упраздненія самаго монастыря, его игуменомъ. Въ годъ своей смерти Преподобный, ревнуя о благолѣпіи св. храмовъ, просилъ Іоанна Васильевича IV о помощи обветшавшимъ переяславскимъ храмамъ Св. Предтечи и Св. Николая *), что у городскихъ воротъ.

Для изысканія родословной фамиліи Крестовниковыхъ я пользовался книгой «Переяславль-Залѣсскій—Матеріалы для исторіи города XVII и XVIII столѣтій». Помѣщенные въ ней документы, хранящіеся подлинникомъ въ Московскомъ Архивѣ Министерства Юстиціи, напечатаны со списка, сдѣланнаго начальникомъ отдѣленія Архива И. Н. Николаевымъ. Печатаніе произведено на средства мануфактуръ-совѣтника Валентина Константиновича Крестовникова. Означенная книга печатана въ Москвѣ въ типо-литографіи И. Н. Кушнерева и К° 1884 г.

По находящимся въ этой книгѣ документамъ, а именно изъ писцовой книги **1628—31** г. видно, что за монастыремъ была слободка Луговая, на р. Мурмажѣ, заселенная огородниками, квасоварами, монастырскими сторожами, казенными портными-мастерами и въ ней жили изъ приписныхъ къ переяслав-

---

*) Въ настоящее время въ Переяславлѣ-Залѣсскомъ: 1 соборъ Спасо-Преображенскій, 4 монастыря и 22 церкви, изъ коихъ послѣ собора первое мѣсто по древности занимаетъ церковь Петра Митрополита.—Церковь Рождества Іоанна Предтечи, основанная супругою Дмитрія Донского Великою Княгинею св. Евфросиніею, принадлежала къ упраздненному «Горицкому» монастырю. Церковь св. Николая осталась отъ упраздненнаго «Князя Андреевскаго монастыря» См. Россія, П. П. Семенова Т. I. стр. 272—275 СПБ., 1899 г.

скому Данилову монастырю монастырскіе служебники и въ томъ числѣ—**Левъ Михайловъ.**

Въ писцовой книгѣ **1677** г. значится живущимъ въ той же слободкѣ:

Евдокимъ Львовъ, сынъ Крестовникъ, у него дѣти: Илья 18 лѣтъ, Филиппъ 12 лѣтъ, Ѳедоръ 8 лѣтъ.

Въ писцовой книгѣ **1710** г. значится въ той-же слободкѣ:

Козьма Ильинъ, сынъ Крестовниковъ, у него жена Василиса Ѳедорова.

Въ писцовой книгѣ **1722** г. въ той же слободкѣ жили:

Петръ Филипповъ, сынъ Филиппа Евдокимова Крестовникова 38 лѣтъ; у него сынъ Василій 16 лѣтъ, и братъ Филиппъ Филипповъ 33 лѣтъ; у него сынъ Степанъ 3 лѣтъ.

Ѳедоръ Евдокимовъ, сынъ Крестовниковъ, 53 лѣтъ; у него дѣти: Иванъ 16 лѣтъ, Василій 13 лѣтъ, и Семенъ 6 лѣтъ.

Илья Евдокимовъ, сынъ Крестовниковъ, 63 лѣтъ; у него сынъ Иванъ 18 лѣтъ; у Ивана сынъ Михаилъ 8 недѣль.

Козьма Ильинъ 43 лѣтъ; у него дѣти: Иванъ 9 лѣтъ, Семенъ $^1/_2$ года.

Въ книгѣ 3-ей ревизіи, **въ 1763** г., значатся живущими въ той же слободкѣ изъ рода Крестовниковыхъ:

Филиппъ Филипповъ 74 лѣтъ; у него жена Екатерина Ильина 40 лѣтъ; у нихъ дѣти: сынъ Степанъ, умершій въ 1760 г., и въ живыхъ сынъ Аѳанасій, холостъ, 26 лѣтъ, сынъ Дмитрій 2-хъ лѣтъ, дочь Пелагея 14 лѣтъ.

Василій Петровъ, сынъ Петра Филиппова, 57 лѣтъ; у него жена Ксенія Петрова 56 лѣтъ, взята въ г. Переяславлѣ, купеческая дочь; у нихъ дѣти:

1) **Василій** 32 лѣтъ, у него жена Ѳеодора Григорьева 30 лѣтъ, взятая изъ переяславской дворцовой Рыбной слободы безъ отпускной. У нихъ дѣти: Козьма 8 лѣтъ, Евдокія 11 лѣтъ и Пелагія 1 года.

2) **Никита**, записавшійся въ 1759 г. въ московское купечество; у него жена Евѳимія Андреева 30 лѣтъ, взятая изъ города Переяславля, купеческая дочь. По книгѣ 3-й ревизіи Никита Васильевъ Крестовниковъ значится въ московскомъ купечествѣ

въ Огородной слободѣ—по 2-й гильдіи; по окладной книгѣ 1766 г. 14 марта онъ показанъ 35 лѣтъ, живетъ въ Оренбургѣ, у Ильи Коченева въ услуженіи. По Исповѣдной книгѣ Переяславля-Залѣсскаго за **1778** г. онъ числится на жительствѣ въ Переяславлѣ московскимъ мѣщаниномъ.

Иванъ Ѳедоровъ, сынъ Ѳедора Евдокимова, умеръ въ 1759 г.; у него жена Марѳа Васильева 45 лѣтъ; у нихъ дѣти: Иванъ 19 лѣтъ, Василій 21 года, Семенъ 13 лѣтъ, Степанъ 3 лѣтъ.

Василій Ѳедоровъ, братъ Ивана Ѳедорова, 54 лѣтъ; у него жена Аграфена Михайлова 55 лѣтъ; дѣти: Петръ 28 лѣтъ, (у него жена Агаѳья Максимова 30 лѣтъ; сынъ Ѳедоръ 2 лѣтъ), Василій 23 лѣтъ, (у него жена Марья Петрова 22 лѣтъ), дочь Наталья 15 лѣтъ; дочь Елена, выданная въ замужество.

Иванъ Ильинъ, сынъ Иліи Евдокимова, умеръ въ 1746 г.; у него жена Анна Яковлева 55 лѣтъ; у нихъ дѣти: Ѳедоръ 29 лѣтъ, (у него жена Василиса Андреева 25 лѣтъ); сынъ Михаилъ 8 лѣтъ.

Далѣе по Исповѣднымъ книгамъ **1778** г. (по Переяславлю) изъ означенныхъ выше лицъ значатся только:

Василій Васильевъ, сынъ Василія Ѳедорова, 38 лѣтъ, у него жена Марія Петрова 38 лѣтъ съ 3-мя дѣтьми.

По Исповѣднымъ книгамъ **1797** г. изъ тѣхъ лицъ показаны въ числѣ переяславскихъ купцовъ: **Иванъ** 58 лѣтъ, **Семенъ** 47 лѣтъ и **Степанъ** 42-хъ лѣтъ, **Ивановы** (сыновья Ивана Ѳедорова) съ женами и дѣтьми; **Петръ Васильевъ** (сынъ Василія Ѳедорова), 68 лѣтъ, съ семействомъ. Тоже въ числѣ переяславскихъ мѣщанъ показаны: **Дмитрій Филипповъ,** сынъ Филиппа Филиппова, съ семействомъ. Въ числѣ же монастырскихъ служебниковъ Крестовниковыхъ болѣе не встрѣчается. Между тѣмъ по книгамъ 5-ой ревизіи по городу **Москвѣ 1795** г. значится поступившимъ въ московское купечество, по Хамовой слободѣ, въ 1786 г., **Василій Ивановъ Крестовниковъ** (сынъ Ивана Ѳедорова) съ семействомъ—изъ переяславскихъ купцовъ; торгуетъ въ шляпномъ ряду. Онъ упоминается въ 6-ой ревизіи въ 1811 г.; но по книгамъ 7-ой ревизіи въ **1815** г. онъ показанъ умершимъ въ 1812 г., а сынъ его **Алексѣй**

Васильевъ Крестовниковъ, съ женой, перечисленъ съ 1819 г. въ мѣщане.

Изъ приведеннаго видно, что монастырскіе служебники въ концѣ XVIII столѣтія выходили изъ прежняго состоянія, приписываясь въ купечество, частью мѣстное, частью другихъ городовъ, въ томъ числѣ и Москвы. Такимъ образомъ, дядя Козьмы Васильевича, Никита Васильевичъ, уже въ 1759 г. выписался въ московское купечество. Когда вышелъ въ переяславскіе купцы Козьма Васильевичъ Крестовниковъ свѣдѣній въ напечатанныхъ матеріалахъ нѣтъ, хотя въ выпискѣ за **1778** г. его въ числѣ монастырскихъ служебниковъ уже не значится.

Родословіе дѣдушки Козьмы Васильевича Крестовникова, умершаго въ Москвѣ въ 1814 г. и похороненнаго въ Покровскомъ монастырѣ, близъ соборной церкви, опредѣлится такъ:

Левъ Михайловичъ,—Евдокимъ Львовичъ,—Филиппъ Евдокимовичъ,—Петръ Филипповичъ,—Василій Петровичъ,—Василій Васильевичъ—Козьма Васильевичъ.

Происхожденіе прозвища **„Крестовникъ“,** изъ коего образовалась наша фамилія, приписывается тому, что наши предки носили кресты и хоругви въ крестныхъ ходахъ.

Козьма Васильевичъ Крестовниковъ родился 29 іюня 1753 года, умеръ въ Москвѣ 6 января 1814 года, житія 60 лѣтъ, 6 мѣсяцевъ и 5 дней. Женился онъ до переселенія въ Москву на дѣвицѣ **Агаѳіи Васильевнѣ,** умершей въ Москвѣ 6-го ноября 1829 года—73 лѣтъ и 10 мѣсяцевъ.

Переселился дѣдъ изъ Переяславля въ Москву въ 1772 году, когда ему было 18 лѣтъ, и до конца жизни оставался переяславскимъ купцомъ. Званіемъ коммерціи-совѣтника награжденъ 30-го января 1812 года въ одно время съ Кумининымъ Алексѣемъ Алексѣевичемъ. *)

Послѣ дѣдушки остались дѣти: сынъ **Петръ,** дочь **Марія,** сыновья **Александръ, Ксенофонтъ** и **Константинъ.** Послѣдніе два были близнецами.

---

*) Потомственное же почетное гражданство получили братья Александръ, Ксенофонтъ и Константинъ Крестовниковы въ 1832 году.

У дѣдушки были еще два сына, умершіе при его жизни: **Алексѣй,** умершій 6-го сентября 1798 года, и **Иванъ,** умершій въ томъ же году 26-го сентября. Оба похоронены въ Андроніевскомъ монастырѣ.

Петръ Козьмичъ Крестовниковъ, переяславскій 1 гил. купецъ, родился въ 1786 году, скончался 23-го ноября 1818 года; житія 32 года 3 мѣсяца 8 дней; въ супружествѣ былъ 11 лѣтъ 9 мѣсяцевъ 13 дней.—Вѣнчанъ 10-го февраля 1807 года съ дочерью московскаго 2-й гильдіи купца Семена Ивановича Быковскаго, дѣвицею **Параскевою Семеновной,** скончавшейся 15-го января 1856 года, житія 67 лѣтъ. **У нихъ дѣти: Николай, Павла,** умершая 6-ти-лѣтнимъ ребенкомъ, **Павла, Козьма,** и **Ольга.**

Николай Петровичъ Крестовниковъ родился 29-го февраля 1808 года, скончался въ 60-хъ годахъ прошлаго столѣтія; былъ женатъ на купеческой дочери дѣвицѣ **Александрѣ Ивановнѣ Четвериковой.** Послѣ нихъ дѣтей не осталось.

Козьма Петровичъ Крестовниковъ родился 10-го октября 1816 года, скончался въ 1888 году. Повѣнчанъ 11-го ноября 1851 года на купеческой дочери, дѣвицѣ **Екатеринѣ Дмитріевнѣ Власовой: У нихъ дѣти:** сыновья—**Петръ** (женатъ), **Сергѣй** и дочери **Екатерина, Марія, Анастасія,** замужемъ за Кокинымъ, **Софія,** замужемъ за Дубровскимъ.

Павла Петровна Крестовникова родилась 1-го марта 1813 года; скончалась 10 го октября 1860 года. Была замужемъ за Дмитріемъ Козьмичемъ **Лентошниковымъ.**

Ольга Петровна Крестовникова замужемъ за **Шелапутинымъ.**

Марія Козьминична Крестовникова родилась въ 1791 году, скончалась 10-го мая 1868 года, житія 77 лѣтъ. Была въ замужествѣ за московскимъ купцомъ Михаиломъ Ѳедоровичемъ **Котовымъ,** скончавшимся 5 го августа 1854 года, житія 66 лѣтъ. Послѣ нихъ остались дѣти: дочери—**Марія,** замужемъ за Григоріемъ Денисовичемъ **Кондратьевымъ** съ 31 го мая 1837 года; **Александра,** замужемъ за Павломъ Васильевичемъ **Квасниковымъ,** и **Анна,** замужемъ за Сергѣемъ Григорьевичемъ **Поповымъ** съ 14-го ноября 1835 года.

Александръ Козьмичъ Крестовниковъ родился въ концѣ 1794 года; скончался 26-го ноября 1850 года; житія 56 лѣтъ. Былъ повѣнчанъ 30-го января 1820 года съ купеческой дочерью **Маріей Ѳедоровной Ливенцевой,** скончавшейся 25-го марта 1873 года, житія 70 лѣтъ. 4 января 1821 года у нихъ родилась дочь **Анна** и умерла въ младенчествѣ. Послѣ нихъ остались дѣти: сыновья—**Дмитрій** (женатъ), **Николай** (холостъ) и дочь **Александра,** въ замужествѣ за Александромъ Васильевичемъ **Лепешкинымъ** съ 11 января 1852 года. Изъ помянутыхъ лицъ въ настоящее время въ живыхъ только одинъ Николай Александровичъ.

Ксенофонтъ Козьмичъ Крестовниковъ родился 3-го января 1796 года, скончался 22 ноября 1832 года отъ горячки; житія 37 лѣтъ. Былъ женатъ на купеческой дочери дѣвицѣ **Елисаветѣ Васильевнѣ Пищальниковой,** скончавшейся въ половинѣ восьмидесятыхъ годовъ прошлаго столѣтія. Послѣ нихъ дѣтей не осталось.

Константинъ Козьмичъ Крестовниковъ родился 3 го января 1796 года, умеръ 27 го февраля 1841 года въ 8 часовъ вечера; житія 45 лѣтъ 1 мѣсяцъ и 21 день. Онъ былъ женатъ на дѣвицѣ Надеждѣ Александровнѣ Москвиной съ 23-го мая 1822 года; брачной жизни 19 лѣтъ.

Надежда Александровна родилась въ 1806 году, вышла замужъ на 17-мъ году, умерла 10-го мая 1862 года; житія 56 лѣтъ.

Дѣти ихъ: сыновья—**Александръ** родился 5-го мая 1825 года, умеръ 14 іюня 1881 года; житія 56 лѣтъ. **Валентинъ** родился въ 1827 году, умеръ 21-го марта 1896 года, житія 69 лѣтъ. **Николай (1-й)**—умеръ младенцемъ. **Константинъ** родился 5-го марта 1830 года, умеръ 15-го декабря 1899 года, житія 70 лѣтъ. **Николай (2-й)** родился 10-го октября 1831 года. **Владиміръ** родился 20-го марта 1833 года, умеръ 14-го апрѣля 1901 года, житія 68 лѣтъ. **Іосифъ** родился 5-го ноября 1834 года. **Сергѣй** родился 27-го іюля 1837 года, умеръ 30 го декабря 1891 года, житія 55 лѣтъ. **Екатерина,** послѣдняя по времени рожденія, умерла младенцемъ.

Анна Васильевна Крестовникова, сестра нашего дѣда,

была замужемъ за Филипповымъ, отцомъ извѣстнаго въ Москвѣ чайнаго торговца Ивана Николаевича Филиппова. Она умерла 10-го января 1856 года.

Авдотья Васильевна Крестовникова, сестра нашего дѣда, осталась въ дѣвицахъ.

Александръ Константиновичъ Крестовниковъ былъ женатъ на дѣвицѣ **Софіи Георгіевнѣ Миліоти,** родившейся въ г. Одессѣ въ 1833 году; вѣнчаніе было 20 го октября 1849 года, брачной жизни 32 года. **У нихъ дѣти:** дочь **Екатерина** родилась 27-го февраля 1851 года, сынъ **Григорій** родился 10 января 1855 года, дочь **Надежда** родилась 29 іюня 1857 года, дочь **Марія** родилась 31-го октября 1861 года и дочь **Татіана** родилась 22-го октября 1862 года.

Вѣнчались въ Москвѣ, въ церкви Успенія на Овражкахъ, въ Газетномъ переулкѣ. Эта церковь была приходскою церковью нашего дяди Сергѣя Аѳанасьевича Живаго, который и построилъ ее на собранныя имъ деньги, преимущественно въ кругу нашей родни.

Владиміръ Константиновичъ Крестовниковъ былъ женатъ на дѣвицѣ **Маріи Петровнѣ Шелковниковой;** родилась въ Москвѣ 19-го января 1843 года; вѣнчаніе было въ селѣ Чашниковѣ въ декабрѣ 1863 года; брачной жизни 38 лѣтъ. **У нихъ дѣти: Надежда** родилась 10-го мая 1865 года; въ супружествѣ съ Александромъ Николаевичемъ Миляевымъ; **Екатерина** родилась 20-го ноября 1866 года; **Валентинъ** родился 22 го декабря 1870 года; **Александръ** родился 26-го августа 1873 года; **Сергѣй** родился 21-го ноября 1874 года; дочь **Вѣрочка** родилась въ 1868 году, скончалась въ дѣтствѣ.

Валентинъ Константиновичъ Крестовниковъ былъ женатъ на дѣвицѣ **Екатеринѣ Ивановнѣ Боне;** вѣнчались въ Москвѣ въ 1878 году; брачной жизни 18 лѣтъ; дѣтей не было.

Константинъ Константиновичъ Крестовниковъ былъ дважды женатъ. Первый разъ женился въ октябрѣ 1869 года на дѣвицѣ **Іустинѣ Іосифовнѣ Осиповой,** которая умерла 20-го декабря 1887 года; второй разъ въ 1889 году на вдовѣ **Надеждѣ Ивановнѣ Соколовской;** брачной жизни 18 и 10 лѣтъ—всего 28 лѣтъ; дѣтей не было.—Свадьбы были въ Казани.

Николай Константиновичъ Крестовниковъ женатъ на вдовѣ **Аполлинаріи Софоніевнѣ Ермаковой;** родилась 5-го января 1833 года; умерла 22-го ноября 1900 года; житія 67 лѣтъ. Вѣнчались 11-го февраля 1870 г. въ Казани, въ церкви св. Бориса и Глѣба; дѣтей не было.

Іосифъ Константиновичъ Крестовниковъ женатъ на дѣвицѣ **Аннѣ Ефимовнѣ Ѳедоровой;** женился въ 1870 г.; дѣтей не имѣетъ.

Сергѣй Константиновичъ Крестовниковъ былъ женатъ на дѣвицѣ **Параскевѣ Михайловнѣ Шибаловой;** женился въ Казани въ ноябрѣ 1869 года; дѣтей не было.

Всѣ умершіе, относящіеся къ роду Крестовниковыхъ, похоронены въ Москвѣ, въ Покровскомъ монастырѣ; братъ Константинъ Константиновичъ похороненъ рядомъ со своей первой женою на городскомъ кладбищѣ въ г. Казани.

Григорій Александровичъ Крестовниковъ женатъ на дѣвицѣ **Юліи Тимоѳеевнѣ Морозовой,** дочери Тимоѳея Саввича и Маріи Ѳеодоровны Морозовыхъ. Вѣнчались въ Москвѣ 11-го іюня 1878 года. **У нихъ дѣти:**

Софія родилась 26-го марта 1878 года, замужемъ за Дмитріемъ Ивановичемъ **Стахѣевымъ;** вѣнчаніе было въ Москвѣ, въ церкви Практической Академіи коммерческихъ наукъ 21-го іюля 1900 года.

Марія родилась 24 го декабря 1880 года; замужемъ за Николаемъ Густавовичемъ **Листомъ;** вѣнчаніе было въ Москвѣ въ церкви Практической Академіи коммерческихъ наукъ 11-го іюня 1899 года.

Алевтина родилась 26-го іюня 1884 года.

Александръ родился 13-го октября 1887 года.

Тимоѳей родился 2-го іюля 1892 года.

Григорій, мой крестникъ, родился 14-го февраля 1896 года.

Родъ Москвиныхъ.

Родъ Москвиныхъ является очень старинным въ средѣ московскаго купечества. По книгѣ 1-ой ревизіи **1725** года въ московскомъ купечествѣ, по Кадашевской слободѣ, значится:

Иванъ Кирилловъ Мясникъ (въ книгѣ показано «Мячкинъ», но это видимая ошибка переписчика по неразборчивости письма) 53 лѣтъ. У него сынъ **Яковъ** 28 лѣтъ. Живетъ у Воскресенія, что въ Кадашевѣ. Прибылъ въ купечество до 1714 года изъ посадскихъ города Тулы. Оттуда же въ то же время значится прибывшимъ Родіонъ Ѳедоровъ Баташевъ 60-ти лѣтъ съ сыномъ Козьмою 10 лѣтъ. По книгѣ 2-ой ревизіи **1747** года показано:

№ 622 до 625.—**Яковъ Ивановъ Мясниковъ-Москвинъ**, 50 лѣтъ. У него дѣти: Василій 19 лѣтъ, Осипъ 13 лѣтъ, Иванъ 9 лѣтъ. При этомъ въ Окладныхъ книгахъ 1748 года значится:

1-й гильдіи купецъ **Яковъ Ивановъ Москвинъ** съ дѣтьми живетъ у Николая чудотворца на Берсеневкѣ своимъ дворомъ, торгуетъ въ масляномъ кафтанномъ ряду; окладъ 12 руб.

По 3-й ревизіи книги Кадашевской слободы не сохранилось; но по Окладной книгѣ **1767** года числится:

1-й гильдіи купецъ **Иванъ Яковлевичъ Москвинъ** 30 лѣтъ; у него **братья: Осипъ Яковлевичъ Москвинъ** 34 лѣтъ (у него дѣти: Гавріилъ 7 лѣтъ, Александръ 5 лѣтъ, Григорій 3 лѣтъ); живутъ въ приходѣ Иліи пророка на Тверской своимъ дворомъ; торгуютъ въ овощномъ ряду; окладъ 26 руб. (прежній окладъ 1757 года 18 руб.).

3-й гильдіи купецъ **Василій Яковлевичъ Москвинъ** 39 лѣтъ; живетъ въ приходѣ Николая чудотворца на Берсеневкѣ

своимъ дворомъ; торгуетъ огороднымъ овощемъ; положенъ во 2-ю гильдію съ окладомъ въ 3 руб. (преж. окладъ 1757 года 1 р. 20 к.).

По книгѣ 4-й ревизіи **1782** года значится:

2-й гильдіи купецъ **Осипъ Яковлевичъ Москвинъ** 49 лѣтъ; у него жена **Татіана Ивановна** 44 лѣтъ, взятая у московскаго купца, Хамовой слободы, Ивана Кириллова **Баташева** дочь. У нихъ дѣти: Гавріилъ, холостъ—22 лѣтъ, Александръ, холостъ—20 лѣтъ. Елисавета—выдана въ замужество за тульскаго желѣзнаго заводчика Ивана Родіонова Баташева; Григорій 18 лѣтъ, Марія 16 лѣтъ, Надежда 13 лѣтъ, Ѳекла 8 лѣтъ. У него; братъ **Иванъ Яковлевичъ Москвинъ**—вдовъ, 45 лѣтъ, при немъ дочь его Марія 13 лѣтъ; жена его Акилина Яковлевна умерла въ 1782 г.; живутъ у Иліи пророка на Тверской въ своемъ домѣ.

Вдова Екатерина Артеміева, жена Василія Яковлевича Москвина, умершаго въ 1775 г., взятая, города Бѣжецка, у купца Артемія Ѳерапонтова дочь; живутъ у Николая чудотворца на Берсеневкѣ, въ своемъ домѣ.

По книгѣ 5-й ревизіи **1795** года значится:

1 й гильдіи купецъ **Осипъ Яковлевичъ Москвинъ** 62 лѣтъ; жена Татіана Ивановна 57 лѣтъ. Дѣти: Гавріилъ 35 лѣтъ, Александръ 33 лѣтъ, Григорій 31 года, Марія 29 лѣтъ, Надежда 26 лѣтъ, Ѳекла 21 года. Живутъ у Симеона Столпника, за Яузой, своимъ дворомъ; торгуетъ въ желѣзномъ ряду.

1-й гильдіи купецъ **Иванъ Яковлевичъ Москвинъ**, вдовъ, 58 лѣтъ; у него дочь Марія, выдана въ замужество за Бѣлевскаго 1 й гильдіи купца Ивана Ильина Истомина; живутъ у Иліи пророка, на Тверской, въ своемъ домѣ.

Купеческая жена, вдова, **Екатерина Артемьевна Мясникова и Москвина,** 51 года; живетъ у Иліи прор., на Тверской, въ домѣ Ивана Яковлевича Москвина.

По книгѣ 6-й ревизіи **1811** года значится:

1-й гильдіи купецъ **Осипъ Яковлевичъ Москвинъ** 78 лѣтъ. У него дѣти: **Гавріилъ,** уволенъ въ 1808 году въ с.-петербургское купечество; **Александръ** 49 лѣтъ (у него жена **Евдокія Григорьевна** 30 лѣтъ и дочери: Татіана 13 лѣтъ, Марія 12

лѣтъ, Елисавета 8 лѣтъ, Надежда 5 лѣтъ, Екатерина 1 года); **Григорій** 47 лѣтъ, **Марія** 45 лѣтъ, **Ѳекла** 37 лѣтъ. Живутъ у Симеона Столпника, за Яузой, своимъ дворомъ.

Иванъ Яковлевичъ Москвинъ съ 1809 года перечисленъ въ московскіе мѣщане.

По книгѣ 7-й ревизіи **1815** года значится:

2-й гильдіи куп. **Осипъ Яковлевичъ Москвинъ** 82 лѣтъ; его дѣти: **Александръ** 53 лѣтъ (у него жена Евдокія Григорьевна 34 лѣтъ, сынъ Григорій 3 лѣтъ, дочери: Марія, Елисавета, Надежда, Екатерина). **Григорій** 51 года, **Марія** 49 лѣтъ, **Ѳекла** 41 года; живутъ Тверской части, въ домѣ Маріи Михайловны Кирьяковой.

По книгѣ 8-й ревизіи **1834** года значится:

Осипъ Яковлевичъ Москвинъ умеръ въ 1817 году. У него сынъ **Александръ Осиповичъ** умеръ въ 1831 году (послѣ него остались сынъ Григорій 21 года, и вдова 2-й гильдіи купчиха Евдокія Григорьевна 52 лѣтъ)—**дочь Ѳекла 59 лѣтъ.**

3-й гильдіи купецъ **Григорій Осиповичъ Москвинъ** 68 лѣтъ (въ книгѣ 9-й ревизіи показано, что онъ умеръ въ 1835 году).

По книгѣ 9-й ревизіи **1850** года значится:

Потомственный почетный гражданинъ 1-й гильдіи купецъ **Григорій Александровичъ Москвинъ** 38 лѣтъ; жена его **Елисавета Константиновна Куманина**, изъ дворянъ, 34 лѣтъ.

Общественное положеніе **рода Москвиныхъ** видно изъ **Очередной книги 1801** г.—объ ихъ служебной дѣятельности:

1-й гильдіи купецъ **Иванъ Яковлевичъ Москвинъ** состоялъ въ 1763 году въ **Гильдіи** (такъ называлось то присутственное мѣсто, которое замѣняетъ теперь Купеческая Управа) старшинскимъ товарищемъ съ 1769 по 1771 годъ; въ московскомъ Магистратѣ ратманомъ, а съ 1782 по 1786 годъ бургомистромъ (до введенія съ 1786 года Городового Положенія магистратскіе бургомистры, которыхъ было два, представляли собою почти то же, чѣмъ были, затѣмъ, город. головы).

1-й гильдіи купецъ **Осипъ Яковлевичъ Москвинъ** состоялъ въ 1778 году въ **Гильдіи** старшиной; съ 1789 по 1792 годъ въ 4-мъ Департаментѣ Магистрата бургомистромъ. Сынъ его **Александръ Осиповичъ** состоялъ съ 1799 года въ 1-мъ Отдѣленіи Юстицкаго департамента Ратсгауза—ратсгеромъ;—это было послѣ упраздненія Думы со введеніемъ Павловскихъ учрежденій.

Изъ сохранившихся документовъ на право торговли купцовъ Москвиныхъ видно, что въ 1782 году выданъ билетъ 2-й гильдіи купцамъ Осипу и Ивану, выдѣленнымъ дѣтямъ Москвиныхъ, въ томъ, что они съ нынѣшней ревизіи подали сказки о себѣ и семействѣ своемъ 10 мая 1782 года. Купеческія свидѣтельства указываютъ, что съ 1778 г. **Осипъ Яковлевичъ Москвинъ** объявляетъ отдѣльный купеческій капиталъ съ дѣтьми своими: Гавріиломъ, Александромъ и Григоріемъ (Кадашевской слободы—тожъ Яузкой части).

Въ свидѣтельствѣ за 1817 годъ Осипъ Яковлевичъ объявляетъ уже капиталъ съ дѣтьми Александромъ, Григоріемъ и внукомъ **Григоріемъ**. Отсутствіе Гавріила Осиповича въ свидѣтельствѣ за 1817 годъ объясняется увольненіемъ его въ с.-петербургское купечество, а такъ какъ въ слѣдующій, за тѣмъ, 1818 г. капиталъ объявляетъ уже **Александръ Осиповичъ Москвинъ** съ братомъ Григоріемъ и сыномъ Григоріемъ *) и сестрами Маріею и Ѳеклою **); обстоятельство это указываетъ на то, что смерть Осипа Яковлевича Москвина послѣдовала въ 1817 году. **Григорій Осиповичъ Москвинъ** съ 1824—1834 г. объявлялъ купеческій капиталъ отдѣльно отъ брата.

Семейство Москвиныхъ имѣло свой домъ въ Москвѣ, на Швивой Горкѣ, въ приходѣ Симеона Столпника. У Осипа Яковлевича Москвина были лавки въ Китай-Городѣ и въ Московской Губерніи, Звенигородскаго уѣзда, въ селѣ Понамаревѣ

---

*) Григорій Осиповичъ Москвинъ род. въ 1763 г. † 22 февр. 1835 г.
**) Ѳекла Осиповна Москвина † 5 янв. 1843 г., житія 72 лѣтъ.

(Брехово тожъ) ткацкая шелковая фабрика, къ которой было приписано 206 душъ крестьянъ. Все это подтверждается документами по поводу особаго налога съ доходности недвижимаго имущества и прочихъ сборовъ на Земскую милицію по общественному приговору отъ 10-го декабря 1806 г. Одинъ изъ таковыхъ документовъ привожу здѣсь цѣликомъ.

Свидѣтельство изъ Московскаго Губернскаго Депутатскаго Собранія дано первой гильдіи Московскому купцу Осипу Яковлевичу Москвину въ томъ, что въ исполненіе Высочайшаго Манифеста, состоявшагося въ 11-ый день февраля сего года на объявленный имъ доходъ съ состоящихъ у него въ Москвѣ дома, шелковой фабрики и въ Китай-Городѣ лавокъ, приносящихъ на сей годъ 6000 руб., объявленіе принято и въ настольный реэстръ подъ № 2840 записано. Апрѣля 29-го дня 1812 года. Получено процентныхъ денегъ 210 руб.

Осипъ Яковлевичъ Москвинъ родился въ 1733 году, умеръ въ 1817 году; былъ женатъ на дѣвицѣ, дочери московскаго купца, Хамовой слободы, Ивана Кириллова Баташева, Татіанѣ Ивановнѣ. У нихъ были дѣти: **Гавріилъ, Александръ, Григорій, Марія, Ѳекла, Елисавета** и **Надежда.**

У Гавріила Осиповича Москвина дѣти: сынъ **Павелъ Гавріиловичъ,** который былъ еще живъ въ 40-хъ годахъ. Онъ отличался необыкновенной физической силой, рѣшительностью въ отважныхъ поступкахъ, доходящихъ иногда до сумасбродства.

Ѳекла и **Марія Осиповны** остались въ дѣвушкахъ. **Надежда Осиповна** была замужемъ за извѣстнымъ въ свое время докторомъ Ефремомъ Осиповичемъ **Мухинымъ.** У нихъ былъ сынъ **Александръ Ефремовичъ,**—женатъ на дочери генерала **Дорохова,** героя 12-го года, и дочь **Марія Ефремовна,** замужемъ за генераломъ Иваномъ Матвѣевичемъ **Коневальскимъ. Елисавета Осиповна** замужемъ за Иваномъ Родіоновичемъ **Баташевымъ.** По первому браку онъ былъ женатъ на крѣпостной дѣвушкѣ, отъ которой имѣлъ дочь, вышедшую впослѣдствіи замужъ за дворянина **Д. Шепелева,** адъютанта ген. Витгенштейна.

(Портретъ написанъ въ концѣ 30-хъ годовъ прошедшаго столѣтія).

Евдокія Григорьевна Москвина

(наша бабушка по женской линіи).

Баташевы **Иванъ** и **Андрей Родіоновичи** были изъ простого званія, торговали старымъ желѣзомъ въ Муромѣ, въ подвальной лавочкѣ, потомъ стали брать разные подряды, быстро богатѣли и, наконецъ, сдѣлались обладателями 36 тысячъ душъ крестьянъ. Иванъ былъ кроткаго нрава; Андрей же не только самодуръ, но и свирѣпый человѣкъ. Вліяніе и силу во всемъ округѣ они имѣли страшную. Смѣнить губернатора или архіерея имъ ничего не стоило. О мелкой администраціи и говорить нечего: она вся была у нихъ на посылкахъ. Какимъ образомъ у Баташевыхъ очутилось 36 тыс. душъ крестьянъ объясняется тѣмъ, что на **Выксенскихъ** чугуно-литейныхъ, а также на **Гусевскихъ** заводахъ (Влад. губ.) и другихъ находилось множество бѣглыхъ крѣпостныхъ людей и разнаго бродячаго люда, укрывавшагося и находившаго тамъ работу. Весь этотъ людъ былъ приписанъ потомъ крѣпостными къ заводамъ; затѣмъ, Баташевыми много было пріобрѣтено и покупкою.

Иванъ Родіоновичъ, въ противоположность своему брату, былъ характера мягкаго и съ своего рода странностями; такъ, напримѣръ: онъ всегда ходилъ въ халатѣ, разрывалъ носовой платокъ на три части и клалъ ихъ въ разные карманы, употребляя одну часть для обтиранія глазъ, другую—для пота и т. д. Подробную характеристику Баташевыхъ далъ въ своихъ «воспоминаніяхъ» Н. Я. Аѳанасьевъ, помѣщенныхъ въ «Историческомъ Вѣстникѣ» за августъ 1890 года.

Имущества Баташевыхъ перешли по наслѣдству Шепелеву, женатому на дочери Ивана Родіоновича.

Александръ Осиповичъ Москвинъ, нашъ дѣдъ по женской линіи, Коммерціи Совѣтникъ, родился 7 апрѣля 1761 года, умеръ 20-го ноября 1831 года, былъ женатъ на дѣвицѣ **Евдокіи Григорьевнѣ Котовой;** она родилась 18-го февраля 1780 года, умерла 24-го декабря 1846 года. Она была въ дальнемъ родствѣ съ Михаиломъ Ѳедоровичемъ Котовымъ, мужемъ нашей тетки Маріи Козьминичны. Наша бабушка, Авдотья Григорьевна, какъ ее обыкновенно называли, по отчеству была Алексѣевна, но, взятая въ домъ родственника своего Григорія

Абрамовича Кирьякова, такъ ему полюбилась, что онъ удочерилъ ее, и съ тѣхъ поръ она стала называться Авдотьей Григорьевной. У Григорія Абрамовича Кирьякова была жена Марія Михайловна и былъ братъ Аѳанасій Абрамовичъ, сынъ котораго, Клавдій Аѳанасьевичъ, былъ впослѣдствіи Московскимъ городскимъ головой. Домъ Кирьяковыхъ, на Петровкѣ, въ 12 году отъ пожара уцѣлѣлъ благодаря тому, что въ немъ имѣлъ свою квартиру маршалъ Ней. Въ восьмидесятыхъ годахъ прошлаго столѣтія домъ этотъ принадлежалъ графу Татищеву.

Во время нашествія французовъ въ 1812 году вся семья Москвиныхъ—наша бабушка съ мужемъ, наша мать и ея сестры—переѣхали на житье къ своей теткѣ Елисаветѣ Осиповнѣ на Выксу, имѣніе Баташевыхъ. Нашей матери было тогда 6 лѣтъ. Отецъ женился въ маѣ, 23-го числа 1822 г.; ему было тогда 27 лѣтъ, а матери—около 17 лѣтъ.

Бабушка наша Авдотья Григорьевна Москвина *) вышла замужъ такъ рано, что въ числѣ предметовъ приданаго были куклы; она была доброю, любящею матерью и, какъ женщина, отличалась своимъ умомъ и набожностью. Всѣ ея дѣти унаслѣдовали тѣ же душевныя качества. (Портреты ея въ молодомъ и преклонномъ возрастахъ и портреты Елисаветы Осиповны, Александра Осиповича съ братьями находятся у Григорія Александро-

---

*) Происхожденіе **Авдотьи Григорьевны Москвиной** видно изъ книги 5-й ревизіи по Кадашевской слободѣ:

1-й гильдіи купецъ **Григорій Абрамовъ Кирьяковъ,** 54 лѣтъ; у него жена Марья Михайловна, 41 года; у него же, оставшаяся послѣ смерти брата его жены, — переяславскаго купца Алексѣя Котова, дочь, съ малолѣтства по сиротству взятая и находящаяся вмѣсто дочери, дѣвица Авдотья 14 л. Г. А. Кирьяковъ живетъ у Петровскаго монастыря въ приходѣ Григорія Богослова своимъ дворомъ; имѣетъ торгъ выписными товарами и отпускъ здѣшнихъ товаровъ за море.

Не лишнее замѣтить, что фамилія «Котовыхъ» писалась въ прежнее время не рѣдко «Катовы», что встрѣчается даже въ ревизскихъ сказкахъ. Ихъ многіе называли такъ, да и теперь въ средѣ жителей той мѣстности, гдѣ находится ихъ фабрика, они постоянно именуются Катовыми; поэтому очень возможно, что въ происхожденіи упомянаемаго выше переяславскаго купца Алексѣя Катова была связь съ родомъ московскихъ Котовыхъ.

вича Крестовникова). Бабушка Авдотья Григорьевна была крестною матерью насъ, братьевъ, родившихся при ея жизни, а именно: Александра, Валентина, Константина, Николая и Владиміра; за смертью же ея, братьевъ Іосифа и Сергѣя крестила Елисавета Константиновна Москвина.

Помѣщаю здѣсь два документа, какъ доказательство отзывчивости Авдотьи Григорьевны къ общественнымъ нуждамъ:

ОТЪ СОВѢТА
МОСКОВСКИХЪ МѢЩАНСКИХЪ
УЧИЛИЩЪ.
—
1846 г.
№ 99.

Г-ѣ Почетной Гражданкѣ, Коммерціи Совѣтницѣ, временно Московской купчихѣ Авдотьѣ Григорьевнѣ Москвиной.

Совѣтъ М. М. У-ъ, получивъ при прошеніи Вашемъ капиталъ 4.000 руб. серебромъ для благотворительной цѣли на муж. и дѣв. училища, журналомъ постановилъ содержать на проценты одного мальчика и одну дѣвочку съ наименованіемъ ихъ пенсіонерами Авдотьи Москвиной.

Подписали: Непремѣнный попечитель *Валентинъ Куманинъ.*
Попечитель *Василій Кистеръ.*
Попечитель *Иванъ Афанасьевъ.*

ОТЪ СОВѢТА
МОСКОВСКИХЪ МѢЩАНСКИХЪ
дѣв. училищъ.
—
Декабря 25 дня.
1845 г.
№ 23.

Совѣтъ Мѣщанскаго Дѣвичьяго Училища, получивъ усердное приношеніе отъ Авдотьи Григорьевны Москвиной—Образъ Св. Архистратига Михаила въ серебряной ризѣ и въ золоченомъ кивотѣ, журналомъ постановилъ помѣстить образъ въ столовой залѣ.

Попечитель *Петръ Веретенниковъ.*

У Александра Осиповича и Авдотьи Григорьевны Москвиныхъ дѣти: дочери: Татіана,—за Куманинымъ, Марія—за Веденисовымъ, Елисавета—за Алексѣевымъ, Надежда—за Крестовниковымъ, Екатерина—за Живаго и сынъ Григорій, женатъ на дѣвицѣ Куманиной.

Родъ Куманиныхъ.

Куманиныхъ родъ ведетъ свое начало изъ Переяславля Залѣсскаго. Происхожденіе ихъ фамиліи приписывается тому, что ихъ предки шли охотно въ воспріемники новорожденныхъ, т.-е. кумились.

Алексѣй Алексѣевичъ Куманинъ родился въ 1741 г., умеръ 20 сентября 1818 года, житія 67 лѣтъ; былъ женатъ на дѣвицѣ Маріи Петровнѣ Столбовой, умерла 31 января 1820 г. Во время нашествія французовъ, въ 1812 г., онъ былъ городскимъ головою Москвы и, послѣ изгнанія непріятеля, усердно хлопоталъ о возстановленіи школъ, пріютовъ и богадѣленъ Вѣдомства Императрицы Маріи Ѳедоровны въ г. Москвѣ и удостоился получить за то всемилостивѣйшую благодарность отъ Государыни Императрицы.

Послѣ Алексѣя Алексѣевича и Маріи Петровны Куманиныхъ остались четыре сына: Константинъ, Александръ, Валентинъ и Иванъ.

Константинъ Алексѣевичъ Куманинъ умеръ 16 іюня 1852 г.; былъ женатъ на дѣвицѣ Наталіи Ѳедосѣевнѣ Бородиной, умерла 4-го августа 1846 г. Послѣ нихъ остались: сыновья: Александръ, женатъ на дѣвицѣ Софіи Ѳедоровнѣ Коршъ; Алексѣй, женатъ на дѣвицѣ Виргиніи Антоновнѣ Раго; Константинъ, женатъ на нашей двоюродной сестрѣ дѣвицѣ Маріи Петровнѣ Веденисовой; дочери: Марія, замужемъ за Петромъ Ѳедоровичемъ Веретенниковымъ, умеръ 16 ноября 1848 г.; Наталія—за Кирилломъ Аѳанасьевичемъ Кукинымъ (съ 1852—1855 былъ городскимъ головою и предсѣдателемъ Биржи); Анастасія—за Александромъ Владиміровичемъ Третьяковымъ,—серпуховскимъ фабрикантомъ; Елисавета—за нашимъ дядей Григоріемъ Александровичемъ Москвинымъ; Екатерина—

за Михаиломъ Ѳедоровичемъ Медвѣдевымъ; Александра—за тамбовскимъ помѣщикомъ Игнатіемъ Спиридоновичемъ Спиридоновымъ.

Послѣ смерти Алексѣя Алексѣевича въ 1827 г. Куманины получили дворянское достоинство и имѣли служебное отношеніе къ Россійско-Американской Компаніи, гдѣ служилъ также, часто посѣщавшій Валентина Алексѣевича Куманина, Ложешниковъ, отецъ извѣстнаго въ Москвѣ окулиста. Константинъ Алексѣевичъ былъ московскимъ городскимъ головою во время коронаціи Императора Николая I. Валентинъ Алексѣевичъ былъ московскимъ городскимъ головою въ періодъ 1837—1839 г., онъ же былъ и первымъ предсѣдателемъ Биржевого въ Москвѣ Комитета, открывшаго свои дѣйствія 11 нояб. 1839 года.

Сынъ Константина Алексѣевича, нашъ товарищъ по дѣламъ, **Константинъ Константиновичъ Куманинъ** родился 5-го октября 1827 года, умеръ 13 мая 1886 г., а жена его **Марія Петровна**, рожденная Веденисова, умерла 2 іюня того же года. Брачной жизни—35 лѣтъ. Дѣтей не было.

Александръ Алексѣевичъ Куманинъ умеръ 10-го августа 1863 года, на 73 году жизни. Былъ женатъ на дѣвицѣ **Александрѣ Ѳедоровнѣ Достоевской**, теткѣ писателя. Дѣтей не было.

Иванъ Алексѣевичъ Куманинъ умеръ 3 марта 1819 года; житія 57 лѣтъ; былъ женатъ на дѣвицѣ Ольгѣ Михайловнѣ; умерла 26 сентяб. 1820 года; житія—40 лѣтъ.

Валентинъ Алексѣевичъ Куманинъ родился 24-го апрѣля 1793 года, умеръ 26 ноября 1863 года; былъ женатъ на дѣвицѣ **Татіанѣ Александровнѣ Москвиной**, нашей теткѣ; родилась 21-го марта 1798 года, умерла 26-го ноября 1865 года. У нихъ былъ сынъ Алексѣй, скончавшійся на 15-омъ году своей жизни; болѣе дѣтей не было. Валентинъ Алексѣевичъ былъ нашимъ, всѣхъ братьевъ, крестнымъ отцомъ.

Родъ Веденисовыхъ.

Иванъ Петровичъ Веденисовъ въ концѣ 18-го столѣтія имѣлъ въ Москвѣ серебряныхъ дѣлъ мастерскую. Сынъ его **Петръ Ивановичъ** былъ женатъ на дѣвицѣ **Маріи Александровнѣ Москвиной**, нашей теткѣ. Петръ Ивановичъ умеръ 31 декаб. 1875 г., а Марія Александровна умерла 14-го августа 1842 г. У Петра Ивановича въ концѣ сороковыхъ годовъ прошлаго столѣтія была бумаго-прядильная фабричка въ селѣ Тиняковѣ (Лопасня), въ имѣніи графа Орлова-Давыдова—Отрада. Къ пятидесятымъ годамъ она была закрыта. Они имѣли дѣтей: Елисавету, замужемъ за Петромъ Петровичемъ Ворониным, Марію, замужемъ за Куманинымъ; сыновей: Александра, женатаго на дѣвицѣ Елисаветѣ Ивановнѣ, жившихъ болѣе 50 л. въ Миланѣ, занимаясь тамъ размоткою шелка (филаны); Ивана, родившагося 28-го іюля 1828 года, умеръ 14-го октяб. 1898 года; былъ женатъ на дѣвицѣ Вѣрѣ Петровнѣ Шапошниковой; Николая, женатаго на дѣвицѣ Агриппинѣ Николаевнѣ Щукиной, и Владиміра, женатаго на дѣвицѣ Аннѣ Александровнѣ Петровой.

Родъ Алексѣевыхъ.

Семенъ Алексѣевичъ Алексѣевъ, Коммерціи совѣтникъ, родился въ 1746 году, умеръ въ 1823 году, житія—77 лѣтъ. Въ 1812 году участвовалъ въ пожертвованіяхъ на отечественную войну. Былъ женатъ на дѣвицѣ **Вѣрѣ Михайловнѣ,** род. 8-го сентября 1774 года, умерла 28-го апрѣля 1849 года. Послѣ нихъ остались сыновья: Петръ Семеновичъ и Владиміръ Семеновичъ.

Петръ Семеновичъ Алексѣевъ родился 24-го іюня 1794 года, умеръ 17-го октября 1850 года; былъ женатъ на дѣвицѣ **Аннѣ Герасимовнѣ.** У нихъ были: дочь Варвара, вышедшая замужъ за Рюмина; сыновья: Дмитрій родился 16-го октября 1818 года, умеръ 1-го апрѣля 1868 года; Семенъ родился 30-го іюля 1821 года, умеръ 2-го февраля 1883 года; Алексѣй умеръ 27-го января 1866 года, 44-хъ лѣтъ; Иванъ, Владиміръ (глухонѣмой), Сергѣй и Николай. Въ настоящее время въ живыхъ не осталось ни одного изъ ихъ дѣтей.

Владиміръ Семеновичъ Алексѣевъ родился 4 го іюля 1795 года, умеръ 5-го іюня 1862 года; былъ повѣнчанъ 8-го ноября 1820 года съ дѣвицею **Елисаветою Александровной Москвиной;** родилась 8 го мая 1803 года; умерла 12-го января 1850 года. У нихъ сыновья: Александръ родился 11-го декабря 1821 года, умеръ 27-го декабря 1882 года, женатъ на дѣвицѣ Елисаветѣ Михайловнѣ Бостанджогло; Семенъ родился 1-го декабря 1827 года, умеръ 30-го апрѣля 1873 года; Сергѣй женатъ на дѣвицѣ Елисаветѣ Васильевнѣ Яковлевой (дочери купца Яковлева, ставившаго Александровскую колонну въ С.-Петербургѣ, умеръ въ 1885 году); дочери: Вѣра, въ замужествѣ за купцомъ Григоріемъ Григорьевичемъ Сапожниковымъ, умерла въ 60-хъ годахъ, а мужъ въ 50-хъ годахъ прошлаго столѣтія; Надежда замужемъ за шталмейстеромъ Аркадіемъ Иларіоновичемъ Беклемишевымъ; оба умершіе; Анна замужемъ за рязанскимъ помѣщикомъ, военнымъ инженеромъ Кисловскимъ; оба умершіе; Екатерина родилась 3-го марта 1834 года, умерла 18-го августа 1858 года, была замужемъ за касимовскимъ купцомъ Василіемъ Ивановичемъ Якунчиковымъ; Татьяна замужемъ за дворяниномъ Костомаровымъ и умерла въ январѣ 1892 года.

Сергѣй Аѳанасьевичъ Живаго, рязанскій купецъ, род. 22-го сентября 1794 года, умеръ 3-го августа 1866 года, былъ женатъ на дѣвицѣ **Екатеринѣ Александровнѣ Москвиной,**— родилась 17-го іюля 1813 года, умерла 17-го ноября 1886 года; дѣтей не было.

Григорій Александровичъ Москвинъ, родился 13-го мая 1812 года, умеръ 2 го апрѣля 1862 года; былъ женатъ на дѣвицѣ **Елисаветѣ Константиновнѣ Куманиной,**—родилась 28-го іюля 1815 года, умерла 12-го октября 1878 года.

Въ настоящее время благополучно развивается **младшая линія** рода Крестовниковыхъ, происходящая отъ Константина Козьмича и Надежды Александровны Крестовниковыхъ.

Старшая отрасль этой линіи идетъ отъ Александра Константиновича и Софіи Георгіевны Крестовниковыхъ, у которыхъ дѣти: **Григорій Александровичъ,** въ супружествѣ съ **Юліею Тимоѳеевной Морозовой; Екатерина Александровна,** замужемъ за Михаиломъ Алексѣевичемъ **Преображенскимъ,** у нихъ сынъ Александръ—мой крестникъ; **Надежда Александровна,** замужемъ за Петромъ Михайловичемъ **Вышеславцевымъ,** умеръ 13-го ноября 1898 года; у нихъ дѣти: Михаилъ (†), Софія, Александръ и Николай (послѣдніе мои крестники). **Марія Александровна,** замужемъ за Александромъ Ивановичемъ **Гарелинымъ;** свадьба была 30-го іюня 1885 года; у нихъ дѣти: Александръ, Анна и Софія. **Татіана Александровна,** замужемъ за Иваномъ Васильевичемъ **Каретниковымъ;** свадьба была 29-го апрѣля 1881 года; у нихъ дѣти: Юлія, Василій, Софія, Александръ, Степанъ и Иванъ.

Младшая отрасль Крестовниковыхъ идетъ отъ Владиміра Константиновича и Маріи Петровны Крестовниковыхъ, о которой подробно упомянуто выше.

Мѣста погребенія.

Крестовниковы, Москвины, Веденисовы, Живаго хоронятся въ Покровскомъ монастырѣ, Куманины въ Даниловомъ монастырѣ, Алексѣевы въ Новоспасскомъ монастырѣ.

Семейная хроника Крестовниковыхъ.

Нашъ дѣдъ **Козьма Васильевичъ Крестовниковъ,** когда въ 1772 году переселился въ Москву, имѣлъ отъ роду 18 лѣтъ, былъ уже женатъ на дѣвицѣ **Агапіи Васильевнѣ,** которая была на два года моложе его. Въ то время его отцу Василію Васильевичу Крестовникову было не болѣе 41 года. Ведя торговлю, Василій Васильевичъ имѣлъ, конечно, связи съ Москвою, чѣмъ и объясняется переселеніе сына его Козьмы Васильевича изъ Переяславля въ Москву, гдѣ, по всему вѣроятію, дѣдушка нашъ началъ свою торговлю, продолжая заниматься дѣлами отца. Спустя нѣкоторое время, приглядѣвшись къ условіямъ московской торговли, онъ сталъ развивать свое собственное дѣло, дошедшее, по тому времени, до значительныхъ размѣровъ. При своемъ живомъ, энергичномъ темпераментѣ Козьма Васильевичъ вскорѣ занялъ видное положеніе въ московскомъ торговомъ сословіи, получилъ въ 1812 году званіе коммерціи совѣтника, оставаясь, однако, до конца жизни 1-ой гильдіи переяславскимъ купцомъ.

Устраивая свою осѣдлость въ Москвѣ, дѣдушка купилъ 20-го іюня 1795 г. у вдовы умершаго московскаго 1-ой гильдіи купца Семена Григорьева Осипова—Наталіи Михайловны Осиповой дворъ въ приходѣ Иліи пророка *), въ 10-ой части въ 3-мъ кварталѣ, подъ № 310-мъ (нынѣ яузской части, во 2-мъ участкѣ, подъ № 346), за 11,000 руб.; а въ 1811 г. 19-го мая

---

*) Козьма Васильевичъ былъ въ 1812 году церковнымъ старостой въ приходѣ Иліи-пророка.—Какъ приходилось слышать, риза массивная серебряная, вызолоченная, на находящейся въ холодной церкви мѣстной иконѣ Иліи-пророка сдѣлана имъ, что и подтверждается тѣмъ, что на ней по угламъ имѣются изображенія св. Козьмы и Агапіи.

прикупилъ у дворянъ В. и П. П. Титовыхъ прилегающей къ тому двору садовой земли 702 кв. саж., за 1000 руб. государственными ассигнаціями. На этихъ участкахъ онъ построилъ и богато отдѣлалъ для своей семьи домъ, который 29-го февраля 1880 г. перешелъ въ собственность почетныхъ гражданъ Виктора, Николая и Александра Александровичей Найденовыхъ, отъ потомственныхъ почетныхъ гражданъ Дмитрія и Николая Александровичей Крестовниковыхъ, за 168.000 руб. серебромъ.

Дѣдушкинъ домъ состоялъ изъ главнаго корпуса въ стилѣ Александровской эпохи и трехъ большихъ каменныхъ флигелей и таковыхъ же обширныхъ службъ на дворѣ. При домѣ было два сада, изъ коихъ одинъ фруктовый, изобиловавшій яблоками и грушами.

Парадный входъ въ домъ представлялъ грандіозное сооруженіе изъ гранита. Онъ занималъ большую площадь съ наружною широкою гранитною лѣстницею и такою же внутреннею на два марша. Обширныя гостиныя и залъ съ хорами были расписаны по стѣнамъ и потолку ландшафтами, изображавшими Неаполь съ Везувіемъ, извергающимъ огненную лаву, виды Швейцаріи, летящихъ купидоновъ и т. п.; множество жилыхъ комнатъ во всѣхъ этажахъ; въ нижнемъ-же этажѣ помѣщались контора и комнаты для служащихъ. Въ домѣ была жизнь. Дѣдъ былъ хлѣбосолъ, любилъ жить открыто, давалъ балы и маскарады (одинъ французскій кафтанъ съ большими свѣтлыми пуговицами сохранился до нашего времени), ѣздилъ въ торжественныхъ случаяхъ четверкой цугомъ на дорогихъ лошадяхъ; выѣздъ былъ богатый и лучшій въ Москвѣ. Переяславская родня, пріѣзжая къ дѣдушкѣ, чувствовала себя стѣсненной въ большихъ его хоромахъ, и ихъ застѣнчивость, при отсутствіи обычаевъ переяславской жизни, которыхъ дѣдъ уже не держался, ставила ихъ нерѣдко въ комическое положеніе. Такъ, за парадным обѣдомъ по случаю какого-нибудь семейнаго праздника, когда знаменитый, по-тогдашнему, кондитеръ Антонъ Захарычъ роскошно убиралъ обѣденный столъ и красовались на немъ въ дорогихъ вазахъ его знаменитыя миндальныя печенья, изображающія березовые и осиновые грибы, а

Главный корпусъ дѣдушкина дома въ Москвѣ на Покровскомъ бульварѣ.

изъ кухни тянулись уже вереницей десятки разнообразныхъ блюдъ,—переславская родня, каждый разъ какъ подавали имъ блюда, произносила зловѣщее «покорно благодаримъ», что понималось служителемъ за отказъ и, такимъ образомъ, наши переславскія гостьи были обносимы блюдо-за-блюдомъ, тщетно ожидая, что къ нимъ приступятъ по-переславски съ подчиваніемъ и упрашиваніемъ. Обѣдъ конченъ, всѣ встаютъ и такъ какъ никто, ни хозяинъ, ни хозяйка не догадались ихъ подчивать, то бѣдные переславцы выходятъ изъ-за стола голодными, идутъ въ дальнія комнаты и нѣкоторыя изъ нихъ ударяются въ слезы. Приходилось бабушкѣ, Агаѳіи Васильевнѣ, приказывать снова подавать обѣдъ и на этотъ разъ съ соблюденіемъ всѣхъ переславскихъ церемоній.

Такъ жилъ дѣдушка Козьма Васильевичъ, отличаясь гостепріимствомъ и хлѣбосольствомъ; такъ-же жила и Агаѳія Васильевна послѣ его смерти, поддерживая семейную связь и родственныя отношенія.

Козьма Васильевичъ былъ, по тогдашнему времени, однимъ изъ первыхъ коммерческихъ дѣятелей въ Москвѣ, какъ по предпріимчивости, такъ и по капиталу. Онъ имѣлъ въ Москвѣ сахаро-рафинадный заводъ на Щипкѣ, въ которомъ впослѣдствіи помѣщался механическій заводъ Гоппера; имѣлъ заводъ для производства свинцовыхъ бѣлилъ; велъ большія дѣла по внутренней и заграничной торговлѣ; чрезъ первостатейнаго петербургскаго купца Прокопія Ивановича Понамарева, извѣстнаго тогда обширностью оборота по внѣшней торговлѣ, дѣдъ выписывалъ изъ-за границы сахарный тростниковый песокъ, кофе, пряжу, москательные и др. товары; велъ большую торговлю въ Архангельскѣ, въ Оренбургѣ, гдѣ покупалъ привозные товары и продавалъ московскіе; онъ торговалъ въ Макарьевской и Ирбитской ярмаркахъ; посылалъ своихъ людей на ярмарку въ Броды и на Лейпцигскую ярмарку. Одинъ изъ такихъ могикановъ Николай Максимовичъ Голубковъ разсказывалъ намъ въ сороковыхъ годахъ, какъ дѣдъ посылалъ его съ торговыми порученіями въ разные города Россіи и за границу. Чтобы скрыть свой планъ дѣйствія отъ конкуррентовъ,

дѣдъ давалъ посылаемому пакетъ съ надписью вскрыть его въ такомъ-то городѣ. Достигши этого города, посланецъ находилъ въ пакетѣ другой пакетъ съ надписью отправиться туда-то и т. д. и, наконецъ, въ третьемъ или четвертомъ пакетѣ онъ находилъ подробное указаніе цѣли поѣздки. Этотъ же Голубковъ возилъ большія суммы звонкой монеты въ Броды и въ Лейпцигъ.

Будучи однимъ изъ крупныхъ коммерсантовъ, дѣдъ работалъ въ самое неблагопріятное время постоянныхъ политико-экономическихъ и финансовыхъ колебаній, въ эпоху Наполеоновскихъ войнъ, когда нельзя было разсчитывать на постоянство и прочность положенія дѣлъ, вслѣдствіе чего ему приходилось иногда терять болѣе другихъ. Послѣ разгрома Москвы въ 1812 году потери эти оказались весьма значительны. Дѣдушкинъ домъ сгорѣлъ, сгорѣли и громадные склады товаровъ на дворѣ, а что не успѣло сгорѣть, было разграблено. Вслѣдъ за непріятельскимъ нашествіемъ «двунадесяти языкъ» послѣдовало неожиданно раззорительное пониженіе тарифныхъ ставокъ на привозные товары. Безсмысленная мѣра Министра Финансовъ графа Гурьева (тарифы 1816 и 1819 г.), не соотвѣтствуя плачевному тогда состоянію отечественной промышленности и торговли и, вообще, всего народонаселенія, послѣ чрезвычайнаго напряженія духовныхъ и матеріальныхъ силъ, принесла столько же вреда, сколько и нашествіе «двунадесяти языкъ». Тогдашній Министръ Иностранныхъ дѣлъ Козодавлевъ подалъ записку*) противъ **проекта** новаго тарифа (въ 1813 году) Государю Императору Александру I, говоря, «что инаго проекта новому тарифу отъ графа Гурьева онъ и не ожидалъ, какъ токмо клонящагося къ пользѣ иностранныхъ и къ потрясенію нашихъ фабрикъ, словомъ, основаннаго на внушеніяхъ чужеземныхъ торговцевъ». Послѣ такого вторичнаго разгрома со стороны тарифа, вступившаго въ силу въ 1816 году, когда масса англійской пряжи и другихъ выписныхъ товаровъ

*) Изъ дѣла Департамента внѣшней торговли. «Бумаги, найденныя въ кабинетѣ блаженныя памяти Государя Императора Александра I» (по Кайдановскому каталогу № 4286). Исторія русскаго таможеннаго тарифа — Ладыженскаго.

была продана нашею фирмою, вслѣдствіе значительнаго пониженія пошлины, съ большимъ убыткомъ,—послѣ всего этого, балансъ фирмы братьевъ Крестовниковыхъ показывалъ еще милліонное состояніе.

Положеніе нашего дѣда, какъ я упоминалъ, было выдающееся, какъ по способностямъ, неутомимой дѣятельности, такъ и по обширности дѣлъ. Онъ былъ чрезвычайно подвижный, живой, обходительный; онъ обыкновенно ходилъ съ тростью, увѣшанною разными записочками «на память»; онъ вѣчно былъ озабоченъ и занятъ своими коммерческими дѣлами, оставаясь при этомъ обходительнымъ и ласковымъ въ обращеніи. Въ общественныхъ дѣлахъ онъ также принималъ дѣятельное участіе и вполнѣ заслужилъ званіе Коммерціи Совѣтника *).

Въ 1812 г. на воззваніе къ пожертвованію нашъ дѣдъ отозвался весьма горячо. Имъ и его дѣтьми было пожертвовано на отечественную войну 50,000 руб., что и записано на 28-й стѣнѣ, на мраморной доскѣ храма Христа Спасителя въ Москвѣ. Такую же сумму пожертвовали: кн. Н. Б. Юсуповъ, городской голова Алексѣй Куманинъ, Коммерціи Совѣтникъ Семенъ Алексѣевъ и Григорій Абрамовичъ Кирьяковъ.

Въ бытность мою въ Оренбургѣ въ 1854 году я удосто-

---

*) Предположеніе, что нашъ дѣдъ Козьма Васильевичъ былъ однимъ изъ первыхъ, получившихъ званіе коммерціи совѣтника, послѣ учрежденія этого званія, сдѣланною мною справкою не подтверждается. Званіе коммерческаго совѣтника учреждено указомъ Императора Павла 27-го марта 1800 г., даннымъ Сенату. Означенный указъ помѣщенъ въ XXVI томѣ 1-го полнаго собранія законовъ подъ № 19347-мъ и озаглавленъ: «Объ учрежденіи для купечества особаго отличія подъ названіемъ Коммерціи Совѣтниковъ и о сравненіи онаго съ восьмымъ классомъ статской службы». Между прочимъ, въ указѣ этомъ значится: «нынѣ же жалуемъ коммерціи совѣтниками именитыхъ купцовъ санктпетербургскихъ: Кусова, Ольхина и Ливіо; московскихъ: Губена и Уварова; вологодскаго большаго Лаптева и курскаго Нифонтова; купцовъ первой гильдіи: санктпетербургскаго Мольво, великоустюжскаго первенствующаго директора Американской Компаніи Булдакова и иркутскаго той же компаніи директора Мыльникова». Другихъ какихъ-либо лицъ, пожалованныхъ коммерціи совѣтниками, въ Указѣ не означено.

вѣрился въ пріятномъ для меня фактѣ—сохранившейся тамъ доброй памяти о нашемъ дѣдѣ. Старожилы показывали мнѣ дѣдушкину лавку на мѣновомъ дворѣ, гдѣ служащіе его, а можетъ быть кто-либо изъ его родичей, выдержали осаду пугачевскихъ полчищъ 8-го октября 1773 года.

Какъ я упоминалъ выше, дѣдъ нашъ до самой смерти оставался переславскимъ 1-й гильдіи купцомъ. Онъ любилъ свой родной городъ и не забывалъ приходить къ нему на помощь въ его нуждахъ. Онъ подарилъ городу большой каменный домъ, гдѣ помѣщаются теперь присутственныя мѣста и Городская Дума; жертвовалъ въ Даниловъ монастырь и отлилъ изъ серебра раку преподобнаго Даніила. По этому поводу разсказываютъ слѣдующій эпизодъ изъ жизни Козьмы Васильевича.

Дѣдушкины люди, возвращаясь изъ Ирбитской ярмарки, везли съ собою вымѣненную ими на товаръ китайскую ямбу, слитки серебра, довольно крупные, имѣющіе неправильную кубическую форму и снабженные штемпелемъ китайскаго правительства. Проѣзжая дремучими лѣсами, они были остановлены разбойниками, намѣревавшимися было убить ихъ, но одинъ изъ нихъ сжалился надъ ними и уговорилъ товарищей оставить имъ жизнь. Тогда разбойники, завязавъ имъ глаза, заставили ихъ перетаскать всѣ мѣшки съ ямбой въ глубь лѣса, послѣ чего, привязавъ ихъ къ деревьямъ на опушкѣ лѣса, скрылись на ихъ же лошадяхъ. Оставленные на произволъ судьбы, дѣдушкины люди какимъ-то чудомъ не померли отъ холода и голода, а были кѣмъ-то изъ проѣзжихъ спасены. Прибывъ въ ближайшій по тракту городъ, они объявили о происшедшемъ полиціи. Дѣдъ, когда узналъ объ этомъ несчастномъ случаѣ съ его людьми, началъ розыскъ, не жалѣя денегъ, и обѣщалъ пожертвовать ямбу, если она найдется, на раку преподобнаго Даніила, монастырскими служебниками котораго были его предки. Серебро отыскалось, несмотря на бывшіе тогда по сибирскому тракту дремучіе лѣса съ ихъ валежникомъ, звѣриными норами и берлогами, представлявшими безопасное убѣжище для всякаго темнаго люда и прекрасное мѣсто для сокрытія похищеннаго отъ «бдительнаго ока» тогдашней губернской и уѣздной

полиціи, не имѣвшей склонности къ преслѣдованію злодѣевъ, если оно не обѣщало осязательныхъ выгодъ. Рака была сооружена; въ ней серебра 6 пуд. 15 фун. и золота 288 зол.; она стоила 42,565 р. асс.; но торжественный день (28-го іюля 1816 г.) переложенія Св. мощей преподобнаго Даніила не засталъ уже Козьмы Васильевича въ живыхъ.

Бабушка Агаѳія Васильевна, какъ ее обыкновенно называли, оставшись вдовою, участвовала въ дѣлахъ торговыхъ, которыми завѣдывалъ и управлялъ тогда старшій сынъ ея Петръ Козьмичъ.

Послѣ ея смерти († въ 1829 г.), оставшіеся въ живыхъ дѣти ея со своими семьями, за исключеніемъ семейства Петра Козьмича, продолжали жить въ родовомъ домѣ на Покровскомъ бульварѣ. Послѣ же смерти Петра Козьмича, послѣдовавшей въ 1818 году, его дѣти, съ матерью Параскевою Семеновною, переѣхали въ Таганку, въ построенный тамъ дѣдушкой домъ. Исторія этого дома слѣдующая. Петръ Козьмичъ получилъ въ приданое за своей женой, урожденной Быковской, пустырь, выходящій на Таганскую площадь. Дѣдушка, какъ человѣкъ дальновидный, оцѣнилъ будущность этой мѣстности и построилъ тамъ домъ и корпуса подъ лавки. Когда померъ дѣдушка, доходъ съ этого имѣнія продолжалъ поступать въ общую кассу всѣхъ братьевъ и самый таганскій домъ съ лавками считался вотчиной всѣхъ братьевъ; но когда померъ Петръ Козьмичъ и когда нужно было выдѣлить вдову, то оказалось, что нѣтъ никакихъ документовъ на принадлежность этого имѣнія всѣмъ братьямъ, какъ наслѣдникамъ послѣ дѣдушки Козьмы Васильевича; земля же принадлежала Параскевѣ Семеновнѣ и, такимъ образомъ, на законномъ основаніи все имѣніе перешло въ ея собственность. Она получила, кромѣ полнаго выдѣла изъ общаго братьевъ капитала, еще и таганское имѣніе, что послужило къ ослабленію имущественнаго состоянія остальныхъ братьевъ.

Вообще, послѣ смерти бабушки Агаѳіи Васильевны, невѣстки не могли ужиться, завели свои хозяйства на своихъ

половинахъ, рѣдко видались и, только благодаря дружелюбію мужей ихъ, могли избѣгнуть явныхъ ссоръ. Померъ и Ксенофонтъ Козьмичъ (въ 1832 году); затѣмъ, выѣхала изъ общаго дома жена его Елисавета Васильевна и въ началѣ сороковыхъ годовъ прошлаго столѣтія въ домѣ на Покровскомъ бульварѣ жили два семейства Крестовниковыхъ—Александра Козьмича и Константина Козьмича.

Нашъ отецъ, Константинъ Козьмичъ, послѣ смерти брата своего Ксенофонта продолжалъ дѣла съ братомъ Александромъ Козьмичемъ подъ тою же фирмою «Братьевъ Крестовниковыхъ», занимаясь исключительно торговымъ отдѣломъ фирмы. Отецъ былъ точнымъ и аккуратнымъ исполнителемъ, но не руководителемъ дѣла, въ чемъ откровенно сознавался и самъ. Всѣ же распоряженія по дѣлу шли отъ Александра Козьмича. Отецъ не долго пожилъ съ нами, онъ померъ въ 1841 г. въ раннихъ годахъ отъ горячки; ему было лишь 45 лѣтъ и брачной жизни—19 лѣтъ. Лѣчили его доктора: Достоевскій, отецъ писателя Ѳ. М. Достоевскаго, Кудрявцевъ и, въ качествѣ консультанта, генералъ Альфонскій, бывшій одно время ректоромъ Московскаго Университета и любившій украшать себя звѣздами даже въ то время, когда являлся къ больнымъ. Николай Силычъ Топоровъ, извѣстный въ свое время докторъ, практиковавшій также и въ нашей семьѣ, говорилъ про Альфонскаго, что онъ болѣе силенъ по части звѣздныхъ планетъ, чѣмъ въ медицинѣ. Дѣйствительно, смерть нашего отца была для всѣхъ неожиданностью! Онъ былъ крѣпкаго сложенія и могъ бы легко побороться съ болѣзнью, но изрядная доза касторовaго масла въ началѣ болѣзни отняла у него силы и порѣшила дѣло въ пользу смерти. Когда онъ померъ старшему сыну его, а нашему брату, Александру было невступно 16 лѣтъ.

Дядя нашъ Александръ Козьмичъ былъ ближе къ намъ, чѣмъ другіе дяди, которыхъ едва-ли кто-либо изъ насъ помнилъ. Съ нимъ мы продолжали дѣла съ 1849 г. подъ фирмою «А. Крестовниковъ съ племянниками». Онъ относился къ намъ и къ нашей матери всегда родственно, вообще, былъ добрымъ и высоко-нравственнымъ человѣкомъ. Молодежь находила, что онъ отсталъ отъ вѣка! Правда, онъ былъ нерѣшителенъ въ дѣлахъ, настойчивъ вопреки обстоятельствамъ, не подчинялся современнымъ свѣтскимъ модамъ и приличіямъ, не соглашался, напримѣръ, надѣть вошедшихъ тогда въ моду полотняныхъ воротничковъ и манжетъ, а оставался при своемъ высокомъ черномъ галстукѣ на какомъ-то каркасѣ, въ который уходилъ его подбородокъ. Портретъ его въ такомъ видѣ можно видѣть у Григорія Александровича Крестовникова. Правда также, что онъ не надѣвалъ пожалованныхъ ему орденовъ даже при такихъ обстоятельствахъ, какъ представленіе по службѣ министрамъ, за что получалъ неоднократно выговоры отъ ближайшаго своего начальства. Но его нельзя было назвать отсталымъ, особливо въ дѣлахъ. Онъ съ любовью занимался своей ткацкой Полянской фабрикою, слѣдилъ за новостями въ ткачествѣ; онъ первый ввелъ въ Московскомъ фабричномъ районѣ рѣзку плиса (1826 г.), получалъ за качество товара награды на выставкахъ. Онъ служилъ долго по выборамъ въ Коммерческомъ Судѣ и, вообще, не избѣгалъ общественной службы *). Онъ померъ отъ удара 25 ноября 1850 г. Въ день своихъ именинъ 23 ноября онъ былъ веселъ, обѣдалъ со всѣми; послѣ обѣда отдыхалъ; на слѣдующій день въ 5 ч. утра былъ у него докторъ Поль, которому онъ жа-

*) Изъ свѣдѣній, характеризующихъ общественное положеніе Александра Козьмича, слѣдуетъ привести то, что онъ состоялъ съ 1-го января 1836 г. по 1-е января 1840 г. членомъ Московскаго Коммерческаго Суда, а съ 1845 г. до 1849 г. директоромъ Московской Конторы Государственнаго Коммерческаго Банка. Должности эти считались весьма высокими въ ряду общественныхъ службъ; сверхъ того, онъ былъ и сословнымъ уполномоченнымъ (что нынѣ выборные), что въ то время имѣло также существенное значеніе; теперь это далеко не то.

ловался на сильную головную боль. Докторъ Поль приказалъ поставить 5 піявокъ къ затылку, а въ 6 часовъ вечера послѣдовалъ съ нимъ ударъ; послали за профессоромъ Овером, но было уже опоздано и, по мнѣнію Овера, слѣдовало бы еще вчера не ограничиваться піявками, а пустить кровь **).

Послѣ смерти отца, въ 1845 году матушка наша въ своемъ письмѣ къ дѣтямъ въ Нижегородскую ярмарку выражаетъ уже мысль о необходимости покинуть родительскій домъ, а въ 1846 г. 12-го августа пишетъ дѣтямъ, отправившимся въ ярмарку, что она уже сняла квартиру въ домѣ Сергѣя Аѳанасьевича Живаго въ Газетномъ переулкѣ, во дворѣ, во флигелѣ, въ томъ же году мы туда и переѣхали. Дѣдушкинъ домъ былъ уступленъ дядѣ Александру Козьмичу за 80 тысячъ рублей ассигнаціями, изъ коихъ мы по выдѣлу получили половину, т.-е. 40 тысячъ руб. ассигнаціями. Въ 1880 г. этотъ домъ былъ купленъ братьями Найденовыми у нашихъ двоюродныхъ братьевъ Дмитрія и Николая Александровичей за 168 тысячъ руб. серебромъ, при чемъ должно замѣтить, что лѣвый флигель, гдѣ раньше жило семейство Петра Козьмича и потомъ долго нанималъ его Столяровъ, былъ ими надстроенъ третьимъ этажемъ, послѣ смерти ихъ матери въ 70-хъ годахъ, и заново ремонтированъ и отдѣланъ.

Наша тетка, вдова Александра Козьмича, Марія Ѳедоровна—личность недовѣрчивая, завистливая, недоброжелательная, вліяла на своего мужа и заставила нашу мать покинуть дѣдуш-

---

**) Относительно болѣзни моего дяди Александра Козьмича Н. А. Найденовъ сообщилъ мнѣ слѣдующее: Чѣмъ разрѣшилась его болѣзнь—я не слыхивалъ; но въ прежнее время многое называли общимъ именемъ «ударъ»; между тѣмъ я хорошо помню, что онъ хворалъ долго, хотя болѣзни его не придавалось какого-либо особо угрожающаго характера, а, затѣмъ, говорили, что у него тифъ. Отецъ мой навѣщалъ его весьма часто; но 23 ноября, въ день его Ангела, онъ не могъ его видѣть, такъ какъ больной чувствовалъ себя нехорошо и къ нему не допускали. Заболѣлъ Александръ Козьмичъ въ половинѣ октября, простудившись за большимъ крестнымъ ходомъ, бывшимъ въ тотъ годъ 8 октября.

(Снимокъ 1848 года.)

Александръ Козьмичъ Крестовниковъ.

кинъ домъ. Намъ было горько разставаться съ родительскимъ домомъ, гдѣ мы родились и выросли. Въ спальнѣ родителей висѣлъ образъ «Знаменіе Пресвятой Богородицы», украшенный жемчугомъ, съ надписью дѣдушкиной рукой на обратной сторонѣ иконы. Другіе дѣдушкины образа: «Спасъ Нерукотворенный», съ частицею мощей въ крестѣ, находился въ нашей дѣтской наверху, и «Свв. Зосимы и Савватія, Соловецкихъ чудотворцевъ»—въ столовой. Теперь первый находится у меня, второй—у Софіи Георгіевны Крестовниковой, а послѣдній—у Маріи Петровны Крестовниковой.

Какъ развивалось дѣло нашей фирмы.

Прежде чѣмъ начать описаніе семейнаго быта и, вообще, жизни насъ, братьевъ, въ періодъ нашей юности, остановлюсь на описаніи того, какъ видоизмѣнялось и постепенно развивалось наше торговопромышленное дѣло, основаніе которому положилъ нашъ дѣдъ Козьма Васильевичъ. Дѣло наше переживало періоды тяжелыхъ обстоятельствъ, фортуна никогда намъ не улыбалась, и что достигнуто—должно быть отнесено къ настойчивости и трудолюбію. Наша фирма въ Москвѣ ведетъ свое начало съ пріѣзда дѣдушки Козьмы Васильевича изъ Переяславля и существуетъ въ ней уже 130 лѣтъ.

Изъ главной книги за 1817 г., хранящейся въ архивѣ Правленія Т-ва Братьевъ Крестовниковыхъ, видно, что устроенные дѣдушкой сахарный и бѣлильный заводы продолжаютъ еще работать и, вмѣстѣ съ матеріалами и выработаннымъ товаромъ, стоятъ на 1818 г. въ 280.000 руб., ткацкая фабрика въ Полянѣ въ 64.500 руб. и при ней англійской пряжи на 124.000 руб.

Когда сахарный и бѣлильный заводы ликвидированы—свѣдѣній не имѣю; полагаю, однако, что вскорѣ послѣ разгрома, причиненнаго дѣламъ нашей фирмы либеральными тарифами графа Гурьева. Въ то время дѣла наши были въ шаткомъ положеніи и, говорятъ, дядямъ и нашему отцу много помогъ тогда отецъ Ивана Николаевича Филиппова, женатый на родной сестрѣ нашего дѣда—Аннѣ Васильевнѣ.

Полянское имѣніе пріобрѣтено еще при дѣдушкѣ Козьмѣ Васильевичѣ, но Полянская ткацкая фабрика, по свѣдѣніямъ, представленнымъ на мануфактурную выставку въ Москвѣ въ 1843 г., была заведена въ 1814 г. (въ годъ смерти дѣдушки); рабочаго народа на ней было 300 человѣкъ. Развиваясь, она

дошла до своего зенита *) въ началѣ 40-хъ годовъ прошедшаго столѣтія, когда ею завѣдывалъ нашъ дядя Александръ Козьмичъ, любившій ткацкое дѣло. Какъ я говорилъ выше, онъ первый ввелъ внутри Россіи рѣзку плиса и получалъ, вмѣстѣ съ нашимъ отцомъ, за доброкачественность фабричныхъ издѣлій награды на выставкахъ. Онъ выписалъ изъ Риги (Рижскій плисъ славился тогда на всю Россію) мастера-рѣзака, англичанина Романа Романовича Беголи. Вскорѣ, однако, по нерѣшительности своего характера, дядя выпустилъ это дѣло изъ своихъ рукъ. Имъ завладѣлъ всецѣло отважный Семенъ Лонгиновичъ Лепешкинъ, поставивъ большую фабрику съ механическими станками, вырабатывавшую огромную массу плиса.

Сбывая его въ Китай на промѣнъ чаевъ, онъ разбогатѣлъ, а мы закрыли фабрику, и въ половинѣ пятидесятыхъ годовъ

---

*) Данныя для сужденія о томъ, какое значеніе придавалось фабричнымъ произведеніямъ Крестовниковыхъ, видны изъ слѣдующихъ свѣдѣній, заимствованныхъ изъ дѣлъ Московскаго Отдѣленія Совѣта Торговли и Мануфактуръ и Московской Купеческой Управы, доставленныхъ мнѣ Н. А. Найденовымъ:

По мануфактурной выставкѣ въ Москвѣ 1835 года награждены за отличныя издѣлія: золотыми медалями для ношенія на шеѣ—на Владимірской лентѣ почетный гражданинъ Александръ Козьмичъ Крестовниковъ и на Аннинской лентѣ почетный гражданинъ Константинъ Козьмичъ Крестовниковъ.

По выставкѣ въ С.-Петербургѣ 1839 г. награждены «за полубархатъ, по добротѣ красокъ и цвѣтовъ не уступающій иностранному» золотою медалью для ношенія на шеѣ—на Александровской лентѣ почетный гражданинъ Александръ Козьмичъ Крестовниковъ и на Владимірской лентѣ почетный гражданинъ Константинъ Козьмичъ Крестовниковъ.

27 марта 1842 г.—«въ воздаяніе производства отличныхъ мануфактурныхъ издѣлій, которыя на бывшей въ 1841 г. въ Варшавѣ выставкѣ заслужили особенное одобреніе», пожалованъ Александръ Козьмичъ Крестовниковъ орденомъ Св. Станислава 3-й степени.

Сказанныя награды въ то время считались весьма высокими; онѣ признавались выше медалей, назначавшихся лишь для изображенія на издѣліяхъ, тѣмъ болѣе, что онѣ давались и лицамъ, имѣющимъ уже право на употребленіе Государственнаго Герба, когда заслуживалось повтореніе его. Такой порядокъ существовалъ до выставки 1870 года.

окончательно ликвидировали свое ткацкое дѣло. Семенъ Лонгиновичъ Лепешкинъ умеръ 10 августа 1855 г.: послѣ него остались сыновья: Василій, Семенъ и Дмитрій; впослѣдствіи сынъ Василія—Александръ Васильевичъ—женился, еще при жизни Семена Лонгиновича Лепешкина, на нашей двоюродной сестрѣ Александрѣ Александровнѣ Крестовниковой, дочери Александра Козьмича Крестовникова.

Изъ той же главной книги, о которой я упомянулъ выше, видно, что на 1818 г. капиталъ нашей фирмы былъ 1,126,000 рублей. Какихъ рублей? Счетъ вели тогда на ассигнаціи, курсъ которыхъ въ 1811 году былъ 23½ копейки металлическихъ, а въ 1817 году не превышалъ 26 коп. металлическихъ. Взявъ въ соображеніе курсъ и тотъ ударъ, который нанесли нашей фирмѣ нашествіе французовъ и тарифы 1816 и 1819 годовъ Министра Финансовъ гр. Гурьева, этого легкомысленнаго либерала-западника, геніальнаго лишь въ изобрѣтательности кулинарной, въ родѣ гурьевой каши и т. п., надо удивляться, какъ мы еще уцѣлѣли! Графъ Гурьевъ понизилъ таможенныя пошлины на иностранные товары въ то время, когда, вслѣдствіе долговременнаго кризиса въ торговлѣ, наши амбары и магазины были переполнены ими, въ томъ числѣ англійской пряжею, москательными, колоніальными и др. привозными товарами, выписанными нашею фирмой по высокому тарифу.

Наша ткацкая фабрика въ сельцѣ «Поляна», Московскаго уѣзда, Озерецкой волости, въ 32 верстахъ отъ Москвы по Дмитровскому тракту, всегда работала прочный товаръ. До сихъ поръ старые люди помнятъ нашу сарпинку, коленкоры, набивной полубархатъ. Имъ, какъ говорится, износу не было. Какъ великъ былъ оборотъ нашего ткацкаго дѣла въ его цвѣтущее время,—опредѣлить не могу; полагаю, однако, что онъ доходилъ до 600 тысячъ рублей серебромъ. Продажа шла въ срокъ, торговали въ Москвѣ, въ Зеркальномъ ряду, на Нижегородской и Ирбитской ярмаркахъ. Пропажи за должниками возрастали съ каждымъ годомъ, конкуренція усиливалась, и

все это заставило насъ приступить къ ликвидаціи ткацкаго дѣла, которая и началась съ 1849 года. Работа на фабрикѣ была постепенно сокращаема; остатки товара частью допродавались въ нашей лавкѣ, въ Зеркальномъ ряду, частью въ Нижегородской ярмаркѣ, въ нашей лавкѣ въ Панскомъ ряду. Въ концѣ 1853 г. весь остатокъ товара былъ переведенъ на счетъ Ивана Владиміровича Шестакова, взявшаго на себя окончательную распродажу нашихъ товаровъ. Мы же съ 1849 года заняты были, главнымъ образомъ, устройствомъ новаго дѣла—бумагопрядильнаго, строили фабрику, выписывали машины, хлопокъ и т. д.

На нашей ткацкой фабрикѣ въ періодъ ея ликвидаціи—съ 1850—53 г.—работались слѣдующіе товары и продавались по слѣдующимъ цѣнамъ:

	№№ основъ.		№№ утковъ.		Цѣна въ копейк. серебромъ.	
	Бум.	Шерст.	Бум.	Шерст.	Арш.	Штука.
Полубархатъ № 1 . .	32	—	40	—	22	—
» № 2 . .	60 круч.	—	58	—	33	—
» № 3 . .	70 круч.	—	70	—	37	—
Сарпинка.	38.40	—	38.40	—	13.15	—
Нанка	30 ват.	—	38	—	$8^1/_4$	—
Кашемировые платки 5-ти-четвертовые .	32 мед.	—	32	—	—	15
Драдедамов. отъ 6 до 9 четвертей. . . .	32	—	32	—	—	отъ $19^1/_2$ до $39^1/_4$
Коленкоръ 7 чет. цв.	60 мед.	—	70 мед.	—	5 р. 50 к.	за $18^1/_2$ ар.
Муслинъ.	80	—	—	40	42	—
Люстринъ.	100	—	—	40 гл.	$33^1/_2$	—
Ластикъ шерстяной .	—	48	—	24	$51^1/_2$	—
Терно 6 четвертей. .	—	32	—	40	48	—
Полутерно 5 четвер.	38.40	—	—	36	$27^1/_2$	—
» 6 »	80 круч.	—	—	36 ват.	33	—
Орлеанъ.	80 круч.	—	—	40 и 36 гласе.	26	—

Плисъ, коленкоры цвѣтные, гласе и колоченые; платки барежевые, крѣпрошелевые, шерстяные, турецкіе, терновые, блондовые и ковровые.

Красильщики и аппретурщики, работавшіе на нашу фабрику, были: Карлъ Филипповичъ Фоваръ, Гукъ (въ С.-Пб.-ѣ), Пейкеръ, Ниргаузенъ, Найденовъ, Кузнецовъ, и пр.

Въ 1851 году стояли цѣны въ руб. серебромъ, срокомъ въ 12 мѣсяцевъ: на бумажную пряжу:—Медіо № 60—27 р. 10 к., крученую № 100—41 руб., утокъ № 70—28 руб. 60 к., тожъ крученый № 60—23 руб. 70 к.; тожъ № 70—25 руб. 50 к.; тожъ № 80—27 руб. 50 к.; вефть № 58—22 руб. 15 к.; тожъ № 70—25 руб. 25 к.; ватеръ № 30—17 руб. 30 к.; медіо № 40—17 руб. 50 к.; утокъ № 40—16 руб.; медіо № 32—16 руб.; утокъ № 32—15 руб. 50 к. Шерсть: утокъ № 40—42 руб.; № 36—40 руб.; глянцевая № 40—43 руб.; ластикъ № 48—59 руб. 50 коп.; утокъ № 24—34 руб. 30 коп.; Алексѣевскій утокъ № 36—41 руб.

Въ декабрѣ 1852 г., январѣ и февралѣ 1853 г. цѣны на жизненные припасы и др. матеріалы стояли въ Москвѣ: мука ржаная 1 р. 25 к.—1 р. 30 к. асс. пудъ; крупа гречневая полуядрица за четверть (8 мѣръ) 13 р. 50 к. асс., тожъ ядрица крупная—14 р. 70 к. асс. Овесъ въ 26 фун. за четверть (9 мѣръ)—9 р. 20 к. асс.; въ 28 фун. и до 30 фун. четверть (9 мѣръ)—10 р. 10 к. асс.; въ 37 фун. четверть (9 мѣръ)—13 р. 50 к. асс.; масло конопляное—8 р. асс. пудъ; бумага оберт. стопа 11 р. асс., картонъ за сотню 5 р. 40 к. асс., рогожа муромская большая 245 р. асс. за 1000 шт., веревка 5 р. 50 к. асс. за пудъ, синяя бумага 15 р. 40 к. асс. за стопу; опоекъ Стока 3 р. 50 к. асс. штука.

Въ нижегородской ярмаркѣ въ 1852 году цѣны на красную бумагу Баранова и Зубкова были: 69 руб. и до 70 руб. асс., Какушкина 66 руб. 50 коп. асс., Рабенека 73 руб. асс. за пудъ.

Съ созрѣвшимъ намѣреніемъ прикончить ткацкое дѣло, мы, глядя на другихъ (тогда было построено много прядиленъ—Хлудовскія, Мазуринская и др.), начали мечтать о постройкѣ въ нашей Полянѣ бумаго-прядильной фабрики. Почему выбрали Поляну, а не другое, болѣе удобное и выгодное по сообщенію и др. условіямъ, мѣсто, объясняется отчасти пристрастіемъ нашего дяди къ своему Полянскому гнѣзду, извѣстному ему въ хозяйственномъ отношеніи до мельчайшихъ подробностей, гдѣ—что достать, чрезъ кого и т. д.; къ тому же близко Москва, подрядчики и поставщики—знакомые люди, да и ткацкое дѣло въ Полянѣ не было еще прикончено. Между тѣмъ въ то время къ этому дѣдовскому имѣнію вели убійственныя дороги! Бывало, 30 верстъ въ распутицу дѣлали въ 12 и болѣе часовъ. Не было въ окрестностяхъ Поляны достаточно древеснаго топлива, что впослѣдствіи заставило насъ снять торфяныя болота и работать на торфѣ.

Въ настоящее время на Полянской прядильной фабрикѣ употребляется какъ топливо тяжелая нефть и съ открытіемъ Савеловской жел. дор. сообщеніе съ Москвой стало удобнымъ.

Прядильная фабрика въ Полянѣ начала строиться въ 1849 году и въ 1850 году въ половинѣ августа, за три мѣсяца до кончины дядюшки, была пущена въ ходъ. То время было самое благопріятное для устройства бумагопрядиленъ. На машины пошлины не было, машины пріобрѣтались въ Англіи за-дешево, на американскій хлопокъ пошлина была 25 к. съ пуда, на заграничную суровую хлопчато-бумажную пряжу до 40-го нумера пошлина стояла высокая—6 р. 50 к. съ пуда; однако, дядюшка Александръ Козьмичъ сильно упорствовалъ и много труда выпало на долю брата Александра Константиновича убѣдить его въ пользѣ устройства прядильной фабрики.

Сначала фабрика работала очень мало, потомъ къ 1 сентября 1879 г. имѣла уже 24 тыс. веретенъ, къ 1 сентября 1880 г.—29 тыс. веретенъ, къ 1 сентября 1881 г.—30 тыс. веретенъ, къ 1 сентября 1884 г.—31,444 веретена, и въ настоящее время—60,000 веретенъ. Средній № пряжи колебался отъ $22^1/_3$ до $24^1/_2$ въ теченіе всего времени до 1890 года;—рабочихъ до 1000 человѣкъ, въ лѣтнее время нѣсколько сотъ рабочихъ на торфяникахъ.

Мысль устройства стеариноваго завода родилась въ 1854 г., въ годъ поѣздки Николая и Іосифа Константиновичей въ Оренбургъ за средне-азіатскимъ хлопкомъ, такъ какъ въ то время, по случаю Крымской войны и блокады нашихъ портовъ, привозъ американскаго хлопка былъ очень ограниченный чрезъ Мемель и Кёнигсбергъ и угрожалъ вовсе прекратиться.

Поводомъ къ зарожденію этой мысли послужило, вообще, исканіе нами въ то время какого-нибудь новаго, подходящаго намъ дѣла, такъ какъ одной прядильной мы не могли жить и притомъ намъ, семерымъ братьямъ, она не могла дать достаточно занятій, а затѣмъ проѣздомъ чрезъ Казань братья Николай и Іосифъ встрѣтили тамъ брошюру Модеста Яковлевича Киттары (профессора технологіи въ Казанскомъ университетѣ), въ которой онъ описывалъ всю выгоду открытія въ Казани стеариноваго завода. Осуществленіе же этой нашей мысли послѣдовало въ 1855 году. Въ декабрѣ 1855 года заводъ былъ уже въ полномъ ходу. 28-го декабря 1855 года по этому поводу въ нашемъ домѣ, на Собачьей площадкѣ, былъ отслуженъ молебенъ, на которомъ присутствовали нашъ крестный отецъ Валентинъ Алексѣевичъ и тетушка Татьяна Александровна и Константинъ Константиновичъ Куманины и др. близкіе родные. Работа шла сначала сапонификаціоннымъ способомъ; вырабатывалось 15—25 тысячъ пуд. свѣчъ, затѣмъ, дошла до 60 тыс. пудовъ и долго стояла на этой цифрѣ. Съ 1862 года, послѣ поѣздки за границу Іосифа Константиновича съ Карломъ Августовичемъ Кибером (техникъ) съ цѣлью

(Снимокъ 1873 года).

(Снимокъ 1862 года).

Александръ Константиновичъ Крестовниковъ.

изученія дистиляціоннаго способа обработки сала, этотъ способъ былъ примѣненъ и на нашемъ заводѣ, а въ 1872 г. былъ примѣненъ и автоклавный способъ. Заводъ, все расширяясь, занимаетъ теперь 28 десятинъ пріобрѣтенной у города земли и вырабатываетъ на 7 милліоновъ разныхъ товаровъ, какъ-то: свѣчъ, мыла, олеиновой кислоты и глицерина при 2500 служащихъ и рабочихъ.

Въ 1859 году наша фирма учредила Товарищество Казанскаго Кожевеннаго завода на паяхъ съ капиталомъ въ 600 тыс. руб. сер. Въ немъ приняли наиболѣе крупное участіе Валентинъ Алексѣевичъ Куманинъ—200 тыс., Г. А. Москвинъ и К°—100 тыс., Владиміръ Семеновичъ Алексѣевъ—100 тыс., Братья Крестовниковы и К° 100 тыс., Котеловъ Петръ Ивановичъ 94 тыс. рублей серебромъ. (Подробный списокъ пайщиковъ Товарищества Казанскаго Кожевеннаго завода смотри въ приложеніи). Товарищество купило старый кожевенный заводъ въ Казани, въ Ягодной слободѣ, принадлежавшій казанскому купцу Петру Ивановичу Котелову и пригласило сына его, Петра Петровича Котелова, завѣдывавшаго отцовскимъ дѣломъ, быть распорядителемъ работъ устраиваемаго завода. Въ 1860 г. заводъ началъ работать по способу соковаго дубленія со всѣми механическими приспособленіями по новѣйшимъ европейскимъ образцамъ; мастера-спеціалисты были выписаны изъза границы; кожа выходила вполнѣ продубленая, добротная, эластичная, но продажа шла туго, покупатели ничего не прибавляли въ цѣнѣ противъ разрыхленной золкою и недодубленой кожи, какую работали тогда всѣ другіе кожевенники по такъ-называемому русскому способу. Они, уступая въ цѣнѣ при поставкахъ въ казну, загораживали намъ дорогу. Съ казной, какъ главнымъ покупателемъ, мы никакъ не могли сойтись. По этому поводу была написана нами, подъ редакціею профессора Чугунова, статья въ С.-Петербургскихъ Вѣдомостяхъ подъ заглавіемъ: «Кто виноватъ?» Брошюра «Кто виноватъ» хранится у меня какъ свидѣтельница тогдашняго по-

ложенія нашего предпріятія, вслѣдствіе антикоммерческаго, чисто чиновническаго отношенія казны къ дѣлу. Все это привело насъ уже въ 1863 году къ мысли продать заводъ и ликвидировать дѣла Казанскаго Кожевеннаго Товарищества, а въ 1866 г. заводъ былъ купленъ и принятъ за 60 тыс. руб. сер. однимъ изъ пайщиковъ Товарищества, казеннымъ подрядчикомъ, Иваномъ Ивановичемъ Алафузовымъ. Послѣ ликвидаціи Товарищество получило 70 коп. отъ рубля. Алафузовъ не поддержалъ введеннаго Товариществомъ способа дубленія соками и хотя отчасти работалъ имъ, но обратилъ, главнымъ образомъ, вниманіе на тѣ производства, которыя давали ему, какъ поставщику въ казну, болѣе выгодъ. Онъ построилъ новые корпуса, поставилъ льнопрядильныя машины, ткалъ полотно для солдатскихъ рубахъ и особое для палатокъ, шилъ ранцы, кроилъ сапоги и т. д., словомъ, работалъ исключительно на военное вѣдомство. Алафузовъ померъ въ 1891 году.

Всѣ эти фабрики и заводы вызывали потребность въ торговой обстановкѣ. Кромѣ Москвы, Казани, Нижегородской и Ирбитской ярмарокъ, нами учреждены были торговыя станціи по покупкѣ сырья и по сбыту выработанныхъ товаровъ, а именно: въ Оренбургѣ, Екатеринбургѣ, Астрахани, Ростовѣ на Дону, Одессѣ, Самарѣ, Саратовѣ, Пензѣ, Н.-Новгородѣ, Симбирскѣ, Плессахъ, Царицынѣ, Перми, Тюмени, Семипалатинскѣ, Бійскѣ, Ташкентѣ, Самаркандѣ, Севастополѣ, Баку, Ивановѣ-Вознесенскѣ, Варшавѣ, а также коммиссіонерства въ Парижѣ, Лондонѣ и Берлинѣ.

Въ Оренбургѣ, кромѣ сала, мы одно время, въ теченіе шести лѣтъ подъ рядъ, покупали среднеазіятскій хлопокъ. Первая наша поѣздка туда была въ 1854 году. Я и братъ Іосифъ Константиновичъ зимовали въ Казани и весной, съ открытіемъ колеснаго пути, отправились въ Оренбургъ. Оттуда братъ въ компаніи съ чистопольскимъ прядильнымъ фабрикантомъ Михаиломъ Леонтьевичемъ Мешкичевымъ направился въ Троицкъ, а я остался въ Оренбургѣ. Въ этотъ годъ мы купили 25 тыс.

пудовъ хивинскаго и бухарскаго хлопка, нажили по рублю на пудъ, вдобавокъ познакомили московскихъ фабрикантовъ съ среднеазіятскимъ хлопкомъ, получивъ лестный отзывъ о достоинствѣ хлопка, особенно хивинскаго, который значительно превосходилъ качествомъ Суратъ и былъ дешевле его.

Въ слѣдующіе два года 1855 и 1856 я ѣздилъ въ Оренбургъ за хлопкомъ одинъ, Іосифъ Константиновичъ занимался въ то время постройкою стеариноваго завода. Затѣмъ, три года ѣздилъ туда братъ Константинъ Константиновичъ, а послѣ того нашу коммиссію по покупкѣ хлопка исполнялъ ростовскій купецъ Семенъ Яковлевичъ Ключаревъ, помогавшій намъ съ перваго нашего пріѣзда въ Оренбургъ, а послѣ его смерти—сынъ его, Александръ Семеновичъ Ключаревъ. Впослѣдствіи они же покупали тамъ для насъ сало и продавали наши свѣчи.

Въ Сибири покупкою сала и продажею свѣчъ завѣдывалъ съ 1857 г., въ теченіе 20 лѣтъ сряду, Сергѣй Константиновичъ, куда онъ ѣздилъ по зимамъ ежегодно и возвращался не ранѣе марта мѣсяца. Въ его районъ входили Екатеринбургъ, Шадринскъ, Ишимская, Ирбитская и др. ярмарки той мѣстности. Одновременно съ саломъ онъ покупалъ и коровье масло. Во главѣ его сотрудниковъ послѣдовательно были: Иванъ Ивановичъ Ѳаддеевъ, Павелъ Петровичъ и Петръ Васильевичъ Подсосовы (арзамасскіе купцы), Иванъ Ивановичъ Левинъ и въ послѣдніе годы Семенъ Ивановичъ Шитиковъ, отецъ жены Константина Михайловича Зайцева. Шитиковъ и Левинъ—бывшіе прикащики Плѣшановыхъ. Операціонный базисъ нашего сибирскаго дѣла составляли: Екатеринбургъ, гдѣ была постоянная контора, а въ 1893 г. тамъ купленъ былъ нашею фирмою стеариновый заводъ Губбарта, но вскорѣ заводъ сгорѣлъ и проданъ съ небольшимъ убыткомъ; затѣмъ, базисомъ былъ Шадринскъ съ заимкой, складами и временной конторою, въ сезонъ покупки сала.

Съ 1877 г., когда Сергѣй Константиновичъ пересталъ ѣздить въ Сибирь, ѣздили туда Михаилъ Алексѣевичъ Прео-

браженскій, Иванъ Ивановичъ Левинъ, въ 90-ыхъ годахъ Валентинъ Владиміровичъ Крестовниковъ. Также ѣздили туда, вслѣдствіе болѣзни С. К-а, Романъ Ивановичъ Биттъ и Валентинъ и Іосифъ Константиновичи, каждый по одному разу.

Продажею свѣчъ въ Ирбитской ярмаркѣ долго занимался нашъ старый, вѣрный сотрудникъ Иванъ Терентьевичъ Емельяновъ, раздѣлявшій съ нами трудъ при постройкѣ прядильной въ Полянѣ, стеариноваго и кожевеннаго заводовъ въ Казани. Онъ служилъ у насъ болѣе 40 лѣтъ и померъ на службѣ въ концѣ восьмидесятыхъ годовъ истекшаго столѣтія.

Въ настоящее время сибирское дѣло наше, вслѣдствіе сибирской ж. д. и пріобрѣтенія Товариществомъ имѣнія Ураково на р. Уфѣ и на желѣзной дорогѣ, значительно измѣнилось. Покупка сала стала производиться въ болѣе удаленныхъ городахъ—какъ Омскъ, Бійскъ, Семипалатинскъ и др.; транспортировка по р. Уфѣ, Бѣлой, Камѣ въ Волгу, а также по ж. дорогѣ. Шадринскъ потерялъ всякое значеніе. Екатеринбургъ — Ураково — Петропавловскъ — Омскъ стали базисомъ нашихъ дѣйствій въ Сибири. Въ 1901 и 1902 г. ѣздили въ Сибирь — Михаилъ Алексѣевичъ Преображенскій съ сыномъ Александромъ Михайловичемъ и Иванъ Ивановичъ Левинъ.

Въ Самарѣ—постоянною конторой нашего Товарищества завѣдуетъ Иванъ Ивановичъ Левинъ. Тамъ идетъ значительная покупка, пріемка и отправка сала подъ конецъ навигаціи, а также продажа товаровъ нашего казанскаго завода. Въ пятидесятыхъ годахъ прошедшаго столѣтія нашу коммиссію тамъ исполнялъ подрядчикъ Константиновъ, затѣмъ Иванъ Львовичъ Санинъ, потомъ Семенъ Ивановичъ Шитиковъ, а въ концѣ семидесятыхъ гг. началъ ее исполнять И. И. Левинъ.

Таганрогское дѣло, впослѣдствіи перенесенное въ Ростовъ на Дону, началось съ того, что мы въ 1856 году послали съ казанскимъ купцомъ Матвѣемъ Савельевичемъ Подуруевымъ нѣ-

(Снимокъ 1885 года.)

Сергѣй Константиновичъ
Крестовниковъ.

(Снимокъ 1862 года.)

сколько сотъ пудовъ стеариновыхъ свѣчъ въ Таганрогъ, гдѣ онъ имѣлъ свое дѣло. Онъ, въ свой чередъ, поручилъ продажу нашихъ свѣчъ греку Зифириди, съ которымъ потомъ съ трудомъ разсчитались. Съ весны 1857 года мы открыли въ Таганрогѣ свою контору; завѣдывалъ ею до 1864 г. Дмитрій Юрьевичъ Миліоти, получая 2½ % коммиссіи. Съ 1864 до 1867 года Ростовскою на Дону конторою завѣдывалъ Константинъ Константиновичъ Крестовниковъ; съ 1867 по 1874—Іосифъ Константиновичъ Крестовниковъ; съ 1874 по 1780—Артуръ Романовичъ Кёлеръ, а послѣ него Левинъ, братъ Ив. Ив. Левина. Въ началѣ 60-хъ годовъ дѣла потребовали перенесенія конторы изъ Таганрога въ Ростовъ на Дону, гдѣ она съ тѣхъ поръ и находится. Назначеніе ея заключается въ продажѣ нашихъ заводскихъ произведеній и покупкѣ мѣстнаго сала.

Къ району ростовской конторы прежде принадлежалъ весь Югъ, начиная съ Харькова, затѣмъ, всѣ черноморскіе города, за исключеніемъ Кавказа, и Константинополь. Впослѣдствіи выдѣлилась въ особый районъ Одесса и была открыта тамъ Одесская контора. До 1861 года нашимъ коммиссіонеромъ въ Одессѣ былъ нѣкто Спѣшиловъ, потомъ годъ или два одесское дѣло вѣдалъ Д. Ю. Миліоти, живя въ Ростовѣ на Дону, что оказалось неудобнымъ, почему оно вновь передано было на коммиссію Севастопуло, который вскорѣ обанкротился, заложивъ нашъ товаръ отъ своего имени. Мы потеряли за нимъ болѣе 40 тыс. руб. сер.! Случай этотъ заставилъ насъ основать въ Одессѣ свою контору.

Астраханское дѣло до его закрытія было все время на рукахъ у Ивана Петровича Веденисова, получавшаго 2½ % коммиссіи. Онъ продавалъ наши заводскіе товары и такъ какъ къ Астраханской конторѣ относились Кавказъ и Персія, то запродажи туда нашею лавкою въ Нижегородской ярмаркѣ поступали къ исполненію въ Астраханскую контору, которая сдавала товаръ и разсчитывалась. Впослѣдствіи центръ нашей торговли съ Кавказомъ и Персіею передвинулся къ югу въ г.

Баку, гдѣ въ 1887 году учреждена была ярмарка. Въ этотъ годъ была открыта и нашимъ Товариществомъ бакинская контора, замѣнившая астраханскую.

Нижегородская ярмарка. Во время существованія нашей ткацкой фабрики, слѣдовательно, и торговли ткацкими товарами, мы имѣли въ ярмаркѣ лавку въ Панскомъ ряду, а съ 1856 года, съ открытія производства на стеариновомъ заводѣ въ Казани—въ Мыльномъ ряду. Ярмарочное дѣло всегда было на рукахъ у брата Александра Константиновича. «Въ первый разъ», пишетъ онъ въ своемъ письмѣ, «я былъ взятъ отцомъ въ ярмарку въ 1839 году на 15-омъ году жизни, а послѣдній разъ былъ въ Ярмаркѣ въ 1880 г.—всего былъ въ ней 41 разъ».—Я былъ у него помощникомъ въ 1848 и 1849, въ 1852 и 1853 годахъ, затѣмъ, я неоднократно пріѣзжалъ на ярмарку, живя уже въ Казани, но не въ качествѣ прямого участника въ текущихъ ярмарочныхъ дѣлахъ. Братъ Владиміръ Константиновичъ помогалъ брату Александру Константиновичу въ ярмаркѣ въ 1850 г. На ярмарку до конца жизни, лѣтъ 25, ѣздилъ изъ Казани Иванъ Терентьевичъ, занимавшійся тамъ лавочной торговлею. Въ началѣ сороковыхъ годовъ ѣздилъ на ярмарку братъ Константинъ Константиновичъ. Братъ Сергѣй Константиновичъ, начиная съ 1856 г., ежегодно бывалъ въ ярмаркѣ съ цѣлью свиданія и поторжекъ съ продавцами сала.

Наша торговая фирма послѣ дѣдушки Козьмы Васильевича измѣнялась въ слѣдующемъ порядкѣ. Съ 1815 по 1831 г., въ точности не знаю, какая была наша торговая фирма, въ которой участвовала наша бабушка Агапія Васильевна, умершая въ 1829 году. Въ 1831 г. была утверждена фирма «Братья Крестовниковы», въ которой участвовали: Александръ, Ксенофонтъ и Константинъ Крестовниковы. Въ 1849 г.—«А. Крестовниковъ съ племянниками», въ которой участвовали: Але-

ксандръ Козьмичъ Крестовниковъ и родные его племянники: Александръ, Валентинъ, Константинъ и Николай Константиновичи Крестовниковы. Въ 1851 г. «Братья Крестовниковы», въ которой участвовали: Александръ, Валентинъ, Константинъ, Николай и Владиміръ Константиновичи Крестовниковы. Въ 1855 г. «Братья Крестовниковы и К°», въ которой участвовали всѣ семь братьевъ Крестовниковыхъ и Константинъ Константиновичъ Куманинъ.

Всѣ эти фирмы были товарищества на вѣрѣ.

Въ 1871 г. состоялось «Фабрично-торговое Товарищество Братьевъ Крестовниковыхъ на паяхъ», которое въ февралѣ 1901 г. пережило тридцать первый операціонный годъ.

Произведенія нашихъ фабрикъ и заводовъ удостоились на выставкахъ, какъ въ Россіи, такъ и заграницей многихъ золотыхъ медалей и пять разъ изображенія на товарахъ россійскаго государственнаго герба. Кромѣ того, лично нашъ отецъ и дядя Александръ Козьмичъ получили за качество товара нѣсколько золотыхъ медалей «за усердіе» для ношенія на шеѣ, а дядя—орденъ Св. Станислава 3 степени.

Удостоены званія Мануфактуръ-Совѣтника: Валентинъ Константиновичъ Крестовниковъ съ 28 марта 1882 года, кромѣ того, за выставку 1882 г. пожалованъ орденомъ Св. Станислава 3-й степени; Владиміръ Константиновичъ Крестовниковъ съ апрѣля 1897 г.; Григорій Александровичъ Крестовниковъ съ апрѣля 1894 г. и, кромѣ того, пожалованъ орденами до Св. Владиміра 3-й степени включительно и Іосифъ Константиновичъ Крестовниковъ съ 1-го января 1902 года.

Дѣтство и юность насъ, братьевъ.

Пора нашего дѣтства прошла въ домѣ у Покровскихъ казармъ, съ его садами и обширнымъ дворомъ, гдѣ мы въ лѣтнее время рѣзвились на привольѣ и играли въ разныя игры чуть не цѣлый день и только по утрамъ, бывало, засадятъ насъ на короткое время за букварь. Помню нашихъ учительницъ, Марью Ивановну и Екатерину Ивановну Кудрявцевыхъ (нынѣ умершихъ), представлявшихъ собою типы тогдашнихъ институтокъ. Онѣ не имѣли ни малѣйшаго понятія о жизни, всѣмъ восторгались, во всѣхъ влюблялись. Душка, божество, восхитительно, божественно—обычныя ихъ восклицанія кстати и некстати.

Кромѣ дѣвицъ Кудрявцевыхъ у насъ были въ разное время иностранцы—гувернеры и гувернантки: M-me Perret, M-r Christin со своимъ сыномъ Жакомъ и нѣмецъ Карлъ Карловичъ, фамилію не помню. Иностранныхъ воспитателей мы не долюбливали, частенько потѣшались надъ ними, за что они со своей стороны донимали насъ каждый по-своему. Французъ расправлялся съ нами плеткой, висѣвшей у него на стѣнкѣ, а нѣмецъ придумалъ за непослушаніе мыть намъ уши, подъ видомъ пріученія къ опрятности... ужъ и мылъ же онъ такъ, что мы готовы были бы перенести какое угодно наказаніе, только не это! Тотъ же нѣмецъ придумалъ прекрасное для него средство умѣрять нашу рѣзвость. Пойдетъ, бывало, съ нами гулять и сдѣлаетъ верстъ десять не отдыхая; возвратившись переутомленными, мы долго сидимъ смирно.

M-me Perret, не молодыхъ лѣтъ француженка, маленькая, тщедушная, въ чепцѣ, страшно коверкавшая русскую рѣчь, всегда возбуждала въ насъ желаніе потѣшиться надъ нею. Бывало, въ саду, играя въ пожарные, летимъ тройками съ краснымъ флагомъ прямо на нее, сидящую подъ деревомъ со

своимъ чулкомъ, и давай ее заливать. Тутъ и пожарные и изображающіе лошадей окружаютъ ее, начинаютъ тормошить съ крикомъ и визгомъ и приводятъ ея прическу съ чепцомъ въ такое состояніе, что она въ ужасѣ кричитъ: «я такой не привыка, разумѣй не привыка!» Это еще болѣе возбуждаетъ насъ, и мы долго не можемъ уняться, пока не придетъ наша няня Акулина Семеновна и не прикрикнетъ на насъ.

M-r Christin мало занимался съ нами, а больше проводилъ время въ подвалѣ, гдѣ стоялъ гидравлическій прессъ для паковки товаровъ, разыскивая секретъ—какъ дѣлается каллетовская свѣча, тогда только-что появившаяся въ Россіи и представлявшая большую выгоду, такъ какъ она продавалась по рублю серебромъ за фунтъ. Это было въ концѣ 30-хъ годовъ. Въ то время Шеврелевское открытіе стеариновой кислоты завладѣло вниманіемъ всей Европы, начали строить стеариновые заводы и варить мыло изъ олеиновой кислоты. Марсельцы первые начали варить это мыло и оно долго называлось, поэтому, марсельскимъ, а потомъ мраморнымъ, по внѣшнему виду похожимъ на мраморъ. Одинъ изъ такихъ мыловаровъ, Каллетъ, работая за границею на стеариновыхъ заводахъ и пріобрѣтя нѣкоторое знаніе въ производствѣ стеариновыхъ свѣчъ, явился въ Россію и увлекъ графа Сергѣя Григорьевича Строгонова къ постройкѣ стеариноваго завода въ Москвѣ. Впослѣдствіи этотъ заводъ арендовалъ Гикъ.

Нашъ отецъ подъ вліяніемъ M-r Christin также часто проводилъ досужее время въ подвалѣ за опытами прессованія сала. Отецъ и его вдохновитель полагали, что каллетовская свѣча есть не что иное, какъ продуктъ усиленной отжимки сала. Такое отсутствіе знакомства съ химіею не привело, конечно, ни къ чему, кромѣ пачкатни, однако, опыты продолжались и волновали отца надеждою на успѣхъ. Если бы онъ могъ видѣть теперь нашъ казанскій заводъ, какъ былъ бы онъ удивленъ и обрадованъ, что отыскиваемый имъ секретъ нами найденъ чрезъ 15 лѣтъ послѣ его кончины. Какъ будто бы онъ намъ пророчилъ, что жизнь наша будетъ тѣсно связана съ устройствомъ стеариноваго завода въ Казани!

У M-r Christin былъ сынъ Жакъ. Они оба жили въ нашемъ домѣ. Жакъ былъ съ дурными наклонностями. Будучи однихъ лѣтъ съ нами, онъ, какъ французъ, отличался бойкостью и шаловливостью. Словомъ, это былъ мальчикъ безнравственный, старавшійся и насъ вовлечь въ разныя продѣлки, на которыя онъ былъ особенно изобрѣтателенъ. Его отецъ часто училъ его плетью, висѣвшей всегда на опредѣленномъ мѣстѣ. Брать ее никому изъ насъ не дозволялось; мы только посматривали на нее, называя ее Жаковымъ учителемъ, и злорадствовали, когда доставалось Жаку отъ этого учителя, однако, злорадство это не проходило намъ даромъ. Когда, бывало, никого изъ старшихъ не было дома, Жакъ, вооружившись тою же плеткой, начиналъ гоняться за нами и хотя насъ было много, а онъ одинъ, но мы бѣгали, увертываясь отъ ударовъ, бѣгали отъ него въ страхѣ и трепетѣ, прятались, забивались подъ столы, подъ диваны. Спасеніе наше являлось съ приходомъ кого-либо изъ старшихъ и особенно его отца. На няню и горничныхъ Жакъ не обращалъ никакого вниманія, дулъ ихъ также плетью и продѣлывалъ съ ними разныя злыя шутки. Карьера этого Жака кончилась тѣмъ, что онъ принужденъ былъ бѣжать отъ насъ съ дачи, спасаясь отъ возмущенныхъ его поступками крестьянъ, искавшихъ случая намять ему бока. Мы жили тогда въ селѣ Покровскомъ-Глѣбовѣ. Тамъ среди лѣта онъ учинилъ злую продѣлку съ однимъ старичкомъ, отставнымъ чиновникомъ, одѣвавшимся въ оригинальную фризовую шинельку съ капюшономъ и относившимся съ надменностью къ простымъ смертнымъ. Старикашка не долюбливалъ француза, позволявшаго себѣ разныя выходки, показывавшія, что онъ ни во что не ставитъ служебныя заслуги русскаго чиновника, и его болѣе чѣмъ почтенную старость. Живя съ нами по сосѣдству, этотъ отставной служитель Ѳемиды всегда опасался, что французъ въ отсутствіе его что-нибудь набѣдокуритъ въ его квартирѣ, а потому, когда уходилъ, запиралъ кругомъ свою лачугу. Опасеніе его вскорѣ оправдалось. Неугомонный Жакъ не оставлялъ мысли пробраться къ старику и поставить у него все вверхъ дномъ. Въ одинъ прекрасный ве-

черъ, когда всѣ ушли ко всеночной, Жакъ, пользуясь этимъ случаемъ, пробрался къ старику чрезъ соломенную крышу и сдѣлалъ возмутительную вещь съ приготовленнымъ ему ужиномъ. Предвидя послѣдствіе своего поступка, Жакъ, несмотря на ночь, убѣжалъ въ Москву и съ тѣхъ поръ мы не видали его и что съ нимъ сталось, не знаю.

Наша няня **Акулина Семеновна** была замѣчательная няня, какъ по умѣнью обращаться, усмирять и ублажать такую ораву изъ семи рѣзвыхъ мальчишекъ, какими были мы, такъ и потому, что ей случалось няньчиться и ублажать нашего великаго поэта Пушкина, когда семья Пушкиныхъ бывала у ея барина Еропкина, крѣпостной котораго она была. По ея словамъ, ея баринъ страстно любилъ картежную игру и разъ съ нимъ былъ такой случай, что въ одну ночь онъ проигралъ не только всѣ деньги, имѣвшіяся при немъ, но и карету, четверку лошадей, лакея, кучера и форрейтора, ожидавшихъ его у крыльца дома, гдѣ онъ игралъ.

Акулина Семеновна, когда уходила со двора, часто возвращалась домой «съ мухой» и, признаться, это было для насъ самое веселое время. Мы радостно встрѣчали нашу старушку, замѣтивъ издали ея воодушевленное лицо, чепчикъ на сторону и особую разговорчивость. Обступивъ ее со всѣхъ сторонъ, мы задавали ей вопросы—гдѣ была, что видѣла и начинали съ ней балагурить. Тутъ-то она и разсказывала, бывало, про свою молодость, про жизнь своихъ баръ, какъ она и при какихъ обстоятельствахъ нянчила нашего великаго поэта. Рѣчь ея лилась далеко за полночь, и мы слушали ее, забывая о снѣ. А иной разъ она, бывало, начнетъ намъ разсказывать сказки про «спящую Царевну» или про «Бабу Ягу—костяную ногу» и, слушая ее, мы наполовину спали, такъ какъ, обыкновенно, это происходило въ поздніе часы вечера. Сказки эти повторялись сотый разъ, и, каждый разъ, мы слушали ихъ съ новымъ интересомъ. Сквозь одолѣвавшій насъ сонъ мы ловили нѣкоторыя фразы разсказчицы, дополняя остальное давно извѣст-

нымъ намъ содержаніемъ; впрочемъ, немногіе изъ насъ доживали до конца сказки съ неизмѣннымъ присловіемъ—«стали жить, да поживать, да добра наживать»!

Обыкновенно, насъ укладывали спать въ 9 ч. вечера, и въ это время въ нашей дѣтской наверху, въ 3-мъ этажѣ, мы предъ иконою «Спаса Нерукотвореннаго» повторяли за няней молитвы, затѣмъ, улегшись въ кровати, начинали допрашивать няню, кто изъ насъ умнѣе? Это представляло собою какъ-бы требованіе отмѣтокъ за наше поведеніе въ истекшій день. Допросъ этотъ шелъ по очереди отъ каждаго изъ насъ.—Няня, а няня—я уменъ?—Уменъ, батюшка, уменъ.—«Няня, а няня—а я умнѣе?»—Умнѣе, батюшка, умнѣе и т. д. Наконецъ, наша Акулина Семеновна, чтобы покончить наши съ ней разговоры, крикнетъ бывало: «всѣ вы дураки, если не замолчите и не уснете!»

Помню еще, къ намъ ходила какая-то нѣмка исполинскихъ размѣровъ, въ такомъ же чепцѣ и съ ридикюлемъ, походившимъ на дорожный мѣшокъ. Когда эта гигантская нѣмка двигалась по залѣ, и когда исполинскія оборки ея чепца становились при этомъ дыбомъ, намъ казалась она какою-то сказочною волшебницей, тѣмъ болѣе, что она все время гадала то на картахъ, то на кофейной гущѣ. Кстати сказать, она любила пить кофе, и ее всегда имъ угощали. Гадая, она сыпала остротами, прибаутками на ломаномъ русскомъ языкѣ, разсказывала новости и слухи и, такимъ образомъ, развлекала взрослыхъ, а для насъ, малолѣтнихъ, представляла какое-то загадочное явленіе. Звали ее, кажется, Каролиною Христофоровной и, какъ я догадываюсь, она была повивальною бабкой.

Помню также татарина Абдулку, являвшагося къ намъ каждый годъ по зимамъ съ мѣшкомъ каленыхъ орѣховъ въ качествѣ гостинца. Онъ служилъ при нашихъ лавкахъ въ нижегородской и ирбитской ярмаркахъ, былъ услужливъ, рас-

торопенъ и смѣтливъ. Отецъ любилъ его и баловалъ. Складъ его русской рѣчи насъ очень занималъ, также его халатъ, ичеги и чеплашка.

Съ появленіемъ Абдулки у насъ въ комнатахъ начинало пахнуть казанскимъ мыломъ или, какъ мы объясняли себѣ, нижегородской ярмаркой, такъ какъ нашъ отецъ, возвращаясь изъ ярмарки, каждый разъ привозилъ съ собою точно такой же запахъ. Отъ всего его платья отзывало мятой, корицей, гвоздикой, камфорой и др. эссенціями казанскаго душистаго яичнаго мыла. Въ то время считалось обязательнымъ привезти изъ ярмарки казанскаго душистаго мыла въ подарокъ или по порученіямъ родныхъ и знакомыхъ, поэтому, возвращавшіеся изъ ярмарки везли съ собою въ тарантасахъ цѣлые короба душистаго мыла и, понятно, весь багажъ съ платьемъ принималъ отъ него особенный татарскій запахъ, говорю—татарскій потому, что татары, обыкновенно, душатся розовымъ, коричнымъ, гвоздичнымъ и др. маслами.

Помню также, какъ бывало въ праздничные дни матушка имѣла обыкновеніе подносить людямъ послѣ нашего обѣда (въ часъ пополудни) по рюмкѣ «ерофеича». Подношеніе начиналось съ няни, Акулины Семеновны, затѣмъ слѣдовали: тучная кухарка Олена Ильинична, рябой Михаилъ — нашъ лакей, любившій резонерствовать съ такими движеніями губъ и бровей, что нерѣдко вызывалъ замѣчаніе нашего отца: «Михаилъ, когда ты перестанешь гримасничать; другой подумаетъ, что ты его дразнишь». Далѣе подносили шустрой горничной, не молодыхъ уже лѣтъ, Варварѣ; кучеру Ивану, по прозванью «Бурмистръ», дворнику Василію, по прозванью «Лапухъ», и сестрѣ нашей няни, прачкѣ Катеринѣ Семеновнѣ. Каждый изъ нихъ выпивалъ свою рюмку съ обычнымъ покрякиваніемъ и пожеланіемъ здоровья хозяевамъ. Насъ очень занимало—кто какъ выпьетъ свою рюмку и, бывало, смотримъ мы каждому въ ротъ и сами морщимся, когда выпивающій крякнетъ, дѣлая видъ, что онъ проглатывалъ что-то очень

крѣпкое и горькое. Ерофеичемъ называлась тогда водка, настоенная на разныхъ цѣлебныхъ травахъ, и давалась болѣе съ гигіеническою цѣлью. Нашъ отецъ заботился о здоровьѣ своихъ людей. Когда кто изъ нихъ захварывалъ и обращался къ нему, то получалъ порцію касторoваго масла, которое отецъ признавалъ за средство отъ всѣхъ болѣзней, и, въ большинствѣ случаевъ, лѣченіе его имѣло успѣхъ.

Всѣ упомянутые мною слуги, какъ живые, проходятъ въ моемъ воспоминаніи. Ихъ не забудешь, ими наполнялся нашъ дѣтскій міръ,—тотъ міръ, въ которомъ мы росли и набирались впечатлѣній!

Не разъ эти лица выручали насъ изъ бѣды, когда, бывало, мы что-нибудь напроказимъ. Такъ, однажды, изображая въ саду пожарныхъ, мы ужъ слишкомъ усердно тушили M-me Perret, такъ что старуха не на шутку разсердилась. Растрепанная, разобиженная, она въ началѣ обѣда обращается къ отцу съ жалобой, повторяя: «пошлепъ, пошлепъ, я разумѣй не привыка». Случайно въ этотъ день горячимъ была у насъ похлебка. Отецъ растерянно посматривалъ по сторонамъ, ничего не понимая; всѣ молчатъ; нашелся одинъ Михаилъ. «Это, сударь,— началъ онъ,—она хочетъ вамъ сказать, что она къ нашей русской похлебкѣ непривычна и привыкнуть не можетъ; натура у нихъ, французовъ, значитъ, слабая; вотъ хоть бы взять щи съ кашей или борщъ—совсѣмъ неподходящая для нихъ статья; у нихъ тамъ, сударь, все супами пробавляются». Отецъ велѣлъ впредь давать ей супъ, если она не можетъ ѣсть нашей похлебки; тѣмъ дѣло и покончилось. Съ тѣхъ поръ, однако, играя въ пожарные, мы перестали принимать нашу француженку за пожаръ и нашли въ саду другой воображаемый предметъ, требующій нашего тушенія.

Наши дѣтскія игры отражали въ себѣ, какъ въ зеркалѣ, ту жизнь, которая насъ окружала. Мы видѣли изъ оконъ нашей дѣтской, какъ мчались во всю прыть пожарные яузской части съ краснымъ флагомъ и съ вѣстовымъ впереди; какъ на площадкѣ Покровскихъ казармъ учились солдаты, расхаживали

офицеры, какъ молодые солдаты вытягивали и поднимали ноги и часто падали, маршируя гусинымъ шагомъ, и какъ ихъ за это били барабанными палками по ногамъ. Мы видѣли, какъ нашъ возчикъ Поликарпъ привозилъ изъ «Поляны» ткацкіе товары, какъ ихъ убирали въ кладовыя, какъ потомъ складывальщикъ Леонтій со своимъ помощникомъ Павломъ обращали ихъ въ своей мастерской въ аккуратныя штуки, накладывали на нихъ клейма, завертывали въ бумагу, наклеивали на нее красивые ярлыки съ изображеніемъ фабричныхъ корпусовъ и многихъ медалей. Мы видѣли, какъ въ зимнее время отправляли обозы съ товаромъ въ ирбитскую ярмарку, а лѣтомъ, въ іюнѣ, появлялись на нашемъ дворѣ хохлацкія фуры, запряженныя въ пары рогатыхъ воловъ, около которыхъ копошились хохлы въ перепачканныхъ дегтемъ рубахахъ и широчайшихъ штанахъ, какъ они укладывали на фуры кипы съ товаромъ, какъ укрывали ихъ циновками, свѣсивъ ихъ по краямъ фуры для стока дождевой воды. До насъ доходили слухи, что въ Москву пріѣзжалъ Царь, какъ бѣгалъ за нимъ народъ, крича ура!—Все это мы воспроизводили въ своихъ играхъ.

У насъ царицею была фарфоровая утка. Жила она, какъ и подобаетъ уткѣ, въ полоскательной чашкѣ, наполненной водою. Это былъ ея дворецъ, оберегаемый деревянными солдатиками и офицерами. Среди куколъ были и полковники, и генералы, и разныя барыни—ихъ жены. Всѣ эти куклы были прилично одѣты въ шинели и въ салопы съ мѣховыми воротниками. Матеріи и мѣха пріобрѣтались куклами на бумажные кружочки, изображавшіе деньги. Былъ гостиный дворъ; въ магазинахъ лежали товары, тщательно завернутые въ видѣ штукъ. Публика пріѣзжала за покупками то въ бумажныхъ коробкахъ, то на имѣющихся въ наличности колесныхъ игрушкахъ. Приходилось иногда такъ, что какой-нибудь полковникъ пріѣзжалъ на боченкѣ или на телѣгѣ съ дровами. Нерѣдко выѣзжала и царица. Ее сопровождали всѣ генералы, всѣ полковники и офицеры въ своихъ шинеляхъ съ мѣховыми воротниками.

Такъ какъ намъ дарили театры, то мы давали и спектакли. Зрительный залъ былъ сдѣланъ изъ толстаго картона, въ немъ были ложи и партеръ; сцена освѣщалась восковыми огарками, а куклы размѣщались по ложамъ и въ партерѣ.

Изъ красильни Александра Егоровича Найденова часто появлялся на нашемъ дворѣ возъ съ крашеной бумажной пряжею, укрытый бѣлымъ холщовымъ пологомъ. Мы любовались на разнообразіе цвѣтовъ этихъ мотковъ, когда возъ освобождался отъ покрова. Подражая, мы завели такіе же разноцвѣтные мотки, добытые нами отъ обрывковъ изъ кладовой, и точно также укладывали ихъ на возъ и возили по комнатамъ.

По иниціативѣ старшаго брата мы устроили товарищество на паяхъ для торговли чаемъ, который привозили намъ въ количествѣ одного цибика изъ нижегородской ярмарки. Паи съ вычурными орнаментами писались мною. Главной сбытчицей чая была Николо-Воробинская просвирня, съ которой мы сносились чрезъ нашу няню, часто ходившую къ службамъ въ эту ближайшую къ намъ церковь. Торговля наша шла не всегда удачно, бывали пропажи, заставлявшія директоровъ товарищества придумывать новые пути сбыта.

Не всегда, однако, наша ребяческая жизнь шла тихо и мирно. Молодая кровь требовала возни и удали, доходившихъ иногда до бурныхъ сценъ. За этими сценами слѣдовало наказаніе, сопровождавшееся слезами и ревомъ. Вообще, управляться съ такою оравой мальчишекъ было очень тяжело и не подъ силу нашей матери. Вслѣдствіе этого насъ вскорѣ послѣ смерти отца растассовали по родственникамъ:—брата Іосифа къ бабушкѣ Авдотьѣ Григорьевнѣ, брата Константина къ тетушкѣ Татьянѣ Александровнѣ. Братъ Владиміръ жилъ нѣкоторое время у Москвиныхъ, но съ нимъ тамъ не сладили и возвратили домой. Когда меня и его отдали въ 3-ю реальную гимназію, то помѣстили насъ въ качествѣ нахлѣбниковъ къ учителю чистописанія Леопольду Гавриловичу Клейнъ, пансіонъ котораго находился на Варварской площади. До гимназіи я

былъ отданъ въ пансіонъ Брюло, на большой Никитской, въ домѣ, гдѣ теперь реальное училище, и былъ взятъ оттуда, какъ только умеръ отецъ. Еще ранѣе, въ возрастѣ 7 или 8 лѣтъ, меня отправляли съ дворникомъ Василіемъ Лапухомъ въ Петропавловскую школу, гдѣ, впрочемъ, я пробылъ менѣе года. Тамошнее нѣмецкое начальство, директоръ Шредеръ и инспекторъ Петерсонъ придерживались тевтонской строгости съ учениками, и я помню, что въ первый же день моего поступленія я былъ высѣченъ, за что—не знаю, а впослѣдствіи частенько стаивалъ на горохѣ на колѣняхъ и былъ битъ линейкой по ногтямъ пальцевъ, сложенныхъ въ пучекъ, что причиняло страшную боль.

Возвращаясь къ бурнымъ сценамъ нашей ребяческой жизни, долженъ сказать, что онѣ повторялись довольно часто и грозили иногда нашему здоровью. Бывало, накажутъ брата Владиміра, а онъ въ отместку убѣжитъ зимой въ одной рубашкѣ на дворъ и бѣгаетъ тамъ вокругъ громадной кучи снѣга, такъ что поймать его стоило не мало хлопотъ. Разъ за наказанье меня не пустили въ садъ и, представьте мое положеніе,—я долженъ былъ смотрѣть изъ затвореннаго окна на игры братьевъ и казниться! Не тутъ-то было, я началъ такую симфонію на весь домъ, что хоть уши затыкай, и, въ концѣ-концовъ, хватилъ кулакомъ въ стекло, разбилъ его и поранилъ себѣ руку.

Подъ какой-то праздникъ, когда матушка была у всенощной, я вспылилъ на кого-то изъ братьевъ, схватилъ нянину табакерку съ портретомъ Багратіона на крышкѣ и запустилъ ею, и попалъ въ зеркало съ такою силой, что не только досталось Багратіону и разлетѣлся мамыкинскій табакъ, но непоздоровилось и зеркалу. Матушкѣ, по возвращеніи изъ церкви, пришлось произвести надо мною судъ и расправу. Такъ какъ наказанія бывали часто и сопровождались ревомъ, то, понятно, каково было матушкѣ управляться съ такою оравой мальчишекъ!

Живя наверху, мы никогда не сходили внизъ по ступенькамъ лѣстницы, а скатывались по тетивѣ на одной ножкѣ, а когда уѣзжали старшіе, то катались съ этой лѣстницы въ кор-

зинѣ изъ-подъ бѣлья, засѣвъ въ нее самъ-четвертъ и хотя насъ отбарабанивало порядкомъ по ступенькамъ, но намъ было пріятно и весело, и мы снова-и-снова таскали корзину кверху и снова скатывались внизъ.

Всѣ описанныя мною игры и сцены происходили еще при жизни отца между мною и братьями Владиміромъ и Іосифомъ; братъ Сергѣй былъ еще очень малъ и притомъ больше лежалъ по случаю больной ноги; старшіе же братья уже ходили въ школу и если въ досужее время принимали участіе въ нашихъ играхъ, то не прямое, а косвенное—помогали устраивать театръ, устанавливать декораціи, освѣщать сцену или придумывали какую-нибудь новую игру.

Въ нижнемъ этажѣ нашего дома у Покровскихъ казармъ помѣщалась наша контора, съ обитателями которой мы водили знакомство, забѣгая въ лѣтнее время изъ сада, возились и шалили съ конторскими мальчиками, когда не было старшихъ приказчиковъ.

Изъ старшихъ приказчиковъ у меня остались въ памяти: Алексѣй Филипповичъ, фамилію не помню, Николай Николаевичъ Емельяновъ, Николай Максимовичъ Голубковъ, Иванъ Ивановичъ Брюшковъ, Иванъ Ивановичъ Кривошеинъ, Михаилъ Прокофьевичъ Муравьевъ, Иванъ Владиміровичъ Шестаковъ, Константинъ Егоровичъ Астафьевъ, Николай Николаевичъ Калитинъ.

Нѣкоторые изъ нихъ были особенно оригинальны и привлекали наше дѣтское вниманіе, падкое на все выдающееся, типичное.

Алексѣй Филипповичъ, доморощенный бухгалтеръ, пожилой, съ лысиной, старательно прикрываемой оставшимися косичками волосъ. Онъ любилъ «настоичку простую», о чемъ свидѣтельствовала его помятая физіономія съ довольно краснымъ носомъ.

Николай Николаевичъ Емельяновъ, бухгалтеръ, кончилъ курсъ въ Московскомъ Коммерческомъ училищѣ и получилъ въ награду «саблю,» сохранявшуюся въ кладовой. Мы часто

доставали эту саблю, забѣгая въ кладовую, играли ею, вынимали ее изъ тяжелыхъ металлическихъ ноженъ и т. д. Въ то время ему было лѣтъ 60, онъ былъ слѣпъ и сѣдъ. Онъ выросъ съ нашими стариками, дѣтьми дѣдушки, и помнилъ самого дѣдушку. Съ молоду онъ былъ ловкимъ танцоромъ, участвовалъ и былъ распорядителемъ на всѣхъ дѣдушкиныхъ балахъ и маскарадахъ, былъ хорошимъ собесѣдникомъ и собутыльникомъ. Женившись на дѣвицѣ, Аннѣ Ѳедоровнѣ Барсовой, онъ вскорѣ ослѣпъ. Его жена померла въ 1897 году и все время, послѣ смерти своего мужа, получала отъ нашей фирмы пенсію. Сынъ ея Вячеславъ Николаевичъ служилъ у насъ около 20 лѣтъ. Племянникъ ея Барсовъ служилъ долго на Кавказѣ, дослужился до чина генерала отъ артиллеріи и въ 1898 г. былъ назначенъ товарищемъ военнаго министра.

Сидитъ, бывало, Николай Николаевичъ въ конторѣ позади конторки Алексѣя Филипповича и понюхиваетъ табачокъ. Смотря въ пространство своими потухшими глазами, онъ съ важностью знатока дѣла (не надо забывать, что онъ издалъ свой курсъ торговой и фабричной бухгалтеріи) диктуетъ Алексѣю Филипповичу статьи въ дебетъ и въ кредитъ. Не всегда, однако, эта «правая рука» внимала гласу Николая Николаевича. Наставало такое время, когда бухгалтерія расклеивалась. Алексѣй Филипповичъ запивалъ и превращался изъ смиреннаго и послушнаго агнца въ сіятельнаго князя. Николай Николаевичъ въ этихъ случаяхъ ничего не могъ подѣлать со своей «правой рукой» и долженъ былъ, волей-неволей, мириться съ обстоятельствами. Когда, въ такое критическое время, Николай Николаевичъ усаживался въ свое бухгалтерское кресло и начиналъ нащупывать Алексѣя Филипповича, сей послѣдній дѣлалъ надъ его головой разныя уморительныя движенія руками и мало-по-малу входилъ въ роль сіятельнаго князя, начиналъ разсказывать, какъ онъ игралъ вчера съ генералъ-губернаторомъ въ вистъ, какъ потомъ заѣхалъ съ нимъ въ мало-ярославскій трактиръ, попили чайку съ «медвѣдемъ» и т. далѣе. Слыша это, Николай Николаевичъ смѣнялъ тонъ. «Ваше Сіятельство, простите, не догадался! Теперь значитъ, мы бухгал-

теріею заниматься не будемъ!» «Куда, братецъ, до бухгалтеріи-ли мнѣ теперь! Съ часу-на-часъ жду къ себѣ министра финансовъ! Вѣдь онъ, братецъ, совсѣмъ запутался. Встрѣчаетъ меня вчера въ трактирѣ и говоритъ: Ваше Сіятельство, взойдите въ мое положеніе, помогите—у меня такая неразбериха въ дѣлахъ, какой не пожелалъ бы злѣйшему врагу. Будьте милостивы, помогите!—Хорошо, говорю, заѣзжай ко мнѣ завтра, я всю твою канитель распутаю» и т. д.

Николай Максимовичъ Голубковъ, дѣдушкинъ приказчикъ, старикъ лѣтъ 80, но еще крѣпкій и бодрый; ходитъ, напримѣръ, отъ Покровскихъ казармъ къ Тріумфальнымъ воротамъ каждый день, утромъ и вечеромъ, пить чай, гдѣ въ одномъ изъ трактировъ, какъ онъ убѣдился, только и можно получить хорошій чай.

Старикъ въ молодости, надо полагать, былъ большой волокита. Сидитъ онъ, бывало, у окна и зорко слѣдитъ за красивыми женщинами, гуляющими на бульварѣ. Забавлялъ его одинъ курносый чиновникъ съ пряжкой за 25-лѣтнюю службу, такой же ловеласъ, должно-быть, какъ и онъ. Курносый не пропускалъ ни одной женщины, чтобы не заглянуть ей въ лицо, а нашъ Николай Максимовичъ, смотря на него изъ окна, заливался смѣхомъ, отпуская остроты на счетъ его носа.

Николай Максимовичъ до конца жизни считалъ себя единственнымъ знатокомъ дѣла въ конторѣ, хотя давно жилъ на покоѣ и ровно ничего не дѣлалъ, да и при дѣдушкѣ онъ былъ только исполнителемъ его приказаній и порученій. Онъ всѣхъ остальныхъ приказчиковъ обзывалъ «кантонистами» и иногда, послѣ какой-нибудь шутки съ нимъ этихъ кантонистовъ, пропадалъ на-долго изъ дома, появляясь, однако, ежедневно раннимъ утромъ у воротъ дома для свиданія съ дворникомъ Платономъ. «А что, братъ, какъ тамъ у нихъ идутъ дѣла? Чай безъ меня кантонисты-то совсѣмъ запутались? Самъ-то, чай не знаетъ, что дѣлать!» Дядюшка Александръ Козьмичъ, сидя за своей конторкой и покуривая изъ длиннѣйшаго чубука жуковскій табакъ,—онъ не выпускалъ изъ рта своей трубки—улыбается, бывало, когда ему докладывали о побѣгѣ Голубкова

и его переговорахъ съ дворникомъ Платономъ, и велитъ, бывало, передать Голубкову, что хозяинъ-де проситъ его вернуться, такъ какъ безъ него дѣла идутъ плохо. Слова эти передавались при первой же аудіенціи у воротъ и нашъ Николай Максимовичъ, порядкомъ похудѣвшій за это время отъ недостатка питанія и тревогъ, сіялъ радостью удовлетвореннаго самолюбія, и принимая покровительственный тонъ, говорилъ Платону: «Скажи, братецъ, самому-то, что завтра я вернусь.» Подобная исторія бѣгства Голубкова повторялась нѣсколько разъ въ году.

Иванъ Ивановичъ Брюшковъ, завѣдывавшій кладовыми, былъ человѣкъ безтолковый и крикливый. Онъ обладалъ какимъ-то особенно глухимъ голосомъ, похожимъ на голосъ чревовѣщателя, и всегда страшно обижался, когда провѣряли наличность товаровъ въ его кладовыхъ.

Иванъ Ивановичъ Кривошеинъ,—не мудрый управитель Полянской ткацкой фабрики. Личность эта съ плоскою физіономіей, лоснящейся отъ жира, съ мясистымъ, вздернутымъ носомъ, была крайне несимпатична. Лѣнивый и невнимательный къ дѣлу, онъ вдобавокъ питалъ страсть къ деревенскимъ дѣвкамъ, бравшимъ пряжу съ фабрики для размотки, и покровительствовалъ болѣе красивымъ и податливымъ. Другую страсть онъ питалъ къ своему коту «Феколкину» и, когда ложился спать, укладывалъ его у себя на животѣ. Кличка коту перешла отъ его бывшаго хозяина, сторожа Феколкина, отставного солдата Аракчеевскихъ военныхъ поселеній, любившаго разсказывать про ужасы того времени. Кривошеинъ жилъ на фабрикѣ и пріѣзжалъ въ московскую контору по вызову или въ опредѣленное время съ отчетами.

Михаилъ Прокофьевичъ Муравьевъ и **Иванъ Владиміровичъ Шестаковъ** весь день были въ лавкѣ, въ зеркальномъ ряду, и занимались торговлею. Муравьевъ, получившій въ средѣ своихъ товарищей кличку «подхалима», былъ тонкимъ политикомъ, ловкимъ и обходительнымъ торговцемъ. Встрѣчая покупателя, онъ всегда начиналъ свое привѣтствіе такъ: «наиглубоко-уважаемому, высокопочтеннѣйшему всенижайшій поклонъ

и т. д.» Шестаковъ, напротивъ, былъ прямъ и рѣзокъ, но болѣе заботливъ и аккуратенъ, чѣмъ Муравьевъ.

Константинъ Егоровичъ Астафьевъ и **Николай Николаевичъ Калитинъ,** кончившій курсъ въ Московскомъ Коммерческомъ училищѣ, были хорошими бухгалтерами и замѣчательными каллиграфами (ученики извѣстнаго въ Москвѣ каллиграфа Леопольда Гавриловича Клейна). Они вели нашу контору, послѣ смерти Алексѣя Филипповича, сначала подъ руководствомъ Николая Николаевича Емельянова, затѣмъ самостоятельно.

Иногда появлялся въ конторѣ **Александръ Егоровичъ Найденовъ,** красильщикъ—тихонькій старичокъ, образованный и деликатный. Наши старики, находясь съ нимъ въ постоянныхъ дѣлахъ, были душевно къ нему расположены. Сынъ его, Николай Александровичъ, учился въ Петропавловскомъ училищѣ, гдѣ и я былъ нѣкоторое время. Будучи нашимъ сверстникомъ, онъ былъ впослѣдствіи близокъ съ нашимъ старшимъ братомъ Александромъ Константиновичемъ и, вообще, съ нашей семьей. Насъ сближали общія воспоминанія о нашихъ старикахъ и о многихъ серьезныхъ и смѣшныхъ эпизодахъ изъ ихъ жизни. Николай Александровичъ не отказывался отъ общественной службы и несъ ее съ такимъ успѣхомъ, что въ день пятидесятилѣтняго юбилея Московской Биржи получилъ, какъ предсѣдатель Биржевого Комитета, безпримѣрную награду: Высочайшій рескриптъ и Станиславскую звѣзду, затѣмъ вскорѣ Владимірскую 2-й степени, а въ 1901 году, по случаю юбилея двадцати-пятилѣтняго служенія его предсѣдателемъ Биржевого Комитета, Бѣлаго Орла, оставаясь при всемъ томъ, по его желанію, въ сословіи купечества.

По сосѣдству съ нашимъ домомъ на Покровскомъ бульварѣ былъ домъ графа Мамонова, пріобрѣтенный въ пятидесятыхъ годахъ прошедшаго столѣтія Московскою Практическою Коммерческою Академіею. Ранѣе она находилась на Солянкѣ въ наемномъ домѣ.—Братья Александръ, Валентинъ, Константинъ и нашъ двоюродный братъ, Ваничка Веденисовъ, учились

въ Академіи уже въ то время, когда она находилась на Солянкѣ. Братъ Валентинъ сначала былъ отданъ пансіонеромъ въ Московское Коммерческое училище, что на Остоженкѣ, а потомъ переведенъ въ академію. Я послѣ пансіона Брюло былъ отданъ въ 3-ю гимназію (въ реальное отдѣленіе), что на Лубянкѣ. Директоромъ въ то время былъ тамъ Платонъ Николаевичъ Погарѣльскій, инспекторомъ Чермакъ, надзирателями Францъ Ивановичъ и Альбертъ Ивановичъ Верданъ, раззорившіеся ситце-набивные фабриканты. Въ эту же гимназію были отданы впослѣдствіи братья: Владиміръ, Іосифъ и Сергѣй.

Смерть отца потребовала участія нащихъ старшихъ братьевъ въ нашемъ торговомъ дѣлѣ и заставила ихъ выйти изъ академіи, не окончивъ курса. Матушка, затѣмъ, и насъ, меньшихъ братьевъ, брала изъ гимназіи раньше окончанія курса и пристраивала къ дѣлу. По поводу этого она была вызвана директоромъ, который увѣщевалъ ее не брать дѣтей изъ гимназіи до окончанія курса, но она не послушалась, держась того мнѣнія, что мы и безъ-того потомственные почетные граждане и выходной аттестатъ намъ никакихъ новыхъ правъ дать не можетъ, а привыкнуть къ дѣлу надо время.

Учились мы всѣ порядочно, но лучше всѣхъ насъ учился братъ Сергѣй. Братъ Валентинъ любилъ говорить по-французски съ Маріей Ивановной Кудрявцевой, нашей репетиторшей; мы же, прочіе братья, пренебрегали разговорной практикой. Покойный братъ Валентинъ Константиновичъ одинъ изъ всѣхъ насъ обладалъ, поэтому, основательнымъ знаніемъ языковъ—французскаго и англійскаго.

По лѣтамъ мы жили на дачѣ, то въ селѣ Иваньковѣ, то въ Покровскомъ-Глѣбовѣ-Стрѣшневѣ, то въ Кунцевѣ, то въ Елизаветинѣ; жили и одни, и вмѣстѣ съ Алексѣевыми, съ Куманиными. Кромѣ дѣвицъ Кудрявцевыхъ, у насъ въ разное время были и другіе репетиторы, которые лѣтомъ подготовляли насъ къ экзамену. Тогда экзамены въ гимназіяхъ бывали въ августѣ, послѣ вакаціи. Репетиторами у насъ были въ концѣ сороковыхъ годовъ: Василій Николаевичъ Крыловъ, а послѣ

него Евграфъ Васильевичъ Чешихинъ и Ульянъ Ивановичъ Вейхлеръ—студенты московскаго университета. Чешихинъ былъ также репетиторомъ у Леопольда Гавриловича Клейна, у котораго я съ братомъ, Владиміромъ, учась въ 3-й гимназіи, жили въ качествѣ нахлѣбниковъ. Чешихинъ, по окончаніи курса на математическомъ факультетѣ, служилъ въ саперахъ, дослужился до чина полковника, вышелъ въ отставку, поселился въ Ригѣ, имѣлъ большую семью и получилъ извѣстность своими изслѣдованіями исторіи, этнографіи и экономическаго положенія нашихъ прибалтійскихъ губерній и какъ редакторъ-издатель «Рижскаго Вѣстника».

Жизнь наша въ лѣтнее время въ селѣ Покровскомъ осталась у меня особенно въ памяти! Это было въ сороковыхъ годахъ. Молодыхъ людей нашего кружка собиралось много; толпою ходили купаться въ д. Щукино на Москву-рѣку; а то задумаемъ, бывало, кататься верхами на деревенскихъ лошадяхъ и кавалькада наша доходила до сорока и болѣе верховыхъ. Понятно, что умѣлыхъ ѣздоковъ было мало, и деревенскія лошади попадались часто некормленныя или съ норовомъ, поэтому, наша верховая ѣзда сопровождалась разными приключеніями.

Въ то время въ Покровскомъ жили—въ барскомъ домѣ въ бельэтажѣ, Владиміръ Семеновичъ и Елисавета Александровна Алексѣевы; въ нижнемъ этажѣ, въ одной половинѣ, жили мы съ матушкой, въ другой—Григорій Григорьевичъ Сапожниковъ, женатый на нашей двоюродной сестрѣ, Вѣрѣ Владиміровнѣ Алексѣевой, которую мы очень любили за ея прямодушіе и сердечность. Въ то же время тамъ жилъ и Петръ Семеновичъ Алексѣевъ со своей женой, Анной Герасимовной, и дѣтьми: дочерью Варварой, очень красивой, вышедшей впослѣдствіи за дворянина Рюмина; сыновьями: Дмитріемъ, женившимся на Рыбниковой; Семеномъ, женившимся на Анисьѣ Александровнѣ Алексѣевой; Алексѣемъ—на Мазуриной; Сергѣемъ—на казанской дѣвицѣ Софьѣ Ѳедоровнѣ Сѣдовой; Иваномъ, Владиміромъ (глухонѣмымъ) и Николаемъ. Въ описываемое мною время всѣ дѣти Петра Семеновича такъ же, какъ и дѣти Владиміра Семеновича—Александръ, Семенъ, Сергѣй, Надежда, Анна, Ека-

терина и Татьяна, за исключеніемъ только Вѣры,—были холостыми. Въ то же время въ Покровское пріѣзжали Веденисовы (Александръ Петровичъ Веденисовъ даже жилъ у Алексѣевыхъ), Быковскіе—Владиміръ, Иванъ, Петръ и Николай Андреевичи и многіе другіе молодые люди, почему и набиралось насъ такъ много. Иные годы въ Покровскомъ и въ Елизаветинѣ живали также семейства—Живаго Сергѣя Аѳанасьевича, Куманиныхъ и Москвиныхъ. Нашъ милый дядюшка, Григорій Александровичъ Москвинъ, любилъ пошумѣть и повозиться съ молодежью. Назначитъ, бывало, призъ—кто скорѣе вбѣжитъ на очень высокій стогъ сѣна или подзадоритъ насъ катать по лугу нашу любимую сестру Вѣру Владиміровну въ телѣжкѣ, на которой мы, обыкновенно, ѣздили въ городъ, и самъ принимаетъ живое участіе съ шумомъ, хохотомъ и заражаетъ насъ своимъ весельемъ!

Между Покровскимъ и Елизаветинымъ шла по березовой рощѣ «гладенькая» дорожка—мѣсто нашего сборища, свиданій и приключеній. По этой дорожкѣ въ праздничное время мы слонялись, бывало, съ утра до вечера. Нерѣдко играла въ Покровскомъ полковая музыка, преимущественно у нѣмцевъ по случаю «гебуртстаговъ» и другихъ семейныхъ праздниковъ. Каждое лѣто 15-го іюля, въ день именинъ дядюшки, Владиміра Семеновича Алексѣева, бывалъ торжественный обѣдъ съ музыкой; собиралось до 200 гостей. Балы и вечеринки слѣдовали одинъ за другимъ, но болѣе въ нѣмецкихъ семьяхъ, а у насъ часто устраивались катанья въ экипажахъ въ с. Троицкое, въ с. Братцево. Дачное общество было избранное, было много красивыхъ, образованныхъ и воспитанныхъ дѣвицъ. Тамъ жили тогда семейства—Мартыновыхъ, Валуевыхъ, Львовыхъ, Масловыхъ, Редлихъ, Фе, Форшъ, Гоеръ и др. Духъ тогдашней жизни въ Покровскомъ прекрасно передаютъ сохранившіяся у меня письма Семена Владиміровича Алексѣева къ моему старшему брату Александру Константиновичу въ Нижегородскую ярмарку 1846—48 годовъ. Въ этихъ письмахъ, кромѣ того, отражается, какъ въ зеркалѣ, горячій и увлекающійся темпераментъ самого автора писемъ.

Въ лѣтнее время, живя на дачѣ, мы не имѣли такъ часто случая пользоваться присутствіемъ съ нами отца, какъ въ зимнее время, когда, бывало, по утрамъ онъ приходилъ въ нашу дѣтскую повозиться съ нами. Бралъ, помню, меня за ноги и опускалъ головою внизъ или сажалъ меня къ себѣ на плечи и ходилъ по комнатѣ. Когда мы долго залеживались въ кроватяхъ или шалили, перескакивая и кувыркаясь въ однѣхъ рубашенкахъ съ одной постели на другую, являлся къ намъ отецъ со своими ременными помочами. Тутъ начиналась уже возня не на шутку, летѣли на воздухъ подушки, мы бѣгали съ крикомъ и визгомъ, увертываясь отъ ударовъ ременными помочами. Больше всѣхъ доставалось мнѣ, какъ самому юркому.

Наружный видъ нашего отца былъ не изъ красивыхъ. Онъ былъ хорошо сложенъ, средняго роста, волосы на головѣ темнорусые, брови густыя, взглядъ добродушный, но что его отчасти портило—такъ это рябинки на лицѣ и привычка моргать. Носилъ онъ, обыкновенно, бѣлый галстухъ, брилъ бороду, какъ и всѣ его современники. На балы и обѣды надѣвалъ синій тонкаго англійскаго сукна фракъ съ гладкими золочеными пуговицами. Въ своемъ бальномъ костюмѣ онъ былъ строенъ. Матушка же, будучи высокаго роста и прекрасно сложенной, въ парадномъ платьѣ была и красива и представительна.

Отецъ звалъ матушку Надеженькой, а она звала его по имени и отчеству. Мы были съ матушкой на вы, про отца—не помню. Мы, братья, звали другъ друга уменьшительно-ласкательными именами—Сашенька, Валенька и т. д. Нѣкоторые изъ братьевъ имѣли и прозвища: Валентинъ—Шикъ, Владиміръ—Пшикъ, Константинъ—Яби. Мы всѣ были рѣзвы, особенно я съ Владиміромъ; Константинъ и Іосифъ были болѣе покойнаго характера, а Сергѣй, простуженный или уроненный кормилицей въ младенчествѣ, болѣлъ ногой, которая перестала у него расти, и его постоянно лѣчили профессора Иноземцевъ и Матюшенковъ, держали ногу въ станкѣ, вытягивая ее и т. д.

Всѣ мы были отчасти застѣнчивы въ обществѣ чужихъ, но энергіи, прилежанія и усидчивости въ занятіяхъ было у

всѣхъ достаточно, учились посредственно, развѣ Іосифъ немного лѣнился.

Мы любили пѣть. Живя въ Покровскомъ, мы пѣвали въ тамошней церкви на клиросѣ вмѣстѣ съ Семеномъ Владиміровичемъ Алексѣевымъ, Семеномъ Петровичемъ Алексѣевымъ и служащими у Алексѣевыхъ—Сѣриковымъ, Брыткинымъ и др.— У меня и брата Владиміра были высокіе альта, перешедшіе потомъ въ тенора; такой же теноръ былъ и у брата Валентина; но теноръ брата Владиміра—грудной, сочный, высокій—обращалъ на себя вниманіе знатоковъ пѣнія, сожалѣвшихъ, что оставили безъ школы такой замѣчательный голосъ. У братьевъ Александра, Іосифа и Сергѣя были незавидные голоса.

Родители наши не пропускали въ праздничные дни церковныхъ службъ, заставляли и насъ ходить въ церковь. Когда мы жили въ нашемъ родовомъ домѣ у Покровскихъ казармъ, нашимъ приходомъ была церковь Иліи Пророка, что на Воронцовомъ полѣ. По праздникамъ служили въ ней всеночную и раннюю обѣдню. Позднія обѣдни бывали въ церкви Святой Троицы-на грязи, на Покровкѣ, въ приходѣ купца и фабриканта Молчанова (онъ былъ и ктиторомъ церкви), домъ котораго находился противъ церкви. Впослѣдствіи Молчановъ получилъ дворянское званіе.

Въ нашемъ приходѣ пѣлъ хоръ Прокофьева, отличавшійся громогласнымъ пѣніемъ, что отвѣчало вкусу того времени. Баса гремѣли такъ, что стекла звенѣли. Особенно жестоко исполнялся концертъ передъ Причастіемъ. Баса повторяютъ, бывало, вперемежку съ дискантами: «Слетѣлъ, слетѣлъ Гавріилъ!»—это было нѣчто потрясающее!

Настоятель церкви Иліи Пророка, нашъ духовникъ, Александръ Степановичъ Александровскій былъ предобрѣйшій человѣкъ, а отецъ-дьяконъ Ѳедоръ Петровичъ Орловъ—старецъ лѣтъ 80, начнетъ, бывало, читать на страстной недѣлѣ Евангеліе о страданіи Іисуса Христа, такъ и зальется слезами, и на долго прерываетъ чтеніе. Дьячекъ Ѳедоръ Михайловъ не отли-

чался притязательностью къ доброхотнымъ приношеніямъ прихожанъ, но нельзя того же сказать о пономарѣ Григоріи Малининѣ. Высокій, тучный, въ очкахъ, съ звонкимъ теноромъ—этотъ мужъ велій, въ противоположность отцу дьякону, былъ чувствителенъ исключительно къ подаяніямъ на тарелку, обносимую имъ въ праздничные дни и за всеночной и за обѣдней. Когда ему мало клали, онъ, не стѣсняясь, замѣчалъ прихожанину:—«что мало кладешь!»—На Пасхѣ эта притязательность доходила у него до виртуозности. Когда приносили на паперть пасхи и куличи для освященія, онъ появлялся съ поварскимъ ножомъ въ рукѣ и, кто мало давалъ, тому заносилъ онъ ножъ свой на половину кулича и пасхи... но, по мѣрѣ прибавленія звонкихъ монетъ, ножъ его отодвигался ближе и ближе къ краю.

Дядюшка Александръ Козьмичъ рѣдко хаживалъ въ нашъ приходъ, а если приходилъ, то непремѣнно въ компаніи или съ Лаврентіемъ Ивановичемъ Рождественскимъ, или съ Александромъ Егоровичемъ Найденовымъ. Дядюшка, вообще, любилъ компанію съ своими излюбленными, и когда отправлялся на фабрику, въ Поляну, всегда бралъ съ собою кого-нибудь изъ нихъ. Онъ любилъ также подтрунить надъ ними и добродушно посмѣивался, когда и они подтрунивали надъ нимъ.

Стоитъ, бывало, дядюшка въ нашемъ приходѣ, возлѣ него Лаврентій Ивановичъ. Подходитъ къ нимъ пономарь съ тарелкой. Дядюшка кладетъ двугривенный или четвертакъ, а Лаврентій Ивановичъ, посматривая на дядюшку, говоритъ пономарю: «Ишь-ты, подишь-ты, вонъ оно какъ! рѣдко да мѣтко!»

Лаврентій Ивановичъ былъ благословленымъ сыномъ нашего отца. У нашихъ родителей ихъ было двое: Лаврентій Ивановичъ и Иванъ Ивановичъ Дрожжинъ. За послѣдняго они отдали дальнюю переяславскую родственницу отца дѣвицу Вѣрочку (Вѣру Григорьевну). Мать Вѣрочкина—Марья Ивановна, по прозванью Куруша, жила вмѣстѣ съ дочерью въ нашей семьѣ. Вѣрочка поначалу учила грамотѣ старшихъ моихъ братьевъ, а Иванъ Ивановичъ ходилъ давать имъ уроки ариѳметики. И. И. Дрожжинъ кончилъ курсъ въ Московскомъ

Коммерческомъ училищѣ, служилъ въ Комитетѣ по снабженію войскъ, затѣмъ, бухгалтеромъ на Павловской казенной суконной фабрикѣ. Изъ оставшихся послѣ него дѣтей мнѣ извѣстны Надежда и Константинъ. Они еще здравствуютъ — первая живетъ въ Москвѣ, а второй нѣсколько лѣтъ тому назадъ служилъ при штабѣ Казанскаго военнаго округа и дослужился до генеральскаго чина. — Другой благословленый сынъ — Л. И. Рождественскій, смолоду занимавшійся развозною торговлею мануфактурными товарами. Онъ имѣлъ лошадку съ телѣжкой, на которой возилъ свой товаръ по знакомымъ ему домамъ. Съ такою же цѣлью онъ заѣзжалъ и къ намъ въ домъ. Отецъ любилъ его, кредитовалъ товаромъ, наконецъ, просваталъ ему дѣвицу Ольгу Алексѣевну. Впослѣдствіи Лаврентій Ивановичъ былъ богатъ, имѣлъ нѣсколько дочерей, повыдалъ ихъ за хорошихъ людей замужъ и всегда оставался признателенъ нашей семьѣ. Онъ, обыкновенно, говаривалъ: — послѣ Ольги Алексѣевны люблю я больше всего на свѣтѣ Крестовниковыхъ, да еще угольную печку, которую онъ самъ устроилъ и всѣмъ расхваливалъ, какъ замѣчательно экономичную.

Для характеристики Лаврентія Ивановича разскажу одинъ изъ эпизодовъ его жизни. Надо замѣтить, что это былъ человѣкъ, относившійся съ пренебреженіемъ ко всему иностранному, хотя, будучи малограмотнымъ, онъ никакого понятія о жизни иностранцевъ не имѣлъ, даже сомнѣвался въ существованіи Франціи, не говоря уже о другихъ государствахъ.

Государь Николай Павловичъ разъ встрѣчалъ Пасху въ Москвѣ. Событіе это подняло духъ москвичей, и въ ночь на Пасху народъ толпами повалилъ въ Кремль. Послѣ заутрени въ Успенскомъ Соборѣ Государь христосовался съ народомъ. — Л. И., само собою разумѣется, былъ уже тамъ. «По окончаніи службы», разсказывалъ онъ, «вижу, что батюшка-царь началъ христосоваться съ народомъ. Взыграло мое сердце! Стою въ толпѣ, какъ въ тискахъ, духота, дышать нечѣмъ, а въ самомъ какая-то сила. такъ вотъ и тянетъ за народомъ къ царскому мѣсту. Долго мы подвигались, наконецъ, и меня сподобилъ Богъ

подойти къ батюшкѣ-царю, и взялъ онъ меня за плечи, низко таково наклонился (Л. И. былъ малаго роста), звонко сказалъ: Христосъ воскресе! и троекратно меня облобызалъ. Тутъ я прослезился и не помню какъ увлеченъ былъ толпою насредину Собора. Стою и не могу глазъ оторвать отъ батюшки-царя, и захотѣлось мнѣ вторично похристосоваться съ нимъ. Стою да размышляю:—а ну какъ онъ, батюшка, замѣтитъ, что я второй разъ къ нему подхожу, прогнѣвается, сошлетъ въ Сибирь и погибъ человѣкъ! Желаніе побороло, однако, страхъ, и я двинулся снова, подхожу ни живъ, ни мертвъ. Онъ, батюшка, еще разъ троекратно облобызалъ меня. Никогда не забуду я этого дня! Поди, не всякому выпадетъ такое счастье!» съ гордостью заканчивалъ свое повѣствованіе Лаврентій Ивановичъ.

Долженъ упомянуть еще, что прихожанами ц. Иліи Пророка были тогда Василій и Петръ Николаевичи Усачевы, домъ которыхъ на Земляномъ Валу съ большимъ роскошнымъ садомъ, купленный потомъ Герасимомъ Ивановичемъ Хлудовымъ; затѣмъ, семейства Лукутиныхъ, Малютиныхъ (Павелъ и Александръ Ерофеевичи) и Власовыхъ. Усачевы были тогда извѣстными лошадиными охотниками въ Москвѣ. Бывало, Василій Николаевичъ несется на своемъ рысакѣ мимо нашего дома въ Гостинный дворъ, гдѣ была его оптовая чайная торговля!

Въ то время, когда мы жили у Покровскихъ казармъ, наши родители, обыкновенно, обѣдали по воскресеньямъ у Куманиныхъ, въ Подновинскомъ. Насъ брали съ собой поочереди, то тѣхъ, то другихъ. Поѣздки эти совершались въ громадной коляскѣ на стоячихъ рессорахъ, съ откидными ступеньками, по которымъ мы взбирались и размѣщались, затѣмъ ступеньки съ шумомъ снова закладывались одна на другую и закидывались внутрь коляски. У Куманиныхъ тетушка Татьяна Александровна подчивала насъ вареньемъ, апельсинами, яблоками, грушами, а въ концѣ лѣта и шпанскою вишнею изъ своего грунтоваго сарая. Мы ходили по большимъ заламъ изъ угла въ уголъ, смотрѣли въ окна на проѣзжающихъ и вполголоса передавали

Валентинъ Алексѣевичъ Куманинъ.

другъ-другу о томъ, что видѣли; рѣзвиться и шумѣть не позволялось.

Послѣ обѣда Валентинъ Алексѣевичъ уходилъ отдыхать, и когда снова появлялся въ залахъ, начинался чай. Ему наливали въ большую фарфоровую чашку. Чай заваривался не въ одномъ большомъ чайникѣ, какъ вездѣ, а въ полдюжинѣ очень маленькихъ, и разливался въ чашки понемногу изъ каждаго чайничка.

Послѣ чая старшіе садились играть въ карты — въ вистъ или ералашъ, а насъ начинали собирать домой. Такой воскресный обѣдъ бывалъ у тетушки и послѣ смерти Валентина Алексѣевича.

Большой интересъ имѣли для насъ Куманинскіе обѣды на масленой недѣлѣ и на Святой, когда въ Подновинскомъ бывало катанье. Катались въ рядахъ, въ красивыхъ экипажахъ парами и четверками съ форейторомъ; играла музыка; изъ балагановъ, тянувшихся по всему гулянью, выходили на балконы паяцы; между рядами экипажей гарцовали верховые. На Святой, въ хорошую погоду, насъ водили на гулянье, а иногда и въ балаганы, гдѣ подъ музыку и ружейные выстрѣлы шла какая-нибудь война—русскихъ съ кабардинцами. Восторгу нашему не было конца!

Бывало, Валентинъ Алексѣевичъ и Григорій Александровичъ, дома которыхъ были рядомъ, велятъ заложить своихъ породистыхъ лошадей и отправятъ молодежь кататься въ рядахъ по гулянью, а сами смотрятъ изъ оконъ, чьи лошади статнѣе и лучше идутъ. Одно время у Валентина Алексѣевича была прекрасно съѣзженная цугомъ четверка вороныхъ, завода Воейкова. Помню также пару соловыхъ у Константина Константиновича Куманина. Валентинъ Алексѣевичъ и Григорій Александровичъ были завзятыми лошадиными охотниками; разговоры и споры о лошадяхъ бывали часто. Валентинъ Алексѣевичъ въ молодости самъ проѣзжалъ на бѣгу своего «Быстраго» — рысака Орловской породы. У него гащивалъ по зимамъ извѣстный воронежскій помѣщикъ и коннозаводчикъ Василій Петровичъ Воейковъ, тогда уже старикъ; также не-

рѣдко наѣзжали къ нему богатые воронежскіе купцы Нечаевы, страстные лошадиные охотники; тамбовскій помѣщикъ Доломановъ; Игнатій Спиридоновичъ Спиридоновъ, гусаръ и ремонтеръ; Василій Ивановичъ Коптевъ—служившій при коннозаводствѣ, и Жуковъ—барышникъ и торговецъ шорнымъ товаромъ. Это былъ кружокъ лошадниковъ и въ немъ шли разговоры, споры и шутки только на тему о лошадяхъ.

Разъ дядюшкѣ Григорію Александровичу продали слѣпую лошадь, и онъ этого не замѣтилъ. Тайна обнаружилась и долго была предметомъ шутокъ и остротъ надъ бѣднымъ дядей. Отъ быстрой ѣзды ему часто приходилось гдѣ-нибудь въ ухабѣ—тогда ухабы были въ Москвѣ не такіе какъ теперь—вылетать изъ саней, что служило опять-таки предметомъ шутокъ и смѣха.

Кромѣ любимой темы о лошадяхъ, Валентинъ Алексѣевичъ заводилъ иногда рѣчь о городскомъ хозяйствѣ, которое не было ему чуждо, какъ бывшему въ 40-хъ годахъ городскому головѣ. Въ то время онъ жертвовалъ большія суммы на разныя благотворительныя учрежденія, главнымъ же предметомъ его благотворительности было московское мѣщанское училище. Во время служенія городскимъ головой, юрисконсультомъ у него былъ нѣкто Иванъ Петровичъ Модзалевскій, служившій въ Гражданской Палатѣ. Этотъ господинъ цѣлыя ночи проводилъ за картами съ богатыми купцами и съ большою выгодой для себя. Подъ веселый часъ онъ самъ хвалился, что на выигрышныя деньги купилъ два имѣнія и назвалъ ихъ: одно—Преферансомъ, другое—Ералашемъ.

Въ карточной игрѣ съ Валентиномъ Алексѣевичемъ и Григоріемъ Александровичемъ завсегдашними партнерами были: Петръ Ивановичъ Куманинъ, Петръ Ивановичъ Веденисовъ, Николай Борисовичъ Страховъ, Иванъ Петровичъ Модзалевскій, Василій Ивановичъ Борисовскій, Александръ Владиміровичъ Третьяковъ, Михаилъ Степановичъ Фроловъ, Иванъ Дмитріевичъ Аѳанасьевъ, Василій Ивановичъ Коптевъ, Ложешниковъ, Жуковъ и всѣ тѣ вышеупомянутые лошадиные охотники, когда бывали въ Москвѣ.

Сергѣй Аѳанасьевичъ Живаго былъ гонителемъ карточной игры, но любилъ бесѣдовать о предметахъ важныхъ и умѣлъ говорить остро, красно и увлекательно. Разъ С. А. ужъ очень надоѣлъ Валентину Алексѣевичу своею проповѣдью противъ игры въ карты. «Послушайте, господинъ проповѣдникъ», раздраженно замѣтилъ Валентинъ Алексѣевичъ, «право лучше, по-моему, въ ералашъ играть, чѣмъ ералашъ болтать!»

Совѣщанія, какъ по городскимъ дѣламъ, такъ и по другимъ, происходили всегда въ кабинетѣ Валентина Алексѣевича. Въ то время тетушка Татьяна Александровна наблюдала за глубокою тишиной во всемъ домѣ и насъ, дѣтей, когда эти засѣданія случались въ дни праздничныхъ обѣдовъ, переводили въ дальнія комнаты. Разъ Григорій Александровичъ въ такомъ засѣданіи заснулъ въ креслѣ и захрапѣлъ, за что получилъ выговоръ и былъ удаленъ изъ засѣданія.

Когда же предметомъ засѣданія была кяхтинская торговля чаемъ, которую вели Куманины подъ фирмою «Алексѣя Куманина сыновей», главнымъ совѣтникомъ являлся Петръ Ивановичъ Куманинъ, бывшій нѣкогда обознымъ приказчикомъ въ чайномъ дѣлѣ фирмы, человѣкъ свѣдущій и очень умный. Онъ въ то время имѣлъ уже свое, отдѣльное отъ фирмы, дѣло въ Кяхтѣ и нажилъ милліонное состояніе. Сынъ его Петръ Петровичъ, прозываемый «Пьеръ де Пари», отличавшійся особеннымъ даромъ пускать деньги на вѣтеръ, женился на дочери Василія Николаевича Усачева—Александрѣ Васильевнѣ и съ чѣмъ-нибудь въ годъ прожилъ женинъ капиталъ въ 200 тысячъ рублей и столько-же, если не болѣе, отцовскихъ денегъ. Петръ Ивановичъ съ помощью графа Закревскаго сослалъ сына въ Вологду и держалъ его тамъ подъ строгимъ присмотромъ, а женѣ его сполна возвратилъ растраченный сыномъ капиталъ.

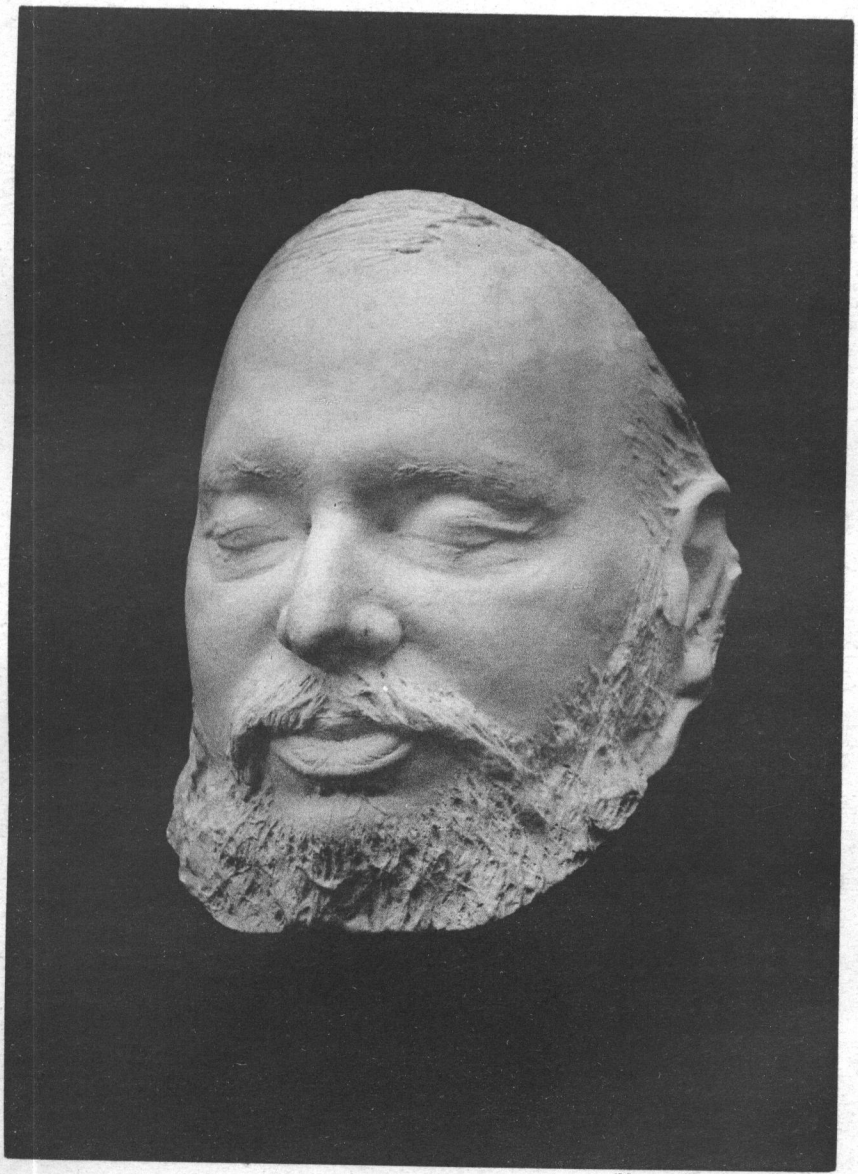
У фирмы Куманиныхъ ранѣе было большое сальное дѣло на С.-Петербургской Биржѣ. Они отправляли сало за границу и еще въ 50-хъ годахъ у нихъ былъ салотопенный заводъ въ Москвѣ, которымъ управлялъ купецъ Шоринъ.

Личность Валентина Алексѣевича была представительная, барская. Онъ былъ высокъ ростомъ и строенъ; манеры были

у него изысканныя, рѣчь плавная, мягкая, но внушительная, иногда шутливая съ примѣсью ироніи, при чемъ въ глазахъ его играла усмѣшечка. Бывало, вынетъ онъ свой большой фуляровый платокъ и золотую табакерку, величественно понюхаетъ изъ нея французскаго душистаго табаку, опахнется фуляромъ и начнетъ свою спокойную рѣчь съ шуточками и усмѣшечкой. Онъ былъ, однако, серьезенъ и сухъ въ противоположность дядюшкѣ Григорію Александровичу, всегда веселому, подвижному—несмотря на свою тучную фигуру. Оба были добродѣтельные и высоконравственные люди, какихъ въ то время было немного, а въ настоящее время еще менѣе. Тетушка Татьяна Александровна была олицетвореніе любви и материнской заботливости о ближнихъ, а въ особенности о своихъ племянникахъ и племянницахъ. Такими же были и всѣ сестры нашей матушки.

Григорій Александровичъ любилъ хорошо поѣсть, былъ членомъ Купеческаго клуба и не пропускалъ тамошнихъ обѣдовъ. Компаньономъ ему въ этомъ случаѣ былъ Николай Ивановичъ Четвериковъ, веселый холостякъ и великій гурманъ. Они были старшинами клуба, когда тамъ царилъ знаменитый поваръ Порфирій, и клубъ гремѣлъ своими лукуловскими обѣдами съ тысячными стерляжьими ухами. Петръ Ивановичъ Веденисовъ также былъ неравнодушенъ къ клубскимъ обѣдамъ и, бывало, возвратившись съ обѣда, заводилъ споръ съ Григоріемъ Александровичемъ о вкусовыхъ качествахъ блюдъ, но всегда оставался побѣжденнымъ. Григорій Александровичъ считалъ себя большимъ знатокомъ въ гастрономіи и любилъ похвастаться своими познаніями не на словахъ только, но и на дѣлѣ. Онъ задавалъ у себя дѣйствительно гастрономическіе обѣды. Помню, одинъ такой обѣдъ былъ данъ имъ собственно для племянниковъ и племянницъ, которыхъ оказалось у него болѣе 40 человѣкъ. Петръ Ивановичъ, жившій внизу у Куманиныхъ, долго приставалъ къ Григорію Александровичу включить его въ число своихъ племянниковъ и, конечно, былъ включенъ, хотя фактъ этотъ на долго былъ предметомъ шутокъ и смѣха въ нашемъ кружкѣ.

Помню также, какъ Петръ Ивановичъ хулилъ все иностран



(Маска снята съ усопшаго).

Григорій Александровичъ Москвинъ.

(Род. въ 1812 году, † 2 апрѣля 1862 г.).

ное, особенно иностранный покрой платья, и какъ его на эту удочку поймали. Дядя Григорій Александровичъ и братъ Валентинъ держались противнаго мнѣнія и чтобъ доказать, что они правы, выписали будто-бы фрачную пару изъ Парижа для брата Валентина, на самомъ же дѣлѣ достали изъ кладовой дядюшкинъ фракъ, въ которомъ онъ лѣтъ 25-ть тому назадъ вѣнчался. Конечно, фракъ былъ предварительно вычищенъ и пріутюженъ. Когда братъ надѣлъ его, Петръ Ивановичъ залился смѣхомъ и долго не могъ придти въ себя. Фракъ висѣлъ на братѣ, какъ на вѣшалкѣ! Мистификація эта была потомъ открыта Петру Ивановичу, но онъ, всклокочивая свой копнообразный шевелюръ, снова хохоталъ, не хотѣлъ вѣрить, такъ и остался при убѣжденіи, что этотъ уродливый фракъ въ самомъ дѣлѣ парижскій, но такъ какъ онъ оказался верхомъ безобразія, то и была придумана исторія о какой-то «мистификаціи».

Въ сентябрѣ 1846 года наша семья переѣхала изъ нашего родоваго дома въ домъ Сергѣя Аѳанасьевича Живаго въ газетномъ переулкѣ. Сначала мы жили во флигелѣ, на задахъ двора, а потомъ въ корпусѣ, направо изъ воротъ, фасадомъ по переулку. Думали было остаться въ своемъ домѣ на Покровскомъ бульварѣ, и дядя Александръ Козьмичъ обѣщалъ отдать намъ флигель, но, по настоянію тетки Марьи Ѳедоровны, отдалъ его Столярову.

У Сергѣя Аѳанасьевича Живаго мы сблизились съ его братомъ Осипомъ Аѳанасьевичемъ и съ его племянниками Василіемъ Ивановичемъ и Павломъ Григорьевичемъ Живаго. Тогда въ домѣ Живаго воспитывались ихъ родственницы дѣвицы Екатерина Павловна и Людмила Ивановна. Первая вышла замужъ за Оконешникова, вторая—за Блеко. У нихъ была прехорошенькая гувернантка Елена Осиповна, которая живымъ характеромъ, игрою и пѣніемъ обворожила всѣхъ насъ, не исключая нашего дядюшки Сергѣя Аѳанасьевича; мы всѣ влюбились въ нее и посвящали ей пламенные стихи.

Въ 1849 году октября 2-го въ послѣдней нашей квартирѣ у Живаго мы отпраздновали свадьбу нашего старшаго брата Александра Константиновича, а въ 1850 году купили съ помощью добрѣйшаго дяди Григорія Александровича Москвина домъ Алалыкина на Собачьей площадкѣ за 10 тысячъ рублей серебромъ, пристроили къ нему флигель съ кладовыми и конторскимъ помѣщеніемъ наверху. Такъ прожили мы на Собачьей площадкѣ вплоть до краха Ссуднаго Банка, т.-е. до 1875 года. Въ этомъ банкѣ участвовалъ братъ Александръ Константиновичъ въ качествѣ члена Совѣта, и такъ какъ домъ нашъ еще до банковскаго краха, послѣ смерти матушки, мы продали женѣ брата Софьѣ Юрьевнѣ (за 9 тыс. руб. сер.); въ 1875 году она продала его, и семейство брата переѣхало на Воздвиженку въ домъ Осиповскаго.

Въ 1845 г. братъ Валентинъ былъ отправленъ дядею Григоріемъ Александровичемъ Москвинымъ въ Англію для практическаго коммерческаго образованія. Въ томъ же году отправились въ Италію Сергѣй Аѳанасьевичъ Живаго съ тетушкой Екатериною Александровною по случаю болѣзни послѣдней. Съ ними поѣхалъ Иванъ Петровичъ Веденисовъ (Ваничка), будучи еще въ полномъ смыслѣ юношею. Его оставили во Флоренціи у купца Великанова, гдѣ онъ и пробылъ 4 года.

Братъ Валентинъ Константиновичъ вернулся въ Москву осенью 1848 г. и вскорѣ дядя Григорій Александровичъ открылъ съ помощью его заграничное дѣло по выпискѣ оттуда хлопка, шелка, шерсти, машинъ и по отправкѣ туда разныхъ русскихъ сырыхъ продуктовъ на продажу.

Въ 1855 г. братъ Валентинъ Константиновичъ принялъ на себя обязанность распорядителя по дѣламъ фирмы бр. Крестовниковыхъ и К° и отправился въ Казань основывать тамъ стеариновый заводъ. Въ томъ же году началась ликвидація дѣлъ фирмы «Г. Москвинъ и К°», а въ 1862 г., со смертью дяди Григорія Александровича, фирма прекратила свое существованіе.

Въ 1850 г. дядя Григорій Александровичъ отправилъ и меня въ Англію съ тою же цѣлью коммерческаго образованія. Мнѣ, однако, не пришлось пробыть тамъ долѣе восьми мѣсяцевъ. Смерть главы фирмы Крестовниковыхъ, дяди Александра Козьмича, была причиною моего скораго возвращенія.

Братъ Валентинъ Константиновичъ прожилъ въ Англіи 4 года; служилъ сначала въ конторѣ «Тундеръ», въ Манчестерѣ; потомъ въ конторѣ «Шредеръ», въ Ливерпулѣ и, затѣмъ, въ томъ же торговомъ домѣ въ Лондонѣ. Въ письмахъ его изъ Англіи къ брату Александру Константиновичу отражается теплота его чувствъ къ намъ, братьямъ, къ матушкѣ и ко всѣмъ родственникамъ. Изъ Ливерпуля отъ 26-го января 1846 г. онъ писалъ матушкѣ: «Будьте увѣрены, что я буду поступать такъ, чтобы быть вамъ пріятнымъ, а если Богу будетъ угодно, то, съ Его великою помощью, можетъ быть, и успѣю быть полезнымъ себѣ и братьямъ. Это единственное мое желаніе и лучшая награда за мои малые труды. Эта надежда ободряетъ меня, и я готовъ работать столько, сколько въ состояніи».—Въ другомъ письмѣ, изъ Лондона отъ 30 октября 1846 г., онъ писалъ къ брату Александру Константиновичу: «Благодарю за увѣдомленіе насчетъ нашихъ дѣлъ. Съ Божьею помощью и при стараніи, хотя и не богато, зато честно и независимо проживемъ нашу жизнь. Блистать и наслаждаться—не намъ, но быть честнымъ и счастливымъ должно и возможно всякому. Весьма радуюсь, что братья учатся успѣшно. Браво, Владиміръ, браво! Вотъ и знай нашего Пшика, онъ разомъ и похвальный листъ схватилъ. Колинька также не отстаетъ и работаетъ, хотя ему труднѣе, потому что онъ съ большими учениками въ классѣ. Однако, онъ себя не уронилъ и безъ сомнѣнія будетъ всегда однимъ изъ лучшихъ, я въ этомъ увѣренъ. Осинька, хотя и остался въ первомъ классѣ, однако, я думаю, онъ тамъ теперь первымъ». Отъ 19 іюня 1846 г. изъ Лондона: «Торговыя дѣла у васъ очень незавидны, но я думаю, что, съ Божьей помощью, вы хорошо поторгуете въ Нижегородской ярмаркѣ. Дай-то Богъ!—Повѣрь, мои обстоятельства весьма плохи. Иногда приходитъ мнѣ въ голову, что, имѣя такой ничтожный капиталъ,

какъ и у всѣхъ насъ, я живу здѣсь—въ такой странѣ, гдѣ принужденъ тратить вчетверо противъ Москвы, и такимъ образомъ, проживя здѣсь два года, я истрачу половину всего, что имѣю,—и послѣ воротиться на родину! Хорошо, какъ успѣешь что-нибудь сдѣлать съ помощью другихъ, такъ тогда, разумѣется, выплатишь расходы двухлѣтняго прожитія въ Англіи, а если нѣтъ, то положеніе будетъ не изъ красивыхъ. Право, такія мысли мнѣ часто приходятъ въ голову и довольно только ихъ, чтобы породить смутное ожиданіе будущаго. Напримѣръ, вотъ я послалъ дядюшкѣ Григорію Александровичу счетъ моего здѣсь прожитка съ 30-го іюня 1845 г. до 30-го іюня 1846 г. на 215 фунтовъ стерлинговъ, что составитъ 4900 руб. ассигнаціями безъ проѣзда изъ Россіи, который мнѣ стоитъ около 800 руб. ассигнаціями,—все вмѣстѣ составитъ 5500 руб. ассигнаціями. Не правда-ли ужасная сумма?! Она равняется почти трехгодичному моему доходу! Уѣзжая изъ Москвы, я не зналъ ничего—за чей счетъ я буду имѣть мои финансы, которые также не были мнѣ ограничены какою-либо извѣстною суммою. Какъ это устроилось послѣ—не слышалъ-ли?»

Въ письмѣ отъ 7-го января 1848 г. изъ Лондона писалъ: «Весьма тебѣ благодаренъ за увѣдомленіе о ходѣ нашихъ дѣлъ и надо Бога благодарить за прибыль, которую мы имѣли въ истекшемъ году. Двадцать восемь тысячъ руб. асс.—капиталъ маленькій, но все-таки онъ служитъ обезпеченіемъ молодому человѣку къ началу жизни, и я благодарю Бога, что состояніе наше все улучшается и улучшается. Съ помощью Всевышняго, со средствами, которыя мнѣ дали, я надѣюсь быть независимымъ и, слѣдовательно, счастливымъ. Намъ теперь остается только жить друзьями и стараться помогать другъ-другу въ достиженіи цѣли: честнаго счастья, т.-е. пріобрѣтеннаго честными, благородными средствами. Да здравствуетъ согласіе! Да здравствуетъ братская дружба, высокая добродѣтель! Что же до меня—все зависитъ отъ вопроса: думаетъ ли дядя начать заграничное дѣло, или нѣтъ? Если да, то я предлагаю ему мои усерднѣйшія услуги и старанія, а если нѣтъ, то, возвратясь въ Москву, надѣюсь всегда найти приличное занятіе». Въ томъ

(Снимокъ 1870 года.)

Валентинъ Константиновичъ Крестовниковъ.

же письмѣ онъ пишетъ: «я просто считаю себя старикомъ! Вообрази, дочь Ефрема Осиповича уже 17-ти лѣтъ! Давно ли, кажется, какъ теперь помню, Ефремъ Осиповичъ женился, и жена его обѣщала меня взять съ собою въ институтъ, а вотъ уже 17 лѣтъ протекло! Какъ теперь помню, сидятъ у бабушки Авдотьи Григорьевны—она была въ то время не такъ здорова (это было въ домѣ на Никитской)—M-me Мухина съ мужемъ, и она мнѣ обѣщала тогда показать институтъ, представлявшійся въ моемъ воображеніи чѣмъ-то сказочнымъ. Слышу теперь, что они оба уже скончались!»

Какъ всѣ родные заботились о братѣ Валентинѣ, о его нравственности, какъ бы онъ не испортился на чужой сторонѣ! Въ письмахъ къ нему упоминаются заботы, чтобы онъ и въ церковь не забывалъ ходить и портвейна бы не пилъ и т. д. Тогда заграничный паспортъ стоилъ 500 р. с.; дозволялось ѣздить за границу только съ коммерческою цѣлью или съ цѣлью лѣчебною, при чемъ въ первомъ случаѣ требовалось ручательство торговыхъ фирмъ въ благонадежности поведенія ѣдущаго. Такъ въ мой отъѣздъ за границу такое ручательство представила за меня наша фирма слѣдующаго содержанія: «1850 года апрѣля 10-го дня торговый домъ А. Крестовниковъ съ племянниками, зная безпорочное поведеніе Почетнаго Гражданина, купеческаго племянника, Николая Константинова Крестовникова и искреннюю преданность его Всероссійскому Престолу, симъ удостовѣряетъ и ручается, что, изъявивъ желаніе отправиться за границу, онъ имѣетъ цѣлью единственно торговые обороты, въ политическихъ же дѣлахъ участія никакого не принимаетъ и принимать не будетъ, въ чемъ означенный торговый домъ принимаетъ на себя полную отвѣтственность».

Такою же заботою о нравственности проникнуто и письмо моего дяди Александра Козьмича ко мнѣ, когда въ 1849 г. въ январѣ мѣсяцѣ—мнѣ было тогда 17 лѣтъ, и я только-что вышелъ изъ гимназіи, пройдя въ ней 6 классовъ—онъ послалъ меня съ приказчикомъ Иваномъ Владиміровичемъ Шестаковымъ въ Ирбитскую ярмарку. Вотъ его письмо: «Москва 6-го февраля 1849 г. Любезный племянникъ Николай Константиновичъ, же-

лаю вамъ, во-первыхъ, добраго здоровья и всякаго благополучія, и, на первый вамъ случай поступленія на дѣло коммерческое, желаю счастливыхъ успѣховъ; но оно сначала покажется вамъ и новымъ и, можетъ быть, не такъ пріятнымъ, но по времени будетъ пріятнымъ. Я надѣюсь, что вы не оставите своимъ пособіемъ въ сей ярмаркѣ и, какъ лично васъ просилъ, будьте осторожны въ ярмаркѣ во всѣхъ случаяхъ, ибо въ оной много бываетъ непріятностей, въ особенности съ небывалыми, что надѣюсь исполните. Затѣмъ, желаю вамъ въ добромъ здоровьѣ возвратиться къ любезной родительницѣ вашей. Остаюсь любящій васъ Александръ Крестовниковъ».

Когда мы съ братомъ Іосифомъ отправлялись въ 1854 г. въ Оренбургъ за хлопкомъ и пришли проститься съ тетушкой Татьяной Александровной и своимъ крестнымъ отцомъ Валентиномъ Алексѣевичемъ, то они благословили насъ съ искреннимъ чувствомъ, и Валентинъ Алексѣевичъ нѣсколько разъ повторилъ намъ: «*трудитесь и будете богаты*».

Милый нашъ дядюшка Григорій Александровичъ, смотря на нашъ братскій трудъ, нерѣдко говаривалъ: «это будущіе Ротшильды!» Положимъ, дядюшкины слова не оправдались, и мы далеко не Ротшильды, однако, пробили себѣ дорогу къ довольству и почетному положенію въ обществѣ настолько, что не уронили значенія фамиліи, которую носилъ нашъ дѣдушка Козьма Васильевичъ.

Живя долго въ Казани, мы, братья, Константинъ, Николай, Іосифъ и Сергѣй, совсѣмъ отстали отъ московскаго общества. «Жизнь въ нашемъ московскомъ кружкѣ»—пишетъ изъ Москвы братъ Сергѣй отъ 15 іюля 1863 г. къ намъ въ Казань—«становится годъ отъ году невыносимѣе, такъ что намъ провинціаламъ не стоитъ ѣздить въ Москву съ цѣлью отдыха и развлеченія. Нашъ кружокъ давитъ своимъ богатствомъ». Братъ Константинъ пишетъ ко мнѣ изъ Москвы въ 1859 г.:—«въ Москвѣ чудятъ, особенно въ нашемъ обществѣ; повсюду эгоизмъ и натянутость. Каждый въ отдѣльности—добрый малый и могъ бы, кажется, быть пріятнымъ человѣкомъ, а въ обществѣ является совсѣмъ другимъ. Это такое общество, что

развѣ издали смотрѣть на него пригодно, а близко подходить рискованно,—какъ разъ спросятъ, много ли у Васъ денегъ, а у кого ихъ мало, тому такое общество чума».

Наша жизнь въ Казани сложилась такъ, что мы всѣ, казанскіе братья, переженились тамъ, на безприданницахъ, какъ и другіе братья въ Москвѣ, и все, что теперь имѣемъ, заработали трудомъ съ поддержкою крестнаго отца В. А. Куманина и дяди Г. А. Москвина.

Такъ какъ въ 40-хъ годахъ и до половины 50-хъ у насъ продолжалась еще торговля ткацкими товарами, то мы ежедневно отправлялись въ контору, на Покровскомъ бульварѣ, оттуда въ Зеркальный рядъ; ѣздили въ Ирбитскую и Нижегородскую ярмарки. Въ 1850 г. наша контора была переведена на Собачью площадку, въ домъ нашей матушки, потомъ она была у Москварѣцкаго моста, затѣмъ въ Юшковомъ переулкѣ, на Варваркѣ въ д. Барановой (нынѣ принадлежащемъ Купеческому Обществу) и, наконецъ, въ Грузинскомъ переулкѣ въ домѣ Строительнаго Варваринскаго Товарищества.

Въ Зеркальномъ ряду въ зимнее время мы съ утра до сумерекъ встрѣчали покупателей, показывали имъ товаръ, который они отбирали сами или давали намъ реестръ требуемыхъ ими товаровъ, съ приказомъ отправить ихъ въ такіе и такіе-то города или ярмарки. Потомъ мы вязали товаръ въ пачки, паковали ихъ въ кипы, ставили на кипахъ или коробахъ марку и отправляли ихъ чрезъ транспортныхъ подрядчиковъ въ мѣста назначеній. Въ экстренныхъ случаяхъ, тутъ же въ лавкѣ, писали счета и векселя,—и все это на морозѣ, доходившемъ иногда до 30° по Реомюру! Весною-же, когда начинали отходить стѣны, развивалась страшная сырость, со стѣнъ капало, по рядскому проходу текли ручьи и т. п. Зимой, чтобы согрѣться, мы тянули, бывало, веревку или ходили по нѣсколько разъ въ трактиръ Морозова, на Варварку, гдѣ купечество согрѣвало себя, обѣдая, попивая чаи и куря «жуковъ» изъ длиннѣйшихъ черешневыхъ чубуковъ. Въ свободное время мы играли въ шашки или забавлялись шутовствомъ проходимцевъ,—рядскихъ артистовъ, которыхъ было тогда очень много. Одинъ изъ нихъ

не любилъ, когда ему закричатъ «чу!», начиналъ неистово ругаться. Чу! раздавалось съ разныхъ сторонъ, ругань усиливалась и, наконецъ, артистъ убѣгалъ. Другого артиста заставляли кричать — «правейта!» — и онъ, изображая кучера, громовымъ голосомъ кричалъ на весь рядъ и получалъ за это подачку. Третій съѣдалъ на пари десятокъ калачей въ сухомятку и т. д. Всѣ эти дикія сцены вызывались нечеловѣческою обстановкой тогдашней рядской жизни.

Въ январѣ 1849 г. я отправился съ нашимъ приказчикомъ Иваномъ Владиміровичемъ Шестаковымъ въ Ирбитскую ярмарку тремя тройками въ компаніи со служащими отъ торговыхъ домовъ Рошфора и Матіаса.

Въ мѣховомъ пальто, въ волчьей шубѣ поверхъ пальто, опоясанный длиннымъ краснымъ кушакомъ крестъ-на-крестъ на груди, въ валенкахъ и, сверхъ того, въ огромныхъ, выше колѣнъ, овчинныхъ сапогахъ, въ бараньей шапкѣ съ наушниками — я ввалился на перины въ повозку, накрыли насъ мѣховымъ одѣяломъ, застегнули, и мы поѣхали. Ѣхали мы ровно 12 сутокъ почти безъ отдыха. Все время была метель при 20° мороза по Р.—Только въ Казани, въ гостиницѣ Одесса, мы, какъ слѣдуетъ, пообѣдали и отдохнули нѣсколько часовъ. Гостиницу эту содержалъ купецъ Макаръ Щербаковъ, прославившійся по разнымъ уголовнымъ дѣламъ, совершавшимся въ его заведеніи.

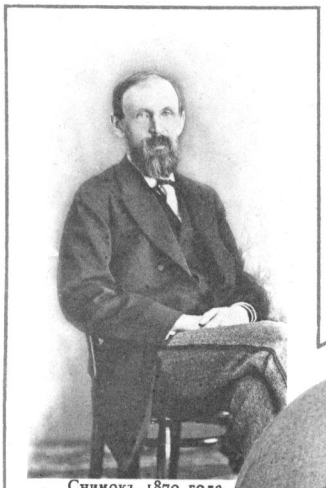
Обратный путь, въ Мартѣ, былъ одинаково продолжителенъ, но съ тою лишь разницею, что вмѣсто бурановъ, глубокихъ нырковъ и морозовъ, сопровождавшихъ насъ въ январѣ, стояла мягкая погода, повѣяло уже весной и солнышко начало грѣть, и на Волгѣ мѣстами показались полыньи. Въ одну изъ нихъ, подъ Василь-Сурскомъ, наша повозка провалилась, и перемокшіе мы шли во всемъ своемъ тяжеломъ облаченіи нѣсколько верстъ до города, гдѣ въ гостиницѣ сушили свою одежду и весь свой богажъ. Въ Ирбитской ярмаркѣ съ утра до вечера мы торговали въ лавкѣ на морозѣ, перебирая штуки коленкора и другихъ товаровъ, и завязывали ихъ въ пачки голыми руками, которыя отъ ледяного товара страшно зябли. Къ вечеру мы приходили въ свою квартиру, пили чай, закусывали, и, отогрѣв-

шись, начинали подготовлять къ слѣдующему дню счета, расписки, векселя, писали письма въ Москву и т. д.

Двѣнадцать сутокъ зимней дороги оставили во мнѣ сильное, но не скажу чтобы пріятное, воспоминаніе: коченѣютъ ноги, саднитъ лицо отъ мѣхового воротника, утомленіе и скука, доходящія до того, что начинаешь предаваться галлюцинаціямъ. Чего не передумаешь не переберешь въ своей памяти, лежа въ повозкѣ навзничъ и убаюкиваемый постоянной качкой и скрипомъ полозьевъ. Чего только не представляется воображенію, какія фантастическія фигуры рисуются изъ очертаній облаковъ, наконецъ, является благодатный сонъ, и проспишь, бывало, нѣсколько часовъ сряду, перекачиваясь какъ мертвое тѣло изъ стороны въ сторону, надѣляя тумаками своихъ сосѣдей и получая отъ нихъ такіе же тумаки. Но и при такомъ незавидномъ положеніи молодость находила мотивы веселости и поэтическаго настроенія. Просыпаешься, бывало, на утренней зарѣ, морозъ крѣпчаетъ, плотнѣе завертываешься въ мѣховое одѣяло и любуешься картиною разсвѣта. Блеснетъ лучъ восходящаго солнца, и засвѣтится неизмѣримая снѣжная равнина, заискрятся, засверкаютъ радужными цвѣтами безчисленные кристаллики, какъ какіе-нибудь самоцвѣтные камни, разсыпанные щедрою рукой волшебницы природы. А тамъ вдали, глядишь, поднимается дымокъ, другой, третій. Уносясь въ небесное пространство, они, подъ вліяніемъ утренняго солнца, кажутся такими воздушными, прозрачными и нѣжнолиловыми. И станетъ такъ весело на душѣ, смотря на эту дивную картину зимняго ландшафта!.

Какъ я упоминалъ выше, дядя Григорій Александровичъ Москвинъ въ 1850 г. отправилъ меня въ Англію, гдѣ я долженъ былъ выучиться англійскому языку и, затѣмъ, поступить въ лондонскую контору Дреперъ Пьетрони и К°. Я отправился въ С.-Петербургъ въ первыхъ числахъ мая въ почтовомъ дилижансѣ съ Василіемъ Ивановичемъ Плотниковымъ, завѣдывавшимъ дѣлами фирмы «Г. Москвинъ и К°» по очисткѣ товаровъ въ петербургской таможнѣ.

Въ это время братъ Константинъ жилъ въ Полянѣ. Тамъ шла стройка корпусовъ и установка машинъ. При проѣздѣ моемъ въ Петербургъ, онъ встрѣтилъ меня на почтовой станціи «Черная Грязь», въ 10 верстахъ отъ нашей фабрики. Вотъ что онъ писалъ Софьѣ Юрьевнѣ, спустя нѣсколько дней послѣ того: «Вы сообщаете мнѣ о проводахъ брата Николая, а я Вамъ, въ свой чередъ, напишу, какъ я проводилъ его. Увидавъ почтовый дилижансъ за 2 версты, я тотчасъ приготовилъ бутылочку шампанскаго, и лишь только онъ подъѣхалъ, я отворилъ дверцу въ то купе, гдѣ сидѣлъ братъ, а позади меня вылетѣла пробка и разбудила нѣмца, сидѣвшаго рядомъ съ братомъ. Тутъ я познакомился съ Плотниковымъ и, желая имъ добраго пути, а они мнѣ добраго житья въ Полянѣ и успѣха въ дѣлахъ, мы выпили шампанскаго, загудѣлъ рожокъ, и вдругъ мнѣ стало очень грустно. Не скрою, у меня и у него при прощаньѣ на вернулись слезы, и я сутокъ двое былъ самъ не свой. Впрочемъ, это мой недостатокъ, моя слабость, я сильно привязчивъ! Ну, дай Богъ ему быть счастливымъ, довольнымъ, а главное—покойнымъ, отъ души ему желаю!!» При постройкѣ бумагопрядильной фабрики въ Полянѣ, вся исполнительная часть лежала на братѣ Константинѣ, который, при довольно тяжеломъ характерѣ дяди Александра Козьмича, много перенесъ и труда, и непріятностей, и лишеній. Едва-ли было мѣсто, гдѣ отдохнуть отъ шума и гама и тяжелой работы по установкѣ машинъ. Братъ и Богданъ Францовичъ Прагстъ въ то время жили въ Полянѣ не лучше золото-искателей въ Калифорніи.—«Жизнь моя», писалъ братъ, «до того трудна и до того въ мои лѣта (20 л.) невыносима, что я забылъ думать обо всемъ хорошемъ, что можетъ возвысить человѣка. Я верчусь теперь въ мерзости и съ каждымъ днемъ становлюсь грубѣе!» Въ томъ же 1850 г. въ августѣ (отъ 7 и 10 чиселъ) дядя Александръ Козьмичъ писалъ брату Александру въ Нижегородскую ярмарку: «Товары, которые въ завалѣ не худо-бы какъ-нибудь сбыть; если случай будетъ, не упускайте его. Съ должниковъ, которые неблагонадежны, какъ случится, такъ и получайте,—все лучше, чѣмъ долѣе отлагать! Я живу въ По-



Снимокъ 1870 года.

Снимокъ 1888 года.

Константинъ Константиновичъ Крестовниковъ.

лянѣ; машины къ 15 сего мѣсяца всѣ будутъ въ ходу и прядутъ успѣшно и хорошо, только прядильщики не такъ хороши, надо бы получше, но это по времени устроится». Въ другомъ письмѣ пишетъ: «Хлопчатая бумага дорожаетъ и пряжу нашу желаютъ охотно купить, но ея напрядено разныхъ номеровъ только 150 пудовъ. Стараюсь, какъ можно, чтобы дѣло шло успѣшнѣе, но все не по желанію исполняется, потому что не вполнѣ въ хозяйскихъ рукахъ. На все смотри глазами мастеровъ, а имъ до успѣха и выгодъ фабриканта дѣла нѣтъ и не обращаютъ на то вниманія; если же понуждать, то навлечешь на себя неудовольствіе и притомъ ко вреду фабрики; что же можно подвинуть впередъ, не упускаю изъ виду».

Директорами Полянской прядильной фабрики послѣдовательно были: братъ Константинъ съ Богданомъ Францовичемъ Прагстомъ, Быковскій; далѣе подъ руководствомъ брата Владиміра — Францъ Францовичъ Прагстъ, Павелъ Григорьевичъ Осадчій, Малютинъ и снова П. Г. Осадчій. Владиміръ Константиновичъ жилъ на фабрикѣ въ Полянѣ болѣе 20 лѣтъ, затѣмъ, переѣхавъ въ Москву, управлялъ фабрикою до самой смерти. Онъ смотрѣлъ на нее, какъ на свое родное дѣтище: при немъ она родилась, на его глазахъ росла и возмужала.

Когда строилась Полянская бумагопрядильная фабрика, наша ткацкая фабрика еще продолжала работать, и въ то время (до 1854 года) занимался ею братъ Іосифъ, будучи 16-лѣтнимъ юношей.

Одновременно съ нами строилъ бумагопрядильную фабрику Сергѣй Алексѣевичъ Мазуринъ. Дядюшка, Александръ Козьмичъ, часто совѣтовался съ нимъ и ѣздилъ къ нему на фабрику, гдѣ директоромъ былъ тогда англичанинъ Сайксъ. Разъ онъ бралъ и меня съ собою. Какъ С. А. Мазуринъ, такъ и дядюшка, Александръ Козьмичъ, не дожили до полнаго оборудованія своихъ фабрикъ. Мазуринъ померъ 9 сентября, а дядя—26 ноября 1850 г.

Вотъ какъ описываетъ смерть С. А. Мазурина Александръ Ерофеевичъ Малютинъ въ своемъ письмѣ ко мнѣ въ Лондонъ: «Въ пріѣздъ Государя Николая Павловича въ Москву купече-

ство представлялось 9 сентября. Пріѣхавши изъ дворца на свою дачу въ Сокольникахъ, гдѣ жилъ этотъ годъ вмѣстѣ съ Анастасіей Константиновной Третьяковой, (С. А. Мазуринъ вдовецъ; былъ женатъ на сестрѣ Александра Владиміровича Третьякова) онъ закурилъ сигару и, взявъ подъ руку Анастасію Константиновну, повелъ съ ней разговоръ о предстоящемъ у нихъ на другой день пикникѣ, къ которому приглашенія были уже разосланы. Вдругъ ему сдѣлалось дурно, онъ упалъ. Послали за докторами. Въ Сокольникахъ не нашли ни одного; послали въ Москву, но когда явились доктора, было уже поздно. Послѣ удара онъ прожилъ около сутокъ. Вся Москва соболѣзнуетъ потерѣ лучшаго члена нашего купеческаго общества».

Въ 1853 г., по случаю крымской войны и блокады нашихъ портовъ англичанами, я и братъ Іосифъ въ началѣ декабря поѣхали въ Казань, чтобы съ наступленіемъ весны отправиться оттуда въ Оренбургъ и Троицкъ за среднеазіатскимъ хлопкомъ, такъ какъ, за неимѣніемъ американскаго и другихъ, ввозимыхъ къ намъ моремъ хлопковъ, пришлось бы на-долго остановить работу на Полянской фабрикѣ.

Наша поѣздка въ Оренбургъ за хлопкомъ являлась въ то время какимъ-то подвигомъ. Оренбургъ и Троицкъ представлялись тогда какою-то «terra incognita», населенною дикарями. Въ повозкѣ, въ костюмахъ, напоминающихъ обитателей полярныхъ странъ, я, братъ и два артельщика—Басовъ и Башковъ—отправились въ Казань съ тѣмъ, чтобы въ маѣ мѣсяцѣ пуститься оттуда въ дальнѣйшій путь. Въ Казани мы остановились въ номерахъ купца Жарова и, въ четыре мѣсяца пребыванія нашего тамъ, сблизились съ Петромъ и Иваномъ Андреевичами Быковскими, квартировавшими въ домѣ извѣстнаго своимъ чудачествомъ и по количеству выпиваемой ежедневно водки Гавріила Гавріиловича Носова; познакомились чрезъ рекомендательное письмо Валентина Алексѣевича Куманина съ Петромъ Леонтьевичемъ Крупениковымъ и сыномъ его, Петромъ Петровичемъ—большими кяхтинскими торговцами; познакомились съ семействомъ Петра Ивановича Котелова и сыномъ его,

(Снимокъ 1895 года).

Владиміръ Константиновичъ
Крестовниковъ.

(Снимокъ 1862 года).

Петромъ Петровичемъ, и многими купцами изъ русскихъ и татаръ. Купили у Садыкъ Курбангалеича Бурнаева, Субаева, Аитова 5 тыс. пд. хивинскаго хлопка, нѣсколько сотъ пд. бухарской пряжи, которая шла тогда на свѣтильню для сальныхъ свѣчъ, болѣе 5 тыс. пд. русскаго лѣсного орѣха и пр. Время не видать какъ шло! То пойдешь принимать хлопокъ, то орѣхъ и т. д. Бывало, придешь къ Бурнаеву, жившему въ прекрасномъ собственномъ домѣ, на Екатерининской улицѣ, принимать хлопокъ; онъ зазоветъ къ себѣ въ домъ и начнетъ угощать. Богатый и достаточно объевропеившійся, онъ былъ большой охотникъ до лошадей и въ домашней обстановкѣ его видна была роскошь, тѣмъ не менѣе, при входѣ въ его домъ чувствовался татаринъ. Онъ, какъ и большинство казанскихъ татаръ, былъ мужчина крупный и тучный; лицо его отъ жира лоснилось, какъ будто его вымазали масломъ и, бывало, когда къ нему придешь, онъ прежде всего заведетъ свой органчикъ. Когда музыка началась, онъ приступаетъ къ разговору; но вскорѣ удаляется и въ дверяхъ вмѣстѣ съ нимъ появляется «малай» съ подносомъ бокаловъ шампанскаго и сластей. Этотъ господинъ, хотя отчасти цивилизованный и богатый, имѣлъ татарскую привычку рыгать, что, повидимому, почитается у нихъ чѣмъ-то въ родѣ нашего шика и признакомъ довольства.

Намъ много помогалъ въ первый пріѣздъ нашъ въ Казань Дмитрій Андреевичъ Колотилинъ, знакомившій насъ съ тамошнимъ купечествомъ и обычаями. Кромѣ того, онъ развлекалъ насъ своими разсказами, всегда веселыми и оригинальными. Колотилинъ былъ комикъ замѣчательный! Его физіономія напоминала Живокини, извѣстнаго московскаго комика. Исполняя порученія дрогистовъ «Бр. Усачевыхъ въ Москвѣ», онъ и самъ имѣлъ свою москательную лавочку на толчкѣ. Въ проѣздъ Дмитрія и Константина Николаевичей Усачевыхъ въ Ирбитскую ярмарку Колотилинъ всегда встрѣчалъ ихъ и, когда извѣстный также своимъ комизмомъ Константинъ Усачевъ начиналъ трунить и острить надъ Дмитріемъ Индеичемъ (такъ называлъ онъ Колотилина), выходилъ преинтересный дуэтъ двухъ комиковъ!

Въ то время, когда мы зимовали въ Казани, тамъ находился и Иванъ Петровичъ Веденисовъ, поступившій къ Мальцеву на Гусевскій хрустальный заводъ. Онъ пріѣхалъ въ Казань и ждалъ тамъ весенней посудной ярмарки на Булакѣ. Помнится, онъ останавливался на квартирѣ у Быковскихъ, гдѣ мы и собирались всей нашей компаніей. Молодость придиралась ко всякому случаю, чтобы подтрунить надъ кѣмъ-нибудь, придумать комическую сценку, комическій разсказъ, чѣмъ особенно владѣлъ Иванъ Петровичъ, и начиналась та веселость молодости, которая окрыляетъ человѣка и дѣлаетъ его способнымъ преодолѣвать всякаго рода трудности, не замѣчая ихъ.

Въ нашей компаніи былъ также Савельевъ Викторъ Константиновичъ, нумизматъ, оставившій послѣ смерти богатую коллекцію древнихъ монетъ. Въ то время онъ служилъ на «вольной почтѣ». Этотъ развитой и добрѣйшій человѣкъ имѣлъ навыкъ говорить въ рифму, часто очень удачно, въ смыслѣ всегда безобидномъ, но не лишенномъ остроты и мѣткости. Мы подражали ему, хотя и не такъ удачно, но въ общемъ все это возбуждало въ насъ веселость.—Словомъ зима того года, полная для насъ новизны положенія, оставила намъ пріятную по себѣ память.

Полиція и городское хозяйство въ Казани были тогда въ ужасномъ запущеніи. По вечерамъ опасно было ходить. Сами блюстители порядка участвовали въ грабежахъ и насиліи, не говоря уже объ извозчикахъ и профессіональныхъ жуликахъ. По дамбѣ, соединяющей городъ съ адмиралтейскою слободой, въ вечернее время происходилъ такой грабежъ, что только смѣльчаки, вооруженные кистенями и другимъ какимъ-либо холоднымъ оружіемъ, рѣшались на ночной проѣздъ по ней. Тогдашніе пристава Араповъ, Шляхтинъ, Виноградовъ были своего рода казанскіе Пинети. Пропадала ли дорогая шуба или дорогой сервизъ у кого-нибудь изъ вліятельныхъ особъ, все немедленно отыскивалось съ шумомъ и трескомъ; въ то же время все уворованное у обыкновенныхъ смертныхъ пропадало безвозвратно. Когда одинъ изъ нихъ присватался къ одной дѣвицѣ изъ богатой купеческой семьи и въ качествѣ жениха

привезъ ей свадебный подарокъ, то отецъ и мать невѣсты признали въ немъ пропавшія у нихъ нѣсколько лѣтъ тому назадъ вещи и свадьба разстроилась.

Полицеймейстеръ, Николай Ивановичъ Кнорингъ, флегма и циникъ, обыкновенно, ничего не дѣлалъ, и весь смыслъ своей полицейской должности видѣлъ лишь въ томъ, что, куря сигару за утреннимъ чаемъ, производилъ разборку арестованныхъ, кончавшуюся всегда тѣмъ, что дралъ нещадно и праваго и виноватаго. О городскомъ благоустройствѣ тогда въ Казани и понятія не имѣли. Воду пили изъ озера Кабана—вонючую и съ массою прыгающихъ въ ней какихъ-то разнообразныхъ инфузорій; пожары чрезъ каждыя десять лѣтъ истребляли на половину обывательскіе и казенные дома; пожарная команда и пожарные инструменты были убогіе. Не было устроено съѣздовъ для пожарныхъ ни на озеро Кабанъ и на рѣку Казанку, ни на другіе пруды и озерца, а потому пожару, особенно при господствующихъ тамъ вѣтрахъ, не трудно было разгуляться. Мостовыхъ почти что не было, а тѣ, которыя на планѣ значились и именовались мостовыми, были изъ мягкаго известковаго камня, распространявшаго въ сухую погоду ѣдкую пыль, губительно дѣйствовавшую на грудь и глаза, а въ дождливую погоду способствовавшаго образованію волчьихъ ямъ, въ которыхъ ломались обывательскія таратайки и другіе незатѣйливые экипажи. Тамъ же, гдѣ не было мостовой, стояли въ дождливое время озера воды и грязь непролазная. Освѣщеніе было въ такомъ же жалкомъ видѣ. Масляные фонари въ образѣ мерцающихъ точекъ наводили на обывателей какой-то таинственный страхъ. Дома стояли некрашенными съ незапамятныхъ временъ и какъ будто говорили: «нѣтъ болѣе надобности въ малярахъ и въ малярномъ искусствѣ!»

Въ маѣ мѣсяцѣ, съ открытіемъ колеснаго пути, мы отправились въ казанскомъ тарантасѣ по старому татарскому тракту на Бугульму—въ Оренбургъ. Трактъ этотъ пролегалъ на Лаишевъ, Чистополь, Бугульму, Самарскій городокъ и Оренбургъ и составлялъ протяженія около 715 верстъ. Дорога отъ

Бугульмы шла сплошь татарскимъ населеніемъ, не говорящимъ по-русски и вполнѣ сохранившимъ обычаи и нравы старой татарщины. Отдыхать мы останавливались на лугахъ, вблизи деревень, разстилали коверъ, вынимали изъ тарантаса провизію и шкатулку съ чайнымъ приборомъ и посылали одного изъ нашихъ артельщиковъ въ деревню за самоваромъ. Между тѣмъ около насъ появлялась толпа татаръ и мы, такимъ образомъ, въ обществѣ этой типичной орды закусывали и пили чай. Какъ-разъ въ то время была мусульманская уразà, и по деревнямъ нельзя было добыть ничего съѣдобнаго, да и татары, по случаю нашей войны съ турками, были сильно нафанатизированы своими муллами и смотрѣли на насъ враждебно.

Ѣхавши въ Оренбургъ, мы трунили сами надъ собою, говоря, что намъ придется тамъ жить въ нашемъ казанскомъ тарантасѣ; однако, вышло не совсѣмъ такъ. Мы остановились у купца Петра Дмитріевича Ковалева, баранщика по профессіи. Флигелекъ, который мы заняли, не многимъ отличался отъ нашего казанскаго тарантаса, какъ по величинѣ, такъ и по удобству.

Оренбургъ въ то время былъ еще окруженъ крѣпостною стѣной съ нѣсколькими воротами, носившими разныя названія: Орскія, Троицкія ворота и т. п. Дворецъ и два собора стояли на краю обрыва, внизу котораго протекалъ Уралъ. За рѣкою тянулась степь, на которой въ 3-хъ верстахъ отъ города стоялъ мѣновой дворъ, обнесенный каменной стѣной съ башнями по угламъ. Въ противоположной сторонѣ за городомъ былъ Башкирскій Караванъ-Сарай—очень красивое зданіе, облицованное эмалированнымъ разноцвѣтнымъ кирпичемъ. На главной улицѣ, немощеной, подобно всѣмъ другимъ улицамъ, красовалось зданіе Неплюевскаго Кадетскаго Корпуса. Извозчичьи экипажи,—длинные волочки на дрогахъ, походившіе на широкую скамью безъ всякой защиты отъ грязи и пыли, сновали по дорогѣ отъ города къ мѣновому двору. Купечество ѣздило туда по нѣсколько разъ въ день. Мѣновой дворъ представлялъ картину азіатской жизни. Верблюды, лошаки, халаты, чалмы, пестрыя кипы съ хлопкомъ, бахтой, мареной; группы курильщиковъ

кальяна, шумъ, гамъ, крикъ лошаковъ, верблюдовъ, пыль и своеобразная вонь—все это сливалось въ одну гармонію чего-то глубоко-азіатскаго!

Въ городѣ же былъ свой гостиный дворъ, весьма обширный и также окруженный каменной стѣной. Лавки въ немъ занимались оренбургскимъ купечествомъ и служили, между прочимъ, какъ бы конторами для свиданій и разсчетовъ по караванной торговлѣ. Въ гостиномъ дворѣ у воротъ въ извѣстные часы происходили биржевыя сходки русскихъ и азіатцевъ. Тамъ, уговариваясь въ цѣнѣ, назначаемой азіатцами, по обыкновенію, несообразно высокою, били другъ-друга сначала по затылку, а потомъ, сторговавшись, били по рукамъ. Принимали хлопокъ преимущественно въ гостиномъ дворѣ. Пріемка же на мѣновомъ дворѣ, помимо другихъ неудобствъ, представляла нѣкоторую опасность. Обличая присутствіе разныхъ посторонникъ вещей въ кипахъ хлопка, можно было встрѣтить на мѣновомъ дворѣ, при его сплошномъ азіатскомъ населеніи, такой порывъ злобы, что немудрено было поплатиться и жизнью.

Вскорѣ, послѣ пріѣзда въ Оренбургъ, мы познакомились, чрезъ бывшаго тамъ чистопольскаго бумаго-прядильнаго фабриканта, Михаила Леонтьевича Мешкичева, съ оренбургскимъ купцомъ Семеномъ Яковлевичемъ Ключаревымъ, бывшимъ Барановскимъ приказчикомъ, изъѣздившимъ, по дѣламъ Баранова, вдоль и поперекъ Хиву и Бухару. Онъ отлично говорилъ по-татарски и зналъ превосходно характеръ азіатской торговли. Изучивъ со всѣхъ сторонъ среднеазіатскія ханства, онъ подалъ бывшему тогда генералъ-губернатору Василію Алексѣевичу Перовскому обширную докладную записку о ханствахъ и былъ, такимъ образомъ, косвеннымъ соучастникомъ послѣдовавшихъ, затѣмъ, среднеазіатскихъ походовъ. Ключаревъ помогалъ намъ въ покупкѣ хлопка и получалъ отъ насъ извѣстный маклерскій процентъ. Обставивши себя помощникомъ въ Оренбургѣ, мы съ братомъ порѣшили для большаго успѣха въ покупкѣ хлопка раздѣлить количество покупки между Оренбургомъ и Троицкомъ. Въ Троицкъ братъ поѣхалъ съ М. Л. Мешкичевымъ, а я съ Ключаревымъ и однимъ артельщикомъ

остался въ Оренбургѣ. Въ это лѣто въ Оренбургѣ была холера. Положеніе мое при все усиливающейся эпидеміи было очень непріятное. Холера и постоянная возня съ азіатцами при пріемкѣ хлопка волновали и раздражали меня. Азіатцы старались обмануть въ вѣсѣ, зашивая внутрь кипъ камни, мѣшки съ пескомъ, съ пшеномъ, или старыя сѣдла. Приступятъ, бывало, съ крикомъ на непонятномъ мнѣ языкѣ, чтобъ я принималъ у нихъ хлопокъ вслѣдъ за сильнымъ дождемъ или, наоборотъ, невозможно было ихъ отыскать, точно они провалились сквозь землю, когда наступала сухая погода.

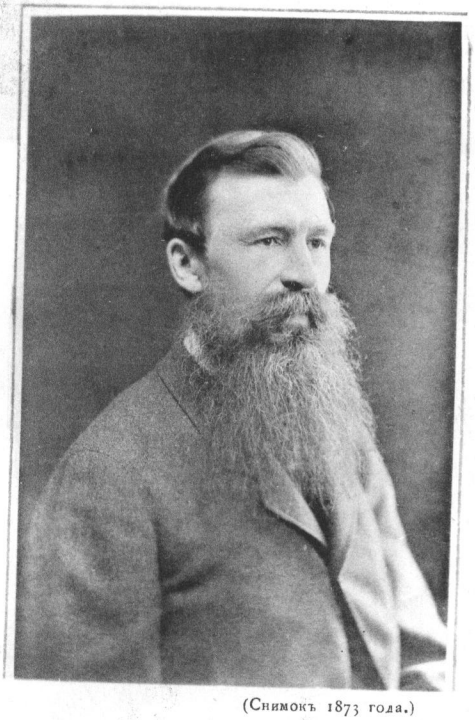
Въ Троицкѣ братъ и Мешкичевъ успѣли удачно купить назначенную имъ партію. Они жили тамъ чисто-азіатскою, степною жизнью: пили кумысъ, жарили кургашка, участвовали на бухарскихъ туяхъ, даваемыхъ въ ихъ честь продавцами.

Всего хлопка мы купили до 25 тысячъ пудовъ, цѣною на кругъ по 17 руб. ассигнаціями за пудъ; переправили его на волахъ въ Самару, изъ Самары до Нижняго водою и, затѣмъ, въ Москву. Подрядчикомъ отъ Самары былъ Иванъ Васильевичъ Константиновъ.

Мы первые познакомили въ этотъ годъ московскихъ фабрикантовъ съ хивинскимъ и бухарскимъ хлопкомъ. Хивинскій хлопокъ оказался особенно хорошъ какъ волосомъ, такъ цвѣтомъ и чистотою. До насъ покупалъ всю партію среднеазіатскаго хлопка въ Нижегородской ярмаркѣ Павелъ Семеновичъ Малютинъ въ одни руки по 14 руб. ассигнаціями, и покупалъ какъ монополистъ съ условіемъ, чтобы вся партія хлопка была продана ему, а не кому другому, иначе онъ отказывается отъ покупки. Работая изъ такого дешеваго хлопка низкіе нумера пряжи, онъ наживалъ въ теченіе десятка лѣтъ большія деньги, поэтому онъ не могъ хладнокровно перенести нашу поѣздку въ Оренбургъ, разстроившую его нижегородскую покупку. Онъ называлъ насъ щенками и т. п! Принеся большую услугу московскимъ фабрикантамъ, мы и сами нажили по рублю сереб. на пудъ, и были очень счастливы удачею перваго шага въ нашей дѣловой жизни.

(Снимокъ 1893 года.)

Николай Константиновичъ Крестовниковъ.



(Снимокъ 1873 года.)

Во время нашего пребыванія въ Казани, тамъ вышла въ свѣтъ брошюра профессора Казанскаго университета Модеста Яковлевича Китарры о выгодѣ устройства въ Казани стеариноваго завода. Мы ее пріобрѣли и читали. Впослѣдствіи, когда началъ работать нашъ заводъ, мы изъ опыта узнали, насколько всѣ разсчеты, приведенные въ этой брошюрѣ, были невѣрны, однако, она произвела на насъ, искавшихъ себѣ занятій, живое впечатлѣніе, отозвавшееся и на братьевъ, остававшихся въ Москвѣ. Мы стали помышлять объ осуществленіи китарровскаго проекта, познакомились съ Павломъ Петровичемъ Шуэномъ, сыномъ бывшаго въ Москвѣ стеариноваго заводчика, и кончили тѣмъ, что поѣхали покупать землю въ Казани съ намѣреніемъ построить тамъ стеариновый заводъ.

Въ началѣ января 1855 г. братья Валентинъ и Іосифъ, вмѣстѣ съ приглашеннымъ нами въ качествѣ директора будущаго завода П. П. Шуэномъ, поѣхали въ Казань съ цѣлью купить тамъ землю на имя вновь образовавшагося Товарищества Братьевъ Крестовниковыхъ и К°, въ которое вошелъ капиталомъ Константинъ Константиновичъ Куманинъ на нижеслѣдующихъ условіяхъ: Куманинъ даетъ на стеариновое дѣло 10 тысячъ рублей и мы, братья, 10 тысячъ рублей—въ основной капиталъ; за оборотный же капиталъ, поступающій отъ Куманина ли, отъ насъ ли, Товарищество платитъ 8% годовыхъ. За продажу товара братья Крестовниковы получаютъ комиссіи 2% съ суммы проданнаго товара.

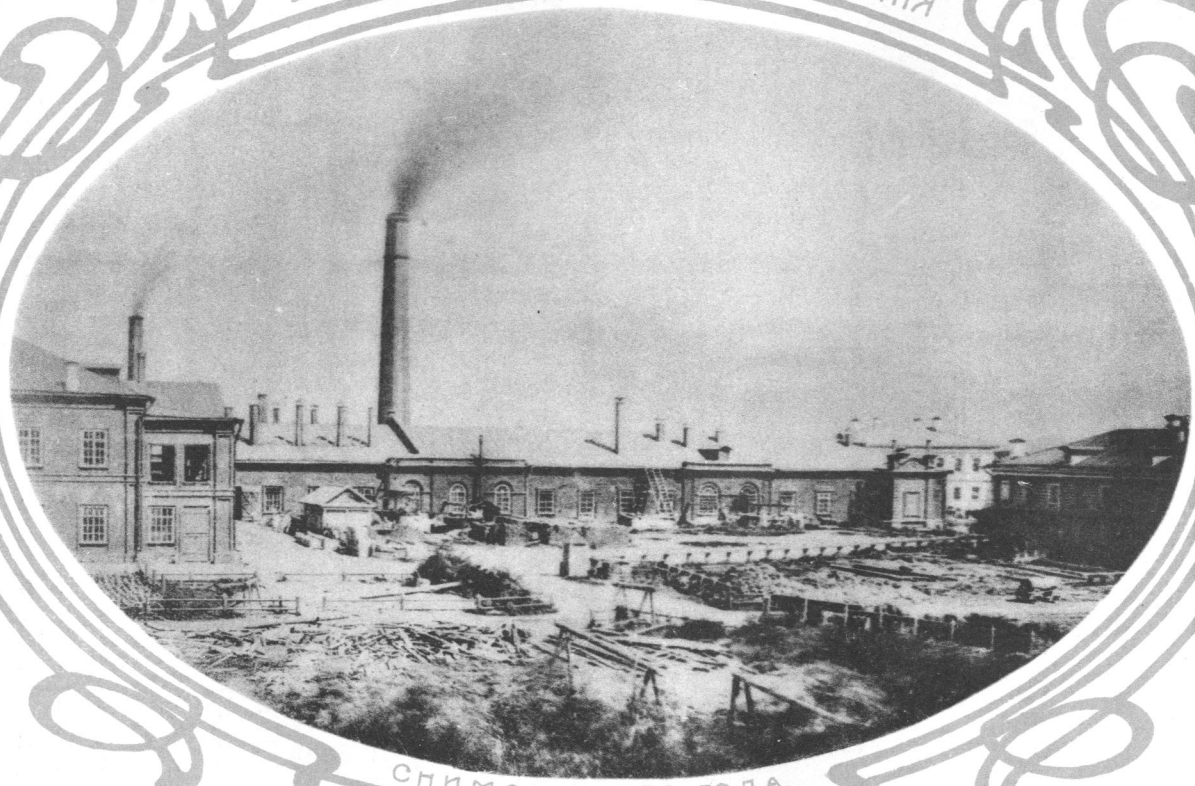
Пріѣхавъ въ Казань, братья остановились въ номерахъ Ивана Яковлевича Тихонова, на Проломной улицѣ. И. Я. Тихоновъ былъ, спустя нѣкоторое время, избранъ въ городскіе головы; но въ то время, когда братья жили у него въ номерахъ, городскимъ головою былъ Авксентій Степановичъ Унженинъ. Съ племянникомъ его Василіемъ Николаевичемъ Унженинымъ мы впослѣдствіи вели торговое дѣло по сбыту стеариновыхъ свѣчъ. Губернаторомъ былъ тогда старикъ Ираклій Абрамовичъ Баратынскій, мало дѣятельный, проводившій большую часть времени въ пріятельской бесѣдѣ за стаканомъ добраго вина съ такимъ же старикомъ-попечителемъ казанскаго учебнаго округа

военнымъ генераломъ Молоствовымъ. Въ дѣйствительности же начальникомъ губерніи была супруга Ираклія Абрамовича, замѣчательная красавица, Анна Давидовна, рожденная Абамелекъ. Ей Пушкинъ посвятилъ стихи (часть II подъ заглавіемъ «Княжнѣ А. Д. Абамелекъ) слѣдующаго содержанія:

Когда-то помню, съ умиленьемъ,
Я смѣлъ васъ няньчить съ восхищеньемъ:
Вы были дивное дитя.
Вы расцвѣли: съ благоговѣньемъ
Вамъ нынѣ поклоняюсь я.
За вами сердцемъ и глазами
Съ невольнымъ трепетомъ ношусь,
И вашей славою, и вами,
Какъ нянька старая, горжусь.

Ираклій Абрамовичъ далъ въ помощь нашимъ братьямъ своего чиновника особыхъ порученій Рассаловскаго, который и указалъ имъ свободныя въ городѣ земли. Остановившись въ своемъ выборѣ на землѣ въ Плетеневской слободѣ, бывшей когда то подъ кладбищемъ во время холеры, и на сосѣдней съ ней, занятой кантонистскими огородами, братья приступили къ переговорамъ съ Казанской Городской Думой. Дѣло о покупкѣ этихъ земель встрѣтило сильный отпоръ со стороны начальника кантонистовъ генерала Андреева. Онъ долго воевалъ съ нами, не желая отдавать огороды, но въ концѣ-концовъ, по настоянію губернатора, долженъ былъ сдаться. Планы и фасады выхлопотали въ строительной Комиссіи, гдѣ ворочалъ всѣми дѣлами секретарь Иванъ Матвѣевичъ Поповъ, много содѣйствовавшій ускоренію дѣлопроизводства своими совѣтами и указаніями, кого и въ какой степени слѣдуетъ подмазать, чтобы дѣло не стояло. Затѣмъ, братья поручили постройку завода архитектору Удѣльной Конторы Павлу Алексѣевичу Солнцеву. Человѣкъ этотъ отличался честностью, гналъ взятки, былъ намъ очень преданъ и въ часы досуга дѣлилъ съ нами пріятельски время; но въ архитектурѣ былъ слабъ, работалъ болѣе по указкѣ братьевъ Константина и Іосифа, — словомъ, онъ былъ скорѣе поэтъ, чѣмъ архитекторъ. Такъ, напримѣръ, въ

ВИДЪ СТЕАРИНОВАГО ЗАВОДА ВЪ КАЗАНИ
ВЪ ПЕРВЫЙ ГОДЪ ЕГО СУЩЕСТВОВАНІЯ



СНИМОКЪ 1856 ГОДА.

годъ освобожденія крестьянъ онъ помѣстилъ въ Казанскихъ Губернскихъ Вѣдомостяхъ (18 марта 1861 г. №11) стихи «Русскому народу».

На почвѣ доброй, опытной рукою
Посѣялъ Сѣятель свободы сѣмена.
Блаженна ты, о Русская страна,
Что Промыслъ Господа такъ виденъ надъ тобою.
Со свѣтлой мыслію и съ доброю душой
Тебѣ Царь посланъ Небесами!
Онъ понялъ, оцѣнилъ народъ Онъ свой,
Онъ править не хотѣлъ рабами,
Онъ цѣпи тяжкія неволи расковалъ,
И что въ чужихъ краяхъ лишь кровью добывали,
Своимъ дѣтямъ Онъ въ мирѣ даровалъ!
и т. д.

Два томика его стиховъ въ формѣ разсказовъ и пѣсенъ сейчасъ сохраняются у меня какъ доказательство его склонности къ рифмоплетству.

Закладка завода была 1-го іюня, въ Духовъ день, а къ сентябрю были уже готовы главный корпусъ, деревянныя двухъэтажная рабочая, спальня, кухня, сарай съ конюшнею и прочія необходимыя службы. Въ это лѣто я былъ въ Оренбургѣ и, возвращаясь въ сентябрѣ въ Казань, съ большою радостью еще издали увидѣлъ паровую трубу нашего завода, гордо возвышавшуюся надъ сосѣдними домами. Въ концѣ ноября началась варка сала, въ концѣ декабря заводъ былъ въ полномъ ходу, а въ январѣ 1856 г. вышли первыя свѣчи. Помню, я повезъ ихъ въ роскошномъ бархатномъ футлярѣ губернатору. Футляръ внутри былъ отдѣланъ темно-синимъ атласомъ и свѣчи, безъ того бѣлыя, казались еще бѣлѣе отъ синяго фона. Раскрывъ футляръ, Ираклій Абрамовичъ и Анна Давидовна были пріятно удивлены качествомъ свѣчей и ихъ бѣлизною. Спустя нѣкоторое время Ираклій Абрамовичъ посѣтилъ нашъ заводъ.

Постройка нашего завода была большою новостью въ Казани и затрогивала любопытство обывателей. Они хотѣли

въ подробности знать, что будетъ работать заводъ? Когда же узнали, то ихъ еще болѣе заинтересовалъ вопросъ—изъ чего будутъ работать свѣчи? Ежедневно—съ утра до вечера—пріѣзжали на стройку и мужчины и дамы и разспрашивали, изъ чего заводъ будетъ дѣлать стеариновыя свѣчи? Большинство изъ нихъ полагало, что стеариновыя свѣчи будутъ дѣлаться изъ картофельной муки!

Осенью 1855 г. братъ Валентинъ уѣхалъ въ Москву; вмѣсто него пріѣхалъ братъ Константинъ, а годъ спустя пріѣхалъ въ Казань и братъ Сергѣй и началъ по зимамъ ѣздить на Сибирскія ярмарки и устраивать тамъ конторы и агентства по покупкѣ сала и коровьяго масла и по сбыту нашихъ свѣчъ. Въ то же время братъ Владиміръ жилъ въ Полянѣ и, за отъѣздомъ брата Константина въ Казань, принялъ на себя ближайшее завѣдываніе прядильною фабрикою.

Во все время директорами-техниками на стеариновомъ заводѣ были: Шуэнъ, Рошенъ, Сергѣй Петровичъ Алексѣевъ и Константинъ Михайловичъ Зайцевъ; техниками—по стеариновому дѣлу: Лебланъ, Бенингъ, Платьо, Михаилъ Михайловичъ Зайцевъ; по мыльному: Антонъ Антоновичъ Шлехтингеръ, Шнель, Глюкъ, Грабовскій, Зайцевъ; механиками: Кварталевскій, Пфафъ, Барловъ. Камеру ставилъ Карлъ Августовичъ Киберъ. Также долго жилъ у насъ на заводѣ химикъ Иванъ Яковлевичъ Тиссъ, занимавшійся улучшеніями производства по всѣмъ отдѣламъ. Съ 1856 г. по 1872 г. я былъ представителемъ товарищества, управлялъ конторою, торговлею, комиссіонерствами и покупалъ для завода сало въ Казани, въ губерніяхъ: Вятской, Пермской, Самарской и Уфимской, словомъ повсюду—кромѣ Сибири. Въ то время Казанская контора дѣйствовала самостоятельно и только въ рѣдкихъ случаяхъ, какъ, напримѣръ, въ назначеніи цѣны на свѣчи и мыло, сносилась съ Московскою конторой.

Въ 1872 году по болѣзни я былъ принужденъ оставить занятія по заводу. Я переѣхалъ въ городъ и все время съ 1872 г. по 1876 г. ежегодно отправлялся за границу и на кумысъ въ Уфу для поправленія разстроеннаго здоровья. Въ 1879 г., въ октябрѣ, я окончательно покинулъ Казань и переселился въ

(Снимокъ 1870 года).

Іосифъ Константиновичъ Крестовниковъ.

Москву. Братья Константинъ и Іосифъ, замѣняя одинъ другого въ случаяхъ отъѣзда, завѣдывали заводопроизводствомъ и наблюдали за точнымъ исполненіемъ установленнаго порядка какъ въ рабочихъ корпусахъ, такъ и въ заводскомъ хозяйствѣ и въ общежитіи рабочихъ. Хозяйственною частью и вмѣстѣ книговеденіемъ завѣдывалъ до 1874 г. Вячеславъ Николаевичъ Емельяновъ. Послѣ него хозяйственною частью завѣдывали послѣдовательно Ефимъ Николаевичъ Печниковъ и Владиміръ Ивановичъ Сорокинъ, бухгалтеріею и управленіемъ конторою до 1896 г. завѣдывалъ Петръ Ивановичъ Коровинъ, послѣ него вступилъ въ управленіе казанскою конторою Дмитрій Александровичъ Лебедевъ. Въ 1874 г. братъ Константинъ отказался отъ занятій на заводѣ и переѣхалъ въ городъ.

Когда мы устраивали заводъ, Казань въ промышленно-заводскомъ отношеніи стояла очень низко. Наша паровая труба явилась здѣсь первою отъ сотворенія міра. Татары, не привыкшіе къ произношенію нашей фамиліи, называли насъ попросту «большая труба». Но вотъ прошло нѣсколько лѣтъ и, глядя на насъ, начали появляться паровыя мельницы, паточные заводы, лѣсопилки и пр. Казань мало-по-малу приняла характеръ фабрично-заводскаго центра въ Приволжьѣ. Пока все благопріятствовало ей: и дешевыя руки и дешевое древесное топливо. Казанскія мельницы начали было играть первенствующую въ приволжскихъ губерніяхъ роль. Вдругъ колесо фортуны повернулось въ другую сторону. Обѣщанная на Казань линія Сибирской желѣзной дороги не осуществилась. Интриги горнозаводчиковъ, пароходчиковъ и людей «урвавшихъ» башкирскія земли замѣнили нашу дорогу горнозаводскою отъ Екатеринбурга на Пермь, Сызрано-Моршанскою и Самаро-Уфимскою. Всѣ соки, питавшіе казанскую торговлю и казанскую промышленность, приняли другое направленіе, и Казань начала въ восьмидесятыхъ годахъ прошлаго столѣтія быстро падать. Въ 1892 году положеніе города было критическое: доходы упали, а расходы отъ нашествія нищихъ и тифозныхъ все возрастали. Надѣялись, что Московско-Казанская желѣзная дорога поправитъ дѣло, но она, будучи безъ моста и построенной изъ

старья, прибавила лишь тысячи новыхъ непріятностей и бѣдствій жителямъ города Казани.

Мы, братья, имѣли большое вліяніе и на общественную жизнь города. Заводская молодежь устраивала пикники, катанья на лодкахъ по озеру Кабану. Смотря на насъ, устраивали тоже дачники противоположнаго берега озера—слободы «Архангельской» и др. Мы были иниціаторами учрежденій: купеческаго клуба, казанской биржи, общества взаимной помощи приказчиковъ, первой частной газеты подъ названіемъ «Казанскаго Биржевого Листка» подъ редакціею профессора Андрея Кирилловича Чугунова. Въ этомъ листкѣ я проводилъ свои мысли о нуждахъ промышленности, объ общественной жизни города и т. п. Вмѣстѣ съ тѣмъ я былъ 10 лѣтъ членомъ Казанскаго Биржевого Комитета, гласнымъ думы, членомъ-наблюдателемъ въ Городскомъ Общественномъ банкѣ, членомъ учетнаго комитета въ отдѣленіи Волжско-Камскаго банка и т. д.

Въ праздники мы посѣщали дворянскій или купеческій клубы, гдѣ устраивались обѣды и танцовальные вечера; ходили въ городской театръ слушать итальянскую оперу. Строившійся каменный театръ былъ открытъ въ 1851 г. оперою подъ дирекціею итальянской примадонны Гриняски; но въ декабрѣ 1860 г. театръ сгорѣлъ; въ 1861 г. его замѣнилъ деревянный театръ-балаганъ на Арскомъ полѣ, гдѣ продолжала пѣть труппа г-жи Гриняски вперемежку съ драматическими пьесами; въ 1866 г. деревянный театръ сгорѣлъ; въ 1867 году былъ возобновленъ и открытъ каменный театръ и начались спектакли подъ дирекціею Петра Михайловича Медвѣдева; въ 1874 г. Медвѣдевъ поставилъ русскую оперу; началась она съ большимъ успѣхомъ, но въ тотъ же годъ театръ снова сгорѣлъ и чрезъ полтора года снова возобновленъ. Многія знаменитости сценическаго искусства—драматическаго и вокальнаго—начали свою карьеру на подмосткахъ казанскаго театра. Нашъ заводъ нерѣдко посѣщали высокіе гости и очень жаль, что не было заведено у насъ книги, въ которой могли бы расписываться такіе высокіе и почетные посѣтители завода.

Въ 1861 г. былъ на нашемъ заводѣ Министръ Финансовъ

(Снимокъ 1902 года).

Іосифъ Константиновичъ Крестовниковъ.

Княжевичъ. Наружность его очень представительна. Онъ высокаго роста, хорошо и плотно сложенъ, еще бодръ, несмотря на свои 72 г., съ умнымъ выраженіемъ въ лицѣ, очень сдержанъ въ разговорѣ, мало любознателенъ, не ласковъ, чѣмъ-то озабоченъ, даже скученъ, однимъ словомъ—сухъ. Онъ родился въ одномъ изъ помѣстій Казанской губерніи, куда онъ нарочно ѣздилъ, и гдѣ крестьяне подносили ему хлѣбъ-соль. Преданіе говоритъ, что, учась во 2-й казанской гимназіи, онъ былъ исключенъ за то, что, по какому-то поводу запустилъ въ директора книгою или чѣмъ другимъ, навѣрно—не знаю. Потомъ онъ учился въ Казанскомъ университетѣ и въ то время жилъ въ семействѣ Безобразовыхъ. Вотъ почему онъ и теперь остановился въ ихъ домѣ на Черномъ озерѣ, въ томъ самомъ домѣ, гдѣ провелъ свою молодость.

Въ томъ же 1861 г. августа 18 дня, въ 6 ч. вечера, посѣтилъ нашъ заводъ Государь Наслѣдникъ Николай Александровичъ. Пройдя по заводу, Онъ удостоилъ взойти въ нашъ домъ. Простое, ласковое обращеніе, привлекательная наружность, особенно-симпатичное выраженіе его глазъ оставили на всѣхъ чарующее впечатлѣніе и пріятное воспоминаніе. Онъ былъ разговорчивъ и любознателенъ. Спрашивалъ, какое у насъ товарищество: на акціяхъ или на вѣрѣ; сколько насъ братьевъ; гдѣ кто живетъ; женаты ли; давно ли существуетъ нашъ торговый домъ? Съ нимъ были: графъ Сергѣй Григорьевичъ Строгоновъ, его сынъ и писатель Мельниковъ (Печерскій). Всего пробылъ Государь Наслѣдникъ около часа съ четвертью.

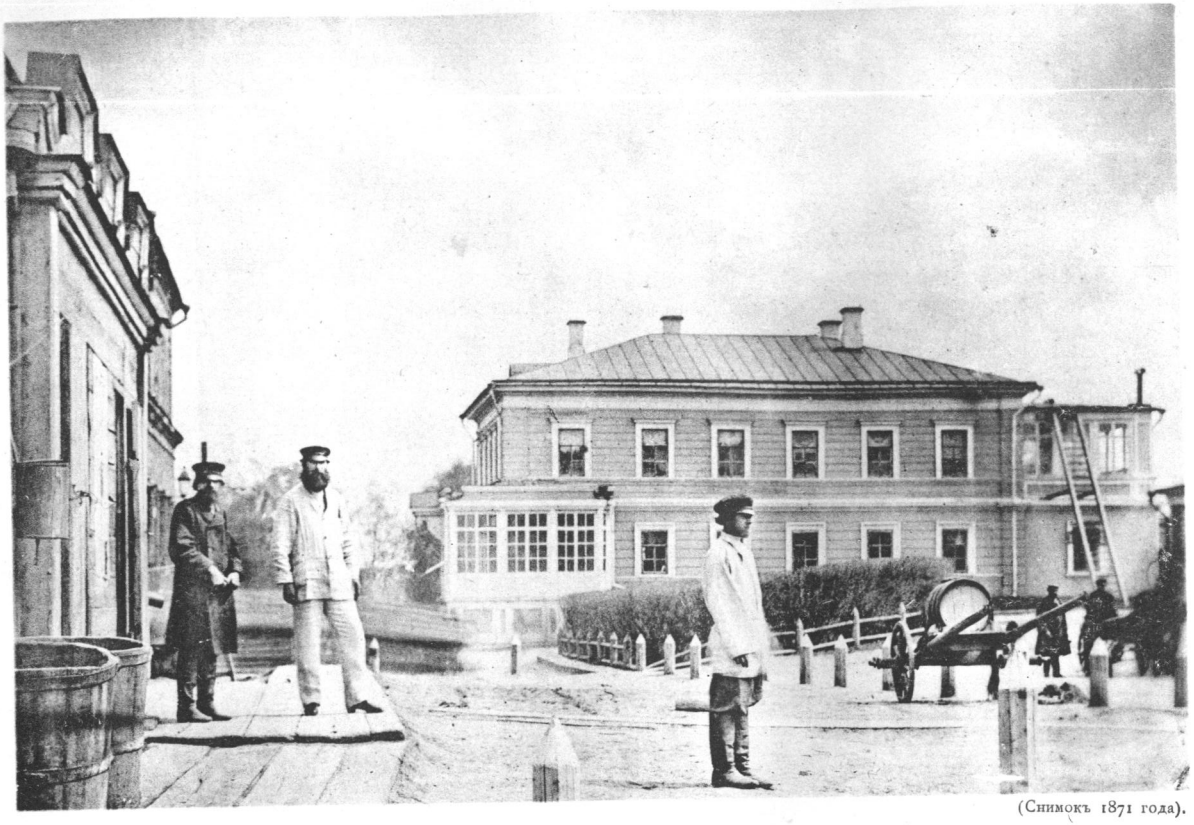
Въ 1869 г. 17 го іюля прибыли въ Казань Цесаревичъ Александръ Александровичъ съ Цесаревною и съ ними Великій Князь Алексѣй Александровичъ. Намъ дали знать, что Великій Князь пріѣдетъ на заводъ въ воскресенье, вслѣдствіе чего былъ отданъ приказъ, чтобы всѣ рабочіе и смотрителя были въ тотъ день на своихъ мѣстахъ. Рабочіе и работницы пріодѣлись по-праздничному и работали кое-что, больше для вида. Великій Князь обошелъ заводъ и, уѣзжая, извинялся, что отнялъ у рабочихъ праздникъ. Въ тотъ же день явился на заводъ полицеймейстеръ Хрисанфъ Николаевичъ Мосоловъ,

велѣлъ собрать народъ и вручилъ имъ отъ Великаго Князя 400 руб. На эти деньги, въ память посѣщенія завода В. К. Алексѣемъ Александровичемъ, сооруженъ въ заводской школѣ иконостасъ и поставленъ художественной работы образъ св. Алексія Митрополита и 5 октября 1869 г. отслуженъ предъ нимъ торжественный молебенъ.

Въ томъ же 1869 г. посѣтилъ нашъ заводъ Великій Князь Константинъ Николаевичъ. Живая и не безъ ироніи рѣчь его лилась потокомъ вопросовъ. Великій Князь, обходя заводъ и вступая въ отдѣлъ мыловаренія, задалъ провожавшему его брату Константину вопросъ: «Правда ли, что вы, говорятъ, научились варить мыло даже изъ песку?», намекая, вѣроятно, на жидкое стекло, употребляемое нѣкоторыми мыловарами. Отвѣтъ брата былъ въ такомъ же тонѣ: «Я слыхалъ, Ваше Высочество, что изъ песку веревки вьютъ, но чтобы варили мыло изъ песку— мнѣ не доводилось слышать».

Великій Князь былъ очень ласковъ, сдѣлалъ смотръ нашей пожарной командѣ, и когда велѣлъ направить струю воды на домъ, изъ оконъ котораго смотрѣли дамы, Великій Князь громко крикнулъ, взбрасывая свой монокль къ глазу: «Mesdames, поберегитесь, сейчасъ начнемъ поливать вашъ домъ!»

Затѣмъ, нашъ заводъ въ разное время посѣтили: Принцъ Ольденбургскій, атташе Американскаго посольства Куртенъ, Японское посольство, профессора парижскаго и др. иностранныхъ университетовъ, казанскіе губернаторы Баратынскій, Казлянинновъ, Нарышкинъ, Тимашевъ, Скарятинъ, Гейнцъ, Андреевскій, Полтарацкій, министры Финансовъ—Вышнеградскій и пр.



(Снимокъ 1871 года).

Хозяйскій домъ на заводѣ, гдѣ мы, братья, жили, и гдѣ помѣщалась контора.

Какъ трудны были намъ первые шаги въ промышленной жизни.

Какъ выше изложено, послѣ смерти Петра Козьмича Крестовникова, выѣздъ изъ нашего общаго дома и выдѣлъ его семейства изъ дѣла послѣдовалъ въ 1831 году. Выдѣлъ былъ въ пользу семейства покойнаго. Раздѣлъ между тремя оставшимися братьями былъ въ пользу Александра Козьмича. Ксенофонтъ и Константинъ Козьмичи были всегда бѣднѣе своихъ старшихъ братьевъ.

Нашъ отецъ послѣ своей смерти оставилъ намъ капиталъ, находившійся въ дѣлахъ фирмы, около пятидесяти тысячъ рублей серебромъ, вмѣстѣ съ выдѣленной намъ частью изъ общаго владѣнія домомъ на Покровскомъ бульварѣ, которая составляла 40 тысячъ рублей ассигнаціями. Кромѣ отцовскаго капитала, у нашей матери было тысячъ тридцать серебромъ своего капитала.

Если взять въ расчетъ дешевизну тогдашней жизни, то капитала этого было, пожалуй, достаточно на содержаніе нашей семьи и на расходы по образованію дѣтей, но недостаточно, чтобы начать самостоятельное промышленное дѣло.

У меня сохранилась запись взятыхъ отцомъ денегъ изъ своей конторы съ октября 1831 г. по январь 1840 г. на додомашніе расходы. Изъ этой записи видно:

въ	1-й	годъ	взято	имъ	8260	руб. асс.
»	2-й	»	»	»	10500	» »
»	3-й	»	»	»	11000	» »
»	4-й	»	»	»	11900	» »
»	5-й	»	»	»	12200	» »
»	6-й	»	»	»	11300	» »

въ 7-й годъ взято имъ 8312 р. асс. / 4188 р. мон. } 12500 руб. асс.

» 8-й » » » 4250 р. асс. / 7610 р. мон. } 11860 » »

Судя по составу нашей семьи и по обстановкѣ нашей тогдашней жизни, можно съ достовѣрностью сказать, что покупная сила ассигнаціоннаго рубля превышала тогда въ четыре раза силу нынѣшняго золотого рубля. Однако, капиталъ, оставшійся намъ отъ отца и вмѣстѣ съ матушкинымъ былъ не настолько великъ, чтобы можно было удѣлить какую-либо часть его на новое промышленное предпріятіе, тѣмъ болѣе, что по духовному завѣщанію намъ, братьямъ, оставлено было съ чѣмъ-то по 5 тыс. руб. сер. каждому, и, такъ какъ мы послѣ смерти отца, будучи несовершеннолѣтними, находились подъ опекой, слѣдовательно, 35 тыс. руб. сер. оставались неприкосновенными. Когда же умеръ въ 1850 г. и дядя Александръ Козьмичъ, необходимость заставила насъ принять на себя дѣла фирмы «А. Крестовниковъ съ племянниками», постепенно выдѣлить дядинъ капиталъ, находившійся въ дѣлѣ, наслѣдникамъ его *), затѣмъ, ликвидировать ткацкое дѣло и вести только-что пущенную въ ходъ прядильную фабрику въ Полянѣ. Безъ средствъ задача эта представлялась неразрѣшимою, но съ Божіею помощью и съ помощью добрыхъ родственниковъ мы вышли изъ нея съ побѣдою. Управившись съ прядильною фабрикой, мы вскорѣ почувствовали, что всѣмъ намъ семерымъ нечего дѣлать при одной только прядильной, и, притомъ, весьма мизерной, а потому начали помышлять о приложеніи своего труда къ какому-нибудь новому предпріятію. Этимъ новымъ предпріятіемъ, какъ выше указано, суждено было явиться стеариновому производству въ г. Казани.

---

*) Много труда и непріятностей пришлось на долю нашего старшаго брата Александра Константиновича при выдѣлѣ вдовы покойнаго дяди. Мнительность и недовѣрчивость доходили у нея до того, что она отказывалась подписывать актовыя бумаги, и нужно было большое терпѣніе и сдержанность со стороны брата.

Не легко было намъ въ первые годы существованія нашего стеариноваго завода. Оборотнаго капитала потребовалось болѣе, чѣмъ мы предполагали. Прядильная фабрика также переживала критическое время — то Крымской, то американской войны. Все это вліяло на бодрость и энергію нашу, и мы, какъ нервные люди, то вдавались въ оптимизмъ, то круто переходили въ крайній пессимизмъ. Не имѣя своихъ собственныхъ средствъ, мы всецѣло зависѣли отъ расположенія къ намъ нашихъ ближайшихъ родственниковъ Валентина Алексѣевича Куманина и Григорія Александровича Москвина, принимавшихъ въ насъ большое участіе и помогавшихъ намъ средствами и совѣтами.

Обстоятельства, сопровождавшія наше казанское предпріятіе, при самомъ началѣ сложились для насъ очень неблагопріятно. Въ одно время съ нами строило, подъ руководствомъ извѣстнаго химика Ивана Петровича Илимова, громадный стеариновый заводъ въ Екатеринбургѣ «Общество заводской обработки животныхъ продуктовъ», преобразованное изъ «Общества Гутуевскаго стеариноваго завода». Екатеринбургскій заводъ носилъ названіе «Ивановскаго завода», въ честь Илимова. Въ 1857 г. составилось новое акціонерное общество, съ капиталомъ въ 1,500 тыс. руб. сер., для приготовленія продовольственныхъ (консервы) и разныхъ животныхъ продуктовъ и торговли ими. Учредителями этого общества были Бенардаки и Кокоревъ; заводъ строился въ Ростовѣ-на-Дону, и носились слухи, что онъ будетъ работать и стеариновыя свѣчи. Въ перспективѣ мы видѣли всѣ ужасы непосильной конкуренціи!

Кромѣ того, въ 1862—63 конторскомъ году мы принуждены были остановить на лѣто работу на прядильной фабрикѣ, вслѣдствіе начавшейся американской войны. Привозъ американскаго хлопка прекратился; цѣны на него стояли баснословныя; хивинскій хлопокъ—и тотъ доходилъ до 20 руб. сер. за пудъ. Въ 1864—65 г. мы должны были, по расчету, понести убытка отъ оставшейся на 1-е сентября 1864 г. наличности пряжи и хлопка до 70 тысячъ рублей. Къ счастію нашему, къ концу года обстоятельства измѣнились, и мы потеряли только 30 тыс.

рублей. При тогдашнихъ слабыхъ средствахъ сумма эта имѣла для насъ въ десять разъ большее значеніе, чѣмъ теперь.

Въ періодъ съ 1863 по 1867 г. включительно построено было много новыхъ бумагопрядиленъ: Щедринымъ, Мазуриными, Малютиными, Барановымъ и др., что, конечно, не обѣщало намъ ничего хорошаго.

Вотъ причина нашего пессимизма, доходившаго подчасъ до крайняго развитія. Придумывались разные выходы изъ затруднительнаго положенія, писались разные проекты, не всегда практичные. Такъ, 5-го февраля 1854 г. писалъ мнѣ въ Оренбургъ братъ Сергѣй Константиновичъ: «Наши полянскіе министры, братья Константинъ и Владиміръ, прислали въ Москву слѣдующій проектъ. «У насъ капитала 180 тыс. руб. сер.: 100 тыс. въ фабрикѣ и 80 тыс. въ оборотѣ. Если бы мы заложили фабрику въ 60 тысячъ изъ 6%, то у насъ въ фабрикѣ осталось бы капитала 40 тыс., а въ оборотѣ оказалось бы 140 тыс. Изъ этихъ 140 тысячъ потребовалось бы на производство прядильной фабрики 30 тыс., а остальныя 110 тыс. могли бы поступить въ оборотъ стеариноваго дѣла».

Мы уже начинали помышлять о продажѣ нашего стеариноваго завода, уже велись переговоры съ Бенардаки, а съ другой стороны—съ «Обществомъ заводской обработки животныхъ продуктовъ» о взятіи на комиссію продажи стеариновыхъ свѣчъ Ивановскаго завода. Въ минуты же оптимизма мы проектировали арендовать прядильную фабрику графа Уварова, устроить содовый заводъ, открыть обширную торговлю сахаромъ по Волгѣ, развить комиссіонное дѣло въ Оренбургѣ по хлопку и пр. и пр.

Въ 1857 г., 15-го октября, Валентинъ Константиновичъ писалъ намъ въ Казань: «заведеніе для добыванія соды, которое вы имѣете въ предположеніи, должно дать хорошую выгоду. Поэтому планъ поѣздки Іосифа Константиновича съ Карломъ Августовичемъ Кибером за границу весьма одобряемъ. Надо основательно обдумать содовое производство и потомъ ѣхать для бо̀льшаго его изученія, также для изученія и стеариноваго производства. Эта поѣздка вдвоемъ во всѣ заграничъ-

ныя мѣста, намѣченныя Іосифомъ Константиновичемъ, обой дется не дороже 2 тысячъ рублей серебромъ.

Въ 1863 г. 15 іюля Сергѣй Константиновичъ, уѣхавъ на побывку въ Москву, писалъ намъ оттуда: «На-дняхъ разсуждали, когда пускать прядильную фабрику, и отложили рѣшеніе до нижегородской ярмарки, гдѣ будетъ виднѣе. Если и рѣшимъ пустить въ ходъ фабрику, то лишь на одну денную работу и притомъ съ запасомъ хлопка не болѣе 1000 пудовъ, покупая его, по мѣрѣ надобности, на биржѣ. Работать рѣшили изъ хивинки, которая теперь падаетъ въ цѣнѣ; ее можно купить за 14 руб. сереб. пудъ. Отъ остановки фабрики чистаго убытка будетъ, по нашему предположенію, до 10 тыс. руб. сереб. въ годъ. По годовому отчету съ 1 сентября 1862 г. по 1 сентября 1863 г. ожидаемъ отъ одной прядильной фабрики большую пользу—около 39 тыс. руб. сереб. Если стеариновое дѣло будетъ въ состояніи выдать намъ всю комиссію, то намъ, братьямъ, придется дивиденда на нашъ капиталъ около 20%. Разсчитываемъ, что если стеариновыя свѣчи продадутся въ нижегородской ярмаркѣ по 9 р. 75 к. с. за пудъ, то комиссія намъ оправдается.—Здѣсь всѣ того мнѣнія, что, по окончаніи американской войны, по крайней мѣрѣ, три года цѣна на пряжу будетъ стоять высокая. Голенищевъ на этомъ основаніи строитъ большую ткацкую фабрику, а Щедринъ прядильную. Относительно нашего кожевеннаго дѣла всѣ пайщики изъ нашего родственнаго кружка того мнѣнія, что его слѣдуетъ ликвидировать».

Въ 1864 году 2-го сентября братъ Александръ Константиновичъ писалъ намъ въ Казань: «Въ Москвѣ—паника. Ближе весны мира въ Америкѣ не ожидаютъ. Пряжа въ цѣнѣ держится крѣпко. Съ окончаніемъ же войны цѣны на пряжу должны сильно упасть».

Изъ нашего баланса за 1865-66 г. я вижу, что наша прядильная фабрика дала намъ 72 тыс. р. с. прибыли. Побѣда, значитъ, осталась за оптимистами! Сказать правду, даръ предвидѣнія—этотъ великій даръ въ коммерческомъ дѣлѣ намъ не давался, вотъ почему мы, казанскіе братья, такъ упорно

держались мнѣнія, что намъ не слѣдъ входить въ разныя спекулятивныя дѣла, въ которыя вовлекали насъ Якунчиковъ, Вогау и другіе.

Въ добрую память покойнаго старшаго брата Александра Константиновича привожу здѣсь его письмо къ намъ въ Казань отъ 7 января 1857 г., въ то именно время, когда пессимизмъ охватилъ всѣ наши чувства и соображенія, и мы готовы были ликвидировать всѣ наши дѣла.

«Любезные мои братья Николай, Іосифъ и Сергѣй Константиновичи. Во-первыхъ, поздравляю васъ съ новымъ годомъ и желаю вамъ успѣха и счастія въ вашихъ дѣлахъ. Мы получили ваши письма, которыя съ большимъ вниманіемъ читали и до полученія ихъ, и послѣ—много разсуждали объ нашемъ стеариновомъ дѣлѣ и о томъ, что чѣмъ болѣе входимъ въ него, тѣмъ яснѣе видимъ трудность его оборота, чего, разумѣется, при началѣ дѣла мы не предвидѣли. Надо замѣтить еще, что нынѣшній годъ для стеариноваго производства весьма неблагопріятенъ по случаю дорогихъ провозовъ. По такому провозу почти никуда невозможно отправить изъ Москвы, вслѣдствіе чего цѣна здѣсь падаетъ, тогда какъ ей нужно было бы крѣпнуть, судя по цѣнѣ сала. Наша невыгода заключается въ томъ, что дорогіе провозы изъ Казани не представляютъ расчета усиленно сбывать свѣчи въ Москвѣ; затѣмъ, и высокія цѣны на сало въ Казани сравнительно съ Москвою также можно считать какъ бы временнымъ исключеніемъ. При всѣхъ этихъ случайныхъ неблагопріятныхъ обстоятельствахъ мы все-таки едва ли будемъ имѣть съ 1 сентября по 1 января убытокъ; по нашему вычисленію, будемъ еще имѣть отъ всего производства свѣчъ и мыла нѣкоторую прибыль».

«Средства, которыя мы теперь имѣемъ: капиталъ К. К. Куманина 170 тыс. р. с. Бр. Крестовниковыхъ 130 тыс. р. с., В. А. Куманина 100 тыс. р. с.—всего 400 тыс. р. с. Если намъ необходимо нужно будетъ еще, то мы думаемъ, Валентинъ Алексѣевичъ намъ не откажетъ дать еще 100 тыс. р. с., ибо когда мы брали у него первыя 100 тыс. р.», онъ намъ сказалъ: «я вамъ готовъ дать денегъ столько, сколько вамъ нужно, лишь бы

онѣ служили вамъ на пользу». Мы опредѣлили тогда цифру 100 тыс. р. с., и онъ, какъ видите, выдавалъ намъ по частямъ въ счетъ этой суммы по мѣрѣ нашего требованія, и очень можетъ быть, что не откажетъ намъ и еще дать до 100 тыс. р. с., но предлагать ему пока воздерживаемся, ибо покупать еще сало по такимъ высокимъ цѣнамъ едва ли благоразумно; лучше лѣтомъ простоять нѣсколько мѣсяцевъ безъ работы, чѣмъ имѣть огромный запасъ дорогого сала на рукахъ. Если свѣчи наши будутъ весною въ спросѣ, тогда можно лѣтомъ купить часть сала хотя бы и по возвышеннымъ цѣнамъ. На первые годы мы едва ли будемъ въ состояніи работать болѣе 30 тыс. пуд. стеариновыхъ свѣчъ, какъ по средствамъ, такъ и по сбыту; нашъ товаръ еще новый и нужно время, чтобъ познакомить съ нимъ потребителя, поэтому большого сбыта вскорѣ ожидать нельзя. По нашему соображенію, 680 тыс. р. с. для производства, включая сюда и стоимость завода, можетъ и не потребоваться. Прибавивъ къ нашимъ средствамъ еще 100 тыс. р. с., навѣрное, будетъ вполнѣ достаточно, тѣмъ болѣе, что, по мѣрѣ введенія нашей свѣчи въ употребленіе, оборотъ будетъ становиться все легче и легче, и тогда явится возможность усилить выработку свѣчи».

«Я согласенъ съ вами, что мы взяли на себя трудное дѣло и частью ошиблись въ расчетѣ капитала, потребнаго на оборотъ, не предполагая, что онъ сопряженъ съ такими затрудненіями и такъ многосложенъ, но съ энергіею, а главное съ Божіею помощью можно все преодолѣть. Не слѣдуетъ ослабѣвать на столь трудномъ поприщѣ, при чемъ надо замѣтить, что чѣмъ труднѣе дѣло, тѣмъ оно прочнѣе.

«Также замѣтилъ ваше желаніе сбыть заводъ, т.-е. продать Гутуевскому Обществу, о которомъ теперь наводимъ справки и, кромѣ того, дѣлаемъ предложеніе купить нашъ заводъ Бенардаки, который будто бы очень интересуется этимъ дѣломъ и находитъ его очень выгоднымъ. Впрочемъ, мое личное мнѣніе таково, что всѣ эти попытки останутся безъ всякаго послѣдствія. Ивановскій заводъ въ Екатеринбургѣ (Гутуевскаго Общества), за неимѣніемъ средствъ, болѣе 30 тыс. пудовъ

въ годъ работать не можетъ, что мнѣ передавалъ одинъ изъ акціонеровъ и выразился такъ, что они считаютъ основаніе завода въ Екатеринбургѣ ошибкою, за которую упрекаютъ Бѣлова, предложившаго имъ этотъ городъ, какъ мѣстность, представляющую наиболѣе благопріятныя условія для стеаринованаго производства».

«Конпаніонъ нашъ Константинъ Константиновичъ Куманинъ, когда узналъ, что мы намѣрены продать нашъ заводъ, протестовалъ и объявилъ намъ, что если мы предполагаемъ, что онъ боится убытковъ, то скорѣе онъ готовъ потерять хотя 100 тыс. р. с., но завода не продалъ бы. Мы отвѣчали ему на это, что не имѣемъ достаточно средствъ, а особенно средства наши умалятся, когда не станетъ Валентина Алексѣевича Куманина. «Вы можете тогда разсчитывать на меня», отвѣчалъ онъ намъ, ибо тогда у него будутъ денежныя средства, а теперь у него свободныхъ денегъ нѣтъ. Мы все-таки продолжаемъ вышеупомянутыя справки, но одно скажу, что если мы взялись за дѣло, то должны его испытать до крайней возможности и тогда только отказаться отъ него, когда окончательно убѣдимся въ невозможности совладать съ нимъ, а бросать его при первой неудачѣ—благоразумно ли это?»

«Братъ Константинъ поѣхалъ въ Пинскъ и быть можетъ ему удастся тамъ уладить съ Папстомъ. Мы также просили узнать въ С.-Петербургѣ о стеариновомъ производствѣ. Насколько мы познакомились съ нимъ, видимъ, что оно требуетъ товаръ лучшаго качества. За хорошій товаръ дадутъ современемъ дороже, а на первое время охотнѣе купятъ».

«Въ Таганрогъ поѣдетъ Дмитрій Юрьевичъ Миліоти и будетъ стараться проникнуть сбытомъ въ Константинополь. Въ Гамбургъ мы также стараемся проникнуть; тамъ, какъ намъ пишутъ, покупаютъ довольно для Франціи. Д. Ю. будетъ также ѣздить и въ Одессу. Тамъ сбывается много свѣчъ; одинъ Посоховъ покупаетъ болѣе 7 тыс. пудовъ и преимущественно калетовскихъ. Цѣна въ Одессѣ была осенью 14 р. пудъ и чувствовался недостатокъ въ свѣчахъ. Въ Москвѣ ожидаютъ хорошаго сбыта на мыло и по хорошей цѣнѣ. Наше мраморное мыло добротою хорошо,

(Снимокъ 1875 года).

Константинъ Константиновичъ Куманинъ.

покупатели имъ довольны. О свѣчахъ мы худыхъ отзывовъ не слышимъ; слышали только, что наши свѣчи у нѣкоторыхъ гасли, что весьма непріятно; также въ Астрахань попали не совсѣмъ хорошія свѣчи. Вотъ все, что я имѣлъ вамъ высказать, и еще разъ совѣтую вамъ взять терпѣніе и стараться съ большею энергіею преодолѣвать всѣ трудности дѣйствительно труднаго дѣла, но, уповая на Бога, надо надѣяться, что Онъ поможетъ намъ, ибо мы трудимся всѣ сколько возможно, все дѣлаемъ, что отъ насъ зависитъ, что же не отъ насъ зависитъ, въ томъ мы не властны».

«Пряжу продаемъ очень ходко и съ хорошей пользою; хлопка хивинскаго мы уже продали до 6 тыс. пуд. по 6 р. 60 к. с.; теперь мы просимъ 7 р. с., но не даютъ еще. Стеариновыя свѣчи въ заминкѣ. Мы продали бы позначительнѣе партію по 10 р. 40 к. с., если бы нашелся покупатель. Цѣна на свѣчи въ Москвѣ мѣняется очень часто и иногда вслѣдствіе нужды въ деньгахъ кого-либо изъ заводчиковъ. За наше мыло даютъ безъ особеннаго затрудненія 3 р. 50 к. с. пудъ, но оно должно быть еще крѣпче въ цѣнѣ».

Въ 1865 г. американская война кончилась, а съ ней и стѣсненное положеніе русскаго бумагопрядильнаго дѣла.

Для характеристики кризиса, вызваннаго американскою войной привожу два письма брата Константина изъ Москвы къ намъ въ Казань.

Москва 5 февраля 1864 г. «Вотъ что могу сообщить вамъ интереснаго: въ нынѣшнемъ году было привезено хлопка— азіатскаго 700 тыс. пд. и американскаго 400 тыс. пд., а всего 1,100 тыс. пд. Все это количество уже переработано въ пряжу, изъ чего можно заключить, что мануфактуристы до сего времени работали еще сильно. Въ настоящее же время, за неимѣніемъ хлопка и въ ожиданіи скораго окончанія войны, всѣ фабриканты вынуждены работу остановить. Остановка фабрикъ уже началась; къ апрѣлю остановятся и остальныя. Во многихъ мѣстахъ Владимірской губ. фабричный народъ не знаетъ, чѣмъ существовать и тамъ уже неспокойно. Еще

курьезъ: правительство предлагало фабрикантамъ работниковъ изъ Польши, на что фабриканты отвѣчали, что не только брать рабочихъ, но хотятъ отпустить и тѣхъ, которые сейчасъ работаютъ, и что дѣла въ такомъ положеніи, что выгоднѣе ихъ ликвидировать. Всѣ эти обстоятельства порядкомъ озаботили Петербургъ; спѣшатъ открывать банки и замѣтенъ поворотъ къ охранительной системѣ; сняли пошлину на хлопокъ, запретили вывозъ золота и серебра чрезъ азіатскую границу, запретили транзитъ. Я пробовалъ пробраться на стеариновые заводы въ Москвѣ, но безуспѣшно. Миллеръ открываетъ здѣсь контору; надо полагать, главной операціей ея будетъ покупка сала въ Москвѣ и Украйнѣ для петербургскаго завода. Киберъ, Ф. А. сообщилъ мнѣ, что ему сало обошлось на кругъ 3 р. 80 к. с. пудъ. У Машнина дѣла плохи; говорятъ, что онъ производство свѣчъ скоро покончитъ. Стеариновые фабриканты работаютъ противъ прошлогодняго менѣе. Мыломъ торгуютъ хорошо и мыла въ Москвѣ будетъ недостатокъ».

Москва 24 февраля 1864 г. «Киберъ, Ф. А. платитъ за олеиновую кислоту 3 р. 50 к. с. пудъ. Послѣднія новости: Бухарцамъ дальше Оренбурга ѣздить запрещено. Скоро ожидаютъ конца американской войны. Американцы намѣрены наложить на хлопокъ вывозную пошлину въ 3 р. с. на пудъ. У насъ оказывается большой недоборъ по откупному дѣлу. Министрамъ: финансовъ и внутреннихъ дѣлъ даны совѣщательные комитеты».

«Статьи А. П. Шипова, Чижова, Бабета, Скуратова произвели свое дѣйствіе на министерства. Лицъ этихъ призывали въ Петербургъ. Утверждена возвышенная пошлина на машины. Коткова щипятъ и хотятъ во чтобы то ни стало привести его въ чувства! Въ думѣ противятся введенію газоваго освѣщенія, требуютъ, чтобы Москва освѣщалась матеріаломъ своей страны. Въ заключеніе еще курьезъ: одинъ фабрикантъ подалъ прошеніе министру финансовъ о дозволеніи ему разыграть свои фабрики въ лотерею».

Изъ нашихъ балансовъ видно, что въ 1863—64 конторскомъ году персидскій хлопокъ намъ обошелся по 26 р. с. пудъ, египетскій, суратъ и мадрасъ по 30 р. с. пудъ. Въ 1864—65 г.—суратъ по 26 р. с. пудъ, бенгальскій по 16 р. с. пудъ, персидскій по 26 р. с. пудъ, египетскій по 35 р. 50 к. с. пудъ.

Въ 1863—64 г. сработано бумаги пряденой 8651 пд. на 288,532 р. с., а въ 1864—65 г.—15922 пд. на 376,818 р. с. Въ первомъ случаѣ средняя стоимость утковъ съ № 5 по 40 и медіо съ № 30 по 40—33 р. 35 к. с. пудъ, а во второмъ случаѣ 23 р. 65 к. с. пудъ при тѣхъ же номерахъ.

Съ 1869—70 конторскаго года мы снова вступаемъ въ періодъ оптимизма; затрачиваемъ въ теченіе послѣдующихъ 10 лѣтъ на недвижимость стеариноваго завода 1,250 тыс. р. с. и на недвижимость прядильной фабрики 438 тыс. р. с.

Въ 1885 г. происходитъ въ насъ сильный поворотъ къ пессимизму. Мы стараемся сократить расходъ на содержаніе конторъ, складовъ; сокращаемъ число комиссіонерствъ и въ результатѣ доходимъ до сокращенія сбыта. Какъ въ началѣ шестидесятыхъ годовъ насъ пугалъ керосинъ, такъ теперь начинаетъ насъ смущать введеніе электрическаго освѣщенія. Духъ нашъ поникъ, и мы снова заговорили о ликвидаціи! Наши директора правленія, Валентинъ и Сергѣй Константиновичи, пришли къ убѣжденію, что съ наступленіемъ старости поприще дѣятельности должно прекращаться, иначе старческая дѣятельность безъ энергіи и отваги можетъ только вредить дѣлу и въ 1887 г., послѣ ихъ отказа, общее собраніе пайщиковъ выбирало въ директора Владиміра Константиновича, Григорія Александровича Крестовниковыхъ и Романа Ивановича Биттъ, а въ кандидаты къ нимъ Михаила Алексѣевича Преображенскаго и Савву Тимоѳеевича Морозова. Дабы вновь вступающія въ дѣло молодыя силы были достаточно заинтересованы, мы, братья, кромѣ брата Владиміра Константиновича, уступили 433 пая по 700 р. с. за пай, и время показало, что шагъ этотъ съ нашей стороны былъ вполнѣ разуменъ. Съ 1887—88 г. дѣло начало оживать и достигло предѣльнаго развитія при хорошей прибыли.

Покойный братъ Сергѣй Константиновичъ, любившій заниматься статистикою нашего и, вообще, всего русскаго промышленнаго дѣла, вычислилъ, что съ 1870—71 года по 1884—85 годъ—въ 14-ть лѣтъ—фирма наша имѣла валовой прибыли 4,609,000 р. с. и заплатила изъ нея дисконта 2,333,000 р. с., т.-е. дисконтеръ получилъ, ничего не производя, ту же прибыль, что и промышленникъ, а именно дивиденда выдано за 14 лѣтъ 2,548,000 р. с.—$10^{13}/_{14}\%$, а дисконтъ намъ обошелся 2,333 тысячи—свыше 10% годовыхъ.

ПРИЛОЖЕНІЕ

сообщено Н. А. Найденовымъ.

1795-го года 20-го іюня, проданъ умершаго московскаго 1-й гильдіи купца Семена Григорьева Осипова вдовой Натальей Михайловой города Переславля Залѣсскаго 2-й гильдіи купцу Козьмѣ Васильевичу Крестовникову дворъ въ приходѣ Иліи пророка, въ 10-й части, въ 3-мъ кварталѣ подъ № 310-мъ (нынѣ Яузской части, во 2-мъ участкѣ, подъ № 346) за 11.000 руб.

1811-го года, 19-го мая, прикуплена Переславль-Залѣсскимъ первостатейнымъ купцомъ Козьмою Васильевичемъ Крестовниковымъ у дворянъ В. и П. П. Титовыхъ прилегающая къ тому двору садовая земля (702 квадр. саж.) за 1000 р. государственными ассигнаціями.

Все это владѣніе перешло 29-го февраля 1880-го года въ собственность почетныхъ гражданъ Виктора, Николая и Александра Александровичей Найденовыхъ отъ почетныхъ гражданъ Дмитрія и Николая Александровичей Крестовниковыхъ за 168.000 руб. серебромъ, а съ дополнительными расходами, крѣпостными пошлинами и пр. за сумму болѣе 170 тыс. рублей.

Въ метрическихъ книгахъ церкви Иліи пророка значится:

3-го января 1796-го года родились Ксенофонтъ и Константинъ Козьмичи Крестовниковы.

6-го и 26-го сентября 1798-го года померли дѣти Козьмы Васильевича Крестовникова Алексѣй и Иванъ (погребены въ Андроньевскомъ монастырѣ).

10-го февраля 1807 года Петръ Козьмичъ Крестовниковъ вѣнчанъ съ дочерью московскаго 2-й гильдіи купца Семена Ивановича Быковскаго дѣвицею Прасковьей.

29-го февраля 1808-го года родился у Петра Козьмича Крестовникова сынъ Николай.

30-го марта 1810-го года родилась у Петра Козьмича Крестовникова дочь Павла (она умерла 16-го февраля 1813-го года).

1-го марта 1813-го года родилась у него дочь Павла (другая), бывшая впослѣдствіи въ замужствѣ за Дмитріемъ Козьмичемъ Лентошниковымъ.

6-го января 1814-го года умеръ переславскій первостатейный купецъ коммерціи совѣтникъ Козьма Васильевичъ Крестовниковъ.

10-го октября 1816-го года родился у Петра Козьмича Крестовникова сынъ Козьма.

23-го ноября 1818 года умеръ переславскій 1-й гильдіи купецъ Петръ Козьмичъ Крестовниковъ.

30-го января 1820-го года Александръ Козьмичъ Крестовниковъ повѣнчанъ съ купеческою дочерью Марьей Ѳедоровною Ливенцовой.

4-го января 1821-го года у Александра Козьмича Крестовникова родилась дочь Анна.

22-го мая 1822-го года Константинъ Козьмичь Крестовниковъ повѣнчанъ съ купеческою дочерью Надеждою Александровной Москвиной.

Выписки эти были сдѣланы изъ книги, оканчивающейся 1822-мъ годомъ; когда былъ вѣнчанъ Ксенофонтъ Козьмичъ Крестовниковъ съ Елизаветой Васильевной Пицальниковой—тутъ не видно; но можно добыть свѣдѣнія и изъ документовъ послѣдующаго времени.

Козьма Васильевичъ Крестовниковъ награжденъ званіемъ коммерціи совѣтника 30-го января 1812 года (вмѣстѣ съ Алексѣемъ Алексѣевичемъ Куманинымъ).

Свѣдѣнія о времени причисленія въ московское купечество и полученія почетнаго гражданства, объ открытіи торговыхъ домовъ и нѣкоторыя другія имѣются, какъ видно изъ напечатанной описи дѣлъ архива Московской Купеческой Управы, въ таковомъ архивѣ.

Свѣдѣнія раннѣйшаго времени собраны въ напечатанныхъ «Матеріалахъ для исторіи Переславля-Залѣсскаго и Данилова монастыря», изданныхъ въ 1884 и 1891 годахъ.

Портретъ Алексѣя Алексѣевича Куманина (товарища Козьмы Васильевича) имѣется отпечатанный фототипически.

III

Выписка изъ книгъ „Матеріалы для исторіи Московскаго купечества". Т. 7-ой (стр. 251): Устюжская слобода:

1833-го года декабря 5-го: 1-й гильдіи купецъ Александръ Козьмичъ Крестовниковъ, 39 лѣтъ, съ 1826-го года изъ Переславскихъ купцовъ. У него братья: Ксенофонтъ, умеръ въ 1832-мъ году; Константинъ 38 лѣтъ (у него сыновья: Александръ 8 лѣтъ, Валентинъ 6 лѣтъ, Константинъ 3 лѣтъ, Николай 2 лѣтъ, Владиміръ 9-ти мѣсяцевъ); у Александра Козьмича жена Марья Ѳедоровна 28 лѣтъ; у Ксенофонта Козьмича жена Елизавета Васильевна 26 лѣтъ; у Константина Козьмича жена Надежда Александровна 27 лѣтъ.

Т. 8-й (307): 1850-го года сентября 13-го:

Потомственный почетный гражданинъ временно 2-й гильдіи купецъ Устюжской слободы и кавалеръ Александръ Козьмичъ Крестовниковъ 55 лѣтъ; у него жена Марья Ѳедоровна 44 лѣтъ; у нихъ дѣти: Дмитрій 10 лѣтъ, Николай 6 лѣтъ, Александра 14 лѣтъ (родилась 1835-го года августа 28-го); у Александра Козьмича братъ Константинъ, умеръ въ 1841 году; у Константина Козьмича жена Надежда Александровна 43 лѣтъ, у нихъ дѣти: Александръ 24 лѣтъ; у Александра Константиновича жена Софья Георгіевна 20 лѣтъ; Валентинъ 22 лѣтъ, Константинъ 19 лѣтъ, Николай 18 лѣтъ; Владиміръ 17 лѣтъ, Сергѣй 13 лѣтъ, Іосифъ 11 лѣтъ; у умершаго Ксенофонта Козьмича жена Еливавета Васильевна 42 лѣтъ.

Т. 9: (стр. 281):

1857-го года декабря 4: Потомственный почетный гражданинъ Александръ Константиновичъ Крестовниковъ 31 года. У него жена Софья Георгіевна 27 лѣтъ, у нихъ дѣти: Екатерина 6 лѣтъ, Григорій 2 лѣтъ, Надежда 6 мѣсяцевъ; у Александра Константиновича братья: Валентинъ 29 лѣтъ, Константинъ 26 лѣтъ, Николай 25 лѣтъ, Владиміръ 24 лѣтъ, Іосифъ 20 лѣтъ, Сергѣй 18 лѣтъ; у нихъ мать Надежда Александровна 50 лѣтъ.

Въ Архивѣ Московской Купеческой Управы имѣются дѣла (Опись дѣлъ, хранящихся въ архивѣ Московской Купеческой Управы. Т. 1. 1787—1863 гг.):

№ 2064. О причисленіи Переславскаго купца Александра Козьмича Крестовникова въ Московское купечество (1825 г.).

№ 2315. Тоже Николая Петровича Крестовникова (1825 г.).

№ 3325. О зачисленіи Агафьи Крестовниковой купеческой женой вдовой и женой коммерціи совѣтника (1829 г.).

№ 3796. Объ открытіи купцами Крестовниковыми торговаго дома (1831 г.).

№ 4335. О выдачѣ братьямъ Александру, Константину и Ксенофонту Крестовниковымъ свидѣтельства на полученіе почетнаго гражданства (1832 г.).

№ 7264. О пожалованіи Александру Козьмичу Крестовникову золотой медали (1839 г.).

№ 7837. Тоже (1841 г.).

№ 8519. Тоже золотой медали и ордена Станислава 3-й ст. (1842 г.).

№ 12646. Объ открытіи торговаго дома «А. Крестовниковъ съ племянниками» (1849 г.).

№ 14281. О представленіи почетнымъ гражданиномъ Александромъ Константиновичемъ Крестовниковымъ однопроцентныхъ денегъ (1850).

№ 14474. О командированіи депутата къ описи имѣнія почетнаго гражданина Крестовникова (1851 г.).

№ 15334. Объ открытіи торговаго дома почетными гражданами Крестовниковыми (1851 г.).

№ 22370. О смерти купчихи Прасковьи Семеновны Крестовниковой (1856 г.).

№ 23303. О состояніи почетнаго гражданина Іосифа Константиновича Крестовникова въ семействѣ братьевъ (1856 г.).

№ 30242. О дозволеніи почетному гражданину Петру Котелову и Александру и Валентину Крестовниковымъ учредить товарищество (1860 г.)

ПРИЛОЖЕНІЕ

сообщено Н. А. Найденовымъ.

Отношеніе моего отца къ семейству Крестовниковыхъ.

Близость моего отца къ дѣтямъ Козьмы Васильевича существовала издавна; какъ я слыхалъ, первоначальное знакомство ихъ относилось ко времени ихъ малолѣтства, когда, живя въ одномъ приходѣ (гдѣ они и родились), они вмѣстѣ прислуживали въ церкви (занимаясь выносомъ свѣчей и т. п.); а затѣмъ уже,—такъ какъ у моего дѣда, а послѣ его смерти у отца съ его братомъ, существовало красильное заведеніе для крашенія бумажной пряжи, а потомъ также плиса и палубархата, и дѣло имѣлось со всѣми извѣстными фабрикантами, въ числѣ которыхъ значительными давальцами (такъ назывались отдававшіе въ краску) были Крестовниковы, то близость эта возникла вслѣдствіе дѣловыхъ отношеній, поддерживаясь неизмѣнно до конца ихъ жизни, и выражаясь въ особенности относительно Александра Козьмича по большей продолжительности ея существованія. Отецъ мой, лично занимавшійся въ заведеніи и имѣвшій возможность лишь рѣдко оставлять его въ рабочіе дни, постоянно каждый праздникъ утромъ отправлялся къ Александру Козьмичу, вмѣстѣ съ нимъ отправлялся въ городъ и вмѣстѣ съ нимъ ко времени обѣда (т.-е. къ полудню) возвращался домой, и это шло въ теченіе длиннаго ряда лѣтъ. Пособіе, оказывавшееся Александромъ Козьмичемъ моему отцу, заключалось въ томъ, что,—при потребности въ деньгахъ и затруднительности полученія ихъ отъ давальцевъ, что особенно встрѣчалось во 2-й половинѣ 1840-хъ годовъ, вслѣдствіе усилившейся конкуренціи и значительнаго сокращенія дѣла,—отъ него деньги получались во всякое время, не дожидаясь какого-либо опредѣленнаго срока (какъ это было относительно другихъ, какъ, напр.,

послѣ подачи счетовъ къ Петрову дню, къ Рождеству и къ Пасхѣ). При этомъ, какъ изъ дѣла видно, въ 1841 году имъ было оказано содѣйствіе переустройству отдѣлки плиса *) выдачей впередъ болѣе значительной по тому времени суммы (4500 руб. асс.), которая была, какъ значится, покрыта вскорѣ частью (и притомъ большей) деньгами, а частью заработана крашеніемъ. Вотъ точное объясненіе характера существовавшихъ отношеній.

Смерть Александра Козьмича произвела на отца, а вмѣстѣ съ нимъ и на всѣхъ насъ, самое удручающее впечатлѣніе, равносильное потерѣ ближайшаго родственника.

Красильное заведеніе отца никогда не принадлежало дому Крестовниковыхъ, ни находилось въ арендѣ. Обстоятельство, послужившее, видимо, поводомъ къ такому предположенію, заключается въ слѣдующемъ: Около средины 1840-хъ годовъ Александромъ Козьмичемъ была устроена, для крашенія чернаго плиса и полубархата, собственная красильня; красильнымъ мастеромъ при ней былъ Гаврила Никифоровъ (простой крестьянинъ), а приказчикомъ Ѳедоръ Иван. Горбуновъ, отецъ извѣстнаго разскащика (типъ стариннаго дворецкаго, какъ сейчасъ помню, въ синемъ сюртукѣ и бѣломъ галстукѣ);—красильня эта помѣщалась въ Сыромятникахъ въ домѣ Васильевой;—въ ночь на 6-е іюля 1848 года была подожжена иностранцемъ Мейеромъ его булавочная фабрика, помѣщавшаяся въ сосѣднемъ дворѣ Шелапутиныхъ, отчего сгорѣло и строеніе, занимавшееся для отдѣлки плиса въ домѣ Васильевой; а такъ какъ у отца въ это время (время покоса, на которое и рабочіе расходились) работы по крашенію плиса было мало, между тѣмъ какъ Александру Козьмичу товаръ былъ нуженъ для Нижегородской ярмарки, то отцомъ была предоставлена въ распоряженіе Александра Козьмича наша отдѣлочная (такъ называемая глянцовальня), которая и занималась имъ до возстановленія ея на мѣстѣ сгорѣвшей; но занятіе это было, конечно, безвозмездно. Это продолжалось до осени. Съ 1850 года красильня Александромъ Козьмичемъ была передана мастеру Гаврилѣ Никифорову вмѣстѣ съ обручникомъ Пестовымъ.

*) Александръ Козьмичъ принималъ непосредственное участіе въ заказѣ механику Прагсту требовавшихся машинъ.

Мои воспоминанія изъ слышаннаго отъ отца, а также и частью и отъ Александра Константиновича Крестовникова, и изъ лично видѣннаго.

Воспоминанія эти привожу отрывочно и безъ всякой системы.

О близости отца съ Петромъ Козьмичемъ я никогда не слыхалъ: можетъ быть это происходило и отъ того, что онъ умеръ весьма давно; но я слышалъ отъ отца высказанное Александромъ Козьмичомъ, что «если бы Петръ Козьмичъ прожилъ дольше, то братьямъ пришлось бы, пожалуй, раскуривать для другихъ трубки»—это буквальное выраженіе. Отчего умеръ Петръ Козьмичъ и была ли его смерть неожиданной,—я не помню.

Ксенофонтъ и Константинъ Козьмичи были на столько схожи между собой, что даже отецъ мой (хотя надобно оговориться, что онъ былъ близорукъ) различалъ ихъ только по голосу.

Ксенофонтъ Козьмичъ жилъ въ верхнемъ этажѣ флигеля, ближайшаго къ Покровскимъ казармамъ; вдова его выѣхала оттуда вскорѣ послѣ его смерти, куда—не знаю.

Марья Ѳедоровна была скупа до скаредности. Такъ Александръ Козьмичъ, отправляясь по праздникамъ (вмѣстѣ съ моимъ отцомъ) въ городъ, нерѣдко дѣлалъ покупки для домашнихъ потребностей и, когда не бралъ купленнаго съ собой, а распоряжался о посылкѣ въ домъ, наказывалъ, чтобы не было тамъ сообщаемо о цѣнѣ купленнаго—«чтобы не узнала цѣну жена», какъ говорилъ онъ.

Интереснымъ экземпляромъ изъ вымершаго типа является Николай Максимовичъ Голубковъ. Помню его хорошо лично и много слыхалъ объ его похожденіяхъ и отъ отца, и отъ Александра Константиновича (во время нашего сожительства въ Нижегородской ярмаркѣ въ концѣ 50-хъ годовъ). Онъ былъ, какъ видно, человѣкъ честный, пользовался довѣріемъ хозяина, но, сверхъ его чудородства, былъ чрезвычайно болтливъ. Бывали такіе случаи, что когда Козьма Васильевичъ, зная слабость Голубкова, давалъ ему запечатанные пакеты для вскрытія въ назначенномъ мѣстѣ и наказывалъ не говорить никому объ отъѣздѣ, что бывало въ Макарьевской ярмаркѣ (существовавшей тогда съ 1-го по 30-е іюля), то Голубковъ обходилъ всѣхъ знакомыхъ и сообщалъ по секрету: «ѣду, братъ, въ Москву;

посылай посылку» (въ то время переводовъ не существовало, да и почта отправлялась едва ли чаще одного раза въ недѣлю, а потому деньги пересылались большею частію съ отъѣзжающими—съ оказіей); такимъ путемъ набиралъ Голубковъ денежныя посылки и увозилъ ихъ съ собою въ Оренбургъ, Астрахань или еще куда; возвращались пославшіе изъ ярмарки, а въ Москвѣ ни посылокъ, ни Голубкова; наконецъ-то онъ являлся черезъ мѣсяцъ или болѣе и объяснялъ юмористическимъ образомъ, какъ ему было велѣно распечатать пакетъ въ такомъ то мѣстѣ и ѣхать совсѣмъ не въ Москву.

Весьма частыя оставленія Голубковымъ службы у Александра Козьмича имѣли нерѣдко послѣдствіемъ обращенія его къ моему отцу съ просьбой попросить Александра Козьмича взять его опять къ себѣ; когда же отецъ говорилъ, почему онъ самъ не попроситъ, получался отъ него отвѣтъ: «что же я набиваться буду»; это передавалось Александру Козьмичу, который, зная нравъ Голубкова, бралъ его постоянно опять. Припоминаю одинъ изъ такихъ случаевъ. Передъ Пасхою Александръ Козьмичъ велѣлъ Голубкову отвезти на фабрику въ Поляну потребную для разсчета рабочихъ болѣе или менѣе значительную сумму денегъ; «я не поѣду», сказалъ Голубковъ «я не почтальонъ деньги возить; меня еще, пожалуй, убьютъ».—На замѣчаніе хозяина, что если онъ не хочетъ исполнять даваемыя ему порученія, то онъ не нуженъ. Голубковъ тотчасъ же заявилъ, что онъ не желаетъ оставаться и, по обыкновенію, ушелъ. Послѣ проживательства въ теченіе извѣстнаго времени безъ дѣла и обращенія къ моему отцу, онъ былъ взятъ Александромъ Козьмичемъ, но такъ какъ частыя повторенія этого весьма надоѣли, то Александръ Козьмичъ согласился на это съ тѣмъ лишь, чтобы онъ отправился для занятія на фабрику; но не долго нажилъ онъ тамъ; по истеченіи самаго короткаго времени онъ явился съ заявленіемъ, что онъ не можетъ тамъ оставаться, потому что его «дразнятъ мальчишки»; это «дразненіе» заключалось, по его словамъ, въ томъ, что, когда онъ проходилъ по фабричному корпусу, то шпульники вслѣдъ ему произносили его фамилію—«прохода не даютъ».

Ивана Терентьевича я зналъ болѣе уже по Нижегородской ярмаркѣ, когда онъ пріѣзжалъ изъ Казани; человѣкъ онъ былъ юркій; въ разговорѣ съ хозяевами постоянно называлъ ихъ «сударь».

Михаила Прокофьевича Муравьева у Крестовниковыхъ я уже не засталъ и познакомился съ нимъ, когда онъ, послѣ разстройства заведен-

наго имъ дѣла, былъ приказчикомъ при небольшомъ дѣлѣ Сучковыхъ; но я слыхалъ о немъ и ранѣе; въ этомъ случаѣ придержусь пословицы «относительно умершихъ говорить или хорошее, или ничего» и потому не скажу ничего.

Иванъ Владиміровичъ Шестаковъ былъ человѣкъ дѣйствительно прямой, но въ то же время чрезвычайно упрямый и проникнутый духомъ противорѣчій, что особенно проявлялось при его позднѣйшемъ возрастѣ; онъ имѣлъ впослѣдствіи небольшую раздаточную контору въ Клину, куда переселился на жительство; но, упорно держась своихъ взглядовъ, несоотвѣтствовавшихъ современнымъ потребностямъ, долженъ былъ прекратить всякое дѣло.

Вспоминаю мѣсто торговли Дома Крестовниковыхъ.—Торговали они во 2-мъ прислѣ Зеркальнаго ряда (прислами назывались части рядовъ, раздѣленныя поперечными проходами). Это прясло, идя отъ Ильинки, начиналось на лѣвой сторонѣ москательной лавкой Николая Васильевича Лепешкина съ братьями; затѣмъ слѣдовала лавка Серпуховскихъ ситцевыхъ фабрикантовъ Сѣриковыхъ (Алексѣя Михайловича съ братьями); далѣе лавка Путохиныхъ (имени не помню); потомъ Хатунскихъ крестьянъ, торговавшихъ дешевымъ плисомъ и демикотономъ, Филата, Тимоѳея и Трофима Андреевичей Четвериковыхъ; затѣмъ палатка торговавшаго набивными платками Андрея Дороѳеевича Аксенова (это былъ типъ тѣхъ временъ, въ парикѣ); потомъ палатка Крестовниковыхъ (въ 3-мъ этажѣ занимавшая пространство надъ нѣсколькими лавками); за ней лавка Сергѣя Петровича Комарова (торговля набивными платками); дальнѣйшихъ всѣхъ не упомню; но нѣсколько ниже (ниже потому, что рядъ шелъ къ Варваркѣ уклономъ) суконная лавка Ивана Васильевича Алексѣева; рядомъ съ нимъ Александра Харламповича Протопопова; еще далѣе Бр. Протопоповыхъ, Николая Яковлевича Пчелина и др.;—по правой сторонѣ того же прясла (противъ Лепешкиныхъ) лавка въ 2 раствора (двойная) суконныхъ фабрикантовъ Гречушкина и Устинова, занимавшаяся нѣсколько позже Ананіемъ Петровичемъ Молошниковымъ; затѣмъ такая же двойная лавка Ероѳея Никифоровича Малютина, торговавшаго красной пряжей (приказчикомъ у него былъ нѣкій Дмитрій Ивановъ, прозвищемъ Бука,—крупнаго тѣлосложенія *),

*) Помню, что, когда зимой, для согрѣванія, тянули веревку, Дмитрій Ивановъ проявлялъ, по своей силѣ, преобладающее значеніе для той стороны, къ которой онъ примыкалъ.

типъ приказчика того времени, исчезнувшій съ развитіемъ дѣйствій артельщиковъ); далѣе (противъ Крестовниковыхъ) торговалъ въ палаткѣ бумажнымъ товаромъ Степанъ Григорьевичъ Шапошниковъ (при немъ были приказчиками племянникъ его Василій Прокофьевичъ и Сергѣй Ивановичъ Духанинъ); ниже слѣдовала лавка зеркальная въ нѣсколько растворовъ Петра Ивановича Калашникова; далѣе палатка Ивана Васильевича Трескина (торговля бумажнымъ товаромъ), потомъ еще одна зеркальная лавка и др.

Вспоминаю Нижегородскую ярмарку съ 1857 до 1860 г., когда мнѣ приходилось квартировать тамъ вмѣстѣ съ Александромъ Константиновичемъ и его братьями. Лавка Крестовниковыхъ помѣщалась лицомъ на канаву въ Панскомъ Гуртовомъ ряду подъ лит. Ч. и Ш. (какъ это тогда значилось) № 50. Послѣ прекращенія ими мануфактурной торговли, въ 1855 году торговалъ въ ней Иванъ Владиміровичъ Шестаковъ, который и допрадовалъ ихъ товары; затѣмъ въ 1856 году она была отдана для торговли въ ту ярмарку торговцамъ кашемировыми платками Кокоринымъ, а съ 1857 года моему отцу, отъ котораго торговалъ въ ней я—въ 1-й разъ для пробы черными кашемировыми платками (съ бахромой), а затѣмъ также и набивными полушерстяными;—но такъ какъ въ Мыльномъ ряду, куда перешла торговля Крестовниковыхъ, лавки были деревянныя, въ которыхъ не дозволялось зажигать огня и сквозь стѣны свободно дулъ вѣтеръ, то Александръ Константиновичъ и братья его, бывавшіе въ ярмаркѣ, до постройки каменныхъ лавокъ въ Мыльномъ ряду, продолжали квартировать (т.-е. ночевать) въ прежнѣй своей лавкѣ, въ которой торговалъ я; это существовало и въ теченіе одной ярмарки послѣ передачи права на занятіе лавки на имя моего отца;—помѣщеніе надъ лавкой (палатка), гдѣ ночевали, была примитивнаго устройства: она была раздѣлена на 2 части деревянной некрашеной перегородкой съ такой же дверью; въ срединѣ между двумя отдѣленіями былъ чуланъ для хозяйственныхъ принадлежностей, въ которомъ, между прочимъ, по словамъ Александра Константиновича, въ прежнее время по вечерамъ занимались подводкой и писаніемъ счетовъ, такъ какъ съ огнемъ въ палаткахъ вечеромъ сидѣть не дозволялось;—лицевое помѣщеніе, бывшее ранѣе хозяйскимъ (въ немъ былъ даже расписанный потолокъ), занимали Крестовниковы, а заднюю часть, бывшую приказчичьей, занималъ я, причемъ со мной бывалъ въ ярмаркѣ одинъ изъ младшихъ братьевъ—Александръ или Владиміръ; къ вечеру собирались всѣ на ночевку и за чаемъ проводили все время до обращенія ко сну, причемъ Александръ Констан-

тиновичъ обыкновенно разсказывалъ различные эпизоды изъ своихъ прежнихъ путешествій на ярмарку.—Въ указываемые года въ ярмаркѣ бывали кажется, постоянно Николай и Сергѣй Константиновичи. Такъ какъ въ то время съ 11 часовъ воспрещалось имѣть въ палаткахъ огонь, что возвѣщалось проходившей командой съ барабаннымъ боемъ и крикомъ «гаси огонь» (подъ опасеніемъ, въ случаѣ нарушенія этого, лишенія права на занятіе лавки), то прилагалась большая забота о томъ, чтобы не былъ сквозь ставни виденъ свѣтъ. Послѣдняя изъ такихъ ярмарокъ совмѣстнаго жительства нашего была чрезвычайно страшной, такъ какъ съ половины августа открылась холера, свирѣпствовавшая ужаснымъ образомъ и унесшая многихъ, въ томъ числѣ и изъ сосѣднихъ помѣщеній; у насъ умеръ также бывшій съ нами артельщикъ. Въ ярмарку наѣзжали и временно квартировали вмѣстѣ съ нами Константинъ Юрьевичъ Миліоти, Владиміръ Петровичъ Веденисовъ и другіе; былъ даже одинъ разъ Гаврила Гавриловичъ Солодовниковъ; вся эта компанія разнообразила наши вечернія собесѣдованія. Сосѣдями по лавкѣ были: выйдя изъ лавки направо—шуйскій фабрикантъ Алексѣй Александровичъ Посылинъ, молодой человѣкъ, бывавшій въ ярмаркѣ мало; главнымъ дѣйствующимъ лицомъ былъ у него Павелъ Ермиловичъ Клюевъ, старикъ, ѣздившій еще и въ Макарьевъ; торговля Посылина имѣла покупателями жителей Закавказья и потому начиналась во 2-й половинѣ августа, когда появлялась развязка съ мареной, чихиремъ и бакаліей;—съ лѣвой же стороны занималъ лавку въ 3 раствора Александръ Ивановичъ Шиловъ, продававшій по комиссіи Клинцовскія сукна и ситцы Ивановскаго фабриканта Полушина. Это былъ своеобразный экземпляръ, имѣвшій въ ярмаркѣ персоналъ около 15 человѣкъ, хотя при дѣлахъ подобнаго объема (продавалъ онъ, по дававшимся имъ свѣдѣніямъ, товара на 125 тыс. руб.) по стольку рабочихъ силъ не употреблялось; а происходило это оттого, что, какъ говорили, у него велись книги на двухъ языкахъ—русскомъ и нѣмецкомъ («ради практики дѣтямъ») и дѣйствительно въ ярмаркѣ бывали 2 бухгалтера—Вёръ, плохо знавшій по русски, и другой русскій, а затѣмъ 2 къ нимъ помощника—также нѣмецъ и русскій, хотя онъ никакихъ дѣлъ съ иностранцами не велъ. Самъ Шиловъ, по пріѣздѣ въ ярмарку, облекался въ мундиръ и въ треугольную шляпу и отправлялся пѣшкомъ по ряду въ Главный домъ представляться губернатору, что вызывало въ средѣ торговцевъ подобострастное уваженіе.

Александръ Константиновичъ говорилъ, что въ начальные годы посѣ-

щенія имъ ярмарки фирма ихъ торговала въ ней на 100 тыс. руб. асс., а въ Москвѣ годовой оборотъ составлялъ тогда до 300 тыс. руб., что вполнѣ соотвѣтствуетъ показанію о количествѣ имѣвшихся на фабрикѣ рабочихъ, данному на выставку 1843 года, принимая въ соображеніе, что во время лѣтнихъ полевыхъ работъ фабрика почти вся останавливалась.

Николая Николаевича Емельянова я зналъ мало. Помню его съ зеленымъ козырькомъ надъ глазами; но отецъ былъ съ нимъ знакомъ близко; онъ былъ распорядителемъ на свадьбѣ отца; онъ ослѣпъ внезапно дорогой съ фабрики вслѣдствіе полученнаго удара, какимъ-то предметомъ, изъ-подъ копыта лошади. Емельяновъ считался прототипомъ бухгалтера; отъ отца слышалъ я, что, во время банкротства многихъ торговыхъ домовъ, имѣвшихъ заграничныя дѣла, весьма большую сумму остался долженъ Крестовниковымъ домъ Ризетти и Кригера, у котораго Емельяновъ состоялъ также бухгалтеромъ. Фирмѣ Крестовниковыхъ потребовалось перевести значительную сумму черезъ этотъ домъ чуть не наканунѣ прекращенія имъ платежей. Емельяновъ совѣтовалъ повременить переводомъ подъ разными предлогами; но на его настояніе не было обращено вниманіе и переводъ былъ сдѣланъ; когда же ему послѣ того со стороны кого-то изъ хозяевъ былъ сдѣланъ упрекъ о непредупрежденіи о положеніи дѣла, онъ напомнилъ объ его настояніяхъ, объяснивши однако, что онъ, какъ бухгалтеръ, не имѣлъ права говорить болѣе. Объ этомъ выражалось, какъ о случаѣ надлежащаго пониманія бухгалтерскихъ обязанностей.

Александръ Козьмичъ былъ человѣкъ не тщеславный. Когда строилась новая теплая церковь Ильи Пророка, освященная въ 1841 году (на постройку которой главная сумма была пожертвована Усачовыми), многими указывалось на то, что онъ принялъ, при сборѣ на этотъ предметъ денегъ, слишкомъ малое участіе; но при отпѣваніи его священникомъ было объяснено, что въ пожертвованіи на это онъ участвовалъ въ значительной суммѣ отъ имени неизвѣстнаго, не желая дѣлать этого гласнымъ.

XIII

Замѣтки по поводу изложеннаго въ рукописи Николая Константиновича, помѣщаемыя въ послѣдовательномъ, сообразно изложенію, порядкѣ.

Марья Козьминична Котова была старше Александра Козьмича, какъ было объяснено въ выпискѣ изъ ревизской книги.

Козьма Васильевичъ умеръ ранѣе введенія званія почетнаго гражданина (званіе это учреждено въ 1832 г.); онъ былъ первостатейный купецъ.

Козьма Васильевичъ торговалъ въ Макарьевской, а не въ Нижегородской ярмаркѣ, открытой послѣ его смерти, а именно въ 1817 году.

Рака, въ которой почиваютъ мощи преподобнаго Даніила, содержитъ въ себѣ серебра 6 пуд. 15 фунт. и золота 288 зол.; она стоила 42,565 руб. асс.;—кромѣ того, Агафьей Васильевной Крестовниковой вызолоченъ иконостасъ въ придѣлѣ преподобнаго Даніила, находящемся въ соборной Троицкой церкви Данилова монастыря, и ею же въ 1822 году устроена на образъ преподобнаго Даніила чеканная серебряная риза, съ позолотой, съ употребленіемъ на то разныхъ прикладныхъ вещей (такъ значится въ Описаніи Данилова монастыря священника Свирѣлина. Москва, 1860 г.).

Агафья Васильевна жила долго послѣ мужа; торговое дѣло производилось, какъ изъ нашихъ старыхъ фамильныхъ записей видно, первоначально отъ ея имени. Она умерла 6 ноября 1829 г. отъ антонова огня 70-ти лѣтъ.

Былъ ли отцомъ Гурьевой каши министръ Гурьевъ—это составляетъ вопросъ.

Учреждавшіяся товарищества едва ли были товариществами на вѣрѣ, исключая конечно послѣдняго «Бр. Крестовниковы и К°»; объ этомъ надобно справиться; самое первое 1831 года было уже безспорно товариществомъ полнымъ (это видно изъ фирменнаго договора).

О томъ, кѣмъ и для чего занималась лавка въ Панскомъ ряду Нижегородской ярмарки послѣ 1854 г., объяснено выше.

Въ числѣ лицъ, работавшихъ на Торговый домъ Крестовниковыхъ, помню еще Петра Васильевича Свѣшникова, красившаго черные кашемировые платки съ крученой бахромой; отъ него въ городъ ходилъ сынъ его Алексѣй Петровичъ. Думаю также, что красилъ шерсть и полушерстяныя матеріи Александръ Ѳедоровичъ Вольнеръ, отъ котораго городскимъ приказчикомъ былъ Августъ Андреевичъ Шрадеръ (впослѣдствіи принявшій его

дѣло и бывшій ужъ крупнымъ фабрикантомъ). Тѣни упоминаемыхъ въ рукописи лицъ проходятъ передъ глазами: Василій Васильевичъ Ниргаузенъ, толстый добродушный нѣмецъ, красившій бумажную пряжу въ Ростокинѣ, Ѳедоръ Николаевичъ Кузнецовъ, въ то время молодой человѣкъ, окончившій курсъ въ Практ. Академіи, имѣвшій въ Ростокинѣ же красильное заведеніе для полушерстяныхъ тканей;—наконецъ апретурщикъ или, какъ называлось, машинистъ Кирилла Ѳедоровичъ Кирилловъ, худой, высокій старикъ, всѣхъ называвшій «братишка» и потому слывшій самъ подъ этимъ именемъ, отъ котораго ходилъ по городу племянникъ его Александръ Григорьевичъ Кирилловъ (заведеніе находится до сихъ поръ въ Зарядьѣ)—но всѣ эти лица давно переселились въ вѣчность и о нѣкоторыхъ утратилась уже и память; все это напоминаетъ о томъ, насколько много прожито уже на свѣтѣ.

Относительно красильнаго заведенія, принадлежавшаго моему отцу, и отношеній его къ дому Крестовниковыхъ объяснено выше.

Николай и Владиміръ Константиновичи были, по словамъ моего старшаго брата Виктора Александровича, короткое время, одновременно съ нимъ, въ Петропавловскомъ лютеранскомъ училищѣ; былъ ли тамъ также Константинъ Константиновичъ—братъ мой точно не помнитъ.

Въ заключеніе по поводу приведенныхъ воспоминаній объ Ильинскомъ приходѣ 40-хъ годовъ, могу сказать, что все это свѣжо и въ моей памяти. Священникъ Тимофей Ивановичъ Постниковъ былъ дѣйствительно добрый человѣкъ, немудрствовавшій лукаво; онъ умеръ въ 1854 г.; старый дьяконъ Ѳедоръ Петровичъ Орловъ поступилъ къ церкви Иліи Пророка въ дьяконы еще въ 1790-хъ годахъ; онъ умеръ въ концѣ 40-хъ годовъ, имѣя болѣе 80-ти лѣтъ; на ектеніяхъ о Царскомъ домѣ онъ громогласно произносилъ лишь начало, дальнѣйшее же шло у него въ непонятномъ ни для кого видѣ, но онъ оканчивалъ опять отчетливо: «Королеву Нидерландскую Анну Павловну и Супруга Ея»; когда же Супругъ этотъ умеръ, онъ никакъ не могъ привыкнуть къ измѣненію своего заключенія, къ которому онъ приладился въ теченіе всей своей жизни. Одновременно съ нимъ поступившій на службу былъ дьячекъ Ѳедоръ Михайловичъ Птицынъ, читавшій и пѣвшій дрожащимъ гробовымъ голосомъ, умершій около того же времени; наконецъ, пономарь Григорій Афанасьевичъ Малининъ—этотъ типъ стариннаго кутейника, съ бакенбардами, въ широкомъ жабо; помню и я хорошо, какъ онъ, съ очками на лбу и ножомъ въ рукахъ, въ сопровожденіи адъютанта

съ крошней отправлялся въ нашествіе на пасхи и куличи. Все это отошло теперь въ область преданій! Кромѣ того, былъ Ѳедоръ горбатый, прислуживавшій при церкви и составлявшій какъ бы ея принадлежность, а затѣмъ старуха Никитична, бывшая кормилица княгини Бибарсовой, ходившая съ большимъ посохомъ и имѣвшая значеніе какой то полюродивой. Она была вхожа во многіе приходскіе дома.

Въ числѣ прихожанъ, сверхъ упомянутыхъ, были Княгиня Бибарсова, выѣзжавшая въ церковь постоянно въ каретѣ съ ливрейнымъ лакеемъ. Она, урожденная Жеребцова, была фрейлиной Императрицы Маріи Ѳеодоровны, вышла замужъ за сына Графа Орлова-Чесменскаго, женившагося на ней отъ живой жены, а затѣмъ, вслѣдствіе возникновенія о томъ дѣла, вступила въ бракъ (отъ живого мужа) съ какимъ то татарскимъ княземъ Яковомъ Бибарсомъ. Далѣе Василій Борисовичъ Угрюмовъ, бывшій церковнымъ старостой передъ Василіемъ Николаевичемъ Усачевымъ; Григорій Васильевичъ Бабашевъ, сосѣдъ Власова; Макаръ Ивановичъ Ларіоновъ, сосѣдъ дома Крестовниковыхъ, мы и разные другіе.

Увидавши изъ рукописи Николая Константиновича Крестовникова, что Иванъ Николаевичъ Филипповъ состоялъ въ родствѣ съ домомъ Крестовниковыхъ (этого я не зналъ ранѣе), я обратился къ ревизскимъ сказкамъ семейства Филиппова въ тѣхъ видахъ, не окажется ли слѣда о происхожденіи Агафьи Васильевны; но оказалось лишь слѣдующее: По сказкѣ 8-й ревизіи (19-го марта 1834 года)—3-й гильдіи купчиха вдова Анна Васильевна Филиппова 52 лѣтъ, причисленная въ Московское купечество на 1826-й годъ изъ Вологодскихъ купеческихъ женъ; при ней сынъ Иванъ Николаевичъ 15 лѣтъ.

Такимъ образомъ свѣдѣній о томъ, кѣмъ она была до замужества, не нашлось. Между тѣмъ изъ просмотра переписи населенія гор. Переяславля (значащейся въ книгѣ «Переславль-Залѣсскій. Матеріалы для исторіи Данилова монастыря и населенія города XVIII столѣтія. М. 1891 г.») обнаруживается слѣдующее: По церковнымъ книгамъ за 1763 годъ въ числѣ посадскихъ, принадлежащихъ къ приходу церкви Козьмы и Даміана, показаны: Василій Васильевъ Баскаковъ 46 лѣтъ; у него жена Прасковья Иванова 30 лѣтъ; у нихъ дѣти: Иванъ 10 лѣтъ, Анна 8 лѣтъ, Агафья 2 лѣтъ (стр. 58).

Если Агафья Васильевна происходила изъ Переяславля (что до нѣкоторой степени усматривается изъ свѣдѣній объ ея личномъ участіи въ по-

жертвованіяхъ на тамошніе храмы), то можно предполагать, что это указаніе относится къ ней, такъ какъ съ одной стороны, въ виду того, что она значится умершей въ 1829 г. на 70-мъ году отъ роду, показанный въ 1763 году возрастъ ея является весьма близко подходящимъ (на точность тутъ расчитывать нельзя), а съ другой стороны, въ переписяхъ за 1763 г. никакой другой съ такимъ именемъ не значится. Конечно, эти соображенія основаны на предположеніи.

При просмотрѣ упоминаемыхъ мною переписей, мнѣ пришлось натолкнуться на то, что въ числѣ переяславльскихъ жителей за 1797 годъ значится Максимъ Андреевъ Голубковъ, у котораго между дѣтьми показанъ сынъ Николай 13 лѣтъ (тамъ же стр. 91). Родъ его виденъ и изъ раннѣйшихъ переписей, изъ чего можно заключить, что онъ былъ землякомъ Козьмы Васильевича, а потому, можетъ быть, и пользовался его близостью. Это сообщаю потому, что его возрастъ приводится въ рукописи приблизительно, тогда какъ тутъ онъ является уже точнымъ.

Дополнительныя свѣдѣнія, касающіяся родословной и хронологіи описанныхъ въ хроникѣ фамилій.

Родители Софіи Георгіевны Крестовниковой—**Георгій Дмитріевичъ** (†) и **Екатерина Яковлевна** (†) **Миліоти**. У нихъ дѣти: дочери—Софія, замужемъ за Александромъ Константиновичемъ Крестовниковымъ, Надежда, замужемъ за Никаноромъ Мартиніановичемъ Борисовскимъ, вѣнчаніе 11 ноября 1856 г.; сыновья—Николай, женатъ на дѣвицѣ Софіи Іосифовнѣ Леонтьевой, умеръ въ 1882-мъ году; Димитрій, женатъ на дѣвицѣ Надеждѣ Васильевнѣ Неймаркъ; умеръ 12 мая 1902 года на 67-мъ году жизни, похороненъ въ Новодѣвичьемъ монастырѣ; Константинъ, женатъ на дѣвицѣ Пелагіи Михайловнѣ Карпаковой.

У Екатерины Яковлевны Миліоти была сестра **Елена Яковлевна** (†) въ замужествѣ за **Михаиломъ Ивановичемъ** (†) **Бостанжогло**. У нихъ дѣти: сыновья—Василій (†), Николай (†); дочери—Марія (†) въ замужествѣ за Андреемъ Яковлевичемъ (†) Матвѣевымъ; Александра, въ замужествѣ за В. Яковлевымъ (†); Анна, въ замужествѣ за Карповымъ (†); Елисавета, въ замужествѣ за Александромъ Владимировичемъ Алексѣевымъ, нашимъ двоюроднымъ братомъ; у нихъ дѣти: сынъ Николай, бывшій впослѣдствіи московскимъ городскимъ головой, † 11-го марта 1893 года, жена его Александра Владимировна † 12-го марта 1903 года; дочери—Марія, замужемъ за Сергѣемъ Ивановичемъ Четвериковымъ; Александра, замужемъ за Димитріемъ Ивановичемъ Четвериковымъ; Елисавета, замужемъ за Руперти.

Надежда Владимировна, дочь брата Владимира Константиновича Крестовникова, вѣнчалась въ ц. св. Спиридона (на Спиридоновкѣ) 15-го іюня 1888 года съ Александромъ Николаевичемъ Миляевымъ.

Софія Петровна Вышеславцева вѣнчалась съ Максимомъ Петровичемъ Кончаловскимъ 20-го октября 1902 года.

Татьяна Владимировна Алексѣева, дочь В. С. Алексѣева, вѣнчалась съ Андреемъ Николаевичемъ Костомаровымъ 15-го января 1858 года.

Екатерина Владимировна Алексѣева, дочь В. С. Алексѣева, вѣнчалась съ Василіемъ Ивановичемъ Якунчиковымъ 9-го сентября 1853 года.

Сергѣй Владимировичъ Алексѣевъ вѣнчался съ дѣвицею Елисаветой Васильевною Яковлевой 8-го іюля 1859 года.

Павелъ Петровичъ Воронинъ, братъ Петра Петровича Воронина, женатаго на нашей двоюродной сестрѣ Елисаветѣ Петровнѣ Веденисовой, вѣнчался съ Евдокіей Павловною Малютиной—въ январѣ 1859 года.

Никоноръ Мартиніановичъ Борисовскій, сынъ Мартиніана Ивановича и Маріи Ивановны Борисовскихъ, вѣнчался съ дѣвицею Надеждой Георгіевной Миліоти 11 ноября 1856 года.

Петръ Мартиніановичъ Борисовскій вѣнчался съ дѣвицею Анной Ѳедоровною Буниной 28 января 1862 года.

Марія Сергѣевна Попова, внучка Маріи Козьминичны Котовой, вѣнчалась съ Владимиромъ Власьевичемъ Щенковымъ 17 сентября 1861 года.

Нисходящая линія потомства нашихъ двоюродныхъ братьевъ **Веденисовыхъ**. У Ивана Петровича и Вѣры Петровны дѣти—Петръ и Ольга. У Николая Петровича и Агриппины Николаевны дочери—Марія, Надежда, сыновья—Владиміръ, Борисъ и Александръ. У Александра Петровича и Елисаветы Ивановны всѣ дѣти родились въ Италіи: дочери—Марія, Елисавета, Анна, Софія, Надежда и Татьяна; сыновья—Александръ (†), Семенъ, Петръ, Валентинъ (†) и Владиміръ. У Владимира Петровича и Анны Александровны дѣтей нѣтъ.

Фамилія Живаго издавна состояла въ рязанскомъ купечествѣ. Аѳанасій Живаго имѣлъ сыновей: Сергѣя, Ивана, Михаила, Іосифа, Семена, Григорія. Въ молодости мы встрѣчали въ нашемъ родственномъ кружкѣ—Василія Ивановича Живаго, сына Ивана Аѳанасьевича; Ивана Михайловича Живаго, сына Михаила Аѳанасьевича; Павла Григорьевича и Любовь Григорьевну Живаго.

Марія Петровна Крестовникова умерла 24 февраля 1903 года, будучи 60-ти лѣтъ отъ роду. Смерть послѣдовала отъ грудной жабы. На первой недѣлѣ Великаго поста она говѣла, въ субботу 22 февраря она причастилась, въ воскресенье принимала поздравленія и была въ хорошемъ расположеніи духа. Вечеромъ въ обычный часъ она легла въ постель. Спустя нѣкоторое время ей сдѣлалось дурно и въ три часа ночи она тихо скончалась. Она умерла въ домѣ Куренкова—на Тверской, въ Мамоновомъ переулкѣ. Отпѣваніе было 26-го февраля въ приходской церкви «Благовѣщенія»; погребеніе въ Покровскомъ монастырѣ въ одномъ съ мужемъ могильномъ склепѣ.

Тимоѳей Саввичъ Морозовъ родился въ 1823 году, умеръ 10-го октября 1889 года въ Крыму, въ имѣніи графа Шувалова-Мисхоръ. Тѣло покойнаго было встрѣчено на Курскомъ вокзалѣ многочисленными депутаціями отъ разныхъ учрежденій и фабрикъ, въ томъ числѣ отъ «Московскаго Отдѣленія Общества содѣйствія русской промышленности и торговлѣ». Въ это время, а именно съ 1888 г. по 1899 г., состоя предсѣдателемъ Отдѣленія, я встрѣчалъ гробъ съ тѣломъ Тимоѳея Саввича (основателя Отдѣленія) во главѣ депутаціи.

Димитрій Козьмичъ Лентошниковъ † 10-го октября 1860 года.

Михаилъ Степановичъ Фроловъ † 12-го октября 1856 года.

Письмо это адресовано псаломщику церкви св. Троицы, что на Арбатѣ, входившаго по моей просьбѣ въ переписку съ архимандритомъ Модестомъ.

Милостивѣйшій Государь,
Николай Николаевичъ!

Согласно просьбѣ вашей, выраженной въ письмѣ отъ 22 ноября сего года, относительно года переложенія св. мощей Преподобнаго Даніила Переяславльскаго Чудотворца въ серебряную раку г. Крестовникова, имѣю честь сообщить вамъ, что торжество переложенія св. мощей Преподобнаго Даніила совершено было 1816 года іюня 28 дня Владимирскимъ Архіепископомъ Ксенофонтомъ.

При семъ не лишнимъ нахожу сообщить, что вокругъ раки Преподобнаго Даніила нѣкоторые орнаменты поломаны отъ времени и утрачены. А также имѣю честь присовокупить и то, что, по молитвамъ Преподобнаго отца нашего Даніила, пишущему сіе Господь помогъ исполнить то трудное дѣло, что служба Преподобному Даніилу Переяславльскому Чудотворцу снова возстановлена та именно, которая отправлялась ему со времени открытія его св. мощей, съ нѣкоторыми премѣненіями, — житіе Преподобнаго и акафистъ ему составлены вновь.

О вышеизложенномъ покорнѣйше прошу передать Николаю Константиновичу,—и передать ему также благословеніе отъ Преподобнаго Даніила.

Съ совершеннымъ почтеніемъ имѣю честь быть Вашъ покорнѣйшій слуга

Архимандритъ Модестъ,

Настоятель Троицкаго Даніилова Монастыря.

Гор. Переяславль-Залѣсскій
Владимирской губерніи.

Ноября 24 дня
1901 года.

На обѣдѣ въ Эрмитажѣ въ день 25-тилѣтняго юбилея товарищества Бр. Крестовниковыхъ.

Милостивые Государи!

Позвольте и мнѣ сказать нѣсколько словъ по поводу настоящаго торжества.

Служа Т-ву Бр. Крестовниковыхъ въ продолженіе 8 лѣтъ, мнѣ приходится ежедневно встрѣчаться съ многими лицами разныхъ сословій и быть свидѣтелемъ того глубокаго уваженія, съ какимъ относятся всѣ къ фамиліи Крестовниковыхъ.

Еще мой покойный отецъ, ведя торговлю съ фирмою Бр. Крестовниковыхъ, часто говорилъ мнѣ о ней, выставляя ее какъ отличавшуюся своей примѣрной дѣятельностью, руководимой высокочестными правилами. Такъ отзывался о ней сорокъ лѣтъ тому назадъ мой отецъ, а теперь Богъ привелъ меня самого послужить ей и воочію убѣдиться въ вѣрности его словъ.

Вы спросите, почему это такъ? Потому, что фамилія эта сохранила характерныя черты религіозно-нравственнаго воспитанія, всегда ее отличавшія, и проходитъ свѣтлою полосой въ отечественной торгово-промышленной жизни въ теченіе болѣе 120 лѣтъ. За все это время она занимала въ ней выдающееся положеніе, всегда относясь съ горячимъ участіемъ ко всѣмъ общественнымъ дѣламъ и съ особенною заботливостью и гуманностью къ своимъ сотрудникамъ.

Братское, нераздѣльное участіе въ послѣдней фазѣ торговаго дома Крестовниковыхъ, дѣйствующаго нынѣ на паяхъ, еще болѣе доказываетъ силу и живучесть семейнаго начала въ фамиліи Крестовниковыхъ, которое легло въ основу всего дѣла и довело его до блестящаго состоянія.

Въ настоящій день 25-лѣтія Т-ва на паяхъ прежде всего помянемъ усопшихъ учредителей его и сотрудниковъ и скажемъ: вѣчная имъ память!

Затѣмъ, пожелаемъ искренно отъ души здравія и долгоденствія членамъ Совѣта и Правленія, сумѣвшимъ еще болѣе возвысить славу и честь фамиліи Крестовниковыхъ.

П. Звѣринцевъ.

1 Сентября 1895 года.

Тамъ же и по тому же поводу.

Милостивые Государи!

Многоуважаемые сотрудники нашего Тов—ва!

Искренно благодарю Васъ за тѣ отрадныя минуты, которыя вы доставили намъ сооруженіемъ святыхъ иконъ въ память послѣдняго 25-лѣтія нашей фирмы и горячимъ выраженіемъ своей признательности къ учредителямъ и руководителямъ нашего дѣла.

Эти драгоцѣнныя минуты останутся навсегда въ нашей памяти, какъ лучшее достояніе, пріобрѣтенное нами въ этой жизни.

Сознавать, что мы оставляемъ по себѣ добрую память въ нашихъ почтенныхъ сотрудникахъ, не есть-ли это самая высшая награда, какую только можно пожелать, и не указываетъ-ли настоящее торжество, предпринятое по иниціативѣ нашихъ уважаемыхъ сотрудниковъ, что наше сознаніе покоится на прочномъ основаніи и подтверждаетъ тотъ отрадный фактъ сердечнаго отношенія служащихъ къ своимъ хозяевамъ, которое такъ дорого цѣнится въ каждомъ промышленномъ дѣлѣ?

Отношенія эти въ нашемъ товариществѣ всегда отличались, можно сказать, братскими чувствами, и я помню, какъ 40 лѣтъ тому назадъ, при открытіи Казанскаго стеариноваго завода, мы братски дѣлили съ своими сотрудниками труды, а въ досужее время и удовольствія. Мы составляли какъ бы одну семью. Обѣдали за общимъ столомъ и, помнится, на меня возложена была обязанность мэтръ-д'отеля, которую я исполнялъ, если не ошибаюсь, безупречно. За столомъ вели разговоры о текущихъ дѣлахъ, поднимались и обсуждались вопросы, словомъ—обмѣнивались мыслями и взаимно сближались. Обстоятельство это много облегчало намъ предпринимательскій трудъ и оживляло энергію нашихъ служащихъ. Дай Богъ, чтобъ такія добрыя взаимныя отношенія удержались-бы навсегда въ нашемъ товариществѣ!

Провозглашаю здоровье нашихъ любезныхъ сотрудниковъ и еще разъ благодарю ихъ.

Николай Крестовниковъ.

1 Сентября 1895 года.

Пайщики Фабрично-Торговаго Товарищества Бр. Крестовниковыхъ.

На 1 сентября 1876 года.

	Капиталъ.
Аксеновъ Василій Дмитріевичъ	3000 р.
Алексѣевъ Сергѣй Петровичъ	5000 »
Барановъ Митрофанъ Платоновичъ	3000 »
Бенингъ Александръ Александровичъ	5000 »
Биттъ Фридрихъ Ивановичъ	5000 »
Биттъ Амондусъ Ивановичъ	10000 »
М. Борисовскій съ сыновьями	6000 »
Брокъ Марья Николаевна	1000 »
Бр. Ботневы К°	3000 »
Бѣляева Александра Ивановна	6000 »
Вагуринъ Петръ Ивановичъ	3000 »
Веденисовъ Иванъ Петровичъ	15000 »
Вишняковъ Семенъ Петровичъ	20000 »
Вогау К°	40000 »
Вострякова Марья Васильевна	1000 »
Вострякова Клавдія Герасимовна	2000 »
Гарднеръ Евгеній Николаевичъ	3000 »
Вышеславцева Надежда Александровна	2000 »
Герасимовъ Георгій Сергѣевичъ	3000 »
Грачевъ Семенъ Дмитріевичъ	6000 »
Емельяновъ Вячеславъ Николаевичъ	18000 »
Зайцевъ Константинъ Михайловичъ	5000 »
Зайцева Ольга Олимпіевна	5000 »
Зегельке Василій Васильевичъ	5000 »
Кафтанниковъ Василій Николаевичъ	3000 »

Келеръ Артуръ Романовичъ	15000 р.
Ключаревъ Александръ Семеновичъ	3000 »
Кокушкинъ Василій Афанасьевичъ	6000 »
Корнеліусъ Францъ Адольфовичъ	5000 »
Коровинъ Петръ Ивановичъ	15000 »
Коротаевъ Михаилъ Яковлевичъ	5000 »
Крестовниковъ Александръ Константиновичъ	154000 »
Крестовниковъ Валентинъ Константиновичъ	200000 »
Крестовниковъ Владимиръ Константиновичъ	184000 »
Крестовниковъ Константинъ Константиновичъ	115000 »
Крестовниковъ Іосифъ Константиновичъ	190000 »
Крестовниковъ Николай Константиновичъ	184000 »
Крестовниковъ Сергѣй Константиновичъ	164000 »
Крестовниковъ Григорій Александровичъ	3000 »
Крестовникова Прасковья Михайловна	35000 »
Крестовникова Софья Георгіевна	55000 »
Крыловъ Иванъ Васильевичъ	3000 »
Кукинъ Константинъ Кирилловичъ	3000 »
Кукинъ Иванъ Семеновичъ	3000 »
Крестовникова Марья Петровна	13000 »
Кушнерева Ольга Ѳоминишна	1000 »
Куманинъ Константинъ Константиновичъ	192000 »
Куманина Марья Петровна	5000 »
Латрыгинъ Петръ Ефимовичъ	3000 »
Леонгардтъ Эдуардъ Дмитріевичъ	1000 »
Майтовъ Алексѣй Александровичъ	3000 »
Миліоти Константинъ Георгіевичъ	8000 »
Морозовъ Абрамъ Абрамовичъ	19000 »
Морозовъ Тимофѣй Савичъ	3000 »
Морозовъ Давидъ Абрамовичъ	24000 »
Недыхляевъ Василій Петровичъ	2000 »
Нелюбинъ Козьма Дмитріевичъ	1000 »
Нырковъ Федоръ Федоровичъ	20000 »
Осиповъ Павелъ Васильевичъ	3000 »
Очкинъ Иванъ Ивановичъ	11000 »
Подсосовъ Петръ Васильевичъ	4000 »

Петрова Вѣра Афанасьевна	5000 р.
Поповъ Иванъ Дмитріевичъ	6000 »
Постниковъ Иванъ Помпеевичъ	2000 »
Преображенскій Михаилъ Алексѣевичъ	12000 »
Прагстъ Францъ Францовичъ	1000 »
Прохорова Прасковья Герасимовна	3000 »
Романовъ Козьма Ивановичъ	5000 »
Рождественскій Лаврентій Ивановичъ	4000 »
Рожковъ Егоръ Федоровичъ	1000 »
Санинъ Григорій Львовичъ	3000 »
Сапожниковъ Александръ Григорьевичъ	3000 »
Сапожниковъ Владиміръ Григорьевичъ	3000 »
Сидоровъ Алексѣй Сидоровичъ	1000 »
Севериновъ Александръ Николаевичъ	2000 »
Соколовъ Григорій Сергѣевичъ	2000 »
Садовскій Потапъ Зиновьевичъ	5000 »
Сорокоумовскій Петръ Павловичъ	5000 »
Соломинъ Василій Ефимовичъ	5000 »
Стукенъ Карлъ Филипповичъ	12000 »
Торговый домъ А. Трапезниковъ и К°	10000 »
Трапезниковъ Александръ Константиновичъ	5000 »
Третьяковъ Сергѣй Михайловичъ	3000 »
Третьяковъ Павелъ Михайловичъ	3000 »
Хлудовъ Герасимъ Ивановичъ	30000 »
Хлопинъ Николай Никоноровичъ	2000 »
Хлѣбниковъ Николай Ивановичъ	3000 »
Чугуновъ Андрей Кирилловичъ	6000 »
Шитиковъ Семенъ Ивановичъ	2000 »
Шишкинъ Николай Васильевичъ	2000 »
Шишкинъ Василій Ивановичъ	1000 »
Якунчиковъ Василій Ивановичъ	20000 »

Списокъ пайщиковъ товарищества казанскаго кожевеннаго завода.

(Пай=1000 руб.).

1. Куманинъ В. А.	200	паевъ.
2. Алексѣевъ В. С.	100	»
3. Г. А. Москвинъ и К°.	100	»
4. Братья Крестовниковы и К°	100	»
5. Котеловъ П. И.	94	»
6. Якунчиковъ В. И.	60	»
7. Медвѣдева Е. К.	60	»
8. Купчинская Е. П.	50	»
9. Живаго В. И.	24	»
10. Веретенниковъ А. П.	23	»
11. Модзолевскій И. П.	20	»
12. Котеловъ П. П.	20	»
13. Москвина Е. К.	20	»
14. Кукинъ К. К.	20	»
15. Бутлерова Н. М.	20	»
16. Крестовниковъ К. К.	20	»
17. Рожественской Л. И.	12	»
18. Братья П. и А. Малютины.	10	»
19. Куманинъ К. К.	10	»
20. Алафузовъ И. И.	10	»
21. Александровъ С. Е.	10	»
22. Унженинъ В. Н.	10	»
23. Унженина Е. Н.	10	»
24. Асафовъ И. А.	10	»
25. Сокольскій И. А.	10	»

Москва Марта 30 дня 1831 года.

Господ

Милостив Государ

Имѣя здѣсь вѣ Москвѣ нѣсколько уже лѣтъ общія торговыя дѣла, сочли мы нужнымъ впредь, для удобнѣйшаго продолженія оныхъ, открыть вѣ собственномъ домѣ нашемъ, находящемся здѣсь, вѣ Москвѣ Яузской части 5-го Квартала подъ N 261-мъ, торговый домъ подъ фирмою братья: А. К. и К. Крестовниковы, почему, извѣщая васъ о семъ, покорнѣйше просимъ замѣтить подписи рукъ нашихъ и не лишить впредь насъ вашего довѣрія; съ истиннымъ почтеніемъ имѣемъ честь быть

Александръ Крестовниковъ.
Ксенофонтъ Крестовниковъ.
Константинъ Крестовниковъ.

Подпись:
Александра Крестовникова *Братья А. и К. Крестовниковы*
Ксенофонта Крестовникова *Братья А. и К. Крестовниковы*
Константина Крестовникова *Братья А. и К. Крестовниковы*

МОСКВА, *дня, 1849.*

Господ

Милостив Государь

Имѣя здѣсь въ Москвѣ нѣсколько лѣтъ торговлю разными товарами, сочли мы нужнымъ впредь, для удобнѣйшаго продолженія оной, открыть въ Москвѣ торговый домъ подъ фирмою: А. Крестовниковъ съ племянниками, въ домѣ Почетнаго Гражданина Александра Козмина Крестовникова, состоящемъ Яузской части 3-го квартала подъ № 310. Извѣщая васъ о семъ, покорнѣйше просимъ замѣтить общую подпись рукъ: Александра Козмина и Александра Константинова Крестовниковыхъ и не лишить впредь насъ вашего довѣрія; съ истиннымъ почтеніемъ честь имѣемъ пребыть

Александръ Козминъ Крестовниковъ
и родные его племянники:

Александръ
Валентинъ
Константинъ
Николай
} Константиновы Крестовниковы.

общая подпись:
Александра Козмина Крестовникова.
Александра Константинова Крестовникова.

20

Москва, *дня 1851 года.*

Госпо

Милостив Государ

Имѣя здѣсь въ Москвѣ торговый домъ подъ фирмою: А. КРЕСТОВНИКОВЪ СЪ ПЛЕМЯННИКАМИ, производили мы торговлю разными товарами; но какъ за смертію дяди нашего АЛЕКСАНДРА КОЗМИЧА КРЕСТОВНИКОВА существованіе прежняго торговаго дома нашего подъ фирмою А. КРЕСТОВНИКОВЪ СЪ ПЛЕМЯННИКАМИ прекратилось, то желая продолжать торговыя дѣла, открыть нами вновь торговый домъ подъ фирмою

БРАТЬЯ КРЕСТОВНИКОВЫ,

въ Москвѣ Арбатской части въ домѣ Почетной Гражданки Надежды Александровны Крестовниковой, почему имѣемъ честь извѣстить Васъ, что всѣ торговыя дѣла наши будутъ производиться нами вообще подъ фирмою БРАТЬЯ КРЕСТОВНИКОВЫ, за подписаніемъ изъ насъ АЛЕКСАНДРА ИЛИ ВАЛЕНТИНА КОНСТАНТИНОВЫХЪ КРЕСТОВНИКОВЫХЪ, а потому покорнѣйше просимъ Васъ, Милостив Государ замѣтить подписи рукъ нашихъ, и впредь не дишить насъ Вашего къ намъ расположенія.

Имѣемъ честь быть съ истиннымъ къ Вамъ почтеніемъ, Ваши покорные слуги.

АЛЕКСАНДРЪ КОНСТАНТИНОВЪ КРЕСТОВНИКОВЪ
ВАЛЕНТИНЪ КОНСТАНТИНОВЪ КРЕСТОВНИКОВЪ.
КОНСТАНТИНЪ КОНСТАНТИНОВЪ КРЕСТОВНИКОВЪ.
НИКОЛАЙ КОНСТАНТИНОВЪ КРЕСТОВНИКОВЪ.
ВЛАДИМИРЪ КОНСТАНТИНОВЪ КРЕСТОВНИКОВЪ.

Подписывать будутъ:

АЛЕКСАНДРЪ КРЕСТОВНИКОВЪ *Братья Крестовниковы*

ВАЛЕНТИНЪ КРЕСТОВНИКОВЪ *Братья Крестовниковы*

21

Москва, 1871 года.

Госпо

Милостив Государ

Честь имѣемъ увѣдомить Васъ, что мы, на основаніи ВЫСОЧАЙШЕ утвержденнаго устава, образовали Товарищество на паяхъ, подъ фирмою

„Фабрично-Торговое Товарищество Братьевъ Крестовниковыхъ“,

которому переходятъ дѣла наши, и вслѣдствіе этого приступили къ ликвидаціи нашей фирмы.

Ликвидація эта по уставу возложена на Правленіе сказаннаго Товарищества, къ которому и покорно просимъ обращаться по всѣмъ дѣламъ, до фирмы **Братьевъ Крестовниковыхъ и К°** *касающимся.*

Пользуясь этимъ случаемъ, искреннѣйше благодаримъ Васъ за то довѣріе, которымъ фирма наша имѣла честь пользоваться, и покорнѣйше просимъ перенести довѣріе это на новое Товарищество наше, циркуляръ котораго при семъ прилагается.

Съ совершеннымъ почтеніемъ имѣемъ честь быть

Милостив Государ

Вашими покорными слугами

Братья Крестовниковы и К°.

22

Москва, ... 1871 года.

Госпо .....

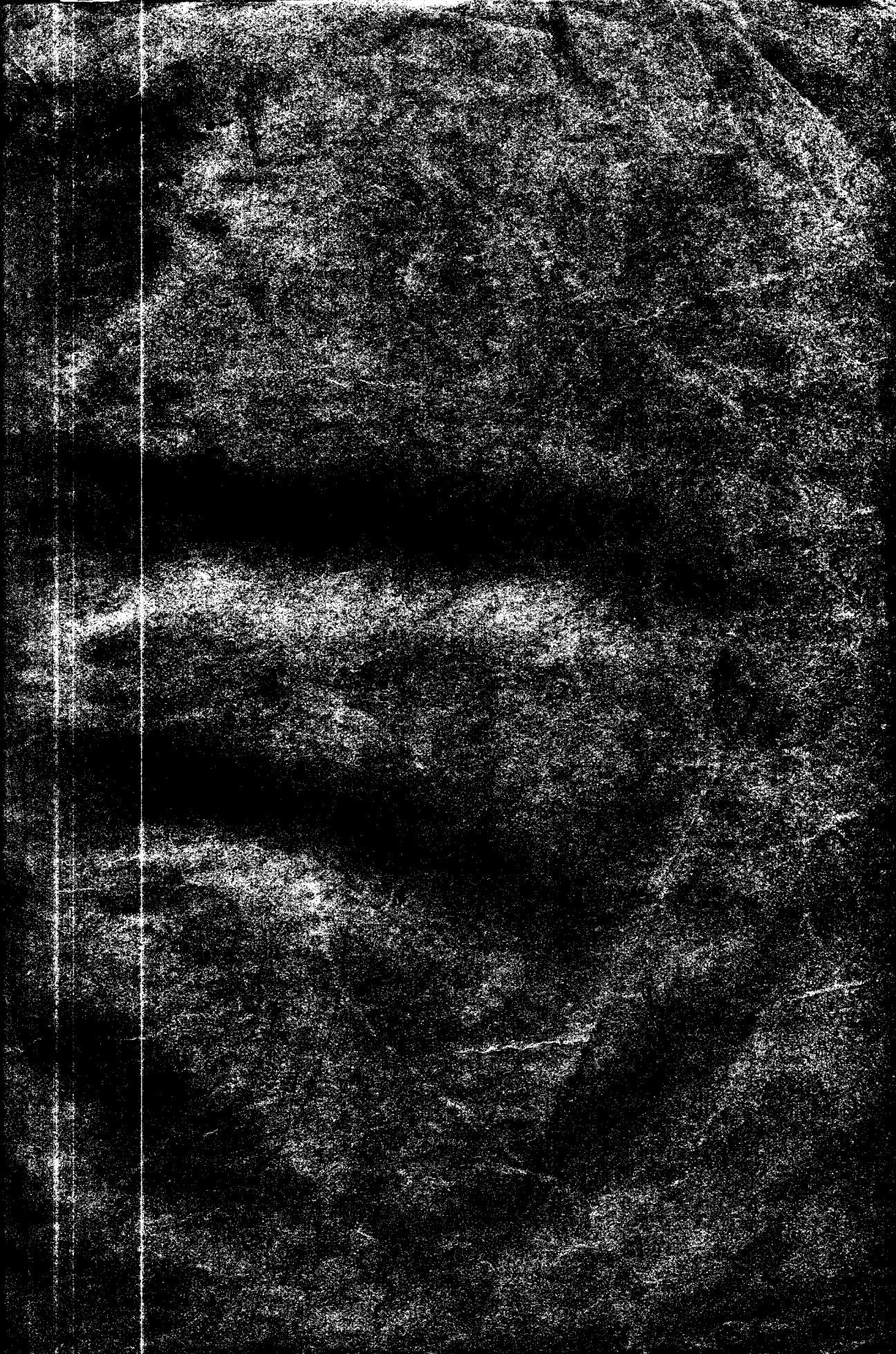
Милостив ..... *Государ* .....

Правленіе **Фабрично-Торговаго Товарищества Братьевъ Крестовниковыхъ,** *принявъ, согласно уставу сказаннаго Товарищества, въ свое завѣдываніе дѣла онаго и приступивъ къ ликвидаціи дѣлъ фирмы* **Братьевъ Крестовниковыхъ и К°,** *покорнѣйше проситъ замѣтить подписи директоровъ Правленія и кандидатовъ и не лишить его того довѣрія, которымъ пользовалась фирма* **Братьевъ Крестовниковыхъ и К°.**

Директоры Правленія

Кандидаты

III 7259

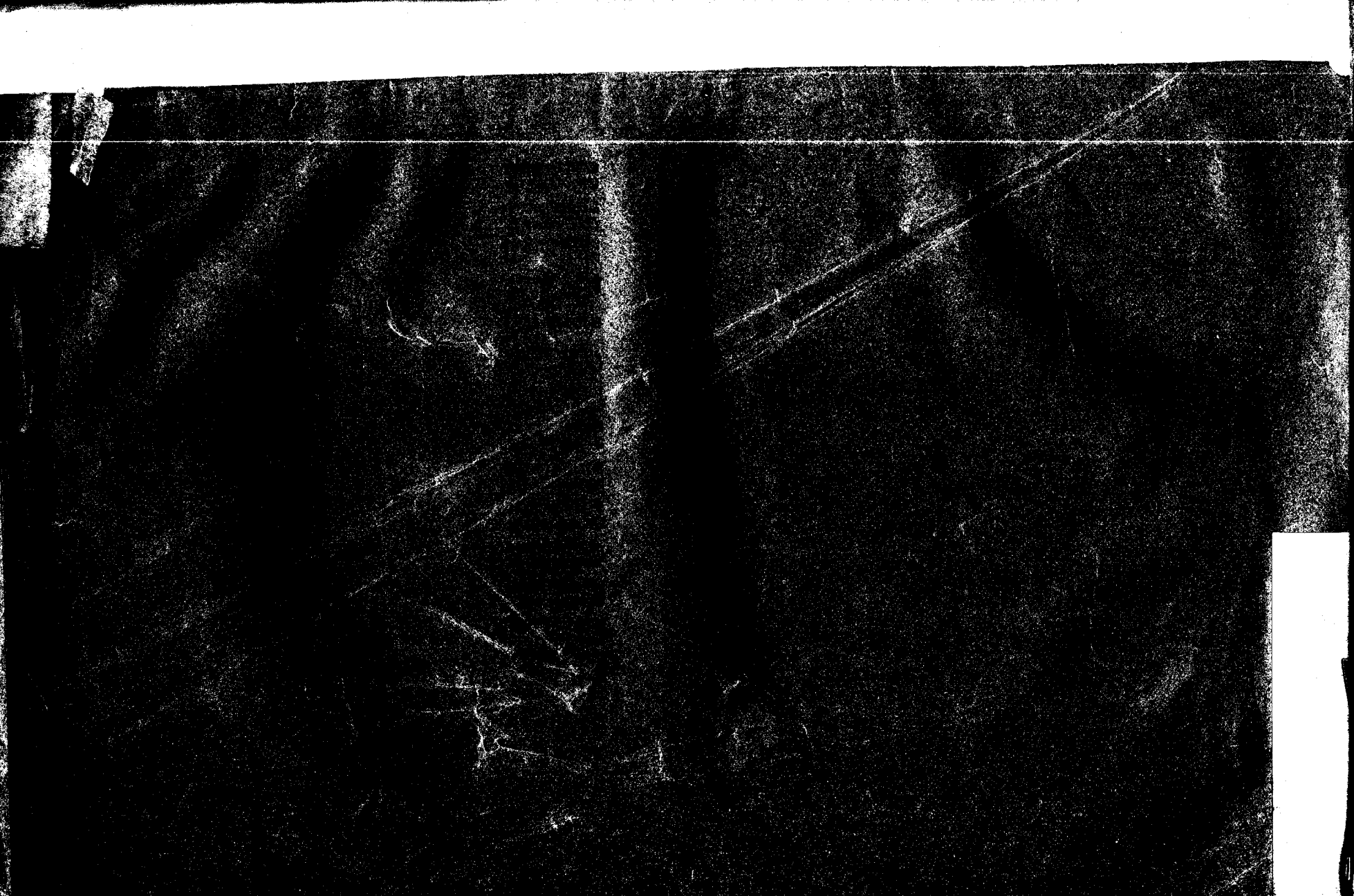


СЕМЕЙНАЯ ХРОНИКА

КРЕСТОВНИКОВЫХЪ.

Книжка 2-я.

(Напечатана не для продажи).



СЕМЕЙНАЯ ХРОНИКА

КРЕСТОВНИКОВЫХЪ.

(Письма и воспоминанія).

Книжка II-я.

(Напечатана не для продажи).

ПОСТАВЩ. ДВОРА ЕГО ВЕЛИЧЕСТВА А. Т-во СКОРОПЕЧ. А. А. ЛЕВЕНСОНЪ
МОСКВА, ТВЕРСКАЯ, МАМОНОВСКІЙ ПЕР., СОБ. Д.
1904.

Дозволено цензурою. Москва, 20 октября 1903 года.

Фотографіи исполнены Т-вомъ Скоропечатни А. А. Левенсонъ.

Чтобы очертить болѣе рельефно ту эпоху, въ которую началась и окончилась наша, братьевъ, дѣятельность, привожу здѣсь дословно или въ извлеченіи избранныя письма, касающіяся нашего семейнаго интереса, а также и воспоминанія о моихъ заграничныхъ путешествіяхъ.

Москва 5 августа 1843 г. Любезные Сашенька и Валенька. Пишу къ вамъ въ Нижегородскую ярмарку и прилагаю документы, по которымъ деньги получите и переведите въ Петербургъ чрезъ чайныхъ торговцевъ на мое имя и немедля перешлите ко мнѣ въ Москву. Моя маменька съ вашей находятся теперь на пути въ Кіевъ. Погода имъ благопріятствуетъ. Ваши письма перешлю къ нимъ въ Кіевъ, гдѣ онѣ пробудутъ отъ 7 до 10 дней. Будьте здоровы и прилежнѣй занимайтесь дѣломъ. Остаюсь навсегда Вашъ Григорій Москвинъ.

Село Покровское-Глѣбово. 6 августа 1844 г. — въ Нижегородскую ярмарку. Любезныя дѣти, я очень рада, что вы здоровы и желала бы, чтобъ вы больше трудились.—Костенька! Письмо твое я получила и вижу изъ него, что ты отдалъ дань волжской водѣ. Про себя скажу, я здорова, и всѣ мы здѣсь купаемся и гуляемъ. Сережа все лежитъ на одной только спинѣ, а самъ здоровъ; надо терпѣнія! Николенька съ Володей въ гимназіи. Родные насъ навѣщаютъ рѣдко. Не забудьте купить полпуда мыла для стирки, салфеточной холстины въ 45 к. да холстины обыкновенной 3 куска въ 1 р. и 1 р. 25 к. асс. за кусокъ и третій кусокъ въ 80 к. асс., а также складной ножикъ хорошій къ чайному прибору. Будьте здоровы. Васъ любящая мать Н. К.

Село Покровское-Глѣбово 12 августа 1846 г.—въ Нижегородскую ярмарку. Любезные Сашенька и Костенька! Покровскіе жители всѣ здоровы; погода стоитъ жаркая; послѣ вашего отъѣзда еще не было дождя; мы всякій день купаемся. Братья останутся до 14 ч. въ Москвѣ. Вотъ уже двѣ недѣли, какъ

я съ ними не видалась. Я была въ Москвѣ только въ домѣ Живаго, гдѣ осмотрѣла квартиру, занимаемую Семеновымъ. Сашенька! Увѣдомь меня, что пишетъ изъ Лондона Валенька; здоровъ ли онъ? Братъ Григорій Александровичъ сердится, что онъ не присылаетъ ему счета своего прожитка. Братъ говоритъ, что «Валентинъ радъ свои деньги потратить, лишь бы не подавать мнѣ отчета; я напишу ему въ такомъ тонѣ, что онъ долженъ будетъ понять, что я на него сердитъ». — Вы вѣрно слышали о смерти Наталіи Ѳедосѣевны, супруги Константина Алексѣевича Куманина? Царство ей небесное! Я была на ея похоронахъ. Купите глыбу простого мыла въ одинъ пудъ, 4 холста — 2 тонкаго и 2 толстаго, 2 лампы такія, какъ у Александра Козьмича въ сѣняхъ. Посылаю письмо отъ Ванюшки. Напишите мнѣ о Валенькѣ или пришлите мнѣ его письмо, чѣмъ меня очень одолжите. Цѣлую васъ, будьте здоровы, да благословитъ васъ Богъ! Любящая васъ мать Надежда Крестовникова.

Ниже привожу рядъ писемъ нашего двоюроднаго брата Семена Владиміровича Алексѣева, сына Владиміра Семеновича Алексѣева къ моимъ братьямъ Александру и Константину въ Нижегородскую ярмарку. Въ этихъ письмахъ прекрасно иллюстрируется наша дачная жизнь въ Покровскомъ-Глѣбовѣ и живой увлекательный характеръ автора писемъ.

Москва, 1 августа 1846 г. Хочу тебѣ передать о Покровскомъ. Въ воскресенье у обѣдни Анна Александровна Мартынова удостоила меня поклономъ. Послѣ завтрака мы съ Графомъ (такъ называлъ онъ нашего репетитора, студента Евграфа Васильевича Чешихина) его свитою (т.-е. нами, его учениками), Григоріемъ Григорьевичемъ Сапожниковымъ съ женою, братомъ Александромъ Владиміровичемъ, Любовь Григорьевною Живаго и Александромъ Львовымъ отправились на вашей линейкѣ и въ вашемъ кабріолетѣ въ Кунцево. Тамъ провели время весело. Графъ (Евграфъ Васильевичъ Чешихинъ) восхищался мѣстоположеніемъ. Вернувшись домой въ 4 ч. пополудни, я съ Сапожниковымъ и Львовымъ пошли

Семенъ Владиміровичъ Алексѣевъ.

купаться въ Мартыновскую купальню. Вообрази восторгъ — опуститься туда, гдѣ часто она погружается! Музыки въ этотъ день не было. Вѣрочка (Вѣра Владиміровна — жена Сапожникова) и Аннетъ (Анна Владиміровна) еще въ субботу были ангажированы на вечерней прогулкѣ при свѣтѣ луны молодыми Зибрантомъ и Фолькманомъ. Я же въ это время ходилъ рядомъ съ прекрасной Адель и разговаривалъ съ ней. Диво, восхищеніе!!

Въ воскресенье въ Покровскомъ былъ такой съѣздъ изъ Петровскаго парка и изъ Москвы, вообразить себѣ не можешь! Сколько кавалькадъ, шесть генераловъ съ бѣлыми плюмажами! Вездѣ столы, пьютъ чай, ѣдятъ мороженое. Семенъ Петровичъ Алексѣевъ производитъ большой эффектъ игрою на флейтѣ. Онъ бралъ музыканта и по ночамъ, при лунномъ свѣтѣ, угощалъ Валуевыхъ серенадами. Всѣ восхищены ночною игрой на флейтѣ Семена Петровича до того, что въ какой-то горячкѣ умоляютъ его заставить музыканта еще и еще поиграть. Въ пятницу 2 августа готовится большой балъ въ Елизаветинѣ. Теперь тамъ трутъ, моютъ и т. д. Балъ дается жителями Покровскаго, и я слышалъ, что такой же балъ будетъ данъ еще разъ, когда всѣ соберутся изъ ярмарки. Объ этомъ въ свое время напишу.

Москва, 5 августа 1846 г. Въ пятницу въ Елизаветинѣ былъ большой балъ, данный Г-мъ Фе. Мы не были приглашены, но все равно — мы были тамъ снаружи и видѣли все. Сперва намъ показалось обиднымъ, что насъ не пригласили; но дѣло вышло къ лучшему. Я успѣлъ въ этотъ вечеръ познакомиться съ Валуевыми. Я досталъ имъ мѣсто около окна и пробылъ съ ними до 11 ч. вечера. Тутъ была и Вѣра Владиміровна, которую онѣ очень полюбили. Потомъ мы пошли провожать ихъ домой; я шелъ съ Масловой (воспитанницей) и Валуевой и несъ фонарь. Всѣ были разговорчивы, милы, горячи—словомъ, милашки, соединяющія въ себѣ всѣ возвышенныя достоинства.—Балъ былъ превосходный: 2 музыки (бальная и полковая); царицей бала была, разумѣется, мадмуазель Адель. Пиршество продолжалось до 5 ч. утра. Въ воскресенье

была музыка въ оранжереѣ, и я до того танцовалъ,—передать трудно! скажу только, что весьма и весьма удачно. Мадамъ Редлихъ, у которой во вторникъ балъ, пригласила меня. Мадмуазель Адель ангажировала меня чрезъ Фолькмана на кадриль, ибо ты знаешь, что если я замѣчаю, что за дѣвушкой кто-либо волочится, то я оставляю ее въ покоѣ. Она—дивное созданіе!! Потомъ мадамъ Форшъ подзываетъ меня къ себѣ и говоритъ: «Зачѣмъ я не танцую съ ея дочерьми?» Я тотчасъ же ангажировалъ младшую, весьма пріятную дѣвочку. Наконецъ, вмѣшавшись въ мой разговоръ съ Валуевыми, мадмуазель Маслова говоритъ: «M-r Алексѣевъ, я весьма желаю протанцовать съ Вами кадриль». А я этому и радъ,—взялъ и пошелъ. Ужъ что мы съ ней говорили,—не въ силахъ разсказать! Она всѣхъ насъ благодарила и Семена Петровича за игру на флейтѣ, говоря: «Какъ вашъ братецъ былъ любезенъ и добръ, играя вечеромъ недалеко отъ нашей дачи; мы долго, долго слушали его». Еще скажу вамъ, что меня приглашала мадамъ Гоеръ придти къ нимъ пить кофе и просила сблизиться. Ну, просто, чудо разлюли!! Пріѣхавши въ понедѣльникъ изъ Покровскаго въ Москву, не доспавъ, въ ужасномъ чаду, съ бьющимся сердцемъ:—ухъ, охъ, увы!—Нынче опять тамъ буду!

Москва 7 августа 1846 г. Въ Преображенье былъ въ Покровскомъ. Пріѣхалъ туда наканунѣ очень рано, засталъ всенощную, церковь была полнехонька. При выходѣ изъ церкви я заговорилъ съ Масловой и, дойдя до воротъ сада, хотѣлъ было раскланяться, но милыя, любезныя, молодыя особы меня удержали, такъ что я долженъ былъ сопровождать ихъ по саду и потомъ взойти къ нимъ на галлерею и просидѣть нѣкоторое время. Прощаясь, онѣ просили меня продолжать столь пріятное для нихъ знакомство. Съ Львовыми рѣдко вижусь,—все таскаюсь по разнымъ семействамъ. Пилъ кофе у Гоеръ;—мадмуазель Адель поила чуднымъ кофе; пилъ чай у Редлихъ,—чай изрядный; пилъ кофе у Мальшъ—отличный, превосходный—разливала его старшая дочь. Всѣ эти визиты мнѣ очень пріятны и на всѣ эти кофе и чаи я былъ приглашенъ въ воскресенье на танцахъ.

Вѣра Владиміровна Сапожникова.

(Рожденная Алексѣева).

Насталъ вторникъ. Идемъ къ обѣднѣ. Валуевы причащаются. Послѣ обѣдни подхожу къ нимъ, поздравляю и былъ приглашенъ къ чаю. Валуевы сѣли въ дрожки, а я съ Масловой и другой воспитанницей пошли подъ руки садомъ. Это просто чудеса, самъ себѣ не вѣрю! Я чудно какъ веселюсь! Утро съ обыкновеннымъ купаньемъ и прочими удовольствіями, послѣ обѣда съ сигарой въ зубахъ отправляюсь въ Елизаветино на лавочку,—помнишь, ту?! Просидѣвъ тамъ до 6 ч. вечера, иду домой и на концѣ «Гладенькой» встрѣчаю Валуевыхъ. Онѣ просятъ меня еще разъ пройти съ ними дорожку, а я тому и радъ—вралъ, разсуждалъ, болталъ; онѣ очень смѣялись, и я подъ конецъ взялъ у нихъ для пожатія ручки. Ахъ! дивно хорошо! Божественныя существа! Опять былъ приглашенъ къ чаю и просидѣлъ у нихъ до 7 ч. Идя домой, встрѣтилъ мадмуазель Адель и Дарью Ивановну въ саду. Онѣ рвали цвѣты для букета къ вечеру у Редлихъ. Я имъ помогъ и ангажировалъ каждую на три кадрили. Въ 9 ч. я былъ уже у Редлихъ во фракѣ и бѣлыхъ панталонахъ. Истратился, братъ! Сдѣлалъ себѣ новые жилетъ и панталоны къ этому балу. Навеселился вдоволь! Пришелъ домой утромъ къ самому чаю. Напившись чаю, поѣхалъ съ папой въ Москву и цѣлый день ходилъ какъ шальной. Ахъ, какъ тамъ было весело! Барышни всѣ были ко мнѣ весьма благосклонны и до крайности внимательны.

Москва 9 августа 1846 г. Въ благословенномъ Покровскомъ суета ужасная, погода прежаркая, пыль несказанная. Только ночью можно гулять. Жаль, что васъ нѣтъ, а то посмотрѣли бы вы какъ я живу! Братья ваши теперь держатъ экзамены. У Владиміра три прошли хорошо, по 5 получилъ; надѣется, что и другіе кончатся такъ же удачно. Объ Іосифѣ и говорить нечего—палки да двойки со всѣхъ сторонъ такъ и валятся. Николай идетъ своимъ чередомъ. M-lle Мартынова ударилась въ музыку, гулять совсѣмъ не ходитъ и въ церковь очень рѣдко.

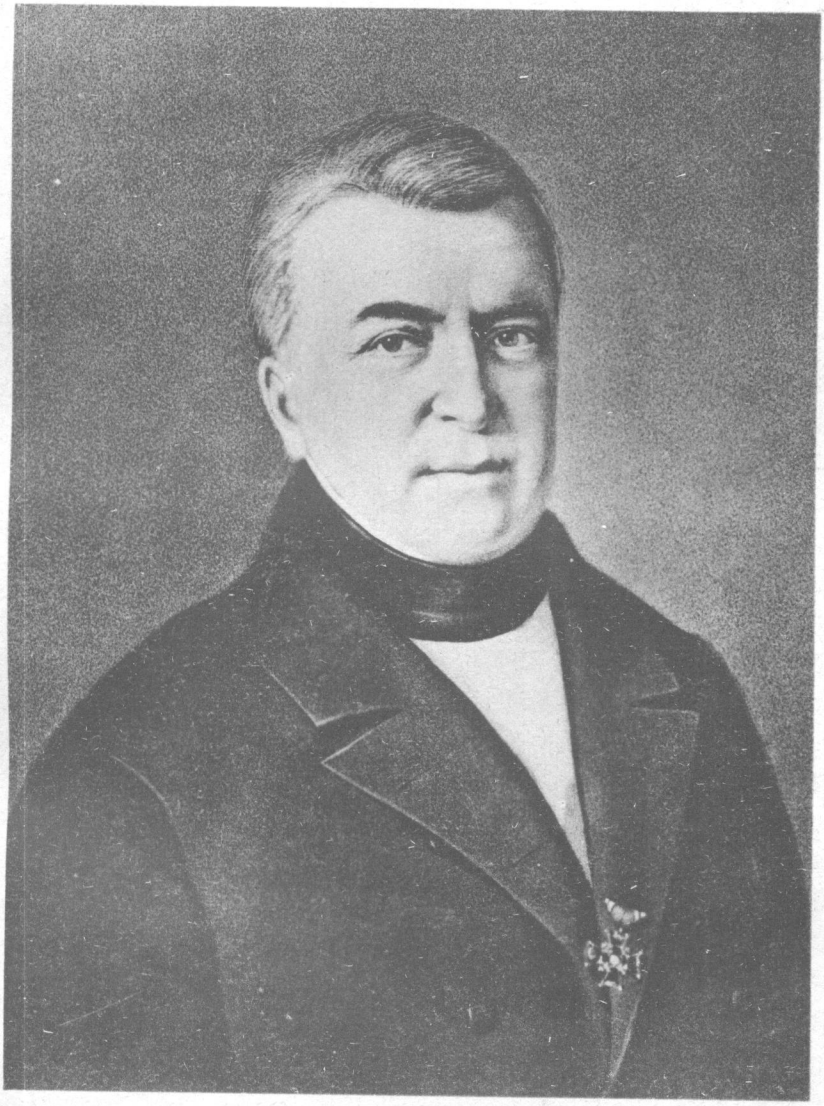
Москва 12 августа 1846 г. Любезные мои други! Въ воскресныя, пріятныя, несказанныя минуты удовольствій сто разъ васъ вспоминаю и утѣшаю себя тѣмъ, что придетъ еще

время, хотя уже не надолго, когда мы опять соберемся всѣ вмѣстѣ въ Покровскомъ.—Выходя въ воскресенье изъ церкви, вижу Валуевы ждутъ кого-то у калитки.—Тебѣ любопытно знать кого? Меня, мой другъ! Мамаша, Валуева, обращается ко мнѣ со словами: «надѣюсь, вы не лишите насъ удовольствія пойти къ намъ и напиться съ нами чаю». Я охотно согласился. И вотъ пью у нихъ чай, болтаю и смѣюсь. Я пробылъ у нихъ часъ, потомъ молодыя увлекли меня въ Елизаветино. Гулялъ съ ними до часу, потомъ мы поѣхали верхами всей мужской компаніей въ Петровскій паркъ, гдѣ ѣли мороженое и купались въ Химкѣ. По пріѣздѣ домой, послѣ обѣда въ 5 ч. пошелъ на «Гладенькую» и шелъ по слѣдамъ Валуевыхъ, любуясь на нихъ издали. Наконецъ, подхожу и говорю: Mesdames, отчего не продолжаете вы прогулку до Елизаветина? Онѣ отвѣчали, что еще очень жарко, но позднѣе туда пойдутъ. Я же замѣтилъ, что имѣю привычку ходить туда послѣ обѣда и сидѣть тамъ на лавочкѣ. Позднѣе я гулялъ съ ними до половины восьмого, и ужъ что мы говорили! Словомъ, я сдѣлался съ ними весьма коротокъ!

Москва 7 августа 1847 г. Любезные друзья Александръ и Константинъ! Что сказать вамъ, друзья мои, ей-ей не нахожу. Пишу вамъ изъ Москвы, но мысли мои и чувства—всѣ въ Елизаветинѣ. Я въ чаду, чертъ знаетъ въ какомъ глупомъ расположеніи духа, одни жаркіе, палящіе поцѣлуи въ головѣ! Хотятъ люди, старшіе, чтобы я занялся дѣломъ!!.. Они не понимаютъ, что со мною происходитъ! О! если бы они узнали и поняли, то разложили бы тебя, бѣдный, несчастный Семенъ. Въ Покровское безпрестанно пріѣзжаютъ изъ Петровскаго парка съ музыкой, не съ одной, а съ двумя—въ саду музыка, а на «Гладенькой» другая.—P. S. Напишите что-нибудь о дѣлѣ бездѣльнику Семену!

Москва 10 августа 1848 г. Любезный другъ Александръ Константиновичъ. Я получилъ отъ тебя письмо и понялъ твое положеніе, по-моему счастливѣйшее. Ты теперь, по крайней мѣрѣ, будешь чувствовать наслажденіе находиться *въ окрестностяхъ* Покровскаго (въ Петровскомъ паркѣ тогда жили Ми-

25



Владиміръ Семеновичъ Алексѣевъ.

ліоти), а погляди внутрь меня, ты не найдешь тамъ ничего, ни желаній, ни надеждъ, что тѣснится теперь въ твоемъ сердцѣ. Я рѣшительно никѣмъ не занятъ, ничто для меня не мило. Послѣ вашего отъѣзда въ первое воскресенье я былъ въ Петровскомъ паркѣ у обѣдни, встрѣтилъ тамъ Миліоти и былъ у нихъ. Больше ничего!

Москва 11 февраля 1849 г. Письмо брата Александра Константиновича въ Ирбитскую ярмарку. Любезные друзья Николинька и Ванинька, пишу вамъ о московскихъ новостяхъ. Мы очень весело провели два вечера—одинъ у Петра Семеновича Алексѣева и другой у Владиміра Семеновича Алексѣева; плясали до четырехъ часовъ ночи. А. К. Колесова была примадонной; вся молодежь безъ ума отъ нея.

Москва 8 августа 1849 г. Письмо дядюшки Александра Козьмича къ брату Александру Константиновичу въ Нижегородскую ярмарку.—Постройка наша начинаетъ останавливаться по недостатку кирпича. Я всячески стараюсь отыскивать его, не жалѣя денегъ. Сомнѣваюсь,—могу ли успѣть сложить корпусъ къ зимѣ! Помилуй Богъ, если не будетъ готовъ къ зимѣ! Кромѣ кирпича матеріалы всѣ куплены и готовы, только на мѣсто положить.

Москва 9 августа 1849 г. Письмо брата Валентина Константиновича къ брату Александру Константиновичу въ Нижегородскую ярмарку. Я получилъ письмо изъ Лондона отъ гг. Шредеръ и К°, въ которомъ они прислали планъ на фундаментъ паровой машины и увѣдомляютъ, что машины отъ Гиббертъ Плата уже грузятся въ Гуллѣ. Маменька благодаритъ Николиньку за его письмо и проситъ васъ купить 45 арш. ковра.

Мое первое заграничное путешествіе.

Какъ я выше писалъ, дядя Григорій Александровичъ Москвинъ въ 1850 г. отправилъ меня въ Англію, гдѣ я долженъ былъ выучиться англійскому языку и поступить въ контору Дреперъ, Пьетрони и К°.

14 мая, въ почтовомъ дилижансѣ, я отправился въ Петербургъ вмѣстѣ съ Василіемъ Ивановичемъ Плотниковымъ (тогда ему было 60 л.), исполнявшимъ порученія фирмы «Г. Москвинъ и К°» (участниками были Москвинъ, К. К. Куманинъ, К. К. Кукинъ) по таможеннымъ и другимъ дѣламъ въ Петербургѣ. Въ почтамтѣ меня провожали—матушка, братья, тетушка Елизавета Константиновна и дядюшка Григорій Александровичъ Москвины, тетушка Татьяна Александровна Куманина съ Машенькой Веденисовой. Мой крестный отецъ Валентинъ Алексѣевичъ Куманинъ, прощаясь со мной, напутствовалъ меня словами: «перенимай все англійское, но останься русскимъ!»

Долго не могъ я примириться съ мыслью, что разлука моя съ Москвой, съ родными и знакомыми, продолжится нѣсколько лѣтъ, пока я не изучу англійскаго языка и всѣхъ торговыхъ порядковъ и обычаевъ Англіи. Да, тяжело мнѣ было разставаться! Пронзительный звукъ рожка въ минуту нашей разлуки произвелъ на меня тяжелое впечатлѣніе! Правда, очень грустно разлучаться, особенно на долгое время, съ людьми, которыхъ любишь, къ которымъ привыкъ; но зато какъ пріятно будетъ встрѣтиться съ ними послѣ долгой разлуки! Утѣшая себя такимъ образомъ, я приближался къ Петербургу. По временамъ нашъ дилижансъ останавливался въ городахъ для обѣда или чая.

Татьяна Александровна Куманина.

Всѣмъ, думаю, извѣстно, что ни одно путешествіе у насъ не обходилось тогда, да и теперь не обходится безъ какихъ-либо приключеній, такъ и на этотъ разъ приключилася бѣда съ нашимъ громоздкимъ экипажемъ. Не доѣзжая 300 верстъ до Петербурга нашъ дилижансъ сломался. Кондукторъ съ помощью ямщиковъ наскоро починилъ его, насколько могъ, и мы кое-какъ благополучно доѣхали до Петербурга и даже далѣе—до самыхъ воротъ почтамта, но въ ворота въѣхать не могли. Экипажъ нашъ пришелъ окончательно въ разрушительное состояніе: дышло перестало дѣйствовать; можно было ѣхать прямо, поворотить же не было возможности.

Прибыли мы вчера въ 12 ч. дня. Остановился я у Василія Ивановича Плотникова на Васильевскомъ островѣ. Побывавъ въ тотъ же день на Биржѣ, мы потомъ слегка осмотрѣли нѣкоторыя зданія. Я поражался ихъ великолѣпіемъ! Благодаря добрѣйшему Плотникову, мы съ нимъ съ утра до вечера продолжали нашъ обзоръ достопримѣчательнаго въ городѣ. Если вы спросите, на что я обратилъ больше вниманія, я могу только сказать, что въ Петербургѣ мнѣ особенно кинулось въ глаза все то, чего я не видѣлъ въ Москвѣ. Широкія прямыя улицы, величественные дома, слитые какъ бы въ одну стѣну; каналы, мосты, монументы, дворцы; красавица-Нева съ множествомъ кораблей, судовъ, лодокъ; великолѣпныя набережныя, пристани съ своимъ постояннымъ движеніемъ—все это неизбѣжно поражаетъ первый разъ пріѣхавшаго въ Петербургъ москвича. Мы прибыли въ Петербургъ 17 мая, а 27 мая я былъ уже на пути въ Лондонъ. Въ эти десять дней мы успѣли осмотрѣть многое. Были нѣсколько разъ на Биржѣ, гдѣ чрезъ Плотникова я познакомился съ гг. Попе, Карякинымъ, Катани, Шлиманомъ и др. Биржа здѣсь начинается въ 4 часа дня и оканчивается въ 5 ч. дня. Были нѣсколько разъ на Невскомъ проспектѣ, были въ Пассажѣ, на Петербургской сторонѣ смотрѣли домикъ Петра Великаго, были въ Лѣтнемъ саду, въ Петровскомъ паркѣ, гдѣ въ то время было гулянье по случаю праздника Преполовенія и въ тотъ же день на Петропавловской крѣпости былъ крестный ходъ. Были на пристани финлянд-

скихъ пароходовъ, въ таможнѣ, въ пакгаузахъ, нѣсколько разъ переправлялись въ лодкѣ по Невѣ, любуясь видомъ Зимняго дворца и Англійской набережной. Вечерами мы катались по загороднымъ мѣстамъ: были на Крестовскомъ, на Елагиномъ, на Каменномъ островахъ, въ Александровскомъ паркѣ и пр.

Въ субботу 20-го мая въ 7 ч. вечера мы отправились по желѣзной дорогѣ въ Царское Село и около 8 ч. были уже тамъ. Погулявши въ паркѣ, наняли номеръ въ гостинницѣ и переночевали. На слѣдующее утро побывали въ Арсеналѣ, смотрѣли слоновъ и были на фермѣ. Отстоявъ въ дворцовой церкви обѣдню, отправились по желѣзной дорогѣ въ Павловскъ.

Въ павловскомъ вокзалѣ по воскресеньямъ играютъ два оркестра, — масса публики! Теперь играетъ замѣчательный оркестръ подъ управленіемъ Гунгель. Вечеромъ каталась по парку Царская фамилія: Императрица Марія Александровна съ августѣйшимъ братомъ въ открытомъ экипажѣ; великая княгиня Александра Іосифовна — верхомъ на кирасирской (по цвѣту) лошади въ амазонкѣ на подобіе мундира съ металлическими форменными пуговицами и въ кирасирской фуражкѣ. Въ этомъ костюмѣ она была обворожительно хороша! По одной сторонѣ ея шелъ великій князь Михаилъ Николаевичъ, а по другой—Николай Николаевичъ. Царская семья подъѣхала къ вокзалу и долго слушала музыку, не выходя изъ экипажа.— Изъ Павловска мы отправились съ поѣздомъ въ $9^1/_2$ час. веч.; пассажировъ было такъ много, что поѣздъ изъ 28 вагоновъ (по 36 чел. въ каждомъ) протянулся на 100 саженъ.

Какъ я уже упоминалъ, 27 мая (1850 г.) я былъ уже на нути въ Лондонъ. Еще 19 мая я взялъ въ конторѣ Штетинскаго пароходства мѣсто на пароходѣ «Прусскій Орелъ» на слѣдующую субботу. Въ Штетинъ отправлялись тогда пароходы каждую субботу. До Кронштадта пассажиры отправлялись конторою на маленькомъ пароходѣ. 27 мая въ 10 ч. утра таможенные чиновники прибыли въ контору пароходства для досмотра багажа, а въ 1 часъ дня мы отошли въ Кронштадтъ, гдѣ пересѣли на «Прусскій Орелъ» и пустились въ открытое море.

Прощай, Петербургъ! Въ послѣдніе дни я побывалъ въ Эрмитажѣ, въ Академіи Художествъ, навѣстилъ свою кузину Анну Владиміровну Кисловскую и Семена Аѳанасьевича Живаго.

Въ день моего отъѣзда съ утра подулъ съ моря сырой, холодный вѣтеръ и пошелъ дождь. На пароходѣ до Кронштадта меня провожалъ Василій Ивановичъ Плотниковъ.

Пароходъ «Прусскій Орелъ» отошелъ 27 мая въ 5 ч. вечера. Пассажировъ было 125 человѣкъ, въ числѣ которыхъ было не мало высокопоставленныхъ лицъ: министръ государственныхъ имуществъ графъ Киселевъ, графъ Бобринскій, Саксонскій посланникъ при нашемъ дворѣ — баронъ Зебахъ, Шаховской, Нарышкинъ и др. Только-что мы отплыли, какъ поднялся вѣтеръ, горизонтъ покрылся тучами и началась порядочная качка. Дамы, бывшія до сего веселыми и разговорчивыми, пришли въ тревожное состояніе, послышались оханья и стоны и въ короткое время всѣ до одной были уже больны; мужчины также все чаще и чаще начали подходить къ бортамъ парохода. Я же, напротивъ, какъ человѣкъ, для котораго море представляло нѣчто новое, неиспытанное, и притомъ мнѣ было тогда 18 лѣтъ, такъ увлекся величественною и вмѣстѣ грозною картиною расходившагося моря, что долгое время любовался ею, не чувствуя дѣйствія качки на организмъ. Волны то поднимали пароходъ на высоту приблизительно пяти саженъ — такъ мнѣ казалось,—то бросали его въ водяную бездну...! Наконецъ, и я сдался! Утромъ качка прекратилась, и пароходъ, стуча колесами, плавно шелъ впередъ, борясь съ противнымъ вѣтромъ, продолжавшимся до самаго Штетина.

Въ семь часовъ утра (28 мая) мы плыли противъ о. Эзеля, а въ 9 ч. утра противъ о. Даго. Къ 10 ч. утра вѣтеръ стихъ. Дамы вышли на палубу; дѣти, которыхъ было много на параходѣ, начали бѣгать, играть; мужчины подсѣли къ дамамъ, подшучивая надъ ними по поводу приключеній вчерашняго дня, хотя и сами не избѣжали непріятности отъ качки; словомъ, палуба представляла веселую картину, и всѣ

невзгоды вчерашняго дня были забыты. Въ 3 ч. пополудни звонокъ къ обѣду. За обѣденнымъ столомъ капитанъ сидитъ на хозяйскомъ мѣстѣ и потчуетъ своихъ гостей. Послѣ обѣда всѣ вышли на палубу пить кофе. При закатѣ солнца снова поднялся было вѣтеръ, но не на долго; всю ночь было тихо и намъ удалось хорошо выспаться.

Въ понедѣльникъ (29 мая) утромъ мы шли около береговъ о. Готланда. Поверхность моря оживлялась множествомъ рыбачьихъ лодокъ: это готландскіе рыбаки, пользуясь благопріятною погодой для ловли, ушли на своихъ утлыхъ лодочкахъ верстъ за шесть и болѣе отъ берега... удивительно отважный народъ!

Во вторникъ (30 мая) въ 9 ч. утра мы были уже въ Свинемюнде; тамъ сѣли на нашъ пароходъ таможенные чиновники для досмотра багажа. Отъ Свинемюнде до Штетина—красивыя мѣста! Лѣвый берегъ р. Одера довольно гористъ; на немъ — хутора, дачи, фруктовые сады (кстати здѣсь уже поспѣла земляника), съ живописными сельско-хозяйственными постройками.

Въ часъ дня мы прибыли въ Штетинъ. Нанявъ коляску, я тотчасъ же поѣхалъ съ своимъ багажемъ на желѣзную дорогу и въ 10 ч. вечера былъ уже въ Берлинѣ, въ гостинницѣ «С.-Петербургъ на Унтерденлинденъ». Въ 11 ч. вечера я уже спалъ на нѣмецкой постели со множествомъ пуховиковъ, вздымавшихся подъ самый потолокъ. На другой день (31 мая), пообѣдавъ за общимъ столомъ въ нашей гостинницѣ, я отправился въ обществѣ русскихъ, прибывшихъ со мною съ штетинскимъ поѣздомъ, осматривать городъ. Строенія здѣсь многоэтажныя, иныя въ пять этажей, покрыты въ большинствѣ черепицею. Нѣкоторыя улицы напоминаютъ Петербургъ, другія удержали свой средневѣковой характеръ. Мы наняли парный фаэтонъ (дрожки) и поѣхали въ Тиргартенъ — пригородный паркъ съ рѣкою Шпрее, Зоологическимъ садомъ, монументами и фонтанами. При въѣздѣ въ паркъ находится садъ Кроля съ театромъ и многими забавами. Въ одномъ изъ садовыхъ павильоновъ играетъ струнный оркестръ. Плата за входъ въ обыкновенные дни 2 зильбергроша, равнявшіеся нашимъ 6 к. с., а въ

дни полной иллюминаціи 5 зильбергрошей. Нѣмцы со своими семьями сидятъ за столиками, пьютъ пиво или майтранкъ и тараторятъ о политикѣ.

На другой день мы поѣхали въ Потсдамъ по желѣзной дорогѣ за 1 талеръ въ оба конца. Потсдамъ прехорошенькій городокъ; чистота замѣчательная, улицы шоссированы. Мы взяли фіакръ и велѣли возничему показать намъ окрестности. Прежде всего побывали въ Шарлотенгофѣ, любимомъ дворцѣ короля. Дворецъ стоитъ въ саду; небольшое отдѣленіе въ немъ, называемое «Rosengarten», покрыто сплошь розами—и деревья и газоны все однѣ только розы. Противъ него стоитъ зданіе въ помпейскомъ стилѣ—это «Pompeichebade», гдѣ король беретъ ванны. Фонтаны, водопады, статуи придаютъ саду очаровательный видъ. Отсюда мы отправились въ Sanssouci, дворецъ Фридриха Великаго. Близъ него стоитъ и историческая мельница, извѣстная по процессу поселянина, ея владѣльца, съ Фридрихомъ Великимъ.

Въ 3 ч. дня мы вернулись въ Берлинъ и пошли обѣдать въ кафе Рояль на Унтерденлинденъ. Обѣдъ, по одному талеру съ персоны, состоялъ изъ 15 блюдъ. Но что это за блюда! Всѣ они съ пряностями и имѣютъ какой-то слащавый, противный вкусъ! Самый меню обѣда скорѣе напоминаетъ нашу закуску, чѣмъ обѣдъ. Жаркого, какъ у насъ, я здѣсь не встрѣчалъ, а подаютъ заразъ четыре и болѣе блюдъ, напримѣръ: свиныя котлеты, шпинатъ, ломтики колбасы и ветчины, спаржа съ растопленнымъ чухонскимъ масломъ и. т. подобное. Послѣ какого-нибудь хлебеннаго и десерта подаютъ что-то въ родѣ нашего чернаго хлѣба (Pumpernikel). Словомъ берлинскіе обѣды ниже всякой критики. Здѣшняго чаю я также не могъ пить, а предпочиталъ пить кофе. Обращаться съ чаемъ нѣмцы не умѣютъ; онъ у нихъ валяется въ открытой посудѣ и выдыхается, а варятъ его, какъ кофе, на углѣ или на спирту. Русскихъ самоваровъ здѣсь нѣтъ; вмѣсто нихъ мѣдные чайники, подвѣшанные надъ спиртовой лампочкой. Зато платье здѣсь замѣчательно дешево, напримѣръ, жилетъ, который у насъ стоитъ 7 р. с. здѣсь 3 талера т.-е. нашихъ 90 к. с. Шитье платья

обходится здѣсь крайне дешево, особенно въ нѣмецкихъ курортахъ; за шитье брюкъ, напримѣръ, 20 зильбергрошей, что равняется нашимъ 60 к. с.

2-го іюня с. с. я выѣхалъ изъ Берлина въ Гамбургъ, куда прибылъ по желѣзной дорогѣ 3-го іюня с. с. и въ тотъ же день взялъ мѣсто въ Лондонъ на пароходѣ Вильберфорсъ. Въ Гамбургѣ я прожилъ трое сутокъ. Остановился въ Hôtel de Russie противъ озера Alster, на берегахъ котораго рестораны, кофейни, биргали. Каждый вечеръ играетъ тамъ превосходный струнный оркестръ, подъ звуки котораго публика гуляетъ или катается на лодкахъ.

6-го іюня с. с. въ 11 ч. вечера на пароходѣ Вильберфорсъ, покидая славный городъ Гамбургъ, я продолжалъ свой путь въ Лондонъ. Въ продолженіе всего пути стояла чудная погода, ни малѣйшей качки. Въ Гамбургѣ пароходъ взялъ гуртъ быковъ и надо было видѣть, какъ ихъ спускали въ трюмъ. — Кранъ подхватывалъ быка подъ брюхо, приподнималъ его высоко-высоко, подводилъ къ отверстію трюма и быстро опускалъ его въ трюмъ. Операція эта производится съ такою быстротою и легкостью, какъ будто бы дѣло шло не съ тяжеловѣсными, а съ какими-нибудь игрушечными быками. Пассажировъ на пароходѣ было восемь человѣкъ; изъ нихъ четверо нѣмцевъ, два англичанина и два русскихъ. Къ удивленію всѣхъ, русскіе другъ друга не понимали, ибо одинъ изъ нихъ былъ изъ Финляндіи и говорилъ только по-шведски. Въ продолженіе всего пути я говорилъ по-нѣмецки и нѣмецкій языкъ сталъ для меня послѣ русскаго вторымъ языкомъ.

Въ Лондонъ я благополучно прибылъ 8-го іюня позднимъ вечеромъ. Дреперъ, предувѣдомленный мною какъ о пароходѣ, на которомъ я отправился, такъ и о предполагаемомъ времени моего прибытія, прислалъ за мною на другой день утромъ своего клерка на пароходъ, гдѣ я ночевалъ. Я очень обрадовался ему и мы пошли искать гостинницу. Послѣ нѣсколькихъ напрасныхъ поисковъ, мы нашли, наконецъ, свободный номеръ въ Badley's Hôtel, но прислуга въ ней понимала только англійскій языкъ, вотъ тутъ и извольте объясняться! Одѣвшись наскоро,

я пошелъ съ тѣмъ же посланнымъ въ контору Дреперъ, Піетрони и К°. Тамъ встрѣтилъ меня Піетрони съ Джономъ Дреперомъ. Спустя нѣкоторое время пришелъ въ контору и самъ старикъ Дреперъ, отецъ Джона.—Такимъ образомъ я познакомился со всѣми принципалами конторы.—Въ тотъ же день Джонъ Дреперъ меня переселилъ въ гостинницу Sabloniere Hôtel, гдѣ нѣкоторые изъ служащихъ говорили по-нѣмецки; въ ней я прожилъ пять сутокъ. Все это время я ежедневно посѣщалъ контору Дрепера и въ сообществѣ Джона осматривалъ городъ и его окрестности. Разъ, возвращаясь изъ конторы, мы прошли съ нимъ въ квартиру старика Дрепера, гдѣ я познакомился съ его семействомъ. Я навѣстилъ также нашего посольскаго священника Евгенія Ивановича Попова и передалъ ему отъ Василія Ивановича Плотникова посылку, состоявшую изъ куска ярославскаго полотна и нюхательнаго табаку фабрики Мамыкина. Е. И. Поповъ родомъ изъ Ярославля, рослый, красивый мужчина; онъ очень давно живетъ заграницей, такъ что дѣти его съ трудомъ говорятъ по-русски. Прославшій ему русскаго гостинца, В. И. Плотниковъ нѣсколько лѣтъ прожилъ въ Лондонѣ съ московскимъ артельщикомъ Матвѣевымъ по дѣламъ Павла Семеновича Малютина. Плотниковъ впослѣдствіи вернулся въ Россію, а Матвѣевъ женился на англичанкѣ и остался навсегда въ Англіи. Въ Троицынъ день я былъ у обѣдни въ посольской церкви. Церковь была убрана цвѣтами, но предстоящихъ было мало. Въ тотъ же день мы съ Джономъ Дреперомъ были въ Ричмондѣ и гуляли въ прекрасномъ ричмондскомъ паркѣ.

Рѣшивъ не заживаться въ Лондонѣ, а скорѣе перебраться въ деревню къ рекомендованному мнѣ Иваномъ Николаевичемъ Усачевымъ (московскій торговецъ аптекарскими товарами) пастору Джону Риду, у котораго перебывало не мало русскихъ съ цѣлью изученія англійскаго языка, я 13 іюня с. с. отправился съ багажемъ по желѣзной дорогѣ въ Chingford. На послѣдней станціи я разсчитывалъ встрѣтить пастора Рида, такъ какъ ему сообщено было о времени моего отправленія, но ожиданіе мое не сбылось. Въ этомъ незавидномъ для меня положеніи, не зная языка, я присталъ къ начальнику станціи

и при помощи пантомимы, повторяя безпрерывно фамилію пастора, добился, наконецъ, того, что мнѣ дали провожатаго съ одноколкою, въ которую ввалили мой багажъ, и дюжій англичанинъ пустился съ нею въ путь, и я за нимъ. Прошедши съ полмили, я увидалъ нѣчто въ родѣ шарабана, ѣдущаго намъ на встрѣчу. То былъ пасторъ Ридъ. Онъ взялъ меня и мой багажъ въ свой экипажъ, а провожатый, получивъ отъ меня два шиллинга, отравился обратно на станцію. Дорогой я заговаривалъ съ М-r Ридъ то по-нѣмецки, то по-французски, на что онъ повторялъ свое «yes» или молчалъ. Все показывало, что онъ не знаетъ другихъ языковъ, кромѣ своего англійскаго. Прибывъ въ Чингфордъ, я познакомился съ семействомъ пастора, состоявшимъ изъ его жены, сестры и матери. Послѣднюю я не видалъ, такъ какъ она въ это время жила у другого своего сына въ Лондонѣ. Что касается до характеристики первыхъ трехъ лицъ, то могу сказать, что самъ пасторъ большой добрякъ; жена его тоже очень добрая и симпатичная особа, но, въ противоположность мужу, имѣетъ живой характеръ и не прочь полюбезничать со своими молодыми учениками, которые замѣтно къ ней льнутъ, какъ къ красивой, съ роскошнымъ бюстомъ, женщинѣ. Сестра М-r Рида старая дѣва, некрасивая, но добродушная. Я помѣстился въ маленькой комнатѣ наверху, гдѣ я только ночую; во время же дня занимаюсь въ такъ называемой комнатѣ для куренія, «смокингъ румъ»; въ остальныхъ комнатахъ курить не полагается; въ залѣ, т.-е. въ «дроингъ румъ» съ каминомъ и большимъ круглымъ столомъ, въ 9 ч. вечера пьемъ чай, обѣдаемъ же въ особой комнатѣ—столовой. Въ одно время со мной у М-r Рида учились два брата Капгеръ изъ Петербурга и Швейнфортъ изъ Риги. Одинъ изъ братьевъ Капгеръ хорошо рисовалъ и прекрасно игралъ на фортепьяно; Швейнфортъ игралъ на віолончели. Вечера м часто проводили у нашей сосѣдки, вдовы Матвѣевой. Семья Матвѣевыхъ большая: два сына — Константинъ и Фрицъ и четыре дочери: Кети, Геріетъ, Елена. и Ольга. Молодежь веселилась, играла и пѣла; даже и я въ свой чередъ подъ аккомпаниментъ фортепьяно спѣлъ куплетъ «всѣ прикрасы отъ

прикрасъ и прикрасы эти чудны» и по просьбѣ публики каждый почти вечеръ повторялъ его, *вызывая взрывъ* аплодисментовъ.

Все, что я выше изложилъ, составляетъ конспектъ моихъ писемъ къ дядѣ Г. А. Москвину и брату Валентину Константиновичу. Дальнѣйшее изложеніе моей жизни въ Лондонѣ будетъ въ формѣ писемъ.

Письмо къ дядѣ Москвину. Essex, Chingford Rectory. 13 іюня с. с. 1850 г. Въ 11 дней моего пребыванія у M-r Рида я сдѣлалъ большіе успѣхи въ англійскомъ языкѣ. Трудно дается произношеніе, но я увѣренъ, что, живя въ англійскомъ семействѣ, я пріобрѣту чисто-англійское произношеніе. Разница большая между московско-англійскимъ произношеніемъ и здѣшнимъ. Какъ бы труденъ ни былъ англійскій языкъ, я приложу стараніе возможно скорѣе изучить его и поступить къ дѣлу. Болтаю не стѣсняясь съ добродушной сестрою M-r Рида, а то хожу съ нимъ по лугамъ и полямъ, повторяя за нимъ названія встрѣчаемыхъ предметовъ, затѣмъ на другой день онъ уже требуетъ отъ меня, чтобы я называлъ ихъ безъ его помощи. Мало-по-малу я начинаю знакомиться съ «Old and merry England» и проникаться ея духомъ. Занимаясь весь день, я вдругъ иногда мысленно переношусь въ родную Москву и долго потомъ не могу снова попасть въ колею зубренія англійскихъ словъ. А временами на меня нападаютъ порывы восторга, что я хожу по землѣ такой древней, такой культурной страны! Чѣмъ болѣе я знакомлюсь съ ней, тѣмъ болѣе она завоевываетъ мою симпатію!

Изъ новостей: къ прискорбію всей Англіи скончался Серъ Робертъ Пиль. Вчера его тѣло увезли въ его помѣстье, гдѣ и похоронятъ.

Пріѣхавъ въ Лондонъ, у меня осталось только четыре фунта стерлинговъ, слѣдовательно отъ Петербурга до Лондона я истратилъ 222 руб. сер. Живя здѣсь, я постараюсь въ своихъ расходахъ не выходить изъ границъ необходимаго, въ

чемъ, любезный дядюшка, вы можете быть увѣрены. Поступать иначе было бы съ моей стороны дѣломъ неблаговиднымъ.

Когда я буду въ качествѣ служащаго въ конторѣ Дреперъ и Пьетрони, мнѣ нельзя будетъ обойтись безъ карманныхъ часовъ, поэтому прошу Васъ, дядюшка, сообщить мнѣ, какъ я долженъ поступить въ этомъ случаѣ?

Изъ письма брата Валентина отъ 23 іюня с. с. я замѣтилъ, что Вы съ тетушкой Елизаветою Константиновной и моею матушкой были у Троицы. Письмо Софьи Юрьевны я также получилъ. Мистрисъ Матвѣева шлетъ привѣтъ брату Валентину.

Ему же отъ 9 іюля 1850 г. Вы пишете, что были въ Полянѣ, что постройка бумагопрядильни понемногу двигается впередъ и что Вамъ тамъ все понравилось. Извѣстіе это меня очень радуетъ. По совѣту Вашему, я немедленно напишу дядѣ Александру Кузьмичу письмо и поблагодарю его. Мнѣ есть за что благодарить его, какъ за его хлопоты по нашему общему дѣлу, такъ и за то, что онъ первый подалъ Вамъ мысль послать меня въ Англію, или иначе сказать, сдѣлать для меня то, что послужитъ мнѣ счастіемъ на всю мою жизнь.

Я занимаюсь англійскимъ языкомъ не отрываясь съ 8 ч. утра до 5 вечера и отдыхаю потомъ въ семействѣ госпожи Матвѣевой, сидя въ саду и болтая не стѣсняясь съ ея малютками. Лѣто здѣсь холодное, дождливое. Съ грустью прочелъ въ Вашемъ письмѣ о болѣзни Валентина Алексѣевича.

Ему же отъ 22 іюля 1850 г. Изъ писемъ вижу, что Вы собираетесь къ Спиридоновымъ въ имѣніе и хотите взять съ собою Николю Веденисова. Желаю Вамъ пріятно провести тамъ время.

Теперь надѣюсь, Вы вполнѣ пользуетесь лѣтнимъ временемъ, бываете часто въ Сокольникахъ, въ Покровскомъ. Я часто вспоминаю жизнь въ Покровскомъ, въ особенности веселые дни празднествъ у дяди Владиміра Семеновича. Поздравляю его съ прошедшимъ днемъ его Ангела. Вы, вѣроятно, провели этотъ день въ Покровскомъ и, надѣюсь, пріятно?

Англійскій языкъ идетъ у меня успѣшно, начинаю говорить свободнѣе. По вечерамъ для отдыха я часто гуляю по поселку

и любуюсь на жизнь здѣшнихъ крестьянъ. У каждаго порядочный котеджъ, огороженный заборомъ, садъ, огородъ, лугъ; въ домахъ чистота; дѣти ихъ опрятно одѣты. Пріятно видѣть, какъ мило присѣдаютъ дѣвочки, встрѣчаясь со мною, и произнося обычное «good morning» или «good evening»! Здѣсь, какъ въ городѣ,— каждая деревня имѣетъ свою полицію и ночной караулъ.

Вчера пріѣхала къ намъ, въ Чингфордъ, старушка — мать пастора и пробудетъ здѣсь до конца лѣта. Живу я покойно и комфортабельно. Благодаря семейству Рида, я познакомился съ нѣкоторыми сосѣдями. Уплатилъ М-г Риду за мѣсяцъ 10 ф. с. и 10 шиллинговъ.

Ему же отъ 6 августа 1850 г. Я продолжаю жить попрежнему, и время въ занятіяхъ проходитъ у меня очень быстро. Въ Лондонѣ за все это время я былъ только два раза. Чингфордъ находится въ 12 миляхъ отъ Лондона по направленію въ Hertford, а такъ какъ въ этотъ послѣдній идетъ желѣзная дорога и проходитъ въ 2 миляхъ отъ Чингфорда, то поѣздка въ Лондонъ не представляетъ затрудненія, но мнѣ не хочется отвлекаться отъ занятій. Надѣюсь познакомиться съ Лондономъ, когда изучу языкъ. Первый разъ я ѣздилъ въ Лондонъ за деньгами, второй разъ—съ однимъ изъ братьевъ Капгеръ съ цѣлью посмотрѣть Парламентъ. Билеты на входъ намъ досталъ братъ пастора Эдуардъ Ридъ—на 28 іюля с. с.—Въ этотъ день, въ часъ дня, мы отправились въ Лондонъ, а такъ какъ засѣданія въ Парламентѣ открываются въ 5 ч., то сначала мы осмотрѣли Вестминстерское Аббатство, находящееся противъ зданія Парламента. Чтобы описать всю прелесть этого зданія, единственнаго въ Европѣ по легкости и тонкости изваяній, я не достаточно силенъ. Въ немъ хоронятся останки королей и великихъ людей Англіи; въ немъ масса монументовъ, статуй съ подробными надписями. Посѣщая Аббатство, невольно изучаешь хронологію англійскихъ историческихъ лицъ! Отсюда мы прошли въ Парламентъ, осматривали Палату Депутатовъ—«Hause of Commons» и Палату Лордовъ—«Hause of Lords».—Въ послѣдней мы видѣли лорда Брума, высокаго, худощаваго, сѣдого мущину и лондонскаго Бишопа въ черной рясѣ съ бѣлыми широкими рукавами.

Мы не могли видѣть многаго, такъ какъ были почти наканунѣ закрытія палатъ.

Ему же отъ 19 августа с. с. 1850 г. Время я провожу попрежнему за книгою и только иногда отвлекаюсь по поводу какихъ-нибудь экстраординарныхъ событій въ нашемъ общежитіи. Вотъ, напримѣръ, одинъ изъ нихъ. Семейство Рида давно собиралось послушать оперу, но желаніе его не осуществлялось то по тѣмъ, то по другимъ причинамъ, какъ вдругъ Эдуардъ Ридъ приноситъ билеты—одинъ на ложу въ «Majestys theatre» и два кресла въ «Coventgarden» — на 12 августа. Тотчасъ всѣ члены нашего общежитія принялись судить и рядить кому, и въ какой театръ отправиться. Послѣ долгихъ толковъ, рѣшили мнѣ съ Швейнфортомъ отправиться въ Coventgarden, а остальнымъ въ Majestys. Что же касается того, какъ кому, и съ кѣмъ ѣхать, разсудили такъ: намъ, ученикамъ, отправиться въ Лондонъ по желѣзной дорогѣ, а оттуда, такъ какъ будетъ уже поздно и поѣздовъ не будетъ, то нанять кэбъ прямо въ Чингфордъ; дамы же поѣдутъ въ собственномъ экипажѣ съ Эдуардомъ Ридъ. Мѣстомъ сбора была назначена банкирская контора, гдѣ служилъ Э. Ридъ.

На слѣдующее утро я былъ разбуженъ шумомъ; слышу бой часовъ, считаю — шесть. Чрезъ четверть часа все утихло, и я опять заснулъ и всталъ въ 8 часовъ. Причина ранняго шума— отъѣздъ нашихъ дамъ. Мы, ученики, отправились съ поѣздомъ въ 3¼ ч. пополудни. Пріѣхавъ въ Лондонъ, Швейнфортъ пошелъ исполнить разныя порученія нашихъ дамъ, а я съ Капгеромъ послѣдовали за нимъ. Заходя въ музыкальные магазины, Швейнфортъ, какъ истый musical man, подолгу игралъ то на рояли, то на віолончели, такъ что мы едва не опоздали въ условленный сборный пунктъ. Тутъ мы раздѣлились на двѣ партіи. Я съ Швейнфортомъ пошли въ Coventgarden, а прочіе поѣхали въ Majesty's—Haymarket. Въ Ковентгарденскомъ театрѣ шли «Норма» и «Любовный напитокъ». Можете представить мой восторгъ, когда я услышалъ Маріо, Гризи, Віардо, Лаблаша, Тамбурини, Тамберлика! Какіе сильные голоса, какая легкость пѣнія, какая пріятность, мягкость

звуковыхъ волнъ, ласкающихъ вашъ слухъ, какая выработка голосовой техники, сколько выраженія въ каждой музыкальной фразѣ!

Ему же отъ 3 сентября с. с. 1850 г. Каждое утро я хожу гулять и вникаю во все, что представляется моимъ глазамъ. Такъ, я замѣтилъ на поляхъ дымящіяся кучи чего-то. Впослѣдствіи я узналъ, что это былъ дернъ, снимаемый съ полей прежде чѣмъ начинаютъ пахать. Его жгутъ, получая красную золу, служащую для удобренія полей. На поляхъ встрѣчаются развѣшенные для сушки пучки бобовъ — это конскіе бобы, идущіе въ кормъ лошадямъ. Здѣсь поля раздѣлены на полосы, огороженныя деревьями и кустами. Этимъ достигается систематически правильная пастьба: на одной полосѣ скотъ пасется, другая отдыхаетъ и т. д. — Поля, отдыхающія отъ хлѣбныхъ растеній, засѣваются клеверомъ. Косятъ и жнутъ здѣсь такими же орудіями какъ и у насъ, но молотятъ машинами, приводимыми въ движеніе 4-мя лошадьми. Въ подобной машинѣ движущіеся цѣпы ударяютъ по безпрерывно подкладываемымъ въ нее снопамъ.—

Нельзя не любоваться на здѣшній скотъ! Здѣшняя овца до того жирна, что съ трудомъ поднимается!

Относительно же человѣчества нерѣдко встрѣчаешь здѣсь курьезы такого рода. Вчера въ Times прочелъ слѣдующую публикацію: «Дорогая моя Betsy, пожалуйста, ради Бога, напиши своему несчастному мужу Charles, пока еще не поздно. Все остается въ тайнѣ». Camberwell. Подобныя воззванія мужей къ женамъ и женъ къ мужьямъ частенько встрѣчаются въ здѣшнихъ газетахъ.—

Ему же отъ 26 сентября с. с. 1850 г. Дачный сезонъ въ Чингфордѣ прошелъ; всѣ наши знакомые переѣхали въ Лондонъ; остались мы одни и по временамъ порядкомъ скучаемъ. Вчера я былъ въ Лондонѣ и заходилъ въ квартиру Дрепера. Я никого не засталъ дома, кромѣ меньшого сына «Тутса», восьмилѣтняго остраго мальчугана, съ которымъ я и бесѣдовалъ около часа, дожидаясь возвращенія семейства. Наконецъ, всѣ собрались и, немного погодя, спустились внизъ, въ сто-

ловую, къ обѣденному столу. За обѣдомъ старикъ Дреперъ говорилъ много лестнаго о Россіи, съ которой онъ основательно познакомился, живя долго въ Кронштадтѣ. Онъ всегда съ удовольствіемъ вспоминаетъ о своей жизни въ Россіи! Послѣ обѣда старикъ закурилъ трубку съ длиннымъ черешневымъ чубукомъ, что въ моихъ глазахъ приблизило его къ типу русскаго человѣка, тѣмъ болѣе, что и разговариваетъ и хохочетъ онъ такъ, что за три комнаты слышно. Дреперъ, вопреки англійскому приличію, запрещающему громко говорить въ обществѣ, имѣетъ привычку говорить горячо и во весь голосъ. Между прочимъ, старикъ спросилъ меня, когда я поступлю къ нему въ контору? Я отвѣчалъ, что черезъ два мѣсяца. Тотъ же вопросъ повторилъ мнѣ и сынъ его Джонъ. Очевидно, что они желаютъ, чтобъ я поступилъ въ ихъ контору скорѣе.—Ихъ побуждаетъ къ тому, можетъ быть, и то, что Константинъ Матвѣевъ оставляетъ ихъ контору, и они ищутъ кѣмъ-бы его замѣнить. Насчетъ же языка старикъ Дреперъ былъ не мало удивленъ, когда я заговорилъ съ нимъ на чистомъ англійскомъ языкѣ.—

Все это побудило и меня задать себѣ вопросъ—что именно можетъ удерживать меня въ Чингфордѣ? Какія выгоды или невыгоды произойдутъ отъ переѣзда моего въ Лондонъ ранѣе двухъ мѣсяцевъ? M-r Ридъ въ послѣднее время мало занимается со мной. Задастъ мнѣ переводъ или сочиненіе, а самъ отправляется или ловить рыбу, или варить пиво; затѣмъ, возвратившись, поправляетъ мною написанное, а читать со мною уже давно пересталъ. Разговорной практики съ отъѣздомъ семейства Матвѣевыхъ стало очень мало. Когда, за вечернимъ чаемъ, мы собираемся у камина, нашъ пасторъ спитъ преспокойно въ вольтеровскомъ креслѣ, не произнося, конечно, ни единаго слова. Въ Лондонѣ же, надѣюсь, я буду имѣть болѣе практики въ разговорѣ, а поправлять переводы могъ бы приходить ко мнѣ учитель разъ или два въ недѣлю; въ то же время онъ могъ бы заставлять меня читать вслухъ, что очень важно для произношенія.

Все, что Вы, добрѣйшій дядюшка, пишете относительно

часовъ, замѣтилъ съ искреннимъ чувствомъ благодарности. Надѣюсь, что современемъ буду въ состояніи отблагодарить Васъ своею трудовою и нравственною жизнью, такъ много обязанною Вашему сердечному участію.

Съ радостью прочелъ, что мои письма Васъ интересуютъ. Квартиру въ Лондонѣ я постараюсь взять поближе къ Woburn square, мѣсту жительства семейства Дреперъ, и не дороже 18 шил. въ недѣлю.—

Ему же изъ Лондона отъ 15 октября с. с. 1850 г. Увѣдомляю Васъ, что я переѣхалъ въ Лондонъ. Квартира моя на Bedford square, Alfred place № 9, близко къ Дреперу, но далеко отъ конторы. Впрочемъ, это и хорошо! Движеніе необходимо особенно здѣсь при сыромъ климатѣ и тяжелой англійской кухнѣ. Моя квартира въ 3-мъ этажѣ и состоитъ изъ двухъ комнатъ. Цѣна 15 шиллинговъ въ недѣлю; за освѣщеніе и отопленіе плата особая. Хозяйка предупредила меня, однако, что на будущій годъ, съ открытіемъ Всемірной выставки, цѣна квартиры будетъ повышена.—Англійскія спальни отличаются, обыкновенно, нулевою температурой, такъ что вода въ кувшинѣ нерѣдко замерзаетъ; вставая съ постели, приходится плясать польку tremblant. Изъ одной комнаты видишь только часть противоположнаго тротуара и закопченныя стѣны домовъ; изъ другой—болѣе живописный видъ черепичныхъ крышъ съ сотнями вѣчно дымящихся трубъ. Словомъ, квартира хоть куда, хозяйка весьма почтенная особа и держитъ свой домъ въ чистотѣ и порядкѣ. Въ томъ же домѣ, рядомъ съ моей квартирою, нанялъ комнату москвичъ Дмитрій Максимовичъ Бланшанъ, симпатичный молодой (20-ти лѣтъ) человѣкъ, съ которымъ я сошелся, посѣщая русскую церковь, такъ какъ онъ, хотя носитъ французскую фамилію, но русскій по вѣрѣ.

Часы, согласно Вашему желанію, я купилъ самые лучшіе у Dent, придворнаго часовщика королевы Викторіи, принца Альберта, нашего Государя и поставщика русскаго флота. Я заплатилъ за нихъ вмѣстѣ съ цѣпочкою 30 ф. с. и 12 шил.

Надѣюсь, вы теперь веселитесь по случаю свадьбы Константина Константиновича Куманина.

Ему же изъ Лондона отъ 30 октября с. с. 1850 г. Въ эти 14 дней послѣ моего послѣдняго къ Вамъ письма я успѣлъ захворать и выздоровѣть. Отъ сырой погоды я заполучилъ флюсъ, заставившій меня сидѣть дома и только благодаря Д. М. Бланшанъ, приходившему ко мнѣ ежедневно по вечерамъ читать что-нибудь вслухъ, тяжесть моего одиночества нѣсколько смягчалась. Добрыя барышни Матвѣевы также два раза навѣстили меня. Семейство же Дрепера, въ особенности Джонъ, которому я даже написалъ о своей болѣзни, отнеслось ко мнѣ неучастливо. Джонъ только на четвертый день собрался навѣстить меня. Моя хозяйка M-rs Sullivan, родомъ ирландка, заботилась обо мнѣ какъ мать: приносила подушечки изъ травъ, посовѣтовала принять «blue pills» и «black drought» (универсальное лѣкарство у англичанъ), но все это мало помогало. Наскучившись сидѣть дома, я рѣшился вчера выдти на воздухъ. Мы, съ Бланшанъ, поѣхали въ церковь и тамъ узнали, что нашъ посольскій священникъ Евгеній Ивановичъ Поповъ съ недѣлю какъ возвратился изъ Россіи и служитъ теперь обѣдню. Мы взошли въ церковь и нашли въ ней много предстоящихъ, между которыми были: агентъ министерства финансовъ Каменскій, сынъ гр. Нессельроде, нѣсколько аристократовъ, сопровождающихъ его, и два морскихъ офицера. Послѣ обѣдни всѣ пошли къ Евгенію Ивановичу наверхъ, а я съ Бланшаномъ откланялись, спѣша къ обѣду, при чемъ Евгеній Ивановичъ наказалъ намъ побывать у него на недѣлѣ, обѣщая намъ цѣлый коробъ московскихъ новостей. Послѣ обѣда мы отправились къ Матвѣевымъ. Тамъ я встрѣтилъ M-rs Тундеръ, пріѣхавшую на зиму изъ Петербурга въ Лондонъ. Она спрашивала объ ея «dear little Valintin» и нашла меня съ опухшею щекой вовсе непохожимъ на брата Валентина. Вечеромъ флюсъ началъ меня безпокоить, и я собирался было идти домой, но M-rs Матвѣева посовѣтовала мнѣ зайти прежде къ ея доктору. Я послѣдовалъ ея совѣту. Докторъ прорѣзалъ назрѣвшій нарывъ и боль тотчасъ прошла, и я снова сталъ веселъ и сталъ ко всему относиться добродушнѣе.

Джонъ записалъ меня въ «Union club»—родъ практическихъ засѣданій, гдѣ молодые юристы упражняются въ дебатахъ по современнымъ вопросамъ изъ области политической или юридической.

Въ контору я хожу ежедневно и хотя не имѣю тамъ опредѣленнаго, обязательнаго дѣла, тѣмъ не менѣе бываю занятъ весь день. Прежде всего я читаю получаемыя и отправляемыя письма. Вашу корреспонденцію съ 1 сентября 1850 г. я всю прочелъ. Съ Бланшаномъ, занимающимся здѣсь около двухъ лѣтъ москательными товарами, я нѣсколько разъ былъ на *аукціонахъ* этихъ товаровъ и пріобрѣлъ нѣкоторое понятіе о сортахъ и признакахъ, по которымъ узнается ихъ достоинство.

9-го ноября н. с. происходила здѣсь церемонія избранія Лорда Мера, сопровождаемая маскарадною процессіею по улицамъ Сити. Погода здѣсь туманная, сырая и дождливая.

Мнѣ пріятно было прочесть о Вашемъ намѣреніи ѣхать въ будущемъ году на Всемірную Лондонскую выставку.

Ему же изъ Лондона отъ 10 ноября с. с. 1850 г. На этой недѣлѣ съ товарищами по конторѣ я былъ въ народномъ концертѣ г. Жульянъ. Оркестръ изъ 1000 музыкантовъ игралъ новинку—«Grand exibition cadrile». Пьеса начиналась русскимъ гимномъ и продолжалась по программѣ гимнами всѣхъ европейскихъ націй.

Третьяго дня я обѣдалъ на пароходѣ «Дьюкъ Корновель» компаніи Петербургскаго пароходства и все время съ моряками англичанами разговаривалъ свободно по-англійски. Моряки не вѣрили, что я въ такое короткое время выучился такъ хорошо говорить.

Ему же изъ Лондона отъ 21 ноября с. с. 1850 г. Случай помогъ мнѣ сдѣлаться корреспондентомъ въ конторѣ. Дѣло въ томъ, что Фраловъ и Тимяньковъ изъ Петербурга пожелали имѣть переписку на русскомъ языкѣ. «Господинъ Дреперъ», писали они, «увѣдомь насъ можнали къ вамъ писать письмы по русски—мы пологаимъ что у васъ въ конторѣ Есть русскій А для насъ лудче, отъ г. г. Шредера намъ пишудъ

по русски». Дреперъ поэтому просилъ меня взять переписку съ ними на свои руки.

Джонъ Дреперъ не оставляетъ мысли побывать въ Россіи. Братъ его Вильямъ недавно выдержалъ экзаменъ на доктора и отправляется въ Новую Зеландію, куда уже уѣхала его сестра съ мужемъ. Такимъ образомъ, семейство Дрепера значительно убавится.

Теперь въ Лондонѣ только и разговора, что о послѣдствіяхъ разрыва съ Папою, прислашимъ сюда бишоповъ и назначившаго ихъ безъ разрѣшенія Королевы. Въ Лондонѣ назначенъ кардиналъ Вейзманъ. Квартира его осаждается народомъ съ крикомъ и свистомъ; на тротуарахъ малюютъ мѣломъ каррикатуры, изображающія Вейзмана въ кардинальской тіарѣ.

Недѣли двѣ назадъ потонулъ карабль съ 175 эмигрантами, ирландцами, отправлявшимися въ Новую Зеландію. Для бѣдныхъ эмигрантовъ даютъ нерѣдко ветхіе корабли. О жизни ихъ мало здѣсь заботятся! Теперь здѣсь въ качествѣ предвѣстниковъ Выставки масса оборванцевъ-мальчишекъ выкрикиваютъ по улицамъ картины съ изображеніемъ хрустальнаго дворца Лондонской Всемірной выставки 1851 г.

Ему же изъ Лондона отъ 28 ноября с. с. 1850 г. Вчера я осматривалъ китайскую джонку (морское судно), подаренную Королевѣ китайскимъ Императоромъ. Она лежитъ въ р. Темзѣ. Осмотрѣвъ ее, я составилъ себѣ понятіе о Китаѣ, его жителяхъ, ихъ жизни и обычаяхъ, религіи, климатѣ и т. д. На палубѣ меня встрѣтилъ англійскій матросъ, сдѣлавшій пять путешествій въ Китай и побывавшій даже въ плѣну у китайцевъ. Онъ объяснилъ мнѣ въ подробности каждую вещь этого оригинальнаго корабля. Устройство его во многомъ расходится съ конструкціей нашихъ кораблей. Палуба состоитъ изъ нѣсколькихъ возвышающихся къ кормѣ одна надъ другой площадокъ, такъ что идя къ кормѣ надо подниматься съ одной площадки на другую по лѣстницѣ въ 6 ступенекъ. Самая верхняя площадка стоитъ очень высоко надъ уровнемъ моря. Такое устройство палубы вызывается устройствомъ ихъ руля. На

нашихъ корабляхъ руль приводится въ движеніе колесомъ, требующимъ въ тихую погоду усилій лишь одного человѣка; у китайцевъ же руль ничто иное, какъ толстое, длинное бревно, утвержденное въ кормѣ. Верхній конецъ этого бревна выходитъ въ рулевую рубку, гдѣ, посредствомъ рычаговъ, поворачиваютъ его то въ ту, то въ другую сторону. Чтобъ привести въ движеніе такой руль, требуется иногда до 20 человѣкъ. При незначительной глубинѣ моря, рулевое бревно оказывается длинно, тогда вытягиваютъ его кверху, для чего требуется, чтобы тамъ была точка опоры. Вотъ почему, имѣя такой руль, китайцы строятъ свои корабли съ очень высокою кормовою частью. Въ мелкихъ мѣстахъ руль поднимается блокомъ чрезъ отверстіе въ верхней площадкѣ кормы и уже тамъ управляютъ имъ; въ глубокихъ же мѣстахъ конецъ руля выходитъ въ рубку, которая гораздо ниже верхней, такъ какъ въ глубокихъ мѣстахъ требуется вся длина руля.

Бортъ джонки обведенъ по верху веревочнымъ плетнемъ, на которомъ прикрѣплены щиты изъ смоленыхъ веревокъ, расписанные драконами и другими фантастическими изображеніями. Подлѣ каждаго щита лежитъ родъ огромнаго ружья съ дуломъ, просунутымъ наружу. Камеры этихъ ружей могутъ по произволу отниматься и подобныхъ камеръ у каждаго ружья лежитъ болѣе пяти штукъ. Въ военное время одинъ матросъ стрѣляетъ, а другой за щитомъ заряжаетъ. Кромѣ того, у каждаго матроса два тесака въ одной ножнѣ и онъ рубится обоими сразу, отражая удары и нанося ихъ и спереди и сзади. Китайскіе матросы показывали мнѣ свое искусство и, надо сказать, они фехтуютъ своими тесаками очень ловко.

Проходя кухню, я замѣтилъ въ ней большую простоту. Все варится въ двухъ котлахъ: въ одномъ—рыба, въ другомъ—рисъ. О мясѣ нѣтъ и помина!

Религіозный культъ. На палубѣ стоятъ шесты, на концахъ которыхъ укрѣплены серебряныя кисти рукъ. Шесты эти носятъ въ процессіяхъ при звонѣ въ большія мѣдныя сковороды. Въ каютъ-компаніи стоитъ шкафъ въ родѣ нашего кіота, въ которомъ помѣщается «богъ моря». Онъ представляетъ собою

уродливаго человѣка съ бородой, съ тремя глазами и съ 18-ю руками, распростертыми лучеобразно. Онъ позолоченъ и передъ нимъ стоитъ желѣзный жертвенникъ. Во время бури ему приносятъ жертвы. Тутъ же стоитъ круглый мраморный столъ съ двумя креслами изъ мрамора же, что указываетъ на климатическія условія Китая. На потолкѣ висятъ китайскіе фонари изъ яркоцвѣтныхъ стеколъ. На стѣнѣ большая картина, изображающая мандарина первой степени съ его женою—въ придворныхъ костюмахъ. Всѣ пребывающіе на джонкѣ китайцы прекрасно говорятъ по-англійски, но ихъ желтый цвѣтъ лица, ихъ узенькіе косые глаза, едва замѣтный носъ и длинная коса не гармонируютъ съ звуками англійскаго языка; гораздо лучше идетъ къ нимъ, когда они начинаютъ говорить по своему съ жестикуляціей, свойственною южнымъ народамъ.

Замѣчательно, что на этомъ кораблѣ желѣзо замѣнено какимъ-то твердымъ деревомъ, не уступающимъ желѣзу. Въ Китаѣ своего желѣза мало, все привозное и очень дорого.— Забылъ упомянуть, что окно каютъ-компаніи, выходящее на палубу, представляетъ подобіе китайской фарфоровой башни.

Вчера же я былъ въ соборѣ апостола Павла и осмотрѣлъ въ немъ всѣ уголки. Былъ на самомъ верху—на обѣихъ башняхъ, былъ и въ самомъ низу — въ подземной галлереѣ, гдѣ хоронятся великіе изъ англичанъ. Тамъ чудесная гробница лорда Нельсона. Описаніе собора занимаетъ довольно толстую книгу— «The Companion to St Paul's Cathedral». Это зданіе, говорится въ ней, почитается первымъ по архитектурѣ въ Британіи и признано за великолѣпнѣйшую протестантскую церковь въ мірѣ. Въ особенности достоинъ вниманія куполъ, заставляющій невольно удивляться и любоваться имъ. Планъ основанія собора— латинскій крестъ. Исторія этого храма такова: первый разъ онъ былъ построенъ римлянами въ 3-мъ вѣкѣ, два раза горѣлъ; послѣдній разъ горѣлъ во время общаго пожара Лондона въ 1666 г. и каждый разъ при возобновленіи архитектура его измѣнялась; послѣдній разъ его строилъ Sir Christopher Wren.

Да, стоитъ побывать въ Лондонѣ, въ этой столицѣ міра! Въ настоящемъ 1850 г. въ Лондонѣ населеніе—2,300 т.; домовъ

300 т., улицъ и переулковъ 15 т., длина 27 верстъ и ширина $10^1/_2$ верстъ *).

Ему же изъ Лондона отъ 12 декабря с. с. 1850 г. Завтра у англичанъ день Рождества Христова (Christmas day), а сегодня канунъ праздника (Christmas Eve) и поэтому конторы закрылись ранѣе обыкновеннаго.

Въ жизни моей нѣтъ ничего новаго. Поутру иду въ контору; тамъ пишу до 6 ч. вечера, затѣмъ возвращаюсь домой, пью чай, читаю—вотъ и день прошелъ. Завтракъ и обѣдъ у меня соединяются въ одно. Въ первомъ часу дня всѣ служащіе въ конторахъ идутъ завтракать въ «Eatinghouses». Эти харчевни различаются по спеціальностямъ: въ одной хорошо и исключительно готовятъ ростбифы, въ другой—бифштексы; кромѣ того пудинги и пàи играютъ также видную роль въ оцѣнкѣ этихъ харчевенъ. Надо видѣть, какая масса народа кишитъ въ нихъ въ будни отъ 12 ч. до 1 ч. дня. Могу сообщить нѣкоторую новость: я досталъ здѣсь свѣжую паюсную икру и каждое утро ѣмъ ее за чаемъ, при чемъ какъ-то невольно со вкусомъ икры соединяется у меня воспоминаніе о Москвѣ.

Здѣсь въ настоящее время привлекаетъ вниманіе публики строющееся зданіе Всемірной выставки.

Третьяго дня въ нашей церкви былъ молодой князь Барятинскій, путешествующій на собственной яхтѣ.

Въ Лондонѣ существуетъ особаго рода профессія разметальщиковъ проходовъ черезъ улицы. Недавно умеръ одинъ старикъ, занимавшійся этою профессіей и оставилъ наслѣдникамъ 15,000 ф. с. Будучи главою этого дѣла, онъ нерѣдко давалъ обѣды своимъ товарищамъ.

Туманы, господствующіе здѣсь въ это время, замѣчательны по своей непроницаемости. На улицахъ днемъ горятъ фонари, но нисколько не освѣщаютъ пути и едва сами бываютъ видны.

---

*) Въ 1902 г. Лондонъ занимаетъ уже площадь въ 1576 квадрат. верстъ и радіусъ его 22, 4 верстъ. Съ 1850 года онъ увеличился въ полтора раза, а населеніе увеличилось въ 2 раза. Петербургъ занимаетъ площадь въ 273 кв. версты и радіусъ его 9,3 верстъ. Москва занимаетъ площадь въ 59 кв. верстъ и радіусъ ея $4_{,3}$ версты. Заимствовано изъ статьи «Метрополитэнъ» Нов. Вр. 1902 г.

Внутренности домовъ наполняются дымомъ, и окна застилаются снаружи какою-то бурою пеленою; бѣлье къ концу дня становится также буроватымъ. Во время тумановъ надо большую снаровку, чтобы безнаказанно перейти черезъ улицу. Въ обыкновенное время, и безъ тумана, Лондонъ уподобляется какой-то толчеѣ, къ которой надо привыкнуть. Ѣдутъ громоздкіе омнибусы и извозчичьи кэбы и безпрестанно хлопаютъ бичами; шествуютъ носильщики объявленій съ большими щитами въ рукахъ, фигляры, уличные музыканты цѣлыми оркестрами, шарманщики, нищіе съ дѣтьми, взятыми на прокатъ, разметальщики, чистильщики сапогъ, рабочіе, очищающіе и поливающіе улицы; фуры на подобіе ноевыхъ ковчеговъ, влекомыя гигантскими лошадьми, у которыхъ одна подкова вѣситъ 12 фунтовъ; тутъ же скачутъ денди съ амазонками на кровныхъ англійскихъ скакунахъ; ѣдутъ кавалергарды съ музыкой и—все вмѣстѣ производитъ оглушительный гомонъ и движеніе, напоминающее первобытный хаосъ!

Лондонъ 14 декабря с. с. 1850 г. Я получилъ письмо изъ Москвы отъ дяди Григорія Александровича Москвина съ приказомъ возвратиться немедля въ Москву по случаю смерти дяди Александра Козьмича и необходимости учрежденія новой фирмы. 15 декабря с. с. я отвѣчалъ, что выѣду чрезъ 10 дней. Вотъ тебѣ и изученіе англійскаго языка и коммерческихъ дѣлъ въ Англіи! Все рушилось съ полученіемъ этого письма! Ужъ подлинно — «жизнь наша вся сполна, намъ судьбой назначена!» какъ это поется въ какой-то опереткѣ.

Лондонъ 19 декабря с. с. 1850 г. Любезный дядюшка, братъ Валентинъ Константиновичъ отъ 1 с. м. пишетъ мнѣ, чтобы я посовѣтовался на счетъ маршрута съ Робертомъ Брандтомъ. Въ реестрѣ же покупокъ онъ назначаетъ мнѣ купить шубу въ Гамбургѣ, такимъ образомъ заранѣе опредѣляетъ направленіе моего пути. Посовѣтовавшись съ Брандтомъ, я пришелъ къ тому заключенію, что въ настоящее время года путь моремъ изъ Лондона въ Гамбургъ и непріятенъ и опасенъ, притомъ же, такъ какъ устье Эльбы замерзло, переѣздъ отъ мѣста остановки пароходовъ до Гамбурга, по словамъ

Брандта, сопряженъ со многими затрудненіями. Онъ говоритъ, что путь чрезъ Кале, Кельнъ, Ганноверъ, и, близъ Лерте по другой отрасли ж. д., въ Гамбургъ потребуетъ меньше времени и безъ всякаго риска. Но этотъ трактъ все-таки беретъ много лишняго времени и лишнихъ расходовъ. Изъ Ганновера чрезъ Гамбургъ въ Берлинъ потребно 14-ю часами болѣе времени, чѣмъ изъ Ганновера прямо въ Берлинъ. Разсудивъ, я предпочелъ путь чрезъ Кале, Берлинъ, Варшаву и Петербургъ, но тѣмъ самымъ нарушаю Вашъ приказъ купить шубу въ Гамбургѣ и рѣшаюсь купить ее въ Берлинѣ, гдѣ, по мнѣнію многихъ, можно такъ же выгодно купить, какъ и въ Гамбургѣ.

Третьяго дня я встрѣтилъ у нашего посольскаго священника Евгенія Ивановича Попова барона Штиглица, племянника нашего петербурскаго банкира, который также ѣдетъ на дняхъ въ Россію и ищетъ себѣ попутчика. Онъ, какъ причисленный къ посольству, посылается въ Россію въ качествѣ курьера съ разными нарядами для петербургскихъ дамъ и дѣвицъ къ сезону баловъ. Узнавъ, что я также собираюсь въ Россію, онъ просилъ меня быть его компаньономъ, на что я согласился. Моя выгода въ этомъ случаѣ та, что я поѣду съ нимъ изъ Варшавы въ его собственной коляскѣ, отосланной имъ туда нѣсколько дней тому назадъ, и поѣду не такъ, какъ ѣздятъ обыкновенные люди, а съ быстротою курьера. Робертъ Брандтъ передаетъ, что разъ ему пришлось прожить нѣсколько дней въ Варшавѣ за неимѣніемъ мѣстъ «съ экстра-почтой», и онъ тащился съ тяжелой почтой. Ѣхавши съ барономъ, я буду обезпеченъ въ томъ, что съ нами не случится ничего подобнаго. Невыгода же та, что баронъ нигдѣ не остановится, слѣдовательно, мнѣ не придется купить шубы въ Берлинѣ, о чемъ я передалъ барону, который тотчасъ же изъявилъ готовность уступить мнѣ свою енотовую шубу, только что выписанную имъ изъ Лейпцига. Цѣна ей 120 талеровъ. Въ Берлинѣ его ждетъ другая, также выписанная имъ изъ Лейпцига, къ тому же онъ ѣдетъ въ Петербургъ на время и снова возвратится въ Германію. Я долго удерживался принять его предложеніе, но поразмысливъ согласился, тѣмъ болѣе, что чувствую

себя не совсѣмъ здоровымъ; все-таки надежнѣе ѣхать вдвоемъ, чѣмъ одному. — Баронъ выѣзжаетъ 25 или 26 декабря с. с.

1850 годъ.

Со дня отъѣзда моего въ Лондонъ я получалъ письма отъ родныхъ и знакомыхъ, которыя и привожу ниже.

Письмо брата Валентина, адресованое въ Петербургъ. **Москва 18 мая 1850 г.** Мы писали въ Гамбургъ и Лондонъ о твоемъ отъѣздѣ. На прожитіе въ Лондонѣ можешь брать у Дреперъ не болѣе 150 ф. с., что равняется 948 р. с. Я нѣкоторые годы проживалъ не болѣе 130 ф. с. Разумѣется, если бы ты захворалъ или что-нибудь случилось съ тобою, тогда можешь превысить эту сумму... но должно беречь свое здоровье и вести себя такъ, чтобы заслужить довѣріе и уваженіе. Впрочемъ, я совершенно увѣренъ, что ты оправдаешь нашу рекомендацію. Въ Москвѣ всѣ здоровы. Маменька въ Покровское еще не переѣзжала.

Его же въ Петербургъ. Москва 22 мая 1850 г. Письмо твое къ дядѣ отъ 18 мая мы читали всѣ въ Газетномъ переулкѣ съ большимъ удовольствіемъ. Замѣтили, что ты собираешься въ будущую субботу ѣхать моремъ въ Штетинъ. Желаю тебѣ bon courage и bon voyage. Можетъ быть я навѣщу тебя въ Лондонѣ осенью и тамъ потолкуемъ съ тобой обо всемъ. Старайся пріобрѣсть столько познаній, сколько возможно.

Вчера я былъ въ Петровскомъ паркѣ у Бостанджогло, гдѣ, по случаю именинъ Елены Яковлевны, мы обѣдали и пріятно провели время. Софья Юрьевна начала пить воды; ѣздитъ каждое утро. Нашего любезнаго Павла Григорьевича (Живаго) экзамены идутъ удачно, и онъ скоро совсѣмъ отдѣлается, и тогда мы съ нимъ собираемся въ Поляну къ Костинькѣ. Наши Іозефъ и Гей похаживаютъ въ гимназію, а Чики (Владиміръ и Николай Веденисовы) буянятъ по воскресеньямъ, а въ будни притихаютъ. Маменька и всѣ родные желаютъ тебѣ быть здоровымъ, веселымъ и ѣхать припѣваючи.

Его же въ Петербургъ. Москва 24 мая 1850 г. Все, что ты пишешь относительно данныхъ тебѣ порученій Василіемъ Ивановичемъ Живаго и Семеномъ Владиміровичемъ Алексѣевымъ, сегодня же имъ сообщу.

Хорошо сдѣлалъ, что велѣлъ положить на вату свою шинель, а то на морѣ въ холодной шинели поневолѣ будешь плясать польку. Вчера мы были у Малютиныхъ и пили у нихъ чай въ саду. Григорій Александровичъ, Маменька и Елизавета Константиновна хотятъ идти пѣшкомъ къ Троицѣ.

Ивана Николаевича Усачева—въ Лондонъ. Москва 28 мая 1850 г. Желаю Вамъ отъ души всего хорошаго и полезнаго. Я рѣшаюсь Вамъ послать рекомендательное письмо къ пастору Риду, у котораго я учился англійскому языку. Онъ заслуживаетъ вполнѣ моей благодарности за его заботу, съ какою онъ старался объяснить мнѣ всѣ трудности англійскаго языка. Твердо надѣюсь впослѣдствіи получить отъ васъ за эту рекомендацію русское спасибо. Помѣщеніе, столъ, а главное его семейство вамъ понравятся, въ этомъ я увѣренъ.

Александра Ерофеевича Малютина—въ Лондонъ. Москва 1 іюня 1850 г. Съ тѣхъ поръ, какъ ты уѣхалъ, я часто о тебѣ вспоминаю. Мнѣ хотѣлось проститься съ тобой, и я спѣшилъ въ почтамтъ, но тебя тамъ уже не засталъ. Очень сожалѣю и досадую, что опоздалъ на какія-нибудь десять минутъ. Въ Сокольникахъ много хорошенькихъ, но для меня все равно, за меня отличаются Григорій Яковлевичъ Матвѣевъ и Николай Михайловичъ Бостанджогло; они ѣздятъ верхами и удивляютъ публику. Московскія новости: Семенъ Александровичъ Алексѣевъ женился на Лепешкиной; Алексѣя Петровича Алексѣева благословили на Мазуриной. Столица наша будетъ снабжена бассейнами; воду будто бы начали уже проводить изъ Мытищъ. Сестра Марья Яковлевна, братъ Павелъ Ерофеевичъ, Вас. Ив. Живаго и Григорій Яковлевичъ Матвѣевъ тебѣ кланяются.

Софіи Юрьевны Крестовниковой—въ Лондонъ. Москва 2 іюня 1850 г. Исполненное братскаго чувства, письмо это благотворно подѣйствовало на меня, уже начинавшаго тосковать по родинѣ и по близкимъ людямъ. Тѣмъ болѣе отрадно было

прочесть, что всѣ меня вспоминаютъ добромъ и шлютъ мнѣ горячія, сердечныя пожеланія здоровья, счастья и всего хорошаго. Почтенная матушка С. Ю-ны Екатерина Яковлевна велитъ расцѣловать меня, что, конечно, трудно исполнить. Я былъ съ ней въ большой дружбѣ, нѣсколько лѣтъ сряду; вмѣстѣ съ ней мы проводили лѣто въ Гельсингфорсѣ, пользуясь морскимъ купаньемъ. Софья Юрьевна передаетъ мнѣ поклоны отъ Михаила Павловича Агоро, отъ Николая, Дмитрія, Константина и Надежды Юрьевичей, отъ брата Александра Константиновича, отъ Жозефины Лонгиновны и отъ старухи няни.

Валентина Константиновича Крестовникова—въ Лондонъ. Москва 5 іюля 1850 г. Эти строки найдутъ тебя уже въ Лондонѣ. Послѣ твоего отъѣзда Григорій Александровичъ, Елизавета Константиновна и Маменька отправились пѣшкомъ къ Троицѣ, но не дошли и до половины дороги. Кто почувствовалъ боль въ спинѣ, кто не могъ двигать ногъ, и кончилось тѣмъ, что сѣли въ карету и поѣхали. Валентинъ Алексѣевичъ Куманинъ съ нѣкотораго времени страдаетъ своей болѣзнью ногъ, но теперь ему лучше.—Маменька, пріѣхавъ отъ Троицы, переселилась въ Покровское съ Іозефомъ и Геемъ, а Софья Юрьевна осталась въ Газетномъ переулкѣ и ѣздитъ по утрамъ пить воды. По обыкновенію, я часто хожу къ ней поврать. У нея теперь гоститъ Наталья Лонгиновна, сестра Любови Лонгиновны. Опера, начавшаяся еще при тебѣ, покончилась; Корбари, душка, уже не поетъ! Да что тебѣ говорить про нашу оперу! Ты въ Лондонѣ услышишь лучшую оперу въ свѣтѣ. Дачное житье въ Покровскомъ все то же. Дача у Сергѣя Аѳанасьевича вышла очень хороша, и мы пристаемъ къ нему, чтобы онъ намъ далъ балъ на новосельѣ. Фабрика у насъ двигается впередъ, и мы, а именно: я, М. П. Агоро, Павелъ Григорьевичъ Живаго, К. К. Куманинъ, Семенъ Владиміровичъ Алексѣевъ, Базиль (В. И. Живаго) и милѣйшій (Александръ Ероѳеевичъ Малютинъ) намѣрены посѣтить брата Константина въ Полянѣ.

Григорія Александровича Москвина—въ Лондонъ. Москва 21 іюня 1850 г. Письма твои, любезный Николенька, изъ Петербурга, равно одно изъ Берлина и два изъ Гамбурга,

Алексѣй Алексѣевичъ Куманинъ.

Московскій Городской Голова въ достопамятный 1812-ый годъ.

получилъ. Благодарю тебя за подробное описаніе. Съ нетерпѣніемъ жду письма изъ Лондона о твоемъ туда прибытіи. На прошлой недѣлѣ я съ Валентиномъ былъ въ Полянѣ и при насъ пошла въ ходъ паровая машина. Мнѣ понравилось все, особливо корпусъ. Почтенный Александръ Козьмичъ мастеръ строиться и тебѣ не мѣшаетъ написать къ нему и поблагодарить за его хлопоты по общему съ вами дѣлу. Будь здоровъ, пиши почаще.

Валентина Константиновича Крестовникова—въ Лондонъ. Москва 5 іюля 1850 г. Мнѣ было пріятно прочесть, что семейство Дреперъ такъ радушно приняло тебя. Эти строки, вѣроятно, найдутъ тебя у М-г Ридъ въ Чингфордѣ, гдѣ ты подвизаешься на поприщѣ англійскихъ спряженій и вокабуловъ. Помогай тебѣ Богъ! Поѣздка наша въ Поляну состоялась. Мы въ субботу отправились на Черную Грязь, тамъ ночевали, а въ воскресенье утромъ поѣхали въ Поляну, затѣмъ въ Марѳино и къ Ивану Ѳедоровичу Веретенникову и возвратились въ Москву въ понедѣльникъ въ 6 ч. утра. Другой вояжъ совершили въ Кузьминки. Въ Покровскомъ я уже съ мѣсяцъ какъ не былъ. Братъ Володя ходитъ въ Зеркальный рядъ въ нашу лавку, а Костенька находится на прядильной фабрикѣ, которая на дняхъ пойдетъ въ ходъ. Павелъ Григорьевичъ уѣхалъ въ Рязань и вернется къ зимнему сезону. Валентинъ Алексѣевичъ и Петръ Ивановичъ Веденисовъ (который жилъ тогда въ домѣ у Куманиныхъ) поправились и оба начинаютъ выѣзжать. Софья Юрьевна въ хлопотахъ за варкою варенья. Москвины собираются къ Спиридоновымъ и обѣщаютъ взять малѣйшаго Чика (Николю Веденисова, который вмѣстѣ съ братомъ своимъ Володей жили у Москвиныхъ). Не будучи вполнѣ увѣренъ—возьмутъ ли его, Чикъ проливаетъ по временамъ горькія. Въ Москвѣ тихо; одни только гулянья въ Сокольникахъ блестятъ публикою.

Александра Ерофеевича Малютина — въ Лондонъ. Москва 10 іюля 1850 г. Онъ описываетъ свою поѣздку въ Коренную ярмарку въ обществѣ своего чудака дядюшки Михаила Никифоровича Малютина. По дорогѣ заѣзжали въ

Малоярославецъ, на фабрику дяди. Отъ Орла свернули на Калугу и ѣхали живописными мѣстами. Интересное зрѣлище представляетъ перенесеніе чудотворной иконы изъ Курска въ ярмарку! Болѣе 15 тысячъ народа идетъ за иконой и каждая деревня со своимъ значкомъ. На ярмаркѣ прекрасный оркестръ графа Валькенштейна, того самаго, у котораго нашъ даровитый Щепкинъ былъ дворовымъ человѣкомъ.

Павла Григорьевича Живаго — въ Лондонъ. Рязань 22 іюля 1850 г. Теперь ты уже въ Лондонѣ и бороздишь его съ намѣреніемъ увидѣть и узнать его во всѣхъ удовольствіяхъ. Хоть и хорошо, что ты поѣхалъ заграницу, куда каждый стремится въ своемъ воображеніи, но мы недовольны тѣмъ, что не стало съ нами добраго товарища и собутыльника. Не раздается болѣе по утрамъ твой звучный голосъ и не будитъ, не вызываетъ къ чайному столу добрую мою «тетушку» — Софью Юрьевну. Она объ этомъ часто вспоминаетъ! Не забывай эскулапа, Олимпъ котораго въ Газетномъ переулкѣ.

Григорія Александровича Москвина — въ Лондонъ. Москва 29 іюля 1850 г. Мы вчера возвратились отъ Спиридоновыхъ и нашли здѣсь всѣхъ родныхъ въ добромъ здоровьѣ.

Ты не торопись переѣзжать отъ М-r Рида, чтобы поступить въ контору; постарайся сначала изучить языкъ. Радуюсь, что ты успѣваешь въ англійскомъ языкѣ, какъ меня увѣдомляютъ мои лондонскіе пріятели. Къ Спиридоновымъ мы брали съ собой малѣйшаго Чика, которому доставили тѣмъ большое удовольствіе, и на это время онъ потерялъ способность проливать «горчайшія».

Валентина Константиновича Крестовникова — въ Лондонъ. Москва. 2 августа 1850 г. Съ большимъ удовольствіемъ читаю твои упражненія въ англійскомъ языкѣ или, какъ ты называешь, твой Charivary и долженъ сказать, что ты сдѣлалъ большіе успѣхи. Полянская фабрика уже идетъ и очень кстати, такъ какъ теперь пряжа значительно дорожаетъ. Братья на ярмаркѣ. Софья Юрьевна на время ярмарки переѣхала жить въ

Петровскій паркъ; я вчера тамъ былъ и весело провелъ время. Въ Сокольникахъ былъ пикникъ, въ которомъ и я участвовалъ. Пикникъ былъ—хоть куда! Письмо твое дядѣ Александру Козьмичу переслалъ. Радъ слышать, что Джонъ Дреперъ собирается въ Россію.

Григорія Александровича Москвина къ брату нашему Александру Константиновичу—въ Нижегородскую ярмарку. Москва 16 августа 1850 г. Я имѣлъ удовольствіе получить твое письмо отъ 11 с. М.; благодарю за сообщеніе о ярмарочныхъ дѣлахъ, которыя необходимо мнѣ знать, какъ и ходъ всей торговли въ Европѣ и частью въ другихъ частяхъ свѣта. Очень радъ, что ярмарка для васъ благопріятна, особливо для пряжи, которая здѣсь поднялась на 3 р. с. въ пудѣ. Столяровъ свое Medio продаетъ 20 р. с. пудъ — деньги и пряжа въ хорошемъ требованіи. Я совѣтую на Полянской фабрикѣ работать исключительно Medio, ибо изъ Англіи пряжи въ привозѣ не будетъ, поэтому Medio должно быть въ большомъ требованіи. Потомъ, я заказалъ, чтобы пряли на Ивановскую руку на пробу Ватера 32 — 34 по сто пудовъ каждаго. Узнай хорошенько какіе номера болѣе требуются для Ивановцевъ? Мы, съ Валентиномъ Алексѣевичемъ и твоимъ братомъ Валентиномъ, ѣдемъ въ Поляну торопить, чтобы сильнѣе пряли. Теперь фабрика почти вся въ ходу. Александръ Козьмичъ машины хвалитъ и находитъ, что онѣ будутъ выпрядать болѣе, чѣмъ на другихъ фабрикахъ.

Погода у насъ жаркая. Мы каждый день бываемъ за городомъ. Разъ были въ паркѣ, гдѣ насъ угощала любезная Софья Юрьевна чаемъ, а потомъ въ воскресенье мы гуляли съ ней въ Покровскомъ и сегодня думаемъ ѣхать въ Сокольники, гдѣ она желала быть съ нами. Валентинъ за ней поѣдетъ.

Радуюсь, что мой любезный племянничекъ Володя старается тебѣ помогать, желаетъ быть человѣкомъ дѣловымъ, за что ему спасибо; поцѣлуй его за меня. А Николенька, пишутъ, сдѣлалъ чрезвычайные успѣхи въ англійскомъ языкѣ, всѣхъ удивилъ. Вчера мы были въ Покровскомъ, тамъ всѣ здоровы. Купи для насъ 10 пудовъ простого мыла для бѣлья.

17 августа. Вчера мы прекрасно погуляли въ Сокольникахъ. Пикникъ былъ на славу. Публика лучшая; иллюминація роскошная, даже долина была иллюминована цвѣтными фонарями. Мы уѣхали домой въ десять часовъ; не хотѣлось уѣзжать; но балъ вѣрно продолжался до утра. Сейчасъ ѣдемъ въ Поляну.

Константина Константиновича Крестовникова брату Александру Константиновичу въ Нижегородскую ярмарку. Поляна 20 августа 1850 г. Твое письмо съ поздравленіемъ пришло какъ разъ къ тому времени, когда мы пустили въ ходъ послѣднюю машину. Твое предложеніе поторопиться выпрядкою исполню, если успѣю привесть контору въ порядокъ и нанять вторую смѣну народа. Хотя большая часть теперь уже нанята, но недостаетъ женщинъ, а ихъ найти очень трудно. Всего выработали пока 230 пудовъ пряжи: за неимѣніемъ лампъ работу прекращаемъ рано. На дняхъ были въ Полянѣ Валентинъ Алексѣевичъ, Григорій Александровичъ и братъ Валентинъ. Мнѣ приходится заводить фабричную контору, а потому довольно трудно въ одно и то же время слѣдить за сортировкою и выходомъ съ машинъ пряжи. Приказчикъ Петра Ивановича Веденисова очень малознающъ, но трудолюбивъ; а брата Ивана Владиміровича Шестакова надо безпрестанно понукать. Ко всему этому еще капризы дядюшки! Николай Николаевичъ Емельяновъ былъ, но конторы не завелъ. Начали разсуждать съ дядею, онъ заспорилъ и сказалъ—«подумаемъ, не все же вдругъ», тѣмъ дѣло и кончилось. Емельяновъ, однако, далъ мнѣ нѣсколько совѣтовъ, за которые я ему благодаренъ.

Александра Ерофеевича Малютина—въ Лондонъ. Москва 27 августа 1850 г. Изъ твоего письма вижу, что тебѣ весело въ семействѣ пастора Рида. Ярмарка была такъ себѣ. Пропорція чая была малая, 35 тыс. ящиковъ. Семенъ Лонгиновичъ Лепешкинъ снялъ въ Китайскомъ ряду балаганъ и торговалъ чаемъ. Малютинъ Павелъ Семеновичъ купилъ 10 тысячъ пудовъ азіатскаго хлопка по 6 и 6 р. 50 к. с. пудъ. Хлопокъ сильно требовался. Несостоятельностей въ ярмаркѣ на 800 тыс. р. с. Во все время ярмарки была сильная жара. Нынѣшній годъ ярмарку посѣтили Великіе Князья Михаилъ Николаевичъ

и Николай Николаевичъ. Здѣшній губернаторъ князь Урусовъ устроилъ въ честь ихъ праздникъ на Откосѣ—въ саду, а внизу кишѣлъ народъ. Тысяча дѣвокъ водила хороводъ, пѣли два хора цыганъ и играли двѣ музыки, горѣла иллюминація и были выставлены для народа бочки съ виномъ и пивомъ. Великіе Князья прошлись по саду, затѣмъ сѣли на пароходъ и катались въ продолженіе двухъ часовъ. Берегъ былъ уставленъ горящими смоляными бочками. Иванъ Петровичъ Веденисовъ тебѣ кланяется. Онъ былъ у меня въ ярмаркѣ съ молодымъ Корсаковымъ. Василій Михайловичъ Бостанджогло, несмотря на хорошія дѣла, видимо худѣетъ тѣломъ.

Валентина Константиновича Крестовникова — въ Лондонъ. Москва 9 сентября 1850 г. Письма твои переходятъ изъ рукъ въ руки и всѣ съ удовольствіемъ ихъ читаютъ. У насъ въ Москвѣ все готовится къ нашей суровой зимѣ, которая не хуже вашихъ дождей и тумановъ. Братья съ недѣлю какъ пріѣхали изъ ярмарки, гдѣ порядочно торговали. Павелъ Григорьевичъ Живаго возвратился изъ Рязани и мы теперь проводимъ вечера въ Газетномъ обычнымъ образомъ. Пятаго сентября, въ день Захарія и Елизаветы, мы пировали въ Покровскомъ; гостей было много. Въ будущемъ мѣсяцѣ насъ ожидаетъ празднество по случаю свадьбы Константина Константиновича Куманина. Лѣтній сезонъ у насъ заключился баломъ въ Сокольникахъ, гдѣ мы съ Базилемъ (В. И. Живаго) также участвовали. У насъ всѣ здоровы. Маменька вчера переѣхала съ дачи. Всѣ тебѣ кланяются, въ томъ числѣ Иванъ Ѳедоровичъ Веретенниковъ, съ которымъ мы часто видимся и проводимъ время, слушая его забавные разсказы.

Александра Ерофеевича Малютина—въ Лондонъ. Москва 10 сентября 1850 г. 5-го с. м. я былъ на именинахъ Елизаветы Михайловны Алексѣевой въ Покровскомъ. Въ домѣ Алексѣевыхъ какая-то непонятная тоска. Въ именины гостей было до 100 человѣкъ, но подумаешь, что не болѣе двадцати. Всѣ говорятъ тихо, ходятъ на цыпочкахъ. По отъѣздѣ моемъ въ ярмарку, въ Сокольникахъ шли пикникъ за пикникомъ. Всему этому виновники Сергѣй Алексѣевичъ Мазуринъ, Сази-

ковъ и Алексѣй Владиміровичъ Третьяковъ. Самая свѣжая новость: въ Москву 8 с. м. прибылъ Государь. Онъ не долго пробудетъ; 12 с. м. отправится въ Чугуевъ, гдѣ расположены войска. Еще новость, на этотъ разъ печальная,—скончался отъ удара Сергѣй Алексѣевичъ Мазуринъ. Театральныя новости: Фанни Эльслеръ ангажирована на 60 представленій и появился новый трагикъ Полтавцевъ.

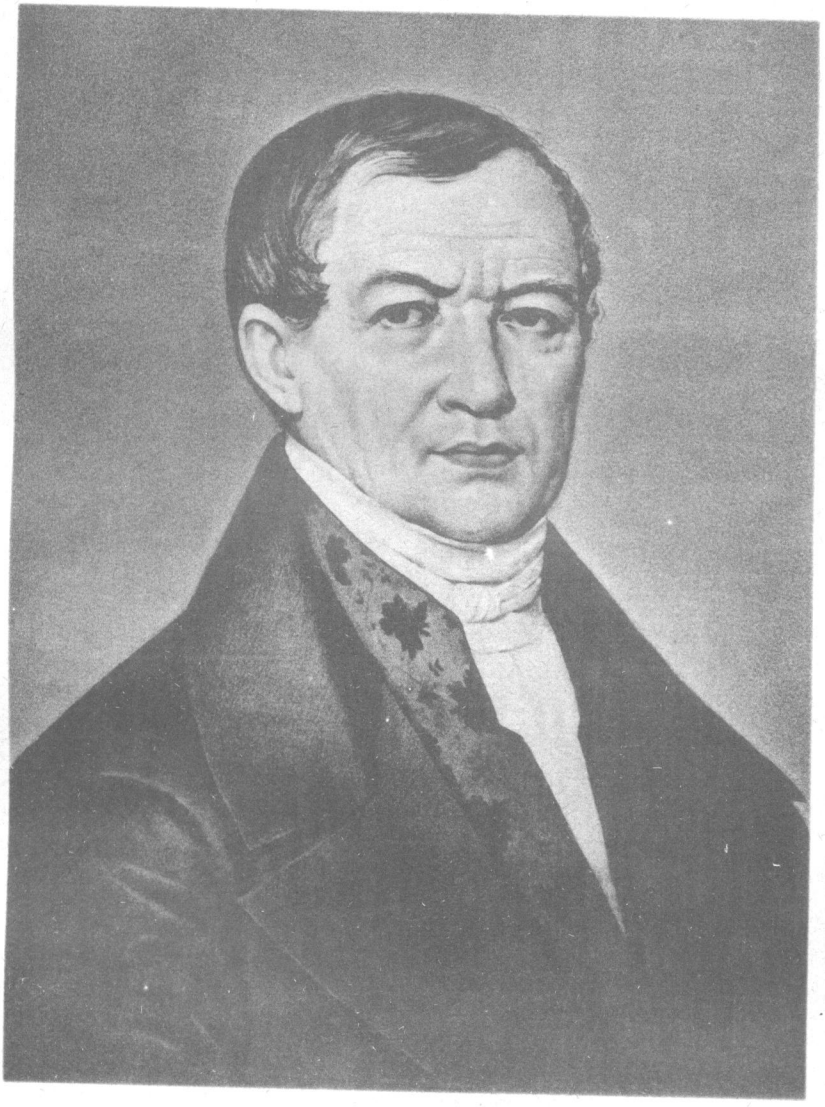
Григорія Александровича Москвина—въ Лондонъ. Москва 16 сентября 1850 г. Очень тебѣ благодаренъ за описаніе твоего житья-бытья. Послѣднее твое письмо касательно сельскаго хозяйства я послалъ въ копіи Игнатію Спиридоновичу Спиридонову. Ты въ прошломъ письмѣ писалъ, что тебѣ нужны часы. Ты можешь купить золотые. Постарайся выбрать хорошіе, чтобы они были тебѣ на долго. Можешь дать за нихъ 30 ф. с., которые ты возьмешь у Дреперъ, Пьетрони и К°; у нихъ ты окредитованъ, какъ уже тебѣ извѣстно. Письмо твое къ маменькѣ послалъ сегодня, а завтра—день ея Ангела. Хорошо, что ты вспомнилъ. Завтра мы будемъ у нея обѣдать.

Моей матушки Надежды Александровны Крестовниковой—въ Лондонъ. Москва 27 сентября 1850 г. Благодарю тебя за поздравленіе. Въ день моихъ и Сонички именинъ мы дѣлали обѣдъ; было до 50 человѣкъ и въ томъ числѣ «милѣйшій» Александръ Ероѳеевичъ Малютинъ. День этотъ мы провели въ кругу родныхъ и близкихъ знакомыхъ. Жаль, что тебя не было! Была также Аннетъ Кисловская; она съ мужемъ пріѣхала изъ Петербурга 3 с. м. и 26 с. м. уѣдетъ. Она тебя поминала, какъ ты у нихъ былъ въ Петербургѣ.

Такъ какъ я первый разъ собралась тебѣ писать, то начну съ твоего отъѣзда. Памятна мнѣ минута прощанія! Тебѣ было не легко съ нами прощаться, но въ утѣшеніе тебѣ скажу: вспомни, какъ ты желалъ попасть въ Лондонъ и вотъ, наконецъ, желаніе твое исполнилось!

Григорій Александровичъ собирается заграницу въ будущемъ году и приглашаетъ меня съ собою. Всѣ шутятъ, что мудрено подумать, чтобы Надежда Александровна поѣхала въ Лондонъ и въ Парижъ! Я тебя спрашиваю — ты также этому

28



Константинъ Алексѣевичъ Куманинъ.

не вѣришь? Чтожъ, поѣду глядѣть глазами, а языкъ можетъ молчать.

Проводивъ тебя, я поѣхала въ Покровское съ Сергѣемъ и Осинькой и жила тамъ, слава Богу, хорошо — не весело, да пріятно,—вмѣстѣ съ своими сестрами Елизаветою Александровной и Екатериною Александровной. Въ Москву переѣхала 6-го сентября. Сережу перевели во 2-й классъ первымъ ученикомъ. Онъ поддержалъ своихъ братьевъ! Осеньку перевели въ 4-й классъ, а какимъ ученикомъ—не знаю; онъ утаиваетъ. Ульянъ Ивановичъ Вейхлеръ, нашъ репетиторъ студентъ, лѣто провелъ у Конивальскихъ, а теперь живетъ на квартирѣ.

Александра Константиновича Крестовникова—въ Лондонъ. Москва 27 сентября 1850 г. Много виноватъ, что такъ долго не писалъ тебѣ, но ты знаешь, что мы съ Володенькой были въ ярмаркѣ, гдѣ торговали порядочно и Володенька исправлялъ твою должность очень хорошо и безъ ошибокъ, за что ему честь и слава! Пріѣхавъ въ Москву, фабрику нашелъ въ полномъ ходу и пряжа уже продавалась съ пользою, что меня очень радуетъ, ибо я былъ въ этомъ предпріятіи ревностнымъ сотрудникомъ. Соня тебѣ кланяется и часто вспоминаетъ о тебѣ.

Софіи Юрьевны Крестовниковой — въ Лондонъ. Москва 3 октября 1850 г. Она сообщаетъ, что̀ ея дядя Михаилъ Павловичъ Агоро опасно боленъ, что свадьба К. К. Куманина съ Машенькой Веденисовой должна быть около 15-го октября. Машеньку узнать нельзя, такъ она сбита разными учителями, которыхъ беретъ ей Куманинъ, чтобы преподать ей «умѣнье жить».—Вмѣсто этихъ учителей я посовѣтовала бы ему сблизить Машеньку съ Софьей Ѳедоровной Куманиной, умной и хорошо понимающей жизнь.

Въ февралѣ мѣсяцѣ сообщу тебѣ новость, которая, если ты меня любишь, должна обрадовать тебя, потому что я сама схожу съ ума отъ радости!

Григорія Александровича Москвина — въ Лондонъ. Москва 4 октября 1850 г. Изъ послѣдняго твоего письма я вижу, что тебѣ оставаться въ Чингфордѣ больше нечего. По-

ступивъ въ контору, ты постараешься научиться всему, что нужно для коммерческаго человѣка. Сегодня любезный Валентинъ пишетъ Джону Дреперъ, прося его помѣстить тебя къ нимъ въ контору и устроить тебѣ квартиру. Поэтому, не теряя времени, повидайся съ нимъ и переговори. Въ прошломъ письмѣ я писалъ тебѣ, что ты можешь купить себѣ часы въ 30 ф. с. Надѣюсь, что ты пріобрѣлъ уже ихъ и хорошаго достоинства. (Эти часы я купилъ у Дента № 15162 и ношу 53 г. безъ починки. Н. К.).

Валентина Константиновича Крестовникова — въ Лондонъ. Москва 14 октября 1850 г. Твое англійское письмо отъ 30 сентября принесло мнѣ большое удовольствіе. Ты пишешь, на что больше обращать вниманія въ конторскихъ занятіяхъ? Вотъ тебѣ мой совѣтъ. Старайся сдѣлаться хорошимъ корреспондентомъ, обращай вниманіе на составленіе фактуръ и на расходы, дѣлаемые при покупкѣ, продажѣ и погрузкѣ товаровъ, ибо, по обычаю, всегда приписываютъ въ фактурахъ лишніе расходы; потомъ, изучи отношенія твоихъ принципаловъ со своими банкирами—какъ поступаютъ они, когда имъ нужны деньги. Обрати вниманіе на обычаи и порядки Лондонскаго рынка и выучи ихъ наизусть. Пріобрѣти знаніе сортовъ товара, что въ Лондонѣ сдѣлать легче, чѣмъ гдѣнибудь.

Фабрика въ Полянѣ идетъ весьма удовлетворительно и пряжа хороша; только дядя не ладитъ съ братомъ Константиномъ попрежнему и до того раскапризничался въ послѣднее время, что захворалъ; однако, теперь ему лучше.

Валентина Константиновича Крестовникова—въ Лондонъ. Москва 7 ноября 1850 г. Любезный Коленька! Сейчасъ получили твое письмо, адресованное маменькѣ, которое повезу въ Газетный и тамъ его прочтемъ. Изъ твоего письма замѣтилъ, что ты уже переселился въ Лондонъ и ходишь въ контору; отъ души тебѣ желаю успѣха. У насъ въ Москвѣ недавно померъ Петръ Семеновичъ Алексѣевъ. Въ Газетномъ всѣ здоровы. Мы часто туда собираемся поиграть въ преферансъ или поболтать. Почетные члены этихъ собраній Базиль

(Василій Ивановичъ Живаго) Павелъ Григорьевичъ Живаго и прибывшій въ Москву Ванинька (Иванъ Петровичъ Веденисовъ). Они всѣ тебѣ кланяются. Фабрика у насъ идетъ удовлетворительно, только теперь стали поговаривать о перемѣнѣ таможеннаго тарифа, что, разумѣется, весьма непріятно фабрикантамъ. Дядюшка Александръ Козьмичъ все хвораетъ и теперь слабъ, но, впрочемъ, болѣзнь не опасная и надо думать, что онъ скоро поправится. Свадьба Куманина совершилась. Съ наступленіемъ зимы всѣ наши пикники прекратились и всѣ душки сидятъ по домамъ, а потому водворились опять дамы червонныя и бубновыя и мы постоянно козыряемъ часовъ до 11 вечера. Баловъ и вечеровъ зима намъ обѣщаетъ мало. Я ожидаю Джона Дреперъ, какъ онъ писалъ, въ ноябрѣ или декабрѣ.

Въ дѣлахъ, вообще, тихо. Сало въ Россіи 9 р. 50 к. асс., что будетъ стоить 110 р. с. за берковецъ въ Петербургѣ.

Владиміра Константиновича Крестовникова—въ Лондонъ. Москва 20 ноября 1850 г. Въ маѣ маменька переѣхала въ Покровское. Алексѣевы жили уже тамъ. Живаго переѣхали позже въ свою новую дачу при входѣ на Гладенькую дорожку. Я и Софья Юрьевна жили въ Москвѣ. Она каждое утро ѣздила на воды съ Наталіею Лонгиновной, а иногда съ Надеждою Андреевной Ягодкиной. Кромѣ того, почти жили у насъ Павелъ Григорьевичъ Живаго и Николенька Миліоти. Валенька навѣщалъ насъ каждый вечеръ. Какъ ты видишь, у насъ было молодое и веселое общество, и тяжелы были намъ тѣ дни, когда мы принуждены были любоваться картиною автоматовъ въ Покровскомъ, въ семействѣ Алексѣевыхъ. По вечерамъ, когда бывала музыка въ Александровскомъ саду, я ходилъ туда одинъ или со всѣми. По воскресеньямъ мы ѣздили въ Петровскій паркъ, а оттуда къ вечеру заѣзжали иногда въ Покровское. Ты не можешь себѣ представить, въ какомъ безжизненномъ состояніи пребывало въ это лѣто Покровское! Довольно часто я посѣщалъ Куманиныхъ, гдѣ постоянно находилъ радушный пріемъ. Тетушка всегда обласкаетъ, угоститъ фруктами, даже нѣсколько разъ пускала въ грунтъ.

Теперь настала осень—время свадебъ. Женился Петръ Петровичъ Куманинъ. Онъ вѣнчался въ жилетѣ съ брилліантовыми пуговицами, а у невѣсты башмаки съ такими же пуговицами. Потомъ женился Константинъ Константиновичъ Куманинъ; свадьба была настоящій шикъ, хотя не понравилась старикамъ.

Дядя Александръ Козьмичъ вотъ уже болѣе мѣсяца нездоровъ, не ходитъ въ контору, и всѣ дѣла ведетъ Сашенька. Василій Михайловичъ Бостанджогло женился въ Одессѣ на небогатой дѣвицѣ, у которой отецъ-итальянецъ еще живъ, а мать-русская уже умерла. Сергѣй Алексѣевичъ Мазуринъ и Петръ Семеновичъ Алексѣевъ распростились съ здѣшнимъ свѣтомъ и передали свои богатства дѣтушкамъ. О смерти Мазурина тебѣ писали, а Петръ Семеновичъ Алексѣевъ померъ на балу у Рыбниковыхъ. Сидя въ гостиной, онъ почувствовалъ себя дурно, ушелъ въ другую комнату, принялъ содовый порошокъ, затѣмъ вскорѣ упалъ мертвымъ отъ разрыва сердца.

Братъ Сергѣй получилъ первой степени награду. Маменька сама присутствовала на торжественномъ актѣ въ 3-ей Реальной гимназіи.

Александра Ероееевича Малютина—въ Лондонъ. Москва 30 ноября 1850 г. Пишетъ о своей хандрѣ, о смерти нашего дяди Александра Козьмича, затѣмъ, переходитъ къ описанію бала у Александра Константиновича Куманина по случаю его именинъ. Балъ былъ, пишетъ онъ, очень веселый, особенно послѣ ужина. Григорій Александровичъ Москвинъ, маклеръ Фе и Кнопъ танцовали мазурку. Былъ также Пьеръ де-Пари со своею женой. Братъ твой Валентинъ очень хорошо замѣтилъ, что жена его похожа на русалку по локонамъ, а онъ на портного по костюму и мерзкой физіономіи. Весь вечеръ портной сидѣлъ съ русалкой и не отходилъ отъ нея ни на шагъ! Въ числѣ кавалеровъ былъ сынъ Сатіаса, малый славный. Пьеръ подозвалъ къ себѣ Константина Куманина и говоритъ: «ты можешь подводить къ моей женѣ кавалеровъ только не въ родѣ Сатіаса», какъ будто портной Сатіасъ можетъ быть хуже Пьера Куманина!

29

Сергѣй Аѳанасьевичъ Живаго.

14 декабря с. с. 1850 г. я получилъ письмо отъ брата **Валентина Константиновича** съ припискою дядюшки Григорія Александровича Москвина.

Москва 1 декабря 1850 г. Пишу тебѣ письмо это съ горестною необходимостью извѣстить тебя о кончинѣ нашего любезнаго дядюшки Александра Козьмича, послѣдовавшей послѣ семинедѣльной болѣзни 26 ноября с. г.

Такъ какъ теперь дѣла нашей фирмы должны быть приведены къ окончанію, что мы и надѣемся съ Божіей помощью благополучно исполнить, и такъ какъ новыя дѣла и новая фирма должны быть открыты нами, то твое присутствіе здѣсь необходимо и потому прошу, по полученіи сего письма, собираться къ отъѣзду. Относительно того, какой избрать путь, посовѣтуйся съ Робертомъ Брандтомъ; во всякомъ случаѣ, отъѣздомъ не медли и въ дорогѣ поспѣшай. Прилагаю здѣсь реестръ вещамъ, которыя ты купишь и привезешь съ собой. Родные всѣ здоровы и ожидаютъ твоего пріѣзда. Фабрика работаетъ попрежнему и, вообще, въ дѣлахъ, въ силу условія нашей фирмы, остановки никакой нѣтъ. Ожидаю твоего пріѣзда и желаю тебѣ быть здоровымъ.

Письмо это я получилъ въ день моей хворости, когда я сидѣлъ въ своей квартирѣ.

Приписка Григорія Александровича Москвина. Мы лишились почтеннаго Александра Козьмича и скорбимъ объ его потерѣ. Ты знаешь, какъ всѣ его любили! И тебя письмо это опечалитъ, но ты не предавайся печали, а лучше помолись о упокоеніи его доброй души.

Дѣла вашей фирмы состоятъ въ порядкѣ, однако, не безъ хлопотъ. Чтобы привести ихъ въ еще большій порядокъ, братъ твой Александръ теперь очень занятъ и, дабы облегчить его, ты долженъ пріѣхать въ Москву на нѣкоторое время, а главное, надо вамъ будетъ учредить новую фирму; затѣмъ мы съ тобою пустимся путешествовать! Очень жаль, что тебѣ пришлось мало пробыть въ конторѣ, но все-таки хорошо, что ты теперь имѣешь какое-нибудь понятіе о конторскихъ дѣлахъ Лондона. Отъѣздомъ поторопись.

Лондонъ 6 января н. с. или 25 декабря с. с. 1850 г. Понедѣльникъ 7 часовъ утра.

Имѣю честь увѣдомить Васъ, что сегодня, 6 января н. с. въ 6 ч. вечера ѣду. Приходите ко мнѣ и пришлите Вашъ чемоданъ.

Вашъ покорный слуга П. Штиглицъ.

И вотъ, наконецъ, пришелъ часъ возврата во-свояси! Г-нъ Штиглицъ, племянникъ нашего петербургскаго банкира, служитъ въ русскомъ посольствѣ въ Англіи и отправляется въ Петербургъ въ качествѣ курьера съ разными модами для петербургской аристократіи къ праздникамъ и баламъ зимняго сезона. Онъ оказался прекраснымъ товарищемъ въ дорогѣ. Мы ѣхали на Кале, Лиль, потомъ по желѣзной дорогѣ на Берлинъ, Бреславль и оттуда на почтовыхъ до Петербурга.

1851 годъ.

Василія Ивановича Плотникова — ко мнѣ въ Москву. С.-Петербургъ 10 февраля 1851 г. Изъ пріятнаго письма Вашего отъ 29 января с. г. вижу Ваше раскаяніе, но прошу Васъ, любезный другъ, не думать и не воображать, чтобы я могъ на Васъ сердиться. (Надо замѣтить, что, торопясь въ Москву, я останавливался въ Петербургѣ на короткое время и не навѣстилъ почтеннаго старичка). Я помню, какъ мы съ Вами дружески распрощались въ Кронштадтѣ на пароходѣ. Точно, я съ нетерпѣніемъ желалъ Васъ видѣть на возвратномъ пути и взглянуть—совершенно ли Вы стали энглишъ-джентельменомъ и перехватили ли Вы всю англійскую складку. Также хотѣлось мнѣ услышать отъ Васъ свѣжія англійскія новости и что же вышло: «по усамъ текло, а въ ротъ не попало!»

Дмитрія Максимовича Бланшанъ—ко мнѣ въ Москву Лондонъ 19 марта с. с. 1851 г. (Бланшанъ—мой товарищъ по лондонской жизни. Я нанималъ съ нимъ квартиру (Alfred place) пополамъ. Замѣчательна его національность. Отецъ у него—французъ, мать—нѣмка, самъ онъ родился въ помѣстьѣ,

Александръ Егоровичъ Найденовъ.

въ Курской губерніи, гдѣ отецъ его былъ управителемъ. По болѣзненному состоянію новорожденнаго его поспѣшили окрестить и, за неимѣніемъ по близости католическаго священника, окрестили въ православіе. Теперь онъ русскій подданный, живетъ около 54 лѣтъ въ Лондонѣ; въ настоящее время работаетъ на лондонской фондовой биржѣ).

Другъ мой Крестовниковъ! Я рѣшился послѣдовать твоему дружескому совѣту и останусь пока въ Лондонѣ... На дняхъ я получилъ письмо отъ матушки. Она пишетъ мнѣ, что ты обѣщался навѣстить ихъ, какъ только получишь отъ меня письмо. Зайди же къ нимъ, пожалуйста, и увѣдомь ихъ о моемъ рѣшеніи остаться здѣсь еще на нѣсколько лѣтъ. По желанію Роберта Брандта (который впослѣдствіи женился на Кети Матвѣевой) я переѣхалъ къ нему и живу съ большимъ комфортомъ. Недавно видѣлъ Матвѣевыхъ. Всѣ съ сожалѣніемъ вспоминаютъ о тебѣ and send their love to dear Крестовниковъ. Вспоминали также исторію съ поцѣлуемъ... Помнишь? Константинъ Матвѣевъ также посылаетъ тебѣ поклонъ.

Ты долженъ знать, но не разсказывай объ этомъ матери моей, что Octave Foa мнѣ отказалъ по причинѣ застоя въ дѣлахъ. Брандтъ предложилъ мнѣ мѣсто въ своей конторѣ. У Шредера есть, кажется, также вакантное мѣсто. Въ слѣдующемъ письмѣ сообщу о результатѣ.

Морскіе офицеры Лисянскій и Шестаковъ все еще живутъ въ Golden square, гдѣ я ихъ иногда навѣщаю. Они благодарятъ тебя за передачу въ Военное Министерство ихъ посылку (часы) адмиралу Лазареву. Весьма часто бываю въ нашей посольской церкви и слушаю тамошнихъ пѣвчихъ, которые иногда такъ поютъ, что не въ силахъ удержаться отъ смѣха. У Евгенія Ивановича Попова давно не встрѣчалъ оригиналовъ изъ Россіи, въ родѣ курьера Иностранцева; новыхъ пріѣзжихъ никого не было. Сезонъ здѣсь уже начался и чрезъ мѣсяцъ откроется «Хрустальный дворецъ».

Мое второе заграничное путешествіе.

Въ началѣ мая 1851 г. дядя Григорій Александровичъ Москвинъ съ женою Елизаветою Константиновной, съ Софьей Юрьевною Крестовниковой и со мною, какъ человѣкомъ, знающимъ англійскій языкъ, отправился на Всемірную Лондонскую Выставку. До Петербурга мы ѣхали такъ: до Твери по открывшейся тогда Николаевской желѣзной дорогѣ, а отъ Твери до Петербурга въ дилижансѣ. Далѣе до Варшавы также въ дилижансѣ, а отъ Варшавы по желѣзной дорогѣ на Дрезденъ, Берлинъ, Франкфуртъ на Майнѣ. Отсюда продолжали свое путешествіе на пароходѣ—Майнцъ, Кёльнъ. Въ Кёльнѣ снова сѣли на желѣзную дорогу и благополучно прибыли въ Парижъ. Обратно же ѣхали на Страсбургъ, Мюнхенъ, Берлинъ, Штетинъ и изъ Штетина моремъ на пароходѣ «Владиміръ» до Петербурга, откуда прибыли въ Москву въ половинѣ сентября.

Въ этотъ разъ у меня остались въ памяти остановки въ Дрезденѣ: осмотръ знаменитой дрезденской галлереи и Grüne Gevölbe съ разными археологическими, и средневѣкового искусства, рѣдкостями; прогулка въ коляскѣ по Саксонской Швейцаріи, прогулка въ вечернее время при иллюминаціи на Брюлевской террасѣ, осмотръ собора, гдѣ на хорахъ въ самомъ куполѣ, въ отмѣченномъ на стѣнѣ мѣдною полоскою пунктѣ, замѣчательна по своей чувствительности акустика—разговоръ шопотомъ ясно слышенъ на противоположной сторонѣ громаднаго купола.

20 мая мы были уже въ Парижѣ, гдѣ провели весь іюнь мѣсяцъ; іюль провели въ Лондонѣ на выставкѣ, а августъ опять въ Парижѣ.

Елизавета Константиновна Москвина.

Лондонская Всемірная Выставка 1851 г., какъ первая въ этомъ родѣ и притомъ въ хрустальномъ дворцѣ, сооруженномъ изъ желѣза и стекла, сильно заинтересовала европейскую публику, а потому стеченіе народа въ Лондонѣ было особенно велико.

Дорогою, добродушный нашъ дядюшка, мущина высокаго роста, тучный, подвижной, всегда веселый, не стѣснялся плохимъ знаніемъ иностранныхъ языковъ, выражаясь иногда совсѣмъ невпопадъ. Онъ внушалъ какое-то почтеніе кондукторамъ на германскихъ желѣзныхъ дорогахъ и пользовался ихъ особеннымъ благоволеніемъ, можетъ быть и потому, что онъ обдѣлялъ ихъ дорогими гаванскими сигарами, а извѣстно, какъ нѣмцы цѣнятъ хорошія сигары! Словомъ, они особенно внимательно относились къ нему и называли его «гросфатеромъ». Когда бывало онъ задерживался въ буфетѣ или въ «абтриттѣ», что часто съ нимъ случалось, кондуктора при отходѣ поѣзда кричали: der Grossvater ist noch nicht da! и бѣгали его отыскивать.

Въ Парижѣ дядюшка носилъ бѣлый цилиндръ и разъ въ Аньерѣ (загородное мѣсто) мы пообѣдали и выпили порядкомъ; затѣмъ, наша многочисленная и шумная компанія отправилась гулять. На улицѣ подхватили насъ мальчишки (gamins) и послѣдовали за нами, скача и распѣвая пѣсни. Дядюшка бросилъ имъ нѣсколько монетъ и велѣлъ имъ пѣть Марсельезу, которая при царствовавшемъ тогда Наполеонѣ III была строго запрещена. Мальчишки спѣли и долго кричали vive chapeau blanc! Съ тѣхъ поръ вся наша компанія въ шутку звала нашего милаго дядюшку «chapeau blanc». Впрочемъ, пѣніе мальчишекъ не обошлось безъ полицейскаго комиссара, пригрозившаго имъ и предложившаго намъ по позднему времени лучше идти на вокзалъ желѣзной дороги и отправляться домой.

Во Франціи дядюшка кстати и некстати повторялъ въ разговорѣ на своемъ ломаномъ французскомъ языкѣ полюбившуюся ему фразу — «c'est la meme chose», и, бывало, Семенъ Владиміровичъ Алексѣевъ, бывшій непремѣннымъ членомъ нашей компаніи, приходя къ намъ утромъ, обращался къ дядюшкѣ съ вопросомъ: «ну, нашъ милый c'est la meme chose, куда сего-

дня отправимся?» и т. д. — Николай Ивановичъ Четвериковъ, бывшій также въ нашей компаніи, все возился съ какою-то вновь изобрѣтенною машиной, дѣлающею съ быстротою молніи крючки для дамскихъ платьевъ. Онъ повезъ эту машину въ Москву, но что съ нею сталось — неизвѣстно. Встрѣчался съ нами также Гаврила Гавриловичъ Солодовниковъ, но онъ чуждался нашей компаніи и важничалъ тѣмъ, что посѣщаетъ писательницу Жоржъ-Зандъ.

Въ своемъ письмѣ къ братьямъ отъ 3 іюля 1851 г. я писалъ слѣдующее. Мы теперь въ Парижѣ. Ужасная жизнь! Съ утра до ночи слоняемся по магазинамъ, ресторанамъ, картиннымъ галлереямъ.

Сегодня были въ русской церкви. Наши русскіе и въ церкви говорятъ по-французски! По вечерамъ то въ циркѣ, то въ театрѣ. На дняхъ слушали оперу «Пророкъ», пѣла Альбони— что за голосъ!—Къ довершенію всего Николай Ивановичъ Четвериковъ увлекъ насъ въ «Мобиль»; съ нами былъ нашъ чичероне итальянецъ Буяти; по дорогѣ мы заѣхали въ «Moulin Rouge», отлично пообѣдали, выпили двѣ бутылки Моэтъ и явились навеселѣ въ Мобиль. Видимъ, танцуютъ кадриль, ноги и руки выдѣлываютъ такія движенія, что и распознать нельзя, что это за танецъ! Мы объѣздили всѣ загородныя мѣста Парижа, видѣли многихъ русскихъ, прибывающихъ сюда съ Лондонской Выставки.

Іюль мѣсяцъ мы провели въ Лондонѣ. Тамъ въ то время пѣли лучшіе пѣвцы итальянской оперной труппы, а во французскомъ театрѣ играла знаменитая Рашель. Въ Лондонѣ мы встрѣтились съ Алексѣемъ Михайловичемъ Плешановымъ, Василіемъ Петровичемъ Подсосовымъ, Николаемъ Михайловичемъ Полежаевымъ, Василіемъ Ивановичемъ Якунчиковымъ и др. и всей мужскою половиной нашей компаніи ѣздили въ Манчестеръ и были въ Ольдгэмѣ на механическомъ заводѣ Гиббертъ-Платъ. Плешановъ и Подсосовъ явились изъ Россіи въ ужасныхъ костюмахъ и Николай Михайловичъ Полежаевъ, перенявшій всѣ англійскія ухватки, но умѣвшій говорить только «I say!» долго ѣздилъ съ ними по портнымъ и магазинамъ; наконецъ, мы уви-

дали ихъ облеченными въ платье европейскаго покроя, бѣлоснѣжное бѣлье и даже въ перчатки! В. И. Якунчиковъ задалъ намъ въ Лондонѣ обѣдъ, на которомъ, подражая англичанамъ, всѣ состязались въ произнесеніи рѣчей; особенно неистощимъ былъ Алексѣй Михайловичъ Плешановъ. Рѣчи произносились сначала порознь, а въ концѣ обѣда желающихъ слушать не оказалось, заговорили всѣ вмѣстѣ и кончилось тѣмъ, что поставили Подсосова на шкафъ и требовали, чтобы онъ оттуда сказалъ намъ рѣчь. Содержаніе ея не помню, да и было ли въ ней какое-нибудь содержаніе, но помню, что снимать его со шкафа было очень трудно, тѣмъ болѣе трудно, что всѣ мы были въ градусѣ.

Августъ мѣсяцъ мы снова провели въ Парижѣ, наслаждаясь, какъ умѣли, парижскою жизнью. Выдающимся событіемъ были тамъ праздники для иностранцевъ съ маневрами французскихъ войскъ. Маневры эти на Марсовомъ полѣ, съ тогдашнимъ президентомъ Наполеономъ III во главѣ, мы имѣли удовольствіе видѣть и заплатить за это удовольствіе преизрядную сумму франковъ.

Д. М. Бланшанъ ко мнѣ въ Парижъ. Лондонъ 26 іюля с. с. 1851 г. Спасибо, что, несмотря на развлеченія парижской жизни, ты вспомнилъ о скучающемъ Бланшанѣ и прислалъ мнѣ письмецо. Съ тѣхъ поръ какъ Woburn place (мѣсто гдѣ мы жили въ Лондонѣ) опустѣлъ, коварный Альбіонъ мнѣ совсѣмъ опостылѣлъ. Несчастный Джонъ Дреперъ не менѣе меня горюетъ и если бы могъ, то, навѣрное, уѣхалъ бы къ вамъ въ Парижъ. Такъ какъ мы всегда бывали у васъ въ Лондонѣ вмѣстѣ, то теперь невольно ищемъ другъ-друга, чтобы поговорить о минувшемъ. Ахъ, какъ я желалъ-бы быть теперь въ Парижѣ, поболтать съ тобой и вспомнить о Чингфордѣ!

— Бланшанъ и Джонъ Дреперъ побывали у насъ въ Парижѣ и весело провели время.

Д. М. Бланшанъ ко мнѣ въ Москву. Лондонъ 24 сентября с. с. 1851 г. Приказавъ служанкѣ затопить каминъ, я сижу теперь за столомъ и пишу тебѣ. Огонь пылаетъ такъ ярко и весело, невольно привлекаетъ глаза и, смотря на него, мы-

сли одна за другой проходятъ въ моей головѣ и напоминаютъ мнѣ о быстротечности жизни. Давно ли, подумаешь, мы всѣ были здѣсь, и я проводилъ у васъ вечера; давно ли видѣлись вторично въ Парижѣ... и вотъ уже насталъ холодъ, приближается печальная зима. Отъ Джона, съ которымъ я часто вижусь, слышалъ, что вы благополучно возвратились въ Москву. Доволенъ ли ты теперь? Скажи мнѣ откровенно, ибо я сомнѣваюсь въ этомъ. У тебя такой же характеръ, какъ и у меня—всегда чего-то желающій и никогда не удовлетворяемый. Что касается меня, то я старался разсѣяться и позабыть впечатлѣнія послѣдней моей поѣздки въ Парижъ. Невольно я искалъ общества Джона и почти ежедневно убивалъ съ нимъ время, но и это надоѣло, и скука опять овладѣла мною.

Съ недѣлю тому назадъ былъ здѣсь младшій сынъ Гольцгауера и привезъ мнѣ письмо отъ моей матери. Лондонскія новости: Katy Матвѣева выходитъ замужъ за Роберта Брандта, свадьба будетъ въ январѣ. Трудно рѣшить, выходитъ ли она за него по любви? Что до него, то онъ ее любитъ навѣрно. M-me Матвѣева рада и, вообще, эта неожиданная новость всѣхъ обрадовала. Ну, а ты, несчастливецъ, что скажешь о томъ? Если правда, что ты къ ней былъ неравнодушенъ, то могу себѣ представить, какъ ты принялъ эту новость!

Д. М. Бланшанъ ко мнѣ въ Москву. Лондонъ 3 октября с. с. 1851 г. Хрустальный дворецъ Всемірной Выставки закрылся. Въ послѣдніе дни всѣ спѣшили бросить послѣдній взоръ на его сокровища, и ты можешь представить себѣ, какое огромное число посѣтителей перебывало въ немъ!

Константинъ Матвѣевъ уже вышелъ изъ Банка и 13 октября с. с. отправляется въ Петербургъ.

Якунчиковъ В. И. въ Парижѣ и пробудетъ тамъ три мѣсяца. Семейство Дрепера въ вожделѣнномъ здравіи. Старикъ болтаетъ и кричитъ попрежнему и очень меня забавляетъ, когда начинаетъ разсуждать о политикѣ. Я этого старичка люблю и часто хожу къ нему въ домъ. Такое семейство между англичанами рѣдко найдешь!

Григорію Александровичу, Елизаветѣ Константиновнѣ и

32

Дмитрій Максимовичъ Бланшанъ.

(Снимокъ 1903 года).

Софьѣ Юрьевнѣ прошу передать мой нижайшій поклонъ. Послѣднимъ поцѣлуй ручки за меня.

1852 годъ.

Д. М. Бланшанъ—ко мнѣ въ Москву. Лондонъ 25 марта с. с. 1852 г. Онъ сообщаетъ, что Джонъ Дреперъ возвратился изъ Москвы и видимо поправился здоровьемъ.

Мы, пишетъ онъ, много толковали про матушку-Москву, которую онъ очень хвалитъ. Онъ находитъ, что московская жизнь гораздо пріятнѣе петербургской и желалъ бы каждый годъ проводить зиму въ вашемъ кругу — вѣрно порядкомъ пожуировалъ у васъ!

Сейчасъ получилъ твое письмо. Спасибо тебѣ за московскія новости, описанныя тобою такъ прекрасно и живо—сто разъ спасибо; я читалъ ихъ съ особеннымъ наслажденіемъ. Что касается до меня, то я все еще живу на старый, тебѣ извѣстный, ладъ: весьма скромно и уединенно, часто вспоминаю прошедшее, задумываюсь о будущемъ, строю воздушные замки и снова ихъ разрушаю... Ни здѣшніе театры, ни казино—не въ моемъ вкусѣ; хожу по воскресеньямъ, обыкновенно, къ Дреперу, а къ другимъ знакомымъ рѣдко, потому что бесѣда ихъ мнѣ не по душѣ.

Мѣстомъ у Прена я доволенъ, но, несмотря на то, я не хочу и не могу остаться въ Англіи! Почему? Излишне тебѣ говорить! Кромѣ того, мать моя проситъ, чтобъ я возвратился. Постарайся найти мнѣ мѣсто въ Москвѣ, въ хорошей купеческой конторѣ—корреспондентомъ на французскомъ, нѣмецкомъ, англійскомъ, итальянскомъ и, конечно, русскомъ языкѣ. Желалъ бы получить жалованья 1200 р. въ годъ. Попроси Григорія Александровича и Семена Владиміровича! Итакъ, прощай, мой другъ, можетъ-быть до свиданія. Надежда—величайшее благо на землѣ! Надежда скоро увидѣть родныхъ и васъ утѣшила меня! Кланяйся всѣмъ, а у дамъ поцѣлуй за меня ручки. Здѣшніе твои знакомые посылаютъ тебѣ поклонъ.

Софьи Юрьевны Крестовниковой—ко мнѣ въ Нижегородскую ярмарку. Москва 11 августа с. с. 1852 г. Благодарю тебя за память и за твои письма, въ которыхъ я теперь очень нуждаюсь. Катя, славу Богу, еще жива, но что это за жизнь: лежитъ какъ пластъ и только слышно одно дыханіе да стоны, когда до нея дотронешься. Докторъ продолжаетъ ѣздить, но не даетъ лѣкарствъ, надѣясь на Бога и на натуру. Теперь же у нея пошли красныя пятна по всему тѣлу. Невозможно видѣть страданіе этого милаго ребенка!

1854 годъ.

Сергѣя Константиновича Крестовникова—ко мнѣ въ Казань. Москва 26 января 1854 г. Новости. Пьеръ де-Пари (Куманинъ Петръ Петровичъ) отправленъ въ Одессу для излѣченія. Болѣзнь его заключается въ мотовствѣ. Онъ прожилъ весь женинъ капиталъ и если бы его жена, Александра Васильевна, не скупила векселей у его дульциней, открывъ, такимъ образомъ, продѣлки мужа, то онъ спустилъ бы и капиталъ отца. Петръ Ивановичъ, его отецъ, не велѣлъ ему возвращаться изъ Одессы и ожидать помилованія, а самъ выплатилъ Марьѣ Ивановнѣ Усачовой и Александрѣ Васильевнѣ Куманиной прожитый его сыномъ ихъ капиталъ.

На дняхъ было благословеніе образомъ Александры Ивановны Ашуркиной, живущей у тетушки, Татьяны Александровны Куманиной, съ Майтовымъ, приказчикомъ Алексѣевыхъ, и, по этому случаю, у Куманиныхъ были Анна Герасимовна и Семенъ Петровичъ съ Анисьей Александровной.

Говорили, что Василій Ивановичъ Усачовъ не платитъ, но теперь все уладилось. Семенъ Петровичъ Алексѣевъ купилъ у него прядильную фабрику за 350 тыс. р. Алексѣевы говорятъ, что они теперь будутъ употреблять 15 тыс. пудовъ хивинки и что имъ будетъ пріятно имѣть съ нами дѣло.

Софьи Юрьевны Крестовниковой ко мнѣ въ Казань. Москва 30 января 1854 г. Изъ московскихъ новостей пріѣздъ Рашели занимаетъ первое мѣсто, а второе, что Александра Михайловна Достоевская выходитъ замужъ. Вотъ и еще невѣста ускользнула, повторяетъ со вздохомъ маменька! О Валентинѣ отложили попеченіе! Теперь все направлено, чтобы женить Костеньку.

На дняхъ мы ѣздили въ Преображенское къ Марьѣ Козьминичнѣ Котовой и вспоминали о тебѣ, какое ты получалъ удовольствіе, ѣздя въ праздники съ поздравленіями въ такую даль! Моя Катя собирается ѣхать «въ Пализь и заѣтать въ Лёндонъ и въ Тазянь!»

Ея же ко мнѣ въ Казань. Москва 24 февраля 1854 г. Порядокъ нашей жизни все тотъ же: встаемъ, въ 9 ч. утра у самовара, въ 1 ч. обѣдъ и. т. д. Съ наступленіемъ поста у насъ стало особенно пусто. Мужъ больше въ конторѣ, остается одна Катюша, съ которой я цѣлый день провожу вмѣстѣ. Она очень измѣнилась, стала умнѣе и привязаннѣе; она начинаетъ все говорить! Словомъ нѣтъ на свѣтѣ краше и лучше моей Кати!

Нашей матушки, Надежды Александровны, къ намъ въ Казань. Москва 24 марта 1854 г. Любезные Николенька и Осенька! Я, славу Богу, здорова, только безъ васъ скучно, и наверху пусто. На четвертой недѣлѣ Великаго Поста Вольдемаръ жилъ въ Москвѣ и говѣлъ; въ понедѣльникъ на пятой недѣлѣ уѣхалъ на саняхъ въ Поляну. Валентинъ Алексѣевичъ хворалъ, но теперь ему лучше. А. И. Ашуркина вышла замужъ, на ея мѣсто поступила знакомая Осенькѣ Анна Алексѣевна Заборовская. Елизавета Петровна Воронина родила дочь Марію. Полянскій курятникъ далъ намъ къ Святой 4 сотни яицъ. Вотъ каковъ курятникъ! Желаю вамъ поговѣть на Страстной и дождаться Пасхи Христовой. Будьте здоровы, цѣлую васъ, мои любезные. Васъ любящая мать Надежда Крестовникова.

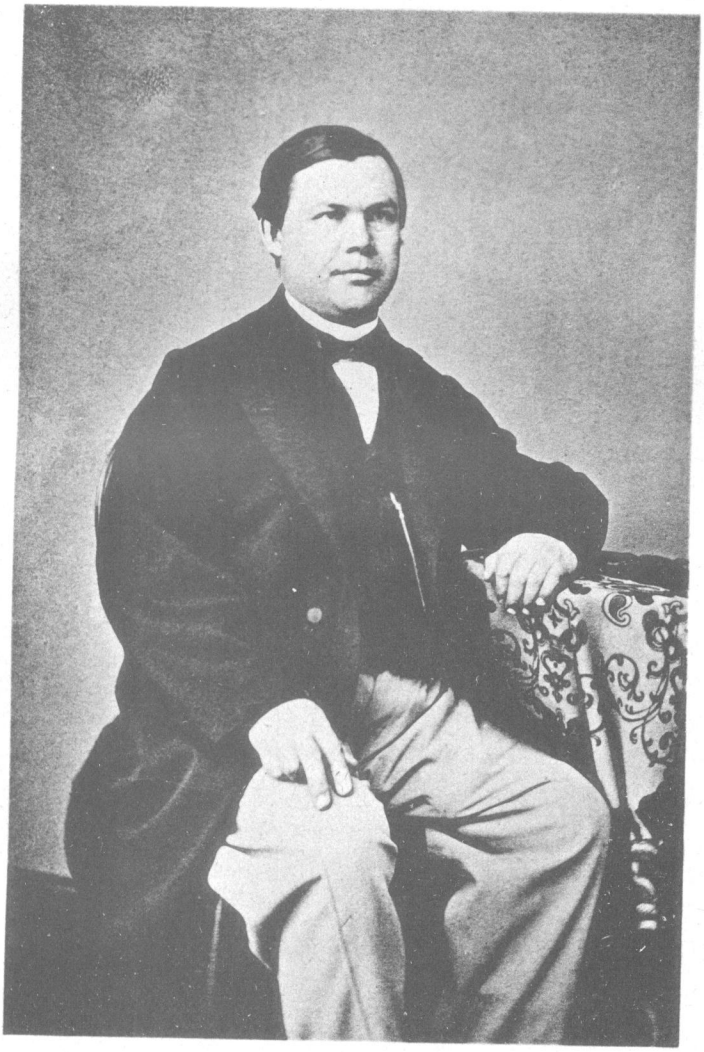
Сергѣя Константиновича Крестовникова къ намъ въ Казань. Москва 26 марта 1854 г. Съ присланнымъ вами изъ Казани хлопкомъ досталось на мою долю много хлопотъ; буду долго помнить, что значитъ принимать и сдавать товаръ съ вѣсу. Я всѣ партіи принималъ на Стрикачевскомъ подворьѣ

за москварѣцкимъ мостомъ, и сдавалъ Малютинымъ. Очень было непріятно, что оказывался провѣсъ, но теперь опредѣлилось, что всего провѣсу 14 пудовъ на всю партію и пользы на нашу часть 1500 р. с. Теперь ожидаемъ отъ васъ кедровый орѣхъ. Какъ-то будетъ это дѣло! Малютины и Борисовскіе изъявили желаніе дать намъ приказъ купить для нихъ хивинскаго хлопка въ Оренбургѣ. Желаю вамъ и на будущее время такъ же удачно вести дѣло, какъ повели хлопчатое.

Софьи Юрьевны Крестовниковой ко мнѣ въ Казань. Москва 27 марта 1854 г. Въ Москвѣ ходитъ оспа. Многіе ее прививаютъ, но я полагаюсь на волю Божію и, испытавъ въ прошедшемъ году холеру, думаю, что не могутъ же всѣ несчастія рушиться на меня. Братъ Николай къ Святой обѣщаетъ пріѣхать въ Москву; Митя въ Ростовѣ-на-Дону ужасно скучаетъ, хочетъ на Святую поѣхать въ Таганрогъ.

Сергѣя Константиновича Крестовникова — къ намъ въ Казань. Москва 31 марта 1854 г. Опишу вамъ свою жизнь. Встаю въ 7 ч., иду въ контору, гдѣ, благодаря Богу, постоянно нахожу дѣло. Въ 9 ч. утра иду домой (тогда контора была при нашемъ домѣ, на Собачьей площадкѣ), пью чай со всѣми и потомъ опять въ контору. Всѣ книги ведемъ мы съ Константиномъ Егоровичемъ Астафьевымъ и притомъ часто бываемъ заняты перепискою, а всего болѣе пріемкою хлопка. Были дни, когда мы всѣ занимались пріемкою: я—на Стрикачевскомъ подворьѣ, Иванъ Терентьевичъ принималъ американскій хлопокъ, Сашенька отпускалъ изъ амбара пряжу, а Астафьевъ принималъ тару съ фабрики. Такимъ образомъ всѣ были заняты въ амбарахъ и контора была заперта. Въ 1 ч. пополудни иду домой обѣдать и около 2 ч. отправляемся съ братомъ въ городъ, гдѣ получаемъ ваши письма и дѣлаемъ по нимъ распоряженія. Вечеромъ у насъ никогда не бываетъ гостей. Софья Юрьевна съ маменькой, обыкновенно, уходятъ къ Куманинымъ, въ Подновинское, или сидятъ дома; мы же въ конторѣ. Живемъ очень невесело, часто говоримъ о васъ и о вашемъ предстоящемъ путешествіи въ Оренбургъ. По воскресеньямъ бываетъ Валенька и иногда Михаилъ Павловичъ Агоро, который умѣетъ раззудить

33



Константинъ Егоровичъ Астафьевъ.

брата насчетъ англичанъ. У Москвиныхъ Великимъ Постомъ раутовъ не бываетъ; у Куманиныхъ по воскресеньямъ гостей бываетъ мало, а теперь, по случаю болѣзни Валентина Алексѣевича, и подавно.

Фабрика будетъ работать послѣ Святой попрежнему—день и ночь. Мы думаемъ пряжи больше не продавать и у насъ на 1-е сентября останется ее до 6 тыс. пудовъ.

Ивана Петровича Веденисова—ко мнѣ въ Казань. Гусь 15 апрѣля 1854 г. Спроси, пожалуйста, Быковскихъ—можно ли мнѣ нынѣшній годъ попрежнему остановиться у нихъ; если нѣтъ, то приспособь мнѣ комнатку въ твоей гостинницѣ. Я предполагаю отправиться отсюда 26 с. м., слѣдовательно, 1-е мая мы отпразднуемъ вмѣстѣ. Я пріѣхалъ бы и раньше, да 24 с. м. я участвую здѣсь въ домашнемъ спектаклѣ въ разныхъ роляхъ, такъ что удовольствіе это безъ меня должно было бы разстроиться. Отвѣчай мнѣ во Владимірскую губернію на Гусевскую хрустальную фабрику господина Мальцева.

Николая Юрьевича Миліоти ко мнѣ въ Казань. С.-Петербургъ 27 апрѣля 1854 г. Здѣсь дѣла очень тихи. Навигація открылась, но никто не можетъ ничего отправить по недостатку кораблей. Въ приходѣ 2 американскихъ парохода и 2 русскихъ, которые не начинали еще выгружаться, что и затрудняетъ всякаго зафрахтовать ихъ, потому что пока они выгрузятся, да вновь нагрузятся, пройдетъ, пожалуй, данный англичанами срокъ по 3-е мая с. с.—(Блокада балтійскихъ портовъ англичанами въ Крымскую войну).

Не полагаю, чтобы американцы привезли хлопокъ, скорѣе наши петербургскіе купцы привезутъ его сухопутно чрезъ Мемель и Кёнигсбергъ, и онъ имъ обойдется не дешево. Онъ будетъ стоить въ Мемелѣ 8 р. 30 к., провозъ отъ Мемеля сюда 2 руб. Врядъ ли найдется много охотниковъ привезти его сюда на такую цѣну. Въ Москвѣ я провелъ 2 недѣли очень весело съ моимъ пріятелемъ Петромъ Мартиміановичемъ Борисовскимъ. Меня чрезвычайно обрадовало, что ваша операція съ хлопкомъ въ Казани была удачна. Желаю вамъ продолжать ее съ тѣмъ же успѣхомъ.

Константина Константиновича Крестовникова—въ Оренбургъ. Москва 14 мая 1854 г. Проживъ всюСвятую въ Москвѣ, я не встрѣтилъ ничего интереснаго для сообщенія вамъ; разскажу лучше про сельское Полянское житье. Фабрика принимаетъ все болѣе красивый видъ. Выстроенъ новый курятникъ и навѣсъ съ башней для пожарныхъ инструментовъ; возобновлена больница; при переходѣ чрезъ канаву изъ дома въ корпусъ проложенъ мостикъ на манеръ чугуннаго; передъ больницей разведенъ садъ и обнесенъ рѣзнымъ заборомъ; сдѣлана лѣстница изъ дома въ садъ тоже рѣзная и окрашена подъ бронзу. Противоположная сторона, принадлежащая Марьѣ Ѳедоровнѣ, украшается значительно! Тамъ построены оранжереи, парники, разбитъ фруктовый садъ и все это обнесено узорчатымъ заборомъ. Съ перваго мая двѣ недѣли прожила здѣсь Софья Юрьевна, теперь же живетъ у насъ маменька.—Мое письмо найдетъ васъ, вѣроятно, въ Оренбургѣ въ изнеможенномъ состояніи отъ жары; у насъ же погода стоитъ пріятная, травы высокія, хлѣба обѣщаютъ урожай. Желаю вамъ счастливаго успѣха въ Оренбургѣ! Было бы очень хорошо, если бы первая попытка тамъ имѣла успѣхъ. Лазаричъ (отставной солдатъ, слуга), Ларіонъ Карповичъ и Наумъ Ларіоновичъ (старые служащіе) шлютъ вамъ нижайшіе поклоны.

Сергѣя Константиновича Крестовникова—въ Оренбургъ. Москва 19 мая 1854 г. Въ Москвѣ погода стоитъ съ самой Святой превосходная. Софья Юрьевна съ Катей возвратились изъ Поляны, гдѣ онѣ прожили двѣ недѣли. Я также былъ два раза въ Полянѣ. Въ одинъ изъ этихъ разовъ я, Сашенька и Астафьевъ поѣхали въ двухъ телѣжкахъ на своихъ лошадяхъ—ворономъ и лысомъ. Въ другой разъ въ колескѣ также на своихъ лошадяхъ; компанія наша тогда состояла изъ меня, маменьки и Сашеньки. Въ первую поѣздку мы побывали въ Марѳинѣ. Бывшій въ нашей компаніи становой Соболевъ смѣшилъ насъ все время своими разсказами. По дорогѣ заѣхали въ Кіёво и отстояли обѣдню, а въ Марѳинѣ остановились у катушечника, глухого и слѣпого старика. Въ Марѳинѣ гуляли по всѣмъ садамъ и по «Разгуляю», осмотрѣли мельницу, скотный и кон-

Николай Юрьевичъ Миліоти.

скій дворы. Софья Юрьевна заявила намъ, что подобнаго она не видала и за границею!

Ивана Петровича Веденисова — ко мнѣ въ Оренбургъ. Казань 31 мая 1854 г. По отъѣздѣ твоемъ въ Оренбургъ, я въ тотъ же день переѣхалъ къ Ивану Андреевичу Быковскому. Въ это время мой человѣкъ Григорій такъ кутилъ, что на другой же день я отправилъ его въ Москву. У насъ процесся слухъ, что въ Оренбургъ пришелъ караванъ изъ 14 верблюдовъ. Въ газетахъ пишутъ, что наши приблизились къ Силистріи.

Иванъ Андреевичъ вамъ кланяется, особенно Осѣ; онъ говоритъ, что по немъ у него сплинъ, а все-таки продолжаетъ ходить экоссесомъ, держитъ ежеминутно пари и вѣчно очень занятъ.

Николая Юрьевича Миліоти — ко мнѣ въ Оренбургъ. С.-Петербургъ 18 іюля 1854 г. Здѣсь страшная тишина въ дѣлахъ; всѣ боятся продавать въ кредитъ. Миняевъ, Шуйскій и Стетингъ остановили платежи. Съ хлопкомъ дѣлъ нѣтъ. Около Кронштадта стоитъ англо-французскій флотъ въ числѣ 50 судовъ, и вотъ уже пять дней какъ они тамъ стоятъ, не предпринимая ничего. Всѣ убѣждены, что этотъ союзный флотъ, ничего не сдѣлавъ, воротится назадъ.

Сергѣя Константиновича Крестовникова — къ намъ въ Оренбургъ. Москва 18 іюля 1854 г. Скажу вамъ нѣсколько словъ о фабрикѣ. Мы рѣшили работать до Святой 1855 г. день и ночь, но только не прежніе номера, а болѣе низкіе. Мы дали приказъ чрезъ Гаврила Гавриловича Шумахера—Циммерману и К° на 350 кипъ и думаемъ дать заказъ еще на 100 кипъ американскаго хлопка. За комиссію и страхъ отъ войны 3%; хлопокъ доставить чрезъ прусскій Мемель или чрезъ Кёнигсбергъ на Ковно. Мы перевели уже 4000 ф. с. по курсу 36⅞, что составитъ около 26000 руб. Потребную для этого сумму заняли у Куманиныхъ изъ 6% и положили къ нимъ въ обезпеченіе 2000 пудовъ пряжи.

Вчера Григорій Александровичъ Москвинъ уѣхалъ къ Спиридонову или, какъ онъ выражается, къ своимъ «дѣткамъ», такъ какъ у него тамъ ростутъ отъ его собственныхъ произво-

дителей жеребята, которыхъ онъ и называетъ своими дѣтками. Валентинъ Алексѣевичъ все еще не совсѣмъ поправился, сидитъ на диванѣ, протянувъ ноги, и гуляетъ только въ самые жаркіе дни. У него недавно былъ консиліумъ изъ Овера, Эвеніуса и, его домашняго доктора, Бросси. Еще очень непріятная новость—братъ Константина Егоровича Астафьева, 27 лѣтъ, утонулъ.

Ивана Петровича Веденисова—ко мнѣ въ Оренбургъ. Гусь 21 іюля 1854 г. Очень радъ, что вы въ Оренбургѣ устроились, слѣдовательно, квартиру въ тарантасѣ можно пустить въ наймы! Въ Казани я прожилъ до 6-го іюля; встрѣтилъ тамъ Михаила Леонтьевича Мешкичева—прекрасный человѣкъ! Надѣюсь, что ты съ нимъ сойдешься.

Послѣ вашего отъѣзда, я провелъ время въ Казани довольно пріятно. Покидая Казань я заходилъ проститься съ «хорьками» (Крупениковыми), засталъ только одного стараго. Иванъ Андреевичъ Быковскій собирается уѣхать въ Чугучакъ. Дмитрія Индеича (Дмитрія Андреевича Колотилина) трепала лихорадка. Петра Андреевича я не дождался. Въ Москву я ѣхать раздумалъ, жаль денегъ. Напиши мнѣ, какъ ведетъ себя дитя наше Осенька, забѣгаетъ ли впередъ, чтобы отдохнуть? Изъ Москвы сообщаютъ, что Воронины живутъ въ Сокольникахъ; Екатерина Александровна Живаго лѣчится магнетизмомъ; Алексѣевы всѣ перехворали.

1855 годъ.

Сергѣя Константиновича Крестовникова—ко мнѣ въ Оренбургъ. Москва 15 іюля 1855 г. Прошу тебя исполнить просьбу Татьяны Александровны—купить для Валентина Алексѣевича кусокъ бухарской халатной матеріи и кусокъ подкладки красной и для брата Валентина 3 куска халатной. Образцы при семъ.

Здѣсь много говорятъ о пріѣздѣ Петра Петровича Куманина, который сталъ снова куролесить. Такъ какъ жена и Марья Ивановна не даютъ ему денегъ, то онъ началъ таскать

Z.35

Иванъ Петровичъ Веденисовъ.

у нихъ брилліанты, въ чемъ былъ пойманъ и въ довершеніе всего явился къ нимъ съ пистолетомъ и требовалъ денегъ. Послѣ этого жена и мать переѣхали въ монастырь, а отецъ сдѣлалъ его сумасшедшимъ и посадилъ въ домъ умалишенныхъ. Холера въ Москвѣ почти прекратилась.

Софьи Юрьевны Крестовниковой—ко мнѣ въ Оренбургъ. Москва 13 сентября 1855 г. Была въ Полянѣ и очень пріятно провела время. Теперь Москва занята двумя событіями: взятіемъ Севастополя и пріѣздомъ Государя, который выразилъ свое неудовольствіе за московское ополченіе и благодарность московскому купечеству за пожертвованія. Гриша и Катя растутъ и дѣлаются очень милыми и послушными.

Надежды Александровны Крестовниковой—ко мнѣ въ Оренбургъ. Москва 13 сентября 1855 г. Любезный Николенька, письмо твое я получила вчера и вчера же пріѣхалъ изъ Казани Александръ Константиновичъ. Два большія удовольствія въ одинъ день! Сашенькѣ очень понравилась Казань, и я желала бы тамъ побывать, когда выстроится вашъ домъ.

Софьи Юрьевны Крестовниковой—ко мнѣ въ Казань. Москва 8 ноября 1855 г. Опишу тебѣ день изъ нашей жизни. Ваненька теперь живетъ у насъ наверху. Въ 8 ч. встаемъ, въ 9—самоваръ, но законъ этотъ попрежнему неаккуратно исполняется,—кто поспѣваетъ, а кто пьетъ чай совсѣмъ холодный. Затѣмъ Саша и Сережа идутъ въ контору, а Ваненька закуриваетъ сигару и сидитъ съ нами. Начинаетъ размышленія, куда бы ему поѣхать, и продолжаетъ сидѣть до тѣхъ поръ, пока не увидитъ брата Валентина, идущаго въ контору толковать объ убыткахъ (надо замѣтить, что у насъ кромѣ какъ объ убыткахъ нѣтъ разговора). Иванъ Петровичъ вскакиваетъ и бѣжитъ туда же. Въ часъ всѣ вмѣстѣ приходятъ обѣдать. За обѣдомъ Ваненька говоритъ, что очень утомился и, по уходѣ всѣхъ въ городъ, идетъ наверхъ отдыхать. Вечеромъ приходитъ Валентинъ и зоветъ куда-нибудь ѣхать, но чаще кончается тѣмъ, что всѣ остаются дома.

Жизнь наша изрѣдка возмущается какою-нибудь налетѣвшею бурею со стороны Марьи Ѳедоровны Крестовниковой,

нашей полянской сосѣдки, и этотъ предметъ для толкованій занимаетъ насъ въ продолженіе недѣли или двухъ и потомъ снова наступаетъ штиль.

Братъ Митя проживаетъ теперь въ Москвѣ и скучаетъ безъ занятія. Петрококинъ по окончаніи войны хотѣлъ его опять взять. Присланныя тобою бухарскія конфеты мы съѣли въ одну недѣлю и очень жалѣли, что ихъ мало.

Владиміра Константиновича Крестовникова—ко мнѣ въ Казань. Поляна 15 ноября 1855 г. Въ началѣ письма онъ описываетъ всѣ прелести своего сада. Цвѣточная клумба, изливающая невыразимый ароматъ, благодаря Марѳинскому садовнику, искусно подобравшему цвѣты, прямо бросается въ глаза каждому, а ароматъ сада просто поражаетъ пріѣзжающихъ изъ душной Москвы.

Фабрика идетъ хорошо, жаль только что сбытъ плохъ, а потому и пользы нѣтъ. Пропадаетъ даже всякая энергія и лишь надежда на будущее ободряетъ нѣсколько духъ. Мы съ Францемъ Францевичемъ Прагстомъ живемъ не дурно. Конечно, здѣсь удовольствій нельзя имѣть такихъ, какъ въ городѣ, зато и неудовольствій почти нѣтъ. Лѣто мы провели очень пріятно. У насъ гостили маменька съ Софьей Юрьевной; пріѣзжали по воскресеньямъ гости изъ Москвы; выѣзды наши были довольно часты къ Карепину, гдѣ весело проводили время. Разъ Карепинъ звалъ даже музыку и устраивалъ иллюминацію подъ Мелькисаровомъ. «Маруся» буровитъ; осенью началось землемѣріе.

Его же—ко мнѣ въ Казань. Москва 29 декабря 1855 г. Сколько времени мы ждали извѣстія о началѣ работы на стеариновомъ заводѣ; наконецъ, послѣднія ваши письма, кажется, показываютъ ясно, что съ 28 с. м. заводъ пошелъ. Основываясь на этомъ, мы въ этотъ день (т.-е. 28 с. м.) отслужили молебенъ въ нашемъ домѣ въ присутствіи Валентина Алексѣевича и Константина Константиновича Куманиныхъ.

Дѣла съ пряжей значительно улучшились, и мы работаемъ теперь на 10 машинахъ № 30, на 9 машинахъ № 28 и на 4 машинахъ 38—40 и изъ 73 пудовъ хлопка, обрабатываемаго

въ сутки, поступаетъ 61 пудъ хивинки. Хивинку твоей покупки нельзя и сравнивать съ купленной здѣсь. Мы ужасно бились, когда работали чужую, которая, большею частью, подмочена и отзываетъ гнилью. Сосѣдъ нашъ Лепешкинъ замышляетъ снести нашу плотину и перенести ее выше, но едва ли это ему удастся.

1856 годъ.

Владиміра Константиновича Крестовникова—ко мнѣ въ Оренбургъ. Поляна 2 сентября 1856 г. Полагаю, тебѣ очень скучно проживать столько времени въ Оренбургѣ. Хорошо еще если удастся тебѣ купить хивинки, для нея можно этимъ пожертвовать. Ты не можешь себѣ представить, какую муку мы испытываемъ теперь, работая утокъ № 24 изъ половины мадраса и половины американки, тогда какъ прошедшею зимой мы съ пріятностью работали этотъ номеръ изъ одной хивинки твоей покупки. Не забудь, что мадрасъ 6 р. 50 к. с. пудъ и требуетъ подмѣси американки, отъ чего смѣсь становится еще дороже, тогда какъ твоя хивинка шла одна и лучше качествомъ.

Желаю тебѣ купить хивинки, чѣмъ окажешь великую услугу Полянской фабрикѣ. Пряжа все въ тѣхъ же цѣнахъ № 32—34—17 р. 25 к. с. деньги, а хлопокъ подешевѣлъ на 2 р. с. въ пудѣ. Наличной пряжи вовсе нѣтъ и этотъ годъ обѣщаетъ быть для прядильщиковъ блестящимъ. Стеариновый заводъ все лѣто причинялъ много безпокойства; братья часто просиживали ночи, выводя разные подсчеты относительно системы работъ. Однако, они не приводили ни къ чему и порождали лишь панику, царившую въ нашемъ домѣ почти все лѣто. Ты еще засталъ начало, а потому можешь ясно представить, что было! По временамъ рѣчь заходила о деревенской жизни; разорившись можно-де и въ деревнѣ жить хорошо, ведя сельское хозяйство общимъ трудомъ всѣхъ братьевъ. Повидимому, всѣ охотно соглашались, какъ будто бы и не существовало

ничего такого, что удерживало бы насъ въ Москвѣ съ ея относительно роскошной жизнью, къ которой мы привыкли. Думаю, однако, что эта идиллія являлась привлекательною только на словахъ, и каждый, говоря о ней, былъ увѣренъ, что этого не будетъ; словомъ, все говорилось такъ, какъ говорится о бѣдѣ, когда она еще далеко.

О коронаціи ты прочтешь въ газетахъ, почему я и не распространяюсь о ней; скажу только, что наше купечество представлялось Министру Финансовъ, который говорилъ съ Валентиномъ Алексѣевичемъ о Кяхтинской торговлѣ; затѣмъ Григорій Александровичъ просилъ разрѣшить недоумѣніе, овладѣвшее всѣми фабрикантами отъ постоянныхъ толковъ о вольной торговлѣ, на что министръ отвѣтилъ, что о вольной торговлѣ много пишетъ Булгаринъ, но Правительство объ этомъ нисколько не помышляетъ, и купечество можетъ быть покойно, что въ Россіи вольной торговли не бывать.

2-го сентября въ Полянѣ было молебствіе съ поднятіемъ иконъ и хоругвей. День прошелъ торжественно и празднично.

Въ истекшемъ году спряли всего 15,870 пудовъ пряжи. Хлопочу теперь обезпечить фабрику топливомъ. Хочу ѣхать къ Кушакевичу, владѣльцу села Мышицкаго, и арендовать у него торфяное болото.

Марья Ѳедоровна все лѣто жила въ Полянѣ; Лепешкинъ Александръ Васильевичъ пріѣзжалъ разъ восемь къ своей тещѣ. Когда уѣздный судъ потребовалъ отъ Марьи Ѳедоровны документы на ея землю, то она вмѣсто ихъ представила чрезъ полицію такого рода заявленіе: «хотя братья Крестовниковы и неправильно владѣютъ моей землей, но я не ищу ее и довѣренному моему искать ее не поручаю, а прошу Судъ, дабы онъ повелѣлъ передать мнѣ въ мое потомственное владѣніе плотину». Послѣ такого заявленія Судъ почислилъ дѣло рѣшеннымъ и сдалъ его въ архивъ, сдѣлавъ предписаніе губернскому землемѣру послать временнаго землемѣра изъ чертежной, чтобы онъ обошелъ границы земли братьевъ Крестовниковыхъ и взялъ съ нихъ подписку о владѣніи только своею землей, а чужою землею не владѣли бы.

Изъ жизни «Маруси» скажу тебѣ, что она завела такого страшнаго пса, разгуливающаго свободно по всей Полянѣ, что я безъ провожатаго не рѣшаюсь ходить въ фабричный корпусъ. Я неоднократно просилъ «Марусю» убрать собаку, но мои просьбы оставались безъ уваженія, пока этотъ чудовищный песъ не искусалъ нашего рабочаго. Тогда я послалъ за становымъ, взяли съ Маруси шесть рублей въ пользу пострадавшаго, и собака была удалена изъ Поляны.

Я очень радъ, что Сергіевскія воды имѣли хорошее дѣйствіе на тебя и брата Константина. Екатерина Яковлевна Миліоти собирается, по совѣту врачей, будущею весной ѣхать туда же.

1857 годъ.

Валентина Константиновича Крестовникова—ко мнѣ въ Казань. Москва 23 января 1857 г. Посылаю вамъ описаніе поѣздки брата Константина въ Пинскъ, которое ознакомитъ васъ съ Папстомъ. 2 января пришелъ первый транспортъ хлопка изъ Оренбурга, отправленный оттуда 24 ноября. Прошу васъ обращать неусыпное вниманіе на фитиль. Насъ занимаютъ теперь слѣдующіе вопросы: 1) необходимость имѣть свою камеру и 2) до какой степени неудовлетворителенъ нашъ мастеръ и какъ дѣло это поправить?

Константина Константиновича Крестовникова—ко мнѣ въ Казань. Москва 15 марта 1857 г. Въ Москвѣ происходитъ теперь дѣлежка Алексѣевскаго капитала: семь милліоновъ р. с. дѣтямъ Петра Семеновича и семь милліоновъ р. с. дѣтямъ Владиміра Семеновича.

Съ Григоріемъ Александровичемъ случилась презанимательная исторія. Онъ на балу у Алексѣевыхъ, подъ вліяніемъ разгоряченнаго воображенія, приглашалъ всѣхъ къ себѣ на балъ, о чемъ на другой же день совершенно забылъ. Настаетъ званый день; хозяинъ, вернувшись изъ города, сидитъ

покойно за чаемъ. Въ 9 ч. вечера раздается звонокъ, другой, третій; кареты тянутся вереницею; входятъ гости въ бѣлыхъ галстукахъ, въ бальныхъ платьяхъ. Набралось человѣкъ съ семьдесятъ. Надо было видѣть Григорія Александровича! Смѣшно и жалко! Съ каждымъ новымъ звонкомъ его кидало въ потъ!

Отъ стеариноваго дѣла въ прошедшемъ году оказался убытокъ. Бумагопрядильня дастъ въ настоящемъ году по 3 р. с. на пудъ пользы. Надо полагать, что Валентинъ Алексѣевичъ Куманинъ и Григорій Александровичъ Москвинъ войдутъ и на будущій разъ въ Оренбургское дѣло. Прошу тебя дай мнѣ, отправляющемуся въ нынѣшнемъ году вмѣсто тебя въ Оренбургъ, совѣтъ, какъ приступить и вести это дѣло, т.-е. когда туда ѣхать и пр. Поклонись отъ меня доктору Немѣшаеву и Солнцеву; съ удовольствіемъ повидался бы со всѣми! Надо правду сказать, въ Казани такіе простые и пріятные люди, какихъ въ Москвѣ мнѣ не приходилось встрѣчать среди моихъ знакомыхъ.

Его же—ко мнѣ въ Казань. Москва 15 мая 1857 г. Надо вамъ сказать, что наша столица день-отъ-дня становится достопримѣчательнѣе. Послѣднее время ночной грабежъ здѣсь усилился до-нельзя. Пробовали и у насъ, только не удалось! Начали отдирать окна въ спальнѣ, а Софья Юрьевна, на наше счастье, не спала, разбудила брата и распорядилась освѣтить домъ. Тутъ ужъ грабителямъ ничего не оставалось, какъ только удалиться. Екатерину Яковлевну обокрали начисто и наши векселя, выданные ей, украли! Сообщаю, что въ процессѣ съ Марьей Ѳедоровной мы пока остаемся побѣдителями. Въ Москвѣ большой недостатокъ въ рабочихъ. Мы на своей фабрикѣ едва набрали комплектъ послѣ Святой, а большія фабрики бѣдствуютъ и до сего времени. Получили новый тарифъ. Съ пряжи скинули 1 р. 50 к. с.; на ситецъ осталась пошлина еще довольно значительная, такъ что дѣламъ новый тарифъ много не повредитъ. Если маменька еще въ Казани, то передай ей мой сердечный привѣтъ.

Валентина Константиновича Крестовникова—ко мнѣ въ Казань. Москва 15 октября 1857 г. Цѣль моего письма побе-

сѣдовать съ вами о стеариновомъ дѣлѣ. Съ окончаніемъ конторскаго года мы занимаемся теперь балансомъ. Стеариновое дѣло, благодаря Богу, показываетъ удовлетворительный результатъ, несмотря на всѣ трудности прошлаго года въ отношеніи цѣны на сало и провозъ. Мы вполнѣ принимаемъ вашъ планъ усиленной работы до 40 тыс. пудовъ стеарина и въ средствахъ не затруднимся. Оборотный нашъ капиталъ въ этомъ году увеличился на 70 тыс. р. с. На будущій годъ сбытъ долженъ быть легче и, работая до 40 тыс. пудовъ стеарина въ годъ, мы ставимъ производство въ соотвѣтствіе съ его силами. Камера, которую мы устроили, удешевитъ товаръ и поставитъ заводъ на болѣе прочную ногу. Заведеніе для добыванія соды, которое вы имѣете въ предположеніи, должно дать въ свою очередь хорошую выгоду, а потому должно благоразумно стремиться къ его осуществленію.

Теперь разсмотримъ страхъ конкуренціи. Гутуевскій заводъ, мы слышали, закрывается, слѣдовательно, стеарина скорѣе убавится, ибо Екатеринбургскій заводъ когда пойдетъ—неизвѣстно, даже нѣкоторые спрашиваютъ «пойдетъ ли?» Новая привилегированная система Илимова перестала такъ сильно пугать насъ съ тѣхъ поръ, какъ мы видимъ пользу отъ мыла. Если ужъ соединяться, какъ предлагаетъ Іосифъ Константиновичъ, такъ не съ этимъ соперникомъ. Вы по опыту знаете, что значитъ вести заводское дѣло — скажите, можно ли полагать, чтобъ у Екатеринбургскаго завода съ его безобразною администраціей шло дѣло хорошо? Неужели мы съ Божіей помощью не сможемъ съ нимъ состязаться?! Другой нашъ соперникъ «Акціонерное Общество для приготовленія продовольственныхъ и разныхъ животныхъ продуктовъ, а также и торговли ими», учредителями котораго Бенардаки и Кокоревъ, и заводъ котораго строится близъ Ростова-на-Дону. Этотъ соперникъ пока еще мнимый, ибо вотъ что намъ пишетъ оттуда Дмитрій Юрьевичъ Миліоти: «Изъ Ростова я писалъ, что тамъ открывается компанія, состоящая изъ петербургскихъ акціонеровъ, между которыми Бенардаки, и что онъ устраиваетъ тамъ скотобойню, салотопенный и кожевенный заводъ; а теперь я узналъ, что

продукты будутъ отправляться за границу, и что можетъ быть со временемъ эта компанія устроитъ и стеариновый заводъ. Капиталъ ея полтора милліона р. с.» Октября 19 с. г. назначено въ Петербургѣ общее собраніе этого Общества, и мы писали Николаю Юрьевичу Миліоти разузнать, какое послѣдуетъ рѣшеніе относительно устройства стеариноваго и мыльнаго завода, что вамъ и сообщимъ.

Чтобы соединиться съ этимъ Обществомъ, мы рѣшительно не можемъ придумать обоюдополезной комбинаціи, и когда-то онъ устроитъ стеариновый заводъ?! Надо также замѣтитъ, что Бенардаки и Кокоревъ хотя люди съ большимъ состояніемъ, но капиталы ихъ весьма заняты въ откупахъ и во множествѣ разныхъ предпріятій, и они, вдобавокъ, составляютъ еще Общество для торговли въ Малой Азіи. Касательно же компаніи подъ руководствомъ Вишневскаго, то это объясняется желаніемъ Мамонтова поставить стеариновый заводъ для своего сына, но рѣшился ли онъ на это окончательно—неизвѣстно. Они сторговали бывшій салотопенный заводъ Шорина (раньше бывшій Куманиныхъ) за Прѣсненской заставой, но такъ какъ онъ въ залогѣ, то не можетъ быть скоро купленъ, да и соперникъ этотъ опасенъ болѣе московской мелочи, а не намъ.

Софьи Юрьевны Крестовниковой—ко мнѣ въ Казань. Москва 4 декабря 1857 г. Большое удовольствіе доставило мнѣ описаніе вашей жизни и вашихъ веселыхъ пикниковъ съ катаніемъ на лодкахъ по озеру Кабану. Теперь у насъ часто бываетъ Петръ Мартиміановичъ Борисовскій и братъ Костя. Нынѣшній годъ мы часто бываемъ въ театрѣ и, надо сказать, репертуаръ никогда не былъ такъ богатъ; играютъ превосходно, и театры, прежде совсѣмъ пустые, теперь переполнены; безъ протекціи нельзя достать билетовъ. Маменька, Екатерина Яковлевна, купила домъ на Басманной. Теперь я не могу уже такъ часто бывать у нихъ. Надя очень и очень счастлива! Моего мужа записали въ службу, но куда выберутъ,—еще не знаю.

86

Екатерина Яковлевна Миліоти.

1858 годъ.

Валентина Константиновича Крестовникова—въ Казань. Москва 22 августа 1858 г. Я былъ у графа Уварова, и онъ сказалъ, что возьметъ 6000 р. с. аренды и готовъ отдать фабрику на 5 лѣтъ и съ мастеромъ Алланомъ. Фабрика имѣетъ 7 тыс. веретенъ. Ранѣе ноября она пущена быть не можетъ. Разумѣется, съ графомъ Уваровымъ должно сдѣлать условіе, которое ограждало бы насъ со всѣхъ сторонъ. Напишите, что вы думаете объ этомъ предпріятіи?

Софьи Юрьевны Крестовниковой—ко мнѣ въ Казань. Москва 10 октября 1858 г. Начну съ того, что съ нетерпѣніемъ жду весны, чтобы ѣхать къ вамъ въ Казань. Боюсь, чтобы меня опять что-нибудь не задержало! Признаться, мнѣ необходимо проѣхаться; въ нашемъ обществѣ жизнь идетъ такъ монотонно, что вы не выдержали бы ея. Всѣ, побывавшіе у васъ, разсказываютъ про пріятную жизнь, какую вы ведете. Хоть бы недѣльку пожить у васъ! Валентинъ изъ дома Москвиныхъ переѣхалъ къ намъ и живетъ теперь въ твоей комнатѣ.

1859 годъ.

Валентина Константиновича Крестовникова—въ Казань. С.-Петербургъ 25 апрѣля 1859 г. Я хлопочу здѣсь по дѣлу учрежденія Товарищества Казанскаго Кожевеннаго завода. Дѣло по землѣ Петра Ивановича Котелова относительно линіи квартала кончено въ пользу Котелова. Касательно составленія товарищества—даровыхъ акцій не позволяютъ, также и самую компанію на «*акціяхъ*». Намъ пишутъ уставъ на «*паяхъ*».

Илимовъ очень старается устроить дѣло такъ, чтобы мы были ихъ коммиссіонерами съ авансами, но дѣла Общества такъ плохи, что никакія комбинаціи не удержатъ его отъ паденія,

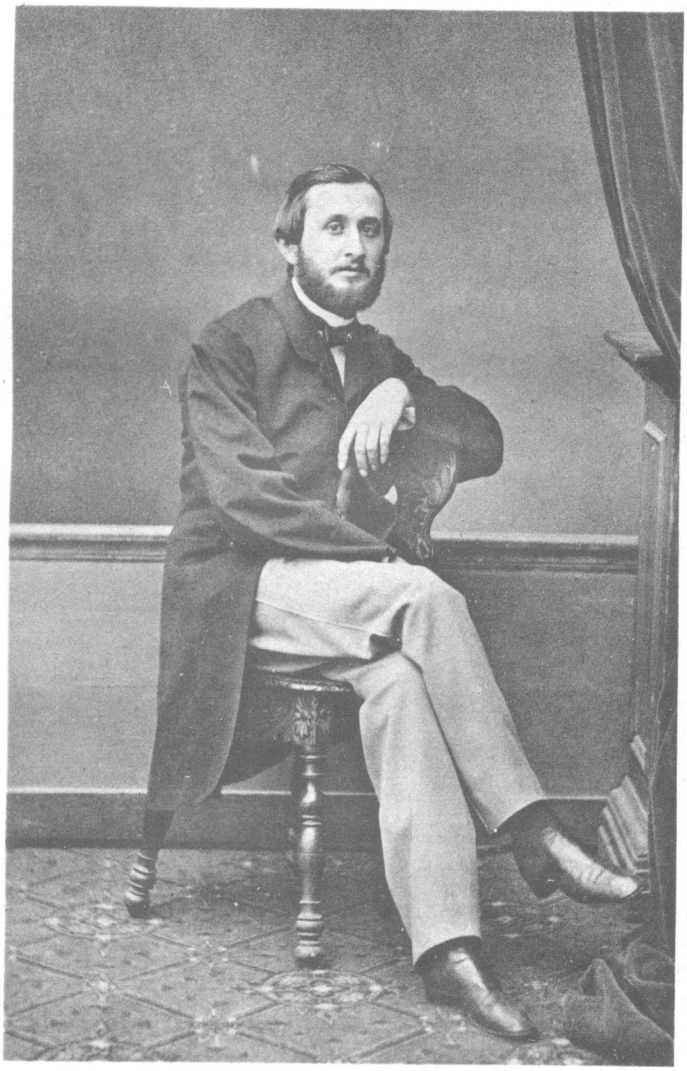
почему мы ведемъ переговоры очень сдержанно. По достовѣрнымъ свѣдѣніямъ, «Общество заводской обработки животныхъ продуктовъ» продало своихъ акцій только на 180 тыс. р. с. Говорятъ, рѣшено на Гутуевскомъ заводѣ только отливать свѣчи и варить мыло, а всю выработку стеарина производить въ Екатеринбургѣ. Дѣла ихъ шатки. Я отъ переговоровъ не отказываюсь, но уклоняюсь. Можетъ быть лучше поддержать этого слабаго конкурента, чѣмъ бороться съ сильнымъ, который, весьма возможно, заступитъ его мѣсто. Это все вопросы и вопросы!

1861 годъ.

Дмитрія Юрьевича Миліоти—ко мнѣ въ Казань. Москва 8 февраля 1861 г. Спѣшу поблагодарить тебя за присланный мнѣ экземпляръ твоей записки «*О сальной торговлѣ въ Россіи*». Дѣло одесское, о которомъ ты писалъ въ московскую контору, устраиваемъ такъ, чтобы вамъ не платить огромныхъ процентовъ за коммиссію, какъ было до сего времени, а ограничиваться почти только моею коммиссіей. Въ Одессѣ я буду имѣть двухъ артельщиковъ, которые будутъ сдавать товаръ по моему приказу, я же буду наѣзжать туда нѣсколько разъ въ годъ. Такая обстановка могла устроиться только теперь, когда сбытъ товара упроченъ. Осенька 10 с. м. хочетъ выѣхать отсюда въ Казань. Я выѣзжаю въ концѣ марта въ Одессу для устройства тамъ дѣла.

Мое письмо къ матушкѣ въ Москву. Казань 19 августа 1861 г. Государь Наслѣдникъ прибылъ сюда 16 августа въ 5 ч. вечера на пароходѣ изъ Нижняго-Новгорода. Въ ожиданіи его была собрана здѣсь съ купечества сумма 15 тыс. р. с., которую предполагалось истратить на иллюминацію, народное гулянье, тріумфальныя арки и пр., но, получивъ депешу изъ Петербурга, чтобы ничего такого не было, начальство придумало собранную сумму денегъ употребить на богоугодное

37



Дмитрій Юрьевичъ Миліоти.

дѣло. Какое же? Рѣшили выстроить около нашего завода, на задахъ, въ линію съ арестантской ротой, 20 избъ и раздать ихъ бѣднымъ семействамъ. Изъ какого сословія? Рѣшили было изъ мѣщанъ, но губернаторъ предложилъ изъ мѣщанъ и изъ чиновниковъ и, вообще, изъ всѣхъ сословій безразлично, говоря, что такъ будетъ современнѣе. Купечество же настаивало на мѣщанахъ, разсуждая, что съ какой стати на купеческія деньги улучшать бытъ приказныхъ. Наконецъ помирились на томъ, чтобы отдать избы бѣднѣйшимъ изъ дворовыхъ, пожелающимъ приписаться въ казанскіе мѣщане и порѣшили назвать эту слободу «Николаевской», въ честь имени Государя Наслѣдника. Истратить на нее рѣшили восемь тысячъ р. с., а остальныя деньги предать все-таки всесожженію. Государю Наслѣднику поднесли этотъ даръ съ приличнымъ письмомъ, планами и фасадами.

Въ то время, когда прибылъ Государь Наслѣдникъ Николай Александровичъ, я былъ на пристани. Показался пароходъ Общ. Самолетъ «Кокериль» и громкое «ура!» съ ранняго утра дожидавшейся здѣсь толпы начало раскатываться по всему берегу рѣки и провожало Августѣйшаго Гостя до самаго дворца на разстояніи болѣе 7 верстъ. Наслѣдникъ былъ въ сѣромъ военномъ пальто и барашковой шапкѣ Стрѣлковаго Императорской Фамиліи полка. Потомъ, въ городѣ я видѣлъ его въ казацкой формѣ. Во время иллюминаціи онъ катался по улицамъ города. Полагали, что и на другой день повторится та же иллюминація и стаканчиковъ было заготовлено на два дня; но Государь Наслѣдникъ пожелалъ ее отмѣнить, предоставивъ, впрочемъ, частнымъ лицамъ полную свободу; такъ и не было на другой день общей городской иллюминаціи. Къ вечеру 18 с. м. Государь Наслѣдникъ сѣлъ на пароходъ, на которомъ въ 3 ч. утра другого дня продолжалъ путь внизъ по Волгѣ.

Въ эти два дня Государь Наслѣдникъ посѣтилъ университетъ, гдѣ слушалъ лекціи профессоровъ: Овсянникова «о жизни и смерти» и другихъ, былъ въ разныхъ учебныхъ и благотворительныхъ учрежденіяхъ; 17-го с. м. въ 6 ч. вечера былъ на нашемъ Стеариновомъ заводѣ. На Кожевенномъ заводѣ при-

нималъ его Петръ Петровичъ Котеловъ. У насъ—мы приняли его на заводскомъ парадномъ крыльцѣ, провели въ корпусную контору, гдѣ помѣщалась выставка матеріаловъ и товаровъ, и оттуда на заводъ. Начали осмотръ съ чановой и кончили отдѣлочной, гдѣ Государь Наслѣдникъ заинтересовался мальчуганомъ, замѣчательно быстро заправлявшимъ фитиль. Затѣмъ, прошли обратно корпусомъ въ мыловаренное отдѣленіе, откуда по заводской улицѣ, мимо новаго дома для служащихъ, въ камеру, дистилляцію, олеиновый корпусъ и тѣмъ же путемъ возвратились. Государю Наслѣднику угодно было сдѣлать смотръ нашей заводской пожарной командѣ. Въ какія-нибудь 2 минуты изъ нашей большой англійской машины толстая струя воды направилась на домъ служащихъ и била аршинъ на 50 вверхъ. Подойдя къ самому насосу, Государь Наслѣдникъ посмотрѣлъ на цѣлую сотню бравыхъ молодцовъ, качавшихъ насосъ, и видимо былъ заинтересованъ. Затѣмъ, онъ удостоилъ взойти въ наше помѣщеніе, гдѣ были предложены ему фрукты. Онъ выходилъ на нашъ балконъ и смотрѣлъ на панораму города. Пробывъ нѣсколько минутъ въ домѣ, Онъ сошелъ съ крыльца, любезно простился съ нами и, сопровождаемый крикомъ «ура!» и бросаньемъ шапокъ въ воздухъ, выѣхалъ изъ воротъ, гдѣ стоявшая тысячная толпа народа подхватила дружное заводское «ура!» и понеслась за коляскою.

Слава Богу, — все сошло удачно! Послѣ въѣзда Государя Наслѣдника на заводскій дворъ, мы заперли ворота, и поставленный при нихъ отрядъ заводской полиціи успѣлъ во-время остановить рвавшуюся съ улицы толпу.

Государя Наслѣдника сопровождали: графъ Сергій Григорьевичъ Строгоновъ, Адъютантъ Государя Наслѣдника, писатель Мельниковъ (Печерскій) и сынъ графа Строгонова. Старикъ Строгоновъ съ большимъ интересомъ смотрѣлъ заводъ, тѣмъ болѣе, что онъ нашелъ здѣсь своихъ старыхъ знакомыхъ: Павла Петровича Шуэна и Антона Антоновича Шлехтингера. Всего пробылъ на заводѣ Государь Наслѣдникъ около часа съ четвертью.

1862 годъ.

Валентина Константиновича Крестовникова—въ Казань. Москва 5 апрѣля 1862 г. Съ искреннимъ сожалѣніемъ сообщаю вамъ о постигшемъ насъ несчастіи—любезный нашъ дядюшка Григорій Александровичъ, послѣ двухдневнаго страданія, 2-го сего мѣсяца скончался. Въ послѣдніе два дня его жизни у него были спазмы въ дыхательномъ горлѣ. Онъ задыхался, но былъ въ совершенной памяти до самой смерти. Вчера, 4 с. м., были его похороны.

Александра Константиновича Крестовникова—въ Казань. Москва 5 апрѣля 1862 г. Мы лишились лучшаго друга нашего и дяди Григорія Александровича Москвина. Онъ умеръ 2 с. м. въ 9 съ ¼ ч. утра и 4 с. м. похороненъ въ Покровскомъ монастырѣ. Болѣзнь его вамъ извѣстна. Онъ все время былъ въ памяти. Вечеромъ 1-го апрѣля онъ сидѣлъ съ нами, говорилъ, прощался съ нами, ибо вполнѣ понималъ, что скоро придетъ его конецъ, котораго онъ ожидалъ вполнѣ спокойно и съ твердостью духа. Прощаясь съ нами, сказалъ: «я васъ очень любилъ и только поэтому еще желалъ бы съ вами пожить»; потомъ онъ уснулъ, а утромъ съ нимъ сдѣлалось удушье, котораго онъ уже и не пережилъ. Итакъ, фамилія Москвиныхъ съ нимъ прекратилась!

Мое письмо къ братьямъ въ Казань о смерти нашей Матушки. Москва 14 мая 1862 г. Любезные братья Константинъ, Іосифъ и Сергѣй Константиновичи, 10-го мая, въ 6 ч. утра, насъ постигло глубокое горе: скончалась, истинный другъ нашъ, любезная наша матушка. Я такъ счастливъ, что пріѣхалъ въ Москву и успѣлъ посмотрѣть на нее и поговорить съ ней. Мы были такъ далеки отъ мысли, что смерть ея уже близка, что мы проводимъ съ ней послѣдніе дни ея существованія! Мы не могли оцѣнить этихъ священныхъ для насъ дней!

Несмотря на свою болѣзнь, она была постоянно на ногахъ, ходила даже на Николинъ день ко всенощной, была разговор-

чива, а иной разъ такъ свѣжа и бодра, что мы спѣшили дѣлать заключеніе объ ея выздоровленіи. Она сама за три дня до смерти говорила, что такъ хорошо она спала ночь и чувствуетъ себя совершенно здоровой. Такъ неожиданна была ея смерть и такъ она всѣхъ поразила! 9-го мая она въ первый разъ лежала весь день въ постели; съ ней была сильная рвота. Докторъ Мамоновъ обнадеживалъ, что этимъ, быть можетъ, откроется новая сторона ея болѣзни и покажетъ намъ что дѣлать. Надо замѣтить, что доктора до послѣдней минуты не знали, какая именно у нея болѣзнь, и всѣ ихъ предположенія внезапно разрушила катастрофа 10-го мая.

Итакъ, 9-го мая она лежала въ постели; мы сидѣли у нея; къ обѣду пришли Костя Миліоти и Николя Веденисовъ; заѣзжалъ Валентинъ Алексѣевичъ—всѣ видѣли ее и говорили съ ней. Послѣ обѣда мы отправились, за исключеніемъ Софьи Юрьевны, въ Сокольники на 1-е мая. Праздникъ 1-го мая былъ отложенъ до 9-го мая, по случаю дурной погоды. Домой мы вернулись въ $9^1/_2$ ч. вечера, посидѣли у маменьки, потомъ напились, по обыкновенію, чаю и въ 11 ч. вечера всѣ разошлись по своимъ спальнямъ. Не прошло и десяти минутъ послѣ того, какъ услышала Софья Юрьевна судорожный звонокъ изъ маменькиной комнаты. Въ эту минуту бѣдная почувствовала нестерпимую боль въ желудкѣ, въ кишкахъ, и поспѣшила позвонить. Это былъ ея первый и послѣдній звонокъ во все время ея болѣзни! Несмотря на всѣ просьбы доброй Софьи Юрьевны, она никакъ не хотѣла тревожить покойный сонъ въ домѣ своимъ звонкомъ! Тотчасъ начали класть припарки; перевели Катю, спавшую до сего съ бабушкою, въ другую комнату; послали за докторомъ и за священникомъ.

За нѣсколько дней до смерти она говорила Софьѣ Юрьевнѣ: «я на Васъ надѣюсь, что Вы не опоздаете предувѣдомить меня, если докторъ замѣтилъ бы въ моей болѣзни опасность; я одного желаю—умереть по-христіански; я не боюсь смерти, я давно къ ней готова».

Кречетниковскаго священника, ея духовника (о. Александра Константиновича Смирнова), не застали; пригласили священника

отъ Введенія во храмъ Пресвятыя Богородицы (о. Ѳедора Васильевича Флоринскаго, прихода Куманиныхъ и Москвиныхъ), который ее исповѣдалъ и причастилъ. Вслѣдъ за тѣмъ въ $1^1/_2$ ч. ночи является докторъ Мамоновъ, ставитъ піявки (піявочница была уже тутъ) и на первыхъ порахъ не находитъ еще ничего безнадежнаго, но чрезъ часъ объявляетъ, что съ нею начинается агонія. Къ этому времени пришелъ ея духовникъ, и маменька пожелала собороваться, что и было исполнено. Служба продолжалась съ часъ (отъ 4 до 5 ч. ночи) и во все время службы маменька усердно молилась, вполнѣ понимая отъ слова до слова смыслъ молитвы и крестясь каждый разъ полнымъ крестомъ. Съ самого начала припадка она стонала отъ боли, но во время причащенія и потомъ соборованія и отходной она ни разу не простонала, сдерживая страшную боль. Послѣ соборованія, привставши и обращаясь къ намъ, она повторила нѣсколько разъ: «простите меня, Христа ради!» Обращаясь, затѣмъ, ко всѣмъ окружающимъ, повторила то же. Софью Юрьевну она благодарила съ такимъ чувствомъ, что мы не могли удержаться отъ рыданія. «Спасибо Вамъ, Софья Юрьевна, говорила она, Вы такъ ухаживали за мною, спасибо!»—Надежду Ивановну Дрожжину, когда та стала прощаться съ нею и цѣловать ея руки, обняла и поцѣловала.

За нѣсколько минутъ до смерти, когда всѣ боли уже прекратились, она попросила повернуть себя на лѣвый бокъ, повторяя: «какъ я устала»; тогда дыханіе ея стало рѣже и, наконецъ, она вздохнула послѣдній разъ подъ благословеніями всѣхъ окружающихъ. Только истинный христіанинъ можетъ такъ умирать! Всѣ эти 6 часовъ прошли у нея въ молитвѣ. Духовника своего она лично просила передъ послѣднимъ вздохомъ ясно и громко: «молитесь о упокоеніи моей души».—Мы помолимся о Вашемъ здоровьѣ.—«Нѣтъ, этого уже не надо», отвѣчала она. Во время отходной, когда священникъ громко произнесъ: «пріими мой духъ съ миромъ!», она возвела руки къ небу и громко произнесла: «пріими духъ мой съ миромъ!» Тутъ только я увидалъ примѣръ, глубоко запавшій въ мою душу, какъ много значитъ религіозное настроеніе, и какъ оно миритъ человѣка съ смертью!

Елизавета Константиновна успѣла проститься съ ней; но Екатерина Александровна, Татьяна Александровна и Валентинъ Алексѣевичъ хотя и были увѣдомлены еще ночью, но имъ передали осторожно, слѣдовательно поздно. Дѣти были перевезены прямо съ постелей къ Куманинымъ, а оттуда на дачу въ Кунцево, куда собиралась наша семья переѣхать 11 или 12 числа с. м.

Много горя и заботъ пережила матушка въ своей жизни, теперь ей оставалось только успокоиться и пожить счастливо, смотря на хорошій результатъ своей жизни. Это она и сама сознавала, но не выдержалъ организмъ и не потянулъ дальше. Смерть Григорія Александровича ее сразила! Она такъ любила его! Съ этого случая болѣзнь ея пошла быстрыми шагами къ худшему и она, кажется, не питала надежды на выздоровленіе. Она говорила мнѣ за нѣсколько дней до смерти: «теперь я могу умереть покойно, вы всѣ выросли, всѣ дружны и счастливы...»

Мы не замедлимъ послать вамъ портретъ съ покойной матушки, снятый фотографически съ мертвой.

Марья Козьминична (которой уже 72 г.), Татьяна Александровна съ Валентиномъ Алексѣевичемъ, Екатерина Александровна, не исключая и всѣхъ другихъ, были сильно потрясены, но, благодаря Богу, здоровье ихъ еще въ хорошемъ состояніи. Куманинъ Константинъ Константиновичъ во время хлопотъ при похоронахъ показалъ, какъ братски онъ расположенъ къ намъ. Во все это время я перевидалъ всю свою родню и многихъ нашихъ старыхъ знакомыхъ—какъ все постарѣло и перемѣнилось!

Послѣ такого печальнаго случая я раздумалъ ѣхать за границу, а спустя мѣсяцъ поѣду въ Гельсингфорсъ—купаться въ морѣ.

Болѣзнь матушки такъ и осталась загадкой для докторовъ. Мамоновъ, Оверъ и Захарьинъ находили, что болѣзнь въ печени и въ сердцѣ, но положительнаго діагноза не было установлено. Полагаютъ, что на печени подъ ребрами періодически образовывались нарывы, и послѣдній изъ нихъ, лопнувъ, причинилъ смерть.

Надежда Александровна Крестовникова.

(Снимокъ съ мертвой)

Валентина Константиновича Крестовникова—къ намъ въ Казань. Москва 24 октября 1862 г. Мы начали нашу торговую операцію въ 1849 г., и въ эти 13 лѣтъ она никогда не достигала еще возмужалости. Теперь она только-что начинаетъ крѣпнуть, поэтому въ настоящее время нельзя думать о реформахъ. Надо воспользоваться ея плодами и, какъ можно скорѣе, составить значительный оборотный капиталъ, и тогда уже думать о реформахъ и, пожалуй, о ликвидаціи.

1863 годъ.

Сергѣя Константиновича Крестовникова—ко мнѣ въ Казань. Лондонъ 16 мая с. с. Мы выѣхали съ братомъ Владиміромъ изъ Москвы 4 мая и только вчера прибыли въ Лондонъ. Въ эти 10 дней мы осмотрѣли Петербургъ, Берлинъ, Потсдамъ, Бонъ, Кёльнъ и Брюссель. Отъ Берлина и Рейнскихъ провинцій мы—въ восторгѣ. Едва ли найдешь еще такую пріятную и дешевую жизнь, какъ на Рейнѣ, и такого образованнаго народа, какъ пруссаки.

Брюссель и, вообще, Бельгія намъ очень не понравились. Въ Лондонѣ мы пока не знаемъ, съ какого конца начать его осмотръ. Мы пробудемъ здѣсь 3-е сутокъ и, затѣмъ, побываемъ въ Манчестерѣ и Ливерпулѣ, а потомъ прямо въ Парижъ. Не знаю, что будетъ дальше, а пока путешествіе и пріятно, и полезно.

Сало здѣсь 41 шиллингъ, но съ окончаніемъ американской войны должно сильно подорожать. Конца американской войны еще не видно. На остановку работы на прядильныхъ фабрикахъ здѣсь сильно жалуются.

Его же—ко мнѣ въ Казань. Парижъ 1 іюня с. с. 1863 г. Послѣ негостепріимнаго Лондона и дымнаго Манчестера Парижъ намъ кажется просто раемъ, чувствуешь себя, какъ дома.

Чрезъ 10 дней отправимся въ Діепъ на морскія ванны, гдѣ пробудемъ четыре недѣли, и потомъ—во-свояси.

Его-же—ко мнѣ въ Казань. Москва 15 іюля 1863 г. Мы вернулись изъ-за границы 9-го с. м. Братъ Александръ съ Софьей Юрьевною живутъ въ Кунцевѣ, тамъ же живутъ Воронины и Семенъ Павловичъ Малютинъ. Я съ братомъ Владиміромъ пресмыкаемся то въ Кунцевѣ, то въ Москвѣ. Вы слышали, вѣроятно, что съ тетушкою Татьяною Александровной былъ еще ударъ 10-го мая, въ день поминокъ нашей матушки; теперь она безъ ногъ, но еще въ памяти. По виду ей не жить дольше весны. Куманины Константинъ Константиновичъ и Марья Петровна собираются въ концѣ мѣсяца въ Астрахань и проѣздомъ намѣрены заѣхать къ вамъ. Поклонъ братьямъ и всѣмъ знакомымъ. Я съ большимъ удовольствіемъ перенесся бы сейчасъ въ Казань, если бы это было возможно, до того здѣсь не понутру жизнь въ нашемъ богатомъ кружкѣ.

Съ вопросомъ объ опредѣленіи прожитка каждому члену фирмы всѣ согласны, но всѣ боятся нарушить старый, вполнѣ несостоятельный, артельный строй и хотятъ отложить до болѣе какого-то благопріятнаго времени. На-дняхъ былъ поднятъ вопросъ о домѣ, на Собачьей площадкѣ. Всѣ единогласно рѣшили продать его, но опять-таки впослѣдствіи. Вообще не одно наше правительство отлагаетъ все до болѣе благопріятнаго времени! Всѣ эти вопросы отлагаются, впрочемъ, до общаго нашего Собранія въ Казани, въ сентябрѣ мѣсяцѣ.

Константина Егоровича Астафьева—ко мнѣ въ Казань. Москва 30 сентября 1863 г. Очень порадовался женитьбѣ Андрея Кирилловича Чугунова и еще бы болѣе порадовался, если бы тому же послѣдовалъ многоуважаемый Павелъ Алексѣевичъ Солнцевъ. Всегда скажу, что проведенное время въ Казани, въ вашей любезной компаніи, никогда не изгладится въ моей памяти.

Валентинъ Алексѣевичъ Куманинъ, нашъ дядя и крестный отецъ всѣхъ насъ, братьевъ, давно болѣлъ подагрою въ

ногахъ и эта болѣзнь свела его въ могилу. 26 ноября 1863 г. онъ скончался.

Валентина Константиновича Крестовникова—къ намъ въ Казань. Москва 28 декабря 1863 г. Какой капиталъ поступитъ Константину Константиновичу Куманину послѣ Валентина Алексѣевича еще ничего положительнаго неизвѣстно. Радъ сообщить вамъ пріятную новость: братъ Владиміръ Константиновичъ женится на дѣвицѣ Маріи Петровнѣ Шелковниковой.

1864 годъ.

Валентина Константиновича Крестовникова къ намъ въ Казань. Москва 21 января 1864 г. Пріѣхавшій на дняхъ изъ Астрахани Владиміръ Петровичъ Веденисовъ говоритъ, что керосинъ и фотонафтиль тамъ пошли сильно въ ходъ и что того же надо ожидать и въ Тифлисѣ. Вслѣдствіе этого потребленіе свѣчъ нѣсколько сократится, можетъ-быть, только временно, но все-таки благоразумнѣе въ нынѣшнемъ году не работать болѣе 52 тыс. пудовъ стеариновыхъ и маргариновыхъ свѣчъ. Растительныя масла, замѣняемыя теперь при освѣщеніи улицъ керосиномъ, должны подешевѣть; нельзя ли ихъ употреблять въ мыло, въ особенности при все усиливающемся требованіи на него.

Появляются жалобы на фитиль въ нашихъ свѣчахъ; онъ не сгораетъ, и поэтому свѣчи текутъ. Обращайте особенное вниманіе на фитиль; надо его тщательно чистить, тѣмъ болѣе, что теперь всѣ сорта пряжи, вообще, сорные. Сало московской топки здѣсь опять на 3 р. 95 к. с.

Его же—ко мнѣ въ Казань. Москва 25 февраля 1864 г. Письмо начинается совѣтомъ выйти изъ сферы неопредѣленныхъ стремленій, дѣлавшихъ насъ то энергичными, то песси-

мистами до того, что мы хотѣли стать въ ряды служащихъ. Всѣ эти переходы нашихъ стремленій ослабили въ насъ дѣятельность и породили какую-то программу стѣсненій. Замкнувшись въ наши заводскія и фабричныя дѣла, мы не дозволяли ни одного живого движенія, какъ бы оно ни представлялось полезнымъ для дѣла. Слѣдствіемъ сего, не знаю какъ тебѣ, а мнѣ ясно, что теперь въ насъ нѣтъ разумной дѣятельности и надо опять обратиться къ ней. Мы очень рады, что поддержали наши сношенія съ Оренбургомъ, и если бы въ эти годы мы хотя немного пользовались ими, то нажили бы большой капиталъ. Вообще, всякая коммиссія, всякая благоразумная операція, не требующая капитала, должны находить въ насъ радушныхъ работниковъ. Сергѣя Петровича Алексѣева мы пригласили на стеариновый заводъ.

Его же—къ намъ въ Казань. Москва 6-го марта 1864 г. Нашъ крестный отецъ Валентинъ Алексѣевичъ Куманинъ завѣщалъ намъ каждому по 15 тыс. р. с., но съ тѣмъ, чтобы мы получили ихъ послѣ кончины тетушки. Въ настоящее время душеприказчикомъ, Александромъ Константиновичемъ Куманинымъ, сдѣлано намъ предложеніе получить завѣщанное теперь, но съ тѣмъ, чтобы проценты мы платили тетушкѣ. Съ точки зрѣнія нашихъ торговыхъ дѣлъ предложеніе это весьма намъ полезно, и я увѣренъ, что всѣ мы внесемъ эти деньги въ дѣло, чѣмъ облегчимъ оборотъ. Тѣ 234 тыс. р. с., которыя мы должны В. А. Куманину, перевелъ на себя Константинъ Константиновичъ Куманинъ и оставилъ въ нашемъ дѣлѣ. Какъ видится, весь капиталъ В. А. Куманина состоялъ изъ полутора милліона р. с. Говоря о наслѣдіи, прибавлю, что будто бы послѣ тетушки Татьяны Александровны намъ будетъ отказано по 40 или даже по 50 тыс. р. с., а послѣ Григорія Александровича тетушка Елизавета Константиновна хотѣла было сдѣлать выдѣлъ завѣщаннаго дядею намъ и Веденисовымъ, но такъ какъ средства ея небольшія и выдѣлъ затруднилъ бы ее, то она намѣрена сдѣлать духовное завѣщаніе, въ которомъ и выяснитъ выдѣлъ, какъ слѣдуетъ.

Константина Константиновича Крестовникова—ко мнѣ

въ Казань. Ростовъ-на-Дону 29 мая 1864 г. Твое письмо отъ 16 с. м. получилъ. Надо полагать, что Родоконаки крайне недоволенъ! Въ Одессѣ у него пропасть свѣчъ на рукахъ; онъ назначилъ цѣну 9 р. с. въ срокъ, а въ Ростовѣ-на-Дону 9 р. 35 к. с. въ срокъ; никто за эти цѣны не покупаетъ. Родоконаки, положительно, не знаетъ куда дѣваться со свѣчами. «Я признаюсь», говоритъ онъ, «сдѣлалъ большую ошибку, увлекся стеариновымъ дѣломъ, затратилъ въ него большой капиталъ и до сихъ поръ, кромѣ убытка, ничего не вижу. Это дѣло могло бы поправиться, если бы Крестовниковы отстали отъ Одессы и Ростова-на-Дону, иначе не знаю, что и дѣлать; отстать совѣстно, а съ другой стороны—свой интересъ чего не заставитъ сдѣлать!» Вотъ какъ онъ отзывается о своемъ стеариновомъ дѣлѣ! Свѣчи Плешановыхъ еще не приходили. Кожевенный товаръ продамъ съ уступкою въ цѣнѣ.

Въ Ростовѣ-на-Дону больше греки и евреи, такъ что на нашего брата, русскаго, смотрятъ, какъ на иностранца. О Таганрогѣ и говорить нечего! Тамъ, кромѣ грековъ, никого нѣтъ и народъ отсталый въ высшей степени; это такая кислятина, что мудрено и вообразить. Городъ же хоть куда—чистенькій, красивый, съ великолѣпнымъ общественнымъ садомъ. Въ Ростовѣ-на-Дону также есть городской садъ, но молоденькій, плохонькій; вечеромъ тамъ играетъ музыка, и въ это время выползаютъ въ садъ жители—преимущественно жиды и греки. Ходятъ греки важно, мало говорятъ, только кланяются и кланяются то по-гречески, какъ-то, противъ нашего, совсѣмъ на другой ладъ. А жиды бѣгаютъ, какъ угорѣлые, орутъ во всю глотку... и что за рожи! И всѣ въ стоячихъ воротничкахъ! Часто между греками и жидами прохаживаются турки изъ Константинополя,—по костюму настоящіе паяцы! Я тебѣ скажу, общество въ саду до того не мило и до того вонюче, что пойдешь въ садъ съ твердымъ намѣреніемъ остаться подольше, такъ нѣтъ же—выживутъ проклятые, такой жидовской вони напустятъ, что не выдержишь и уйдешь.

Мое—къ Константину Константиновичу Крестовникову въ Ростовъ-на-Дону. Казань 5 іюня 1864 г. Въ настоящее

время мы заняты преимущественно исправленіемъ недостатковъ въ работѣ нашего стеариноваго завода и въ сбытѣ товаровъ. Сало дешевѣетъ, цѣна на свѣчи должна упасть, особенно при существующей конкуренціи между заводчиками; теперь не время думать о высокой цѣнѣ, надо только сбывать. Въ Москвѣ мы продали 1,500 п. свѣчъ въ теченіе мая; большая партія была продана Серебрякову по 8 р. 30 к. с. пудъ.

Изъ новостей могу сообщить тебѣ, что у насъ былъ Павелъ Петровичъ Воронинъ со своею женой Авдотьей Павловной проѣздомъ въ Нуху; былъ также Иванъ Петровичъ Веденисовъ проѣздомъ изъ Астрахани въ Москву; былъ и Иванъ Андреевичъ Быковскій проѣздомъ въ Оренбургъ. Вячеславъ Николаевичъ Емельяновъ получилъ отъ конторы отпускъ на полтора мѣсяца и уѣхалъ за границу. Андрей Кирилловичъ Чугуновъ живетъ на Бутыркахъ; Константинъ Михайловичъ Зайцевъ уѣхалъ въ Екатеринбургъ къ Алексѣю Михайловичу Плешанову, на кумысъ. Въ Самарѣ Плешановы отъ пожара имѣли убытка, какъ говорятъ, болѣе 300 тыс. р. с. Бутлеровъ Александръ Михайловичъ издаетъ курсъ органической химіи. Воронину Петру Петровичу доктора пророчатъ скорую смерть, если онъ не броситъ занятій и не полечится серьезно. Поэтому Павла Петровича Воронина вернули съ дороги. Жена Николая Михайловича Бостанджогло скончалась.

Я ѣду въ Москву, Петербургъ и Гельсингфорсъ 8-го с. м. и вернусь въ Казань не ближе 1-го сентября. Тогда въ нашемъ общемъ собраніи займемся рѣшеніемъ разныхъ вопросовъ, стоящихъ на очереди.

Валентина Константиновича Крестовникова—ко мнѣ въ Казань. Москва 16 іюля 1864 г. Здѣсь биржевымъ купечествомъ учреждается частный банкъ (Купеческій) на паяхъ, по 5000 р. с. каждый пай. Въ числѣ другихъ и намъ сдѣлано предложеніе участвовать въ немъ. Мы, въ виду солидности учрежденія, рѣшились подписаться, дабы быть въ кругу этихъ людей и стоять въ болѣе близкомъ отношеніи къ сказанному банку, обѣщающему имѣть большое значеніе въ торговомъ мірѣ. Хотя эта наша подписка противорѣчитъ программѣ, не дозволяющей намъ

безъ общаго рѣшенія входить въ новыя дѣла, но дожидаться этого общаго рѣшенія не было времени.

Деньги по паямъ вносятся не всѣ вдругъ, а по частямъ. Мы подпишемся на одинъ пай. Банкъ этотъ будетъ давать деньги подъ товары и можетъ быть полезенъ для нашихъ дѣлъ.

Его же—къ Сергѣю Константиновичу Крестовникову—въ Казань. Москва 18 августа 1864 г. Покорно прошу тебя для окончанія разныхъ текущихъ вопросовъ сообщить Сентябрьскому Собранію въ Казани:

1) Владиміру Константиновичу сумма прожитка съ квартирою въ Москвѣ должна быть увеличена до 3350 р. с. 2) Переговорить и положительно рѣшить о квартирѣ Александра Константиновича. 3) Утвердить желаніе тетушки Татьяны Александровны, чтобы серебро послѣ матушки было предоставлено Александру Константиновичу, въ замѣнъ котораго она оставляетъ свое фамильное серебро намъ шестерымъ. 4) Московскій нашъ домъ тетушка Татьяна Александровна желаетъ купить за 14 тыс. р. с. и подарить дѣтямъ Александра Константиновича и деньги за домъ уплачивать по двѣ тысячи р. с. въ годъ. 5) Оставшіеся послѣ матушки брилліанты проданы за 1425 р. с. и платье—за 373 р. с. 6) Предложеніе, Василію Ивановичу Романову купить нашъ кожевенный заводъ, одобряемъ, но назначить цѣну и кондиціи до Общаго Собранія пайщиковъ не можемъ.

Послѣ Нижегородской ярмарки, въ первыхъ числахъ сентября, мы ежегодно собирались въ Казани для переговоровъ, какъ дѣйствовать въ наступающемъ новомъ конторскомъ году и для рѣшенія текущихъ вопросовъ. Постановленія свои мы сообщали тѣмъ изъ членовъ нашей фирмы, которымъ обстоятельства не позволяли быть въ нашемъ сентябрьскомъ собраніи.

Общее наше Собраніе въ Казани 3 сентября 1864 г. постановило:

1) Въ текущемъ году выпустить съ завода свѣчъ стеариновыхъ 43 тыс.; мраморнаго мыла 130 тыс., свѣчъ маргарино-

выхъ 7 тыс., олеина 8 тыс. пудовъ. Сала купить 120 тыс. пудовъ.

2) Такъ какъ для поддержки Шадринскаго дѣла мы имѣемъ въ виду на этотъ годъ коммиссіи отъ нашихъ обычныхъ поручителей, то могущія оказаться свободныя деньги отъ сокращенія работы на заводѣ мы считаемъ болѣе полезнымъ употребить въ настоящемъ году на сокращеніе сибирскихъ и другихъ невыгодныхъ кредитовъ.

3) Если бы представилась хорошая польза отъ покупки желтаго свѣчного сала, которое могло бы быть, въ случаѣ надобности, отправлено и продано въ С.-Петербургѣ, то купить таковое сало за счетъ завода, въ качествѣ запаса, по особому отъ Московской нашей конторы приказу, не вводя эту покупку въ заводскую смѣту.

4) Сбытъ нашихъ заводскихъ товаровъ стараться сосредоточивать въ болѣе выгодныхъ, по сбыту, мѣстахъ, какъ-то: въ Казани, Нижнемъ—на ярмаркѣ, Астрахани, Ростовѣ-на-Дону, Одессѣ и въ приволжскомъ краѣ вообще.

5) Въ виду близкаго окончанія американской войны слѣдуетъ имѣть возможно менѣе пряжи и хлопка на рукахъ. Полагаемъ, было бы благоразумнѣе продавать пряжу безъ задержки и имѣть хлопка и пряжи на рукахъ, въ крайнемъ случаѣ, не болѣе 4 тыс. пудовъ.

6) Мыловару Антону Антоновичу Шлехтингеру написать изъ Москвы, какой товаръ тамъ требуется какъ по качеству, такъ и по отношенію рѣзки и упаковки и выслать ящикъ съ таковымъ мыломъ за нашею печатью.

7) Привести въ исполненіе возможно скорѣе новое подраздѣленіе занятій по Казанской конторѣ, но такъ какъ, прежде освобожденія Сергѣя Петровича Алексѣева (котораго мы пригласили на стеариновый заводъ) отъ занятій по кожевенному дѣлу, исполнить сего въ точности нельзя, то просимъ Константина Константиновича занять на время мѣсто директора, назначенное Сергѣю Петровичу Алексѣеву и до принятія этого директорскаго мѣста просимъ Константина Константиновича собрать свѣдѣнія здѣсь и за границею о стеари-

ново-мыльномъ а, въ особенности, о вновь возникающемъ глицериновомъ производствѣ, съ цѣлью составить возможно вѣрную идею о томъ пути, по которому долженъ итти нашъ заводъ въ будущемъ.

8) Николаю Константиновичу дается, по новому распредѣленію занятій, полная довѣренность по управленію всѣми дѣлами Казанской конторы со всѣми правами и обязанностями, сопряженными съ такимъ полномочіемъ; остальныя же лица, означенныя въ новомъ распредѣленіи, ему подчиняются.

9) Съ 1 сентября 1864 года каждому члену, находящемуся при дѣлахъ нашей фирмы, назначается личный прожитокъ, сообразно съ родомъ занятія и мѣстомъ нахожденія конторы: а именно: А. К. 5300, Вал. К. 2700, К. К. 2000, Н. К. 3300, Влад. К. 3350, І. К. 2000, С. К. 2600 руб. с. въ годъ. Въ случаѣ отчужденія или уничтоженія домовъ, которые нынѣ предоставлены Московской и Казанской конторамъ, мы заранѣе опредѣляемъ плату за наемъ квартиры: Московской конторѣ 1000 р. с. и Казанской—600 р. с., которыя суммы, въ указанномъ выше случаѣ, и должны быть выданы представителямъ этихъ конторъ. Затѣмъ торговая фирма наша никакихъ расходовъ по личному прожитку отъ членовъ не принимаетъ.

10) Назначенныя суммы въ § 9 сего постановленія по прожитку членовъ фирмы выдавать имъ помѣсячно и, въ крайнемъ случаѣ, впередъ за три мѣсяца и записывать ихъ въ торговый расходъ за счетъ Московской конторы.

11) Представители конторъ Александръ Константиновичъ Московской, Николай Константиновичъ Казанской, Владиміръ Константиновичъ Полянской, Сергѣй Константиновичъ Шадринской и Александръ Константиновичъ съ Сергѣемъ Константиновичемъ Нижегородско-ярмарочной—пользуются съ 1-го сентября 1864 г. квартирами, предоставленными нынѣ этимъ конторамъ, безплатно, но безъ отопленія и освѣщенія, и, затѣмъ, съ правомъ не пускать въ свои квартиры никого, если бы даже и были свободныя комнаты. Остальные же члены фирмы нанимаютъ, себѣ квартиры, гдѣ каждому изъ нихъ пожелается, нисколько въ этомъ себя не стѣсняя.

12) Директоръ завода также пользуется безплатно отдѣльнымъ и приличнымъ помѣщеніемъ и непремѣнно на заводскомъ дворѣ.

13) Согласно Казанскому протоколу отъ 3 сентября 1863 г. Московская, Казанская и Полянская конторы составили подробныя описи мебели, утвари и пр. съ оцѣнкою каждой вещи. Представители этихъ конторъ принимаютъ въ свою собственность всѣ эти вещи по оцѣнкѣ и вносятъ за нихъ деньги въ Московскую контору въ теченіе 5 лѣтъ по равной части. Вслѣдствіе сего просить Московскую контору привести дѣло это въ исполненіе, соблюдая конторскую форму и ясность, а вносимыя деньги дѣлить сообразно съ сущностью дѣла.

14) По встрѣтившемуся предложенію со стороны тетушки Татьяны Александровны нашъ московскій домъ остается еще непроданнымъ. Постановляемъ домъ этотъ продать, когда препятствія устранятся.

15) Стремиться къ уменьшенію торговыхъ расходовъ.

Константинъ, Николай, Іосифъ и Сергѣй Константиновичи подтверждаютъ свое желаніе, заявленное еще въ 1863 году, о необходимости опредѣлять въ нашихъ Сентябрьскихъ собраніяхъ сроки вакантнаго времени каждому члену фирмы. Достигнуть сего можно слѣдующимъ образомъ: одинъ разъ въ годъ, въ Сентябрьскомъ собраніи, составляется роспись—когда и кто освобождается отъ своего занятія и кѣмъ замѣняется. Сами члены должны уговариваться между собою касательно вакантнаго времени и замѣны другъ-друга, заявляя о томъ въ Сентябрьскомъ собраніи.

Александръ Константиновичъ заявилъ, что на такихъ условіяхъ, какъ предлагаетъ тетушка Татьяна Александровна, онъ принять домъ считаетъ неудобнымъ.

Только Казанскою конторой была представлена Собранію опись съ оцѣнкою вещей на 2417 р. 85 к. с. Описи и оцѣнки вещей, переходящихъ въ собственность представителей кон-

торъ, ни Московскою, ни Полянскою конторами Собранію еще не представлены.

Затѣмъ Собраніе читало, полученное изъ Москвы, письмо Валентина Константиновича, слѣдующаго содержанія:

Москва 31 августа 1864 г. Любезный братъ Александръ Константиновичъ. При настоящемъ положеніи дѣлъ, насъ очень безпокоитъ большое количество на рукахъ хлопка, а именно 7500 пд. Мы думаемъ начать продавать его. Мы прядемъ только 2000 пд. въ мѣсяцъ, слѣдовательно намъ хватитъ хлопка до декабря, а къ этому времени надо ждать переворота въ американскихъ дѣлахъ, хотя послѣдніе слухи о перемиріи официально и опровергаются. Если переворотъ въ Америкѣ и застанъ бы насъ безъ хлопка, и мы принуждены были бы остановить фабрику, то все-таки это было бы лучше, чѣмъ рисковать на 7500 пд. хлопка, стоимостью въ 200 тыс. р. с. Тутъ можно потерять сильно! Думаю, что малыми партіями можно будетъ распродать хотя 4 или 5 тыс. пуд. съ нѣкоторою, пожалуй, уступкою, а остальное спрясть. Если раздѣляете наше мнѣніе о продажѣ хлопка, то телеграфируйте такъ: «на предложеніе ваше согласны», а если нѣтъ, то такъ: «предложеніе ваше читали,—подождите».

Собраніе отвѣчало: «на предложеніе ваше согласны».

Александра Константиновича Крестовникова—къ намъ въ Казань. Москва 9 сентября 1864 г. Пріѣхавъ въ Москву, я нашелъ брата Валентина больнымъ, у него начиналась горячка; теперь ему лучше. Въ Москвѣ теперь такая тишина, что ни пряжи, ни хлопка никто не покупаетъ. О мирѣ всѣ извѣстія оказались пустыми, напротивъ, въ Ливерпулѣ по послѣднимъ телеграммамъ, хлопокъ крѣпнетъ, и мира не ожидаютъ ближе весны, но паника продолжится, по всему вѣроятію, до конца сентября. Цѣны на пряжу прядильщики крѣпко держатъ. Мы готовы уступить и въ пряжѣ и въ хлопкѣ, только бы продать и исполнить общее желаніе относительно уменьшенія риска, котораго, впрочемъ, пока до окончанія войны не видно. Хлопка у насъ на 1 сентября 6500 пудовъ и пряжи 935 пудовъ.

1865 годъ.

Константина Константиновича Крестовникова—ко мнѣ въ Казань. Москва 10 января 1865 г. Посылаю тебѣ всѣ копіи, полученныя отъ тебя. Прошу тебя выбрать всѣ бумаги изъ моего стола и вмѣстѣ съ моимъ имуществомъ прислать весною ко мнѣ въ Ростовъ-на-Дону при товарѣ. Надѣюсь 12 января выѣхать. (Братъ Константинъ Константиновичъ съ этого времени замѣнилъ въ Ростовѣ-на-Дону Дмитрія Юрьевича Миліоти).

Его же—ко мнѣ въ Казань. Ростовъ-на-Дону 5 марта 1865 г. Отвѣчаю на письмо твое въ Москву, касательно баланса. Бывши въ Москвѣ, я лично заявлялъ о всемъ безобразіи веденія нашего прядильнаго дѣла въ послѣднее время. Надо подумать, какъ итти впредь съ бумагопрядильней.

Заводъ Родоконаки не работаетъ, по случаю увольненія, Питансье отъ должности мастера. Родоконаки не знаетъ что дѣлать; онъ предлагалъ мнѣ—не взойдемъ ли мы въ его дѣло? Я отвѣчалъ отказомъ, что вы, я увѣренъ, одобрите.

Сергѣя Константиновича Крестовникова—ко мнѣ въ Казань. Москва 5 мая 1865 г. Я пока занятъ визитами и о дѣлѣ еще ничего не говорилъ. Могу лишь передать слѣдующее: убытка отъ пряжи и хлопка, оставшихся на 1 сентября, 70 тыс. р. с. Теперь прядутъ безъ остановки и пользы болѣе 2 р. с. на пудъ. Пряжа и хлопокъ дорожаютъ.

Тетушка Татьяна Александровна слаба, но въ полной памяти. Константинъ Константиновичъ Куманинъ съ женой и Аграфеною Николаевной Веденисовой съ дитятей ѣдутъ въ Астрахань и хотятъ заѣхать къ вамъ, въ Казань. Марья Петровна на послѣднихъ дняхъ беременности и живетъ въ Москвѣ у своей матушки, а братъ на фабрикѣ и пріѣзжаетъ ее навѣщать каждую недѣлю.

Константина Константиновича Крестовникова—ко мнѣ въ Казань. Ростовъ-на-Дону 22 іюня 1865 г. Отвѣчаю на твои вопросы. Значительные дома здѣсь: Ралли и Скараманга, Родоконаки и Петрококино, Ралли и Маріалаки. Послѣдній

очень солидный; въ Египтѣ у него живетъ сынъ и если тамъ наша свѣча пойдетъ, то онъ намѣревается покупать ее на заводѣ въ январѣ за наличныя деньги. Въ Египтѣ теперь сильная холера. Со временемъ, когда тамъ наше дѣло устроится, я начну дѣло съ Константинополемъ опять-таки чрезъ Русское Общество пароходства и торговли. Это лучшій для насъ коммиссіонеръ.

До сего времени въ нашемъ «складѣ» держали цѣну одинаковую на всякое количество и одинаковую какъ для торговцевъ такъ и для потребителей. Понятно, почему торговцы питаютъ злобу къ нашему складу!

Сергѣя Константиновича Крестовникова—ко мнѣ въ Казань. Нижегородская ярмарка 2 августа 1865 года. Братъ Александръ Константиновичъ говоритъ, что по цѣнамъ, стоящимъ теперь на пряжу и хлопокъ, убытокъ, который мы считали въ 77 тыс. р. с., убавится до 30 тыс. р. с., и коммиссіи въ этомъ году мы заработаемъ до 6 тыс. р. с.

Бухарцы въ Оренбургѣ задержаны, и товары ихъ конфискованы. Гдѣ они будутъ продаваться—въ Оренбургѣ или здѣсь,—пока неизвѣстно, но уже выбрана коммиссія изъ купцовъ и въ нее вошли Ключаревъ и Быковскій. Вырученныя деньги пойдутъ на удовлетвореніе потерпѣвшихъ русскихъ подданныхъ въ Бухарѣ отъ господствующаго тамъ грабежа.— 5% выигрышные билеты здѣсь продаются по 112 р. с. съ процентами.

Константина Константиновича Крестовникова—ко мнѣ въ Казань. Ростовъ-на-Дону 27 сентября 1865 г. Устроить сбытъ нашихъ свѣчъ, какъ мы ихъ работаемъ теперь, мы не можемъ, ни въ Египтѣ, ни въ Константинополѣ. Туда поставляютъ французскіе и австрійскіе заводчики дистилляціонную свѣчу, стоящую дешевле нашей. У нихъ тамъ торговля обставлена такъ, какъ намъ ее никогда не обставить. Мы за свой товаръ должны платить 12% ввозной пошлины, а они, имѣя сдѣлку съ чиновниками таможенъ, платятъ тамъ не болѣе 2%. Слѣдовательно, сбытъ нашей свѣчи, какъ по ея достоинству, такъ и по принятому порядку нашей торговли, не мыслимъ

за границу и лучше ближе заняться сбытомъ внутри. Мы имѣемъ здѣсь складъ для удовлетворенія черноморскаго и азовскаго побережья. Положимъ, мы болѣе другихъ сбываемъ тамъ свѣчъ, но за нами не мало сбываютъ тамъ Родоконаки, Калетъ, Асмусъ Симонсъ, Нильсенъ и др. Положимъ, ихъ свѣчи хуже нашихъ, но, съ уступкою 20 к. с. въ пудѣ, онѣ идутъ свободно. Чтобы конкурировать съ успѣхомъ, намъ остается одно изъ двухъ: или имѣть второй сортъ свѣчи, видомъ не хуже свѣчи этихъ господъ, и заставить ихъ равняться цѣною съ нашимъ вторымъ сортомъ, или имѣть одинъ сортъ свѣчи и держать ей цѣну такую, чтобы не было возможности везти московскую свѣчу, и изъ Одессы—свѣчу Родоконаки.

Для Египта и Константинополя приготовьте мнѣ свѣчу въ 91 зол. съ бумагой обыкновеннаго формата, только короче и съ французскимъ безъименнымъ ярлыкомъ. На первый разъ приготовьте 1000 пуд. Заводъ Родоконаки, надо полагать, остановился навсегда.

Валентина Константиновича Крестовникова—ко мнѣ въ Казань. Москва 26 ноября 1865 г. Съ истиннымъ сожалѣніемъ извѣщаю тебя и братьевъ о кончинѣ любезной нашей тетушки Татьяны Александровны, послѣдовавшей сегодня, въ часъ ночи. Она умерла отъ антонова огня, но сохранила память до послѣдней минуты.

1866 годъ.

Николая Константиновича Крестовникова—братьямъ въ Москву. Казань 26 іюля 1866 г. Мѣстные жители снова подняли протестъ противъ нашей спускной воды и, какъ слышно, подали губернатору прошеніе объ устраненіи ея. Мы пришли къ окончательному рѣшенію провести спускную воду деревянными трубами въ р. Волгу и тѣмъ покончить это непріятное и угрожающее заводу положеніе. Мы приступимъ къ прокладкѣ сказаннаго водостока, какъ только здѣшнее началь-

ство обратится къ намъ съ этимъ дѣломъ и одобритъ наше рѣшеніе. Провести спускную воду въ Волгу деревянными трубами будетъ стоить до 6000 р. с.

Симъ заявляемъ, что мы, Николай, Іосифъ и Сергѣй Крестовниковы, согласны продать нашъ домъ, на Собачьей площадкѣ, брату Александру Константиновичу за 9000 р. с. и получить 5% банковыми билетами.

Ивана Петровича Веденисова—ко мнѣ въ Казань. Астрахань 18 сентября 1866 г. 20 августа мнѣ Богъ далъ сына Петра. Съ 1-го сентября здѣсь появилась холера, и такая злая, что изъ заболѣвающихъ не было ни одного случая выздоровленія; теперь она стала ослабѣвать.

Константина Константиновича Крестовникова—ко мнѣ въ Казань. Ростовъ-на-Дону 19 сентября 1866 г. Твое письмо отъ 3-го августа получилъ. Для меня получать письма большая рѣдкость. Съ мая—твое первое! Ты спрашиваешь, какъ мы здѣсь поживаемъ? Могу сказать—скверно поживаемъ. Я съ мая мѣсяца все хвораю, не могу привыкнуть къ здѣшней жарѣ и на будущее лѣто въ Ростовѣ проживать не располагаю.

Холера навела здѣсь такой ужасъ, что, дай Богъ, подобнаго болѣе не испытывать. Такъ какъ здѣсь во время холеры пособій не оказывали, то заболѣвающіе бѣгали въ лѣтнюю жару въ шубахъ по улицамъ и кричали: «схватила, батюшки, схватила!» и этотъ способъ самолѣченія былъ здѣсь распространенъ, потому что многимъ удавалось «отбѣгаться», а тѣ, которые въ бѣгахъ изнемогали, ползкомъ добирались до церкви, гдѣ безостановочно исповѣдывались и причащались.

1867 годъ.

Владиміра Константивовича Крестовникова—ко мнѣ въ Казань. Сельцо Поляна 11 января 1867 г. Я все больше живу въ деревнѣ, весьма рѣдко ѣзжу въ Москву и досугомъ частенько забавляюсь возней съ моей милой дочкой Надей.

Отчего бы вамъ не пріѣхать на нѣсколько деньковъ въ Поляну, или вы полагаете, что во мнѣ нѣтъ достаточнаго гостепріимства? Я и самъ съ женой побывалъ бы въ Казани, но, рѣшительно, не на кого оставить фабрику. Мой поклонъ Солнцеву и Тюрину. Прядильное дѣло идетъ эти мѣсяцы тихо, обѣщаютъ лучшаго... будемъ ждать этого лучшаго! Строютъ вновь (или увеличиваютъ) много прядиленъ: Мазурины, Малютинъ, Барановъ и пр. Все это не къ лучшему! Одного желаю—выбрать капиталъ изъ фабрики до цифры, за которую можно было бы ее всегда сбыть. Поклонъ брату Іосифу.

Сергѣя Константиновича Крестовникова — Маріи Петровнѣ Крестовниковой въ Москву. Ирбитская ярмарка 2 февраля 1867 г. Я, слава Богу, здоровъ. По обыкновенію, съ самой осени все въ разъѣздахъ и въ настоящую осень и зиму сдѣлалъ уже болѣе 6000 верстъ. Въ здѣшнемъ краю въ эту зиму погода стоитъ теплая, однако дня четыре морозъ доходилъ до 40° по Реомюру. Посылаю поцѣлуи Надѣ и Катѣ; весною буду у васъ въ Полянѣ.

Николая Константиновича Крестовникова—къ братьямъ, въ Москву. Казань 29 апрѣля 1867 г. Іосифъ Константиновичъ прибылъ сюда вчера и сегодня выѣзжаетъ въ Ростовъ-на-Дону. Валентину Константиновичу слѣдуетъ поторопиться пріѣздомъ въ Казань по дѣлу о сточной водѣ, которое усложнилось вслѣдствіе противодѣйствія татарскаго населенія, настаивающаго на немедленномъ запечатаніи нашей спускной канавы, и чтобы, до устройства новой на р. Волгу, обязать заводъ вывозить всю спускную воду въ бочкахъ въ указанное начальствомъ мѣсто. Просьба татаръ уважена, и резолюція подписана губернаторомъ. Мотивъ тотъ, что спускная вода и самый заводъ заражаютъ воздухъ. Въ силу сего губернаторъ Николай Яковлевичъ Скарятинъ никакой нашей просьбы, касающейся Строительной Коммиссіи, не разрѣшаетъ. Важность всего вышеизложеннаго и заставляетъ насъ просить Валентина Константиновича поторопиться пріѣздомъ.

Николая Константиновича Крестовникова—братьямъ въ

Москву. Казань 16 ноября 1867 г. Корпусная контора переведена въ подвалъ и, такимъ образомъ, отливная расширена. Экономической свѣчи болѣе работать не будемъ, чрезъ что увеличится выходъ мыла. На Подуруевской землѣ вырыли колодецъ, изъ котораго провели подземный боровъ до корпуса; трубы въ боровѣ чрезъ полтора мѣсяца будутъ уже проложены, и тогда рабочая вода будетъ чистая и мягкая, что будетъ хорошо вліять на качество свѣчи. Изъ этого же колодца въ сильные морозы будемъ пускать воду по спускной трубѣ вмѣстѣ съ нечистой съ тою цѣлью, чтобы не было замерзанія въ трубахъ.

Изъ каменныхъ развалинъ на Подуруевскомъ дворѣ мы устроили спальню для рабочихъ, такъ какъ въ жилыхъ помѣщеніяхъ заводъ терпѣлъ недостатокъ. Котельная готова, котлы въ непродолжительномъ времени будутъ ставить. Канава на Волгу готова, но до окончательнаго устройства трубъ погодимъ пускать въ нихъ воду изъ колодца. Начальство стало къ намъ благосклоннѣе. Мыльный новый котелъ также въ скоромъ времени будемъ ставить. Прессы исправимъ лѣтомъ, тогда же займемся и устройствомъ камеры, чтобы намъ можно было обойтись безъ покупного купороснаго масла. Ожидаемъ плетильныя машинки изъ Парижа и, когда онѣ придутъ, займемся устройствомъ фитильнаго отдѣленія. Вскорѣ изготовимъ заказъ на новый запасный аппаратъ.

Теперь у насъ свѣчи выходятъ легковѣсныя и тяжеловѣсныя, смотря по тому, откуда взятъ стеаринъ—сверху или снизу чана; по этой причинѣ свѣчи, послѣ обрѣза, выходятъ неравной длины, и пачки разнятся въ вѣсѣ. Необходимо всю массу стеарина смѣшивать въ особомъ чанѣ.

Здѣсь учреждается купеческая биржа, которая вскорѣ откроется. Я избранъ въ члены комитета и принялъ на себя эту обязанность.

1868 годъ.

Въ этомъ году мы предприняли путешествіе въ Финляндію въ сообществѣ брата Сергѣя Константиновича, его жены, племянницы Поли — 13-лѣтней дѣвицы — и 14-лѣтняго моего племянника Гриши—гимназиста второго класса.

Николая Константиновича Крестовникова — въ Казань брату Константину Константиновичу Крестовникову. С.-Петербургъ 19 іюня 1868 г. Мы съ братомъ Сергѣемъ Константиновичемъ живемъ здѣсь уже цѣлую недѣлю.

Сообщу прежде о Москвѣ. Въ Петровскомъ-Разумовскомъ домъ Агрономическаго института—настоящій дворецъ; садъ и паркъ содержатся превосходно; ученики—въ крестьянскихъ одѣяніяхъ. На Этнографической Выставкѣ костюмы безукоризненны, но манекены уродливы. Мостовыя въ Москвѣ значительно улучшились, но пыль повсюду (особенно въ Петровскомъ паркѣ), несосвѣтимая, какъ выражаются москвичи. Дума отказывается поливать, а жители кое-гдѣ поливаютъ улицы изъ леекъ или ковшомъ изъ ведра. Въ Зоологическомъ саду все или передохло, или при послѣднемъ издыханіи. Въ Купеческомъ клубѣ обѣды несравненно хуже Казанскаго Купеческаго клуба. Въ Кунцевѣ также прекрасно, какъ было прежде. Наши тамъ живутъ на той же дачѣ, у церкви. Аксаковъ, съ женою, живутъ въ Кунцевѣ же и бываютъ у нашихъ. Въ Московской Купеческой Биржѣ собирается масса народа и помѣщеніе становится тѣсно: подумываютъ о постройкѣ новой. Предсѣдатель Биржи, Иванъ Артемьевичъ Ляминъ, забаллотированъ. Онъ вооружилъ купечество противъ себя тѣмъ, что послѣ Святой не далъ биржевой залъ для совѣщанія по тарифнымъ дѣламъ. Избранъ въ предсѣдатели Тимоѳей Саввичъ Морозовъ. Митрополитъ Иннокентій, первымъ дѣломъ, не приказалъ попамъ кланяться ему въ ноги. Фельдмаршалъ Барятинскій проѣзжалъ чрезъ Москву въ свое имѣніе для ле-

ченія, какъ онъ выразился, покоемъ. Ему представлялось Московское Биржевое Общество.

Въ «Полянѣ» всѣ въ добромъ здоровьѣ, исключая старика Лазарича, который становится слѣповатъ. По вопросу, что дѣлать съ прядильней, если хлопокъ будетъ дорогъ, а пряжа дешева, сужденіе отложено до сентября, а до того времени у насъ хватитъ дешеваго хлопка. На Николаевской желѣзной дорогѣ, перешедшей теперь Главному Обществу,—тряска въ вагонахъ и всякаго безпорядка вдоволь. Что-то сдѣлаетъ Главное Общество? Выздоровѣлъ ли Петръ Ивановичъ Коровинъ и живъ ли Павелъ Павловичъ Казаковъ? Не напишетъ ли мнѣ Андрей Кирилловичъ Чугуновъ, какъ идетъ мое дѣтище «Казанскій Биржевой Листокъ».

Теперь о С.-Петербургѣ. Остановились мы въ гостинницѣ Парижъ, на Малой Морской: комфорта мало, чистоты тоже, обѣдъ въ полтора рубля хорошъ, кофе на славу. Гостинница и прачка подаютъ счета то на французскомъ, то на нѣмецкомъ языкѣ. Конно-желѣзная дорога работаетъ по тремъ направленіямъ и зарабатываетъ хорошія деньги. То же можно сказать и про Царскосельскую ж. д. Погода здѣсь холодновата, но безъ дождей; публики ѣздитъ въ Царское Село и въ Павловскъ множество.

Въ Павловскѣ передъ вокзаломъ стоитъ теперь «Наяда» съ Парижской выставки. Фигура въ 9 аршинъ высоты. Она держитъ вазу съ водяными лиліями. Игра воды изъ каждаго цвѣтка, при совмѣстномъ освѣщеніи газомъ, очень эффектна. Въ воскресенье здѣсь было болѣе 2000 человѣкъ, а во вторникъ давалъ тамъ концертъ замѣчательный хоръ князя Голицына, подъ его управленіемъ, и публики было болѣе 5000 человѣкъ. Поѣздъ, въ которомъ мы ѣхали изъ Петербурга, состоялъ изъ 30 вагоновъ по 80 ч. въ каждомъ, всего 2400 человѣкъ.

Были и въ Царскомъ Селѣ. Осмотрѣли замѣчательный скотный дворъ; видѣли тамъ 12 коровъ и бычка бретанской породы, подаренныхъ нашему Государю Наполеономъ III. Коровки маленькія, но премиленькія, все пѣгашки, даютъ молока очень мало, но зато густого и вкуснаго, замѣняющаго

сливки. Тамъ же видѣли лучшіе экземпляры «холмогорокъ», дающихъ 40 бутылокъ молока въ сутки, тогда какъ «бретанки»— только 12 бутылокъ.

Хожу часто въ Эрмитажъ. Что за прелесть картина Гвидо-Рени «Іосифъ съ Младенцемъ»!

Его же—Константину Константиновичу Крестовникову въ Казань. Гельсингфорсъ 1 іюля 1868 г. Наше морское путешествіе было пріятно и интересно. Мы плыли шхерами. Погода стояла ясная и тихая, нашъ пароходъ «Дагмара», новенькій, чистенькій, плылъ какъ бѣлый лебедь по зеркальной поверхности моря, лавируя между шхерами, поросшими елью, мѣстами березою, и представляющими собою какъ бы клумбы сада. Мы занимали семейную каюту въ 5 мѣстъ и одну добавочную, и все это стоило намъ 53 р. с. безъ стола. Утромъ въ 9 ч.—завтракъ, въ 2 ч.—обѣдъ (75 к. съ персоны) за общимъ столомъ. За обѣдомъ—неизбѣжное блюдо черносливъ со сливками. Мы плыли два дня и одну ночь. Выѣхали изъ Петербурга въ $9^1/_2$ ч. утра, а въ 5 ч. вечера были въ Выборгѣ, гдѣ и переночевали, такъ какъ ночью шхерами идти опасно. Нагулялись въ выборгскомъ паркѣ барона Николаи «Monrepos» и купили выборгскихъ кренделей. Рано утромъ поплыли далѣе. Проѣзжали чрезъ Тренгзундъ (узкій проливъ), гдѣ значительная лѣсная пристань. Къ обѣденному времени встрѣтили нашу эскадру броненосцевъ и мониторовъ—картину для насъ интересную по новизнѣ. Вообще, наше плаваніе по шхерамъ было поистинѣ очаровательное: качки никакой, погода теплая, воздухъ чистый, влажный, благоухающій! Наконецъ, мы прибыли въ Гельсингфорсъ—въ этотъ «скалу-городъ». Здѣсь засуха и ожидаютъ голодъ. Денежнымъ курсомъ всѣ недовольны: даютъ 388 пени (марка=100 пени) за рубль серебромъ, а было время давали менѣе 200 пени; ранѣе же, четыре года назадъ, русскія деньги ходили здѣсь, какъ въ Россіи.

Гриши Крестовникова, послѣ возвращенія своего изъ поѣздки съ нами въ Гельсингфорсъ,—дядѣ Николѣ въ Казань. Москва 20 августа 1868 г. Милый дядя Николя! Я выдержалъ экзаменъ въ 3-й классъ. Изъ естественной исторіи меня спро-

сили о птицахъ, а не объ моллюскахъ, чему я былъ очень радъ. Я теперь живу второй день въ Москвѣ, хожу въ гимназію, въ 3 ч. возвращаюсь. Скука страшная, дѣлать нечего, уроковъ почти не задаютъ. Зато въ Кунцевѣ мнѣ было весело. Я ѣздилъ три раза на лодкѣ ловить рыбу. Въ первый разъ поймали 66 ершей, во второй — 147, въ третій — 67; ѣздили втроемъ: я, Николай Павловичъ Малютинъ и Брокъ. Вчера я былъ въ Царицинѣ съ дядями—Костей и Митей и еще нѣкоторыми, которыхъ ты не знаешь, тоже на рыбной ловлѣ; но тутъ ловъ былъ неудаченъ. Я вытащилъ только 10 окуней, но довольно большихъ. Въ субботу, можетъ быть, поѣду на охоту съ дядей Костей въ Мытищи. Не знаю, что еще писать! Поклонись отъ меня Аполлинаріи Софоновнѣ, Полинѣ Алексѣевнѣ, Прасковьѣ Михайловнѣ и дядямъ Сережѣ и Костѣ.

«Бр. Крестовниковыхъ и К°»—въ Казань. Москва 21 сентября 1868 г. Домъ, который предположено выстроить на нашей заводской землѣ, просимъ васъ начать и ускорить постройкою. Онъ назначается для помѣщенія Константина Константиновича и Сергѣя Константиновича съ Шадринской конторою и потому долженъ быть помѣстительностью не менѣе существующаго дома на заводѣ и истратить на него можно до 15 тыс. р. с.—Далѣе, просимъ купить, когда представится возможность, тѣ двѣ прилегающія земли къ заводу, о которыхъ было говорено на послѣднемъ Сентябрьскомъ совѣщаніи, а покупку эту предоставляемъ усмотрѣнію Николая Константиновича.

Вступивъ въ новый конторскій годъ, мы считаемъ долгомъ выразить нашу искреннюю благодарность заводскому управленію и въ особенности Константину Константиновичу за тѣ усовершенствованія и успѣхи въ заводопроизводствѣ, сдѣланные имъ, и которые ставятъ нашъ заводъ въ возможность встрѣтить конкуренцію, что при прежней системѣ работъ было бы для насъ дѣломъ невозможнымъ и вмѣстѣ съ тѣмъ надѣемся, что и на будущее время онъ будетъ принимать такое же живое участіе въ разработкѣ разныхъ вопросовъ, до завода и, вообще, всего дѣла касающихся.

Операціи Шадринской конторы въ этомъ году также

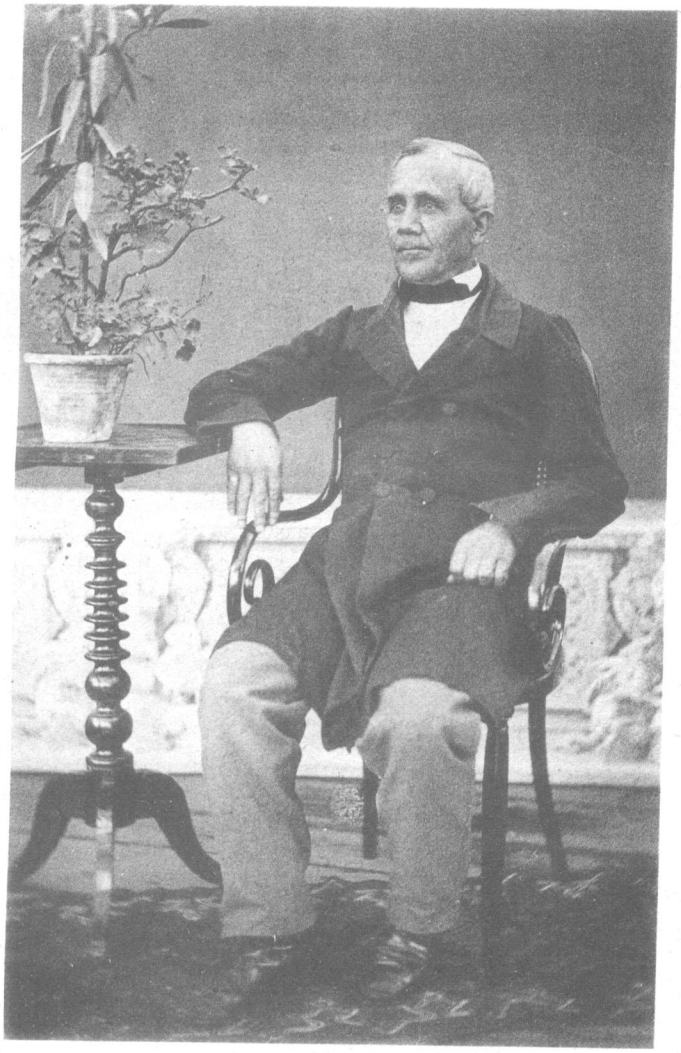
ознаменовались блистательнымъ успѣхомъ и много содѣйствовали успѣшному ходу нашего стеарино-мыльнаго производства, за что считаемъ долгомъ искренно благодарить Сергѣя Константиновича.

1869 годъ.

Въ этомъ году 19 іюля посѣтили Казань Государь Наслѣдникъ съ Государыней Цесаревной и Великимъ Княземъ Алексѣемъ Александровичемъ.

Константина Константиновича Крестовникова — Владиміру Константиновичу и Марьѣ Петровнѣ въ Москву. Казань 6 октября 1869 г. Сообщаю вамъ, я повѣнчался съ Іустиною Іосифовною Осиповой и увѣренъ, что вы пожелаете мнѣ всего добраго. Зимою собираюсь въ Москву и буду имѣть удовольствіе погостить и у васъ въ Полянѣ. Во все это время на заводѣ было столько работы и заботъ, что не видать было имъ конца. Теперь нѣсколько поустроились. Вообще, стеариновое дѣло молодо и требуетъ постояннаго движенія впередъ. Въ Европѣ, кромѣ дистилляціи есть новѣйшія системы, которыя требуется изучить.

Сергѣя Константиновича Крестовникова — Владиміру Константиновичу и Марьѣ Петровнѣ—въ Москву. Казань 8 ноября 1869 г. Съ душевною радостью извѣщаю васъ, что 3 с. м. я обвѣнчался съ Прасковьей Михайловной Шеболовой. Я и братъ Константинъ живемъ теперь въ новомъ домѣ. На заводѣ все приводится положительно къ бо́льшему порядку. Какъ только улучу свободное время, побываю у васъ въ Полянѣ. 21 с. м. выѣзжаю въ Ишимскую ярмарку. Поцѣлуйте отъ меня милыхъ племянницъ: Надю, Катю и Вѣрочку.



Лаврентій Ивановичъ Рождественскій.

1870 годъ.

Письма братьевъ—ко мнѣ въ Казань. Москва 26 февраля 1870 г. Въ нихъ они изъявляютъ душевную радость о моемъ бракосочетаніи съ Аполлинаріей Софоновной Ермаковой.

Лаврентія Ивановича Рождественскаго—ко мнѣ въ Казань. Москва 7 марта 1870 г. Поздравляетъ меня и жену съ законнымъ бракомъ. «Былъ на масленицѣ въ Полянѣ, гдѣ пили за васъ шампанское. Скажи, мой голубчикъ, своей дражайшей супругѣ, что это пишетъ Лаврентій и проситъ любить другъ друга».

Лаврентій и Ольга Рождественскіе.

Валентина Константиновича Крестовникова — намъ въ Казань. Москва 17 ноября 1870 г. Для того, чтобы удержать капиталъ К. К. Куманина въ дѣлѣ, мы постановили, чтобы каждый изъ насъ, братьевъ, заложилъ ему 60 паевъ, а остальные 65 паевъ взялъ бы своими средствами; но такъ какъ въ фирмѣ у каждаго изъ насъ менѣе 65 тыс. р. с., то на недостающую сумму каждый долженъ выслать векселя фирмы съ просьбою досрочной уплаты. Не далѣе будущаго года долженъ послѣдовать второй выпускъ паевъ на 500 тыс. р. с., потому что съ однимъ милліономъ руб. дѣло вести трудно. При вышеобъясненномъ залогѣ этотъ новый выпускъ можетъ быть распредѣленъ между нами безъ затрудненія.

Екатерины Александровны Преображенской—ко мнѣ въ Казань. Кіевъ 7 декабря 1870 г. Письмо твое и карточки получила еще въ сентябрѣ. Вы, по добротѣ своей, навѣрно простите меня, что я такъ долго не отвѣчала. Очень и очень благодарю тебя и любезную тетушку отъ себя и мужа за карточки, за память и особенно за дружеское и родственное чувство, выраженное въ твоемъ письмѣ.

Мы были въ Москвѣ; впрочемъ ты, можетъ быть, объ этомъ слышалъ отъ дяди Кости и Юстины Осиповны; мы ихъ тамъ еще

застали. Поклонись имъ отъ насъ. Остановились мы на Собачьей площадкѣ. Гостили также въ Полянѣ, у дяди Володи. Не хотѣлось уѣзжать изъ Поляны—такъ дядя и Марья Петровна обласкали насъ.

Возвратившись въ Кіевъ, мы снова принялись за дѣло, а его было не мало. По небрежности конторы «Двигатель», къ намъ пришли свѣчи подмоченными, надо было ихъ сушить. Дѣла наши въ Кіевѣ идутъ тихо—надо имѣть терпѣніе; со временемъ пойдутъ, конечно, лучше. Миша теперь мечтаетъ, что какъ только пойдутъ дѣла лучше, мы воспользуемся твоимъ приглашеніемъ и пріѣдемъ въ Казань.

1871 годъ.

Въ этомъ году образована новая Городская Дума въ Казани на тѣхъ началахъ, какія указаны Положеніемъ 16 іюня 1870 г. и въ этомъ же году Казань посѣтили 27 августа Государь Императоръ Александръ Николаевичъ съ Наслѣдникомъ Цесаревичемъ Александромъ Александровичемъ и Великимъ Княземъ Владиміромъ Александровичемъ.

Ивана Петровича Веденисова—ко мнѣ въ Казань. Дербентъ 8 января 1871 г. И. П. Веденисовъ уже нѣсколько лѣтъ покупаетъ въ Дербентѣ марену для Павла Семеновича Малютина. Въ началѣ письма онъ проситъ меня разузнать о вновь построенномъ центральномъ домѣ для душевно-больныхъ въ Казани, куда онъ хочетъ направить одну больную—жену дербентскаго чиновника. Далѣе онъ прибавляетъ: «Здѣсь климатъ теплый, на лугахъ теперь вездѣ зеленая трава, что весьма пріятно для глазъ, но жизнь скучная».

Благодарность, выраженная мнѣ Казанскою Городскою Думой, въ журналѣ засѣданія 8-го марта 1871 г.

«Въ виду того, что Коммиссія при исполненіи возложен-

наго на нее порученія Думы по ревизіи отчета и дѣйствій Правленія Общественнаго Банка въ весьма короткое время—отъ 11 февраля по 8 марта—выяснила совершенно точно обстоятельства всѣхъ оборотовъ Банка, указала мѣры для правильнаго и успѣшнаго веденія дѣлъ его столь опредѣлительно, что всѣ эти мѣры приняты единогласно безъ измѣненія. Городская Дума поставляетъ себѣ въ пріятную обязанность за такое отличное и быстрое исполненіе возложеннаго на Коммиссію порученія выразить членамъ ея искреннюю благодарность».

Въ 1871 г. выборъ въ гласные Думы состоялся по новому Городовому Положенію. Городской Общественный Банкъ, на который было обращено первое вниманіе новой Думы, оказался наканунѣ банкротства, что было на-руку дворянской партіи, учреждавшей въ то время «Общество Взаимнаго Кредита», и партія эта желала провалить Городской Общественный Банкъ съ цѣлью избавиться отъ конкурента. Дума избрала для повѣрки дѣлъ Общественнаго Банка и его положенія вообще, Ревизіонную Коммиссію, въ которую я, какъ гласный Думы, былъ избранъ вмѣстѣ съ другими четырьмя гласными: Яковомъ Даниловичемъ Соколовымъ (мѣховщикъ), Петромъ Николаевичемъ Арцыбышевымъ (генералъ-майоръ), Адріаномъ Семеновичемъ Софроновымъ (уфимскій хлѣбо-торговецъ) и Василіемъ Григорьевичемъ Имшенецкимъ (профессоръ математики Казанскаго Университета). Предсѣдателемъ Коммиссіи былъ городской голова Козьма Ивановичъ Романовъ.

Въ этой Коммиссіи я принималъ горячее участіе, будучи болѣе подготовленъ къ ней, чѣмъ мои товарищи. Я былъ тогда молодъ и энергиченъ, (мнѣ было 39 л.) я составлялъ докладъ и, какъ докладчикъ Коммиссіи, защищалъ его въ думскомъ засѣданіи 8-го марта 1871 г. Впослѣдствіи, благодаря предложеннымъ Коммиссіею мѣрамъ, дѣла Общественнаго Банка поправились.

1872 годъ.

Вслѣдъ за ревизіей Общественнаго Банка была избрана Наблюдательная Коммиссія за его дѣйствіями подъ предсѣдательствомъ городского головы. Я былъ выбранъ въ эту коммиссію и занялъ заступающаго мѣсто предсѣдателя. Большинство засѣданій въ теченіе восьми лѣтъ было подъ моимъ предсѣдательствомъ, не говоря уже о томъ, что я рѣдкій день не былъ въ Банкѣ, какъ членъ-наблюдатель, что много содѣйствовало исправленію его дѣлъ.

Городская Дума постановленіемъ отъ 16 марта 1872 г. выразила мнѣ благодарность въ письмѣ за подписью городского головы: «Казанская Городская Дума, по разсмотрѣніи доклада Ревизіонной Коммиссіи, повѣрявшей отчетъ Правленія Банка за 1871 г., и усматривая изъ сдѣланнаго мною заявленія, что дѣлопроизводство и банковыя операціи приведены въ весьма удовлетворительное состояніе, каковое улучшеніе относится къ заботливости объ общественномъ интересѣ членовъ Правленія и Наблюдательной Коммиссіи Банка, 16 марта с. г. постановила выразить искреннюю благодарность Думы какъ Правленію, такъ и Коммиссіи, что долгомъ поставляю сообщить Вамъ, Милостивый Государь, какъ члену Коммиссіи, вполнѣ заслуживающему признательность Думы. Городской Голова Ерастъ Янышевскій».

Александра Павловича Шипова — ко мнѣ въ Казань. С.-Петербургъ 29 марта 1872 г. Прилагаю на ваше (я былъ въ то время предсѣдателемъ Казанскаго Отдѣленія «Общества для содѣйствія русской промышленности и торговлѣ») усмотрѣніе шесть экземпляровъ 2-го доклада нашей Коммиссіи по дѣлу объ устройствѣ Маріинской Системы. Въ Комитетѣ «Общества для с. р. п. и торговлѣ» присуждено 6-го апрѣля сдѣлать докладъ по этому вопросу Общему Собранію, о чемъ Комитетъ вскорѣ отнесется къ вашему Отдѣленію. Въ томъ же засѣданіи было прочитано и ваше отношеніе съ докладомъ члена Казанскаго Отдѣленія Павла Петровича Классена. Пожалуйста, поспѣшите разсмотрѣніемъ общихъ нашихъ докладовъ.

Мое третье заграничное путешествіе.

Послѣ усиленныхъ занятій общественными дѣлами, требовавшими нервнаго напряженія и, въ особенности, послѣ мѣсячнаго, передъ Пасхой, засѣданія въ Окружномъ Судѣ, гдѣ помѣщеніе для присяжныхъ засѣдателей представляло, мало сказать, неблагопріятныя, но даже убійственныя для здоровья условія,—я расхворался и окончательно слегъ въ постель 4 мая 1872 г. Я заболѣлъ воспаленіемъ плевры лѣваго легкаго. Лѣчили меня—мой старый пріятель, Левъ Викентьевичъ Жуковскій (померъ въ іюлѣ 1873 г.), и профессоръ Казанскаго университета Иванъ Ивановичъ Зейдерштедтъ, имѣвшій обыкновеніе послѣ визитаціи просиживать у насъ по нѣскольку часовъ за завтракомъ, попивая елисѣевскій хересъ, такъ что въ концѣ-концовъ ему трудно было спускаться по лѣстницѣ.

Благодаря заботливому ухаживанію домашнихъ, я все-таки къ началу іюня поправился настолько, что могъ уже 11 іюня отправиться въ Эмсъ. Со мной поѣхали моя жена Аполлинарія Софоновна и Мина Егоровна Шнель, жена заводскаго мыловара. Мы ѣхали чрезъ Москву, Петербургъ и Вержболово (Эйдкуненъ) и на 8-ыя сутки съ разсвѣтомъ прибыли въ Берлинъ.

Дорóгою насъ особенно занимали разгуливающіе по полямъ аисты и крестьянки въ широкополыхъ соломенныхъ шляпкахъ. Аисты начали встрѣчаться еще на нашей западной окраинѣ и далѣе на прусской равнинѣ. Эта, любимая народомъ, птица, по повѣрью, приноситъ счастье тому дому, гдѣ завьетъ гнѣздо. Тамошніе жители поэтому нарочно кладутъ старыя колеса съ сѣномъ на коньки домовъ, гдѣ аисты любятъ устраивать свои жилища.

Прибывъ въ Вержболово и запасшись тамъ нѣмецкими «марками», мы снова двинулись въ путь и чрезъ четверть часа были въ Эйдкуненѣ. Пообѣдавъ наскоро, мы заняли мѣста въ прусскомъ поѣздѣ; намъ набросали въ вагонъ разныхъ листковъ съ объявленіями, рекомендаціями на нѣмецкомъ языкѣ и на ломаномъ русскомъ, и поѣздъ двинулся по Восточно-Прусской желѣзной дорогѣ. Роскошные вокзалы этой дороги, выстроенные покойнымъ королемъ Фридрихомъ-Вильгельмомъ IV, носятъ на себѣ любимый имъ готическій средневѣковой стиль и украшены съ фасада, вьющеюся по стѣнамъ, зеленью. Надо замѣтить, что во всей Европѣ, и въ особенности въ Германіи, любятъ украшать вьющеюся зеленью стѣны домовъ, бесѣдокъ и пр., тогда какъ мы, гдѣ и можемъ, не хотимъ этого дѣлать. Въ Вержболовѣ, рядомъ съ Эйдкуненомъ, отчего бы также не убрать фасадъ станціи живою зеленью, но, видно, это не въ нашемъ духѣ! Мы предпочитаемъ голыя стѣны, любимъ неряшливость и небрежность въ обстановкѣ, тогда какъ у нѣмцевъ поражаютъ русскій глазъ отмѣнная чистота и щепетильность. Словомъ, мы, вѣроятно, для контраста съ нѣмцами и вокзалъ въ Вержболовѣ построили самый убогій и содержимъ его совершенно въ русскомъ духѣ, чтобы каждый русскій, возвращающійся изъ міра европейскихъ чудесъ, ступивъ въ Вержболовѣ на русскую землю, сразу отрезвился бы.

До Кёнигсберга намъ попадались вперемежку то аисты, то товарные вагоны Рыбинско-Бологовской желѣзной дороги съ тою только разницею, что аисты, замѣтно было, еще только прилетали и садились на заготовленныя для нихъ поселянами гнѣзда, а вагоны Рыбинской дороги готовы были унестись въ Россію, лишь только деньги за нихъ будутъ высланы въ Германію. За Кёнигсбергомъ дорога идетъ нѣкоторое время по берегу Фришгафъ, открывая прекрасный видъ на море. Въ Маріенбургѣ намъ представился во всемъ величіи древній рыцарскій замокъ того же имени. Стоитъ онъ на берегу одного изъ рукавовъ р. Вислы—рѣкѣ Нагатѣ, впадающей въ Фришгафъ, и гордо смотритъ съ своей высоты на окружающіе его внизу дома, домишки и лачуги. Миновавъ замокъ, поѣздъ